

Дэвид Дрейк Билл Фосетт
Контратака

Серия: *Боевой флот – 2*

OCR & spellcheck by HarryFan

*«Контатака»: АСТ; Москва; 1996
ISBN 5-88196-595-3*

Аннотация

Межпланетный Альянс, объединивший жителей Земли и их союзников, столкнулся у дальних пределов галактики с чуждой и враждебной расой – кровожадными Халианами, регулярно совершающими пиратские набеги на окраинные планеты. Боевой Флот Альянса предпринимает контратаку и захватывает планету пиратов.

Дэвид Дрейк, Билл Фосетт Контратака

Кристофер Сташеф. ШТАТСКИЕ

– Выходит, они привезли с собой рабов?

– Да, сэр, по меньшей мере с дюжины звездных систем, – майор Дромио положил перед адмиралом Ванкувером фотоснимки, представленные разведкой. – Наши халиане даром времени не теряют.

Адмирал кивнул, поджав губы так, что они превратились в узкую жесткую полоску.

– Пираты всегда обращают в рабство своих пленных. Что ж, нас к своей коллекции им не добавить, – он еще раз взгляделся в снимки. На каждом был запечатлен заросший шерстью халианин и некое существо, облаченное в одежду, жавшееся к его ногам. – Разведчики вернулись в полном составе?

– Да, сэр. Если халиане и засекли разведывательный катер, то не попытались его сбить. Все обошлось без единого выстрела.

Адмирал хмуро кивнул.

– Возможно, это тактический ход. Появление разведкатера, наверняка, насторожило их, а отпустили его специально, чтобы мы решили, будто нас не ждут. С атакой тянуть нельзя, – он помолчал, потом придвинул к себе один из снимков: – Вот эти?

– Да, сэр. Компьютер провел анализ фотографий.

Получилось, что девяносто три процента обитателей планеты – рабы. Из них девяносто восемь процентов принадлежат к одному виду. Их больше чем всех остальных рабов вместе взятых... в двадцать два и семь десятых раза. По расчетам компьютера.

Адмирал взгляделся в изображение инопланетянина, Приземистый, ширококостный. Несомненно, гуманоид. Довольно изысканное одеяние из переливающейся всеми цветами ткани.

– Почему халиане притащили их в таком количестве, майор?

Дромио пожал плечами.

– Должно быть, эти твари чертовски хорошие слуги.

– Или жертвы, – адмирал собрал снимки в стопку, положил на стол. – Прикажите солдатам не стрелять в штатских.

– Да «, сэр, – майор скривился, словно хлебнул уксуса. – Непростое задание. Слишком уж их много.

Адмирал устало усмехнулся:

– На войне без жертв не обходится. Штатские всегда попадают под перекрестный огонь. Просто постарайтесь свести потери к минимуму, – он отодвинул фотографии и перевел взгляд на макет провинциальной столицы. На его лице проглянула улыбка: – Что ж, жизнь они нам облегчили. Все важные объекты выделяются, словно подсолнечники на пшеничном поле.

Дромио передернуло от столь мирного сравнения.

– Не совсем так, сэр. Взгляните вон на то деревянное здание с оштукатуренными стенами и антеннами на крыше.

– Да, вижу. Башня-транслятор рядом. Наверное, коммуникационный центр, – адмирал пожевал нижнюю губу. – Я-то думал, что халиане строят куда более совершенные здания. В конце концов, они ведь столько награбили, что могут позволить себе любое оборудование.

– Именно так, сэр. Но разведка полагает, что все деньги уходят у них на новые звездолеты. И новый дом они закладывают лишь в случае крайней необходимости.

– Хотя ГСД¹ изобрели не они. Эта точка зрения по-прежнему остается доминирующей?

– Да, сэр. ГСД они украли... вернее он сам попал к ним в лапы, когда один из наших звездолетов совершил аварийную посадку.

– Да уж, – адмирал покачал головой. – Этому ворью палец в рот не клади. Гребут под себя все, что плохо лежит.

– Да, сэр. Ксенологи утверждают, что цивилизация халиан находилась на преиндустриаль-

¹ гиперсветовой двигатель

ном уровне, когда они нашли звездолет.

Адмирал кивнул.

– Оно и видно. Отсюда деревянные стены и штукатурка. Проинструктируйте солдат, как вести бой в таких зданиях.

– Слушаюсь, сэр. Но энергостанция тоже старая.

– Странно, – адмирал нахмурился. – Я-то думал, что уж энергию они вырабатывают самыми современными способами. Может, дань традициям? Ладно, пошлем подразделение из Сервата. Если уж эти асы городского боя не захватят энергостанцию, ее никто не сумеет взять.

– Да, сэр. А как насчет коммуникационного центра?

Адмирал пожал плечами.

– Тут спецназ не понадобится. Халиане, похоже, по природе законопослушны. Для них связь не является чем-то особенно важным, поскольку они и так знают, что и когда надо делать, – он провел указательным пальцем по антеннам на макете. – Я думаю, с этим делом справится взвод из Галата. Тем более что половина там – специалисты по электронике.

– В Галате вообще половина электронщиков, а вторая собирается ими стать, сэр. Да и что еще можно производить там, где нет ничего, кроме кварцевого песка?

– ...и взвод лейтенанта Морны захватит коммуникационный центр, – капитан Ракоэн оторвался от карты и оглядел своих лейтенантов. – Есть вопросы?

Поначалу все молчали. За спинами офицеров солдаты тихонько переговаривались. Большинство жевали резинку, пропитанную легкими стимуляторами, кто-то пытался играть в карты, но без особого энтузиазма: до боя оставались считанные минуты.

Светловолосая, не лишенная приятности женщина выпрямилась, на ее лице читалась решительность. Ракоэн внутренне подобрался.

– Лейтенант Морна?

Лютейн Морна взглянула ему прямо в глаза.

– Надеюсь, вы не считаете, что это наше дело, сэр?

Ее вопрос Ракоэна удивил: усомниться в приказе перед самым боем?!

– Какая разница, что я считаю, лейтенант! Ваше дело – собрать ваших галатов у четвертого шлюза и приготовиться к штурму коммуникационного центра!

– Сэр, – Лютейн отдала честь, лицо ее напоминало деревянную маску.

Эта мнимая покорность разозлила Ракоэна. Устраивать спектакль на борту корабля, который вот-вот совершит посадку в районе боевых действий! Он уже хотел было напомнить ей, что правители Галата продали и ее, и солдат, которыми она командует, Флоту, и теперь ее долг – стрелять, в кого прикажут, или пенять на себя, но сдержался. Действительно, нагоняя перед боем мог самым неблагоприятным образом отразиться на моральном духе. Главное, чтобы лейтенант Морна и ее солдаты выполнили приказ, а для этого одного слепого повиновения могло и не хватить. Ракоэн вздохнул, подавляя последние всплески злости.

– Полной информации о Цели у нас нет, лейтенант. Но мы более чем уверены, что это родная планета халиан, хотя наверняка утверждать этого не можем. Разведчики предоставили нам снимки. Качество такое высокое, словно съемку производили непосредственно на планете. Но наши люди там не приземлялись.

– Ясно, сэр, – Лютейн переминалась с ноги на ногу. – И мы не захватили ни одного языка «, сэр?

– Не захватили, – кивнул Ракоэн. – Так что нам теперь делать, лейтенант? Ждать сложа руки, пока халиане будут сбивать корабль за кораблем?

– Разумеется, нет! Но... – она замолчала, Ракоэн ждал, – ...но мы сделаем все, что возможно, исходя из имеющихся данных, – закончила Лютейн.

– И атакуем Цель, – добавил Ракоэн. – Поскольку мы оба понимаем, что располагаем далеко не полной информацией, лейтенант, будьте готовы к любым сюрпризам.

Лютейн вытянулась в струнку.

– Да, сэр.

– Особенно к сюрпризам приземистых гуманоидов с чешуйчатой кожей и перьями на голове, – Ракоэн оглядел своих лейтенантов. – Разведка полагает, что это рабы. Если это так, халиане очень уж много их привезли.

– Да, сэр, – у Лютейн стало легче на душе: оказывается, не только она это заметила. – А кем

еще они могут быть?

– Союзниками, – бросил Ракоэн. – И вполне возможно, что каждый чешуйчатый чужак – закаленный в боях ветеран, и готов наброситься на ваших солдат, если только им дать такую возможность!

– Или готов наброситься на халиан, если представится удобный случай? – глаза Лютейн блеснули.

– Возможно, – медленно ответил Ракоэн. – Возможно, тактика «разделяй и властвуй» срабатывает и здесь. Но пока мы этого не знаем. И наша атака может только сплотить их. Поэтому остерегайтесь удара в спину, лейтенант!

– Да, сэр! – Лютейн нахмурилась. – А может, нам все-таки попытаться получить дополнительную информацию, прежде чем вступать в бой?

Ракоэн закрыл глаза, сосчитал до десяти.

– Возможно. Но адмирал отдал приказ начать боевые действия, и нам остается только подчиниться. Для вас, лейтенант, возможно, Флот достопримечательность, которую стоит посетить, для меня же это дом! Это мой мир, моя вселенная, поэтому я не обсуждаю приказы адмирала! И вам тоже не остается ничего другого, потому что я буду позади вас и ваших коллег-лейтенантов, когда мы окажемся на планете. Вам ясно?

– Да, сэр!

– Отлично, – Ракоэн расправил плечи. – А теперь ознакомьте своих солдат с приказом. Свободны!

Лейтенанты вытянулись в струнку, отдали честь и разошлись по своим взводам. Уверенности у Лютейн прибавилось: Ракоэн в принципе ответил на все ее вопросы. Но ведь задавала-то она эти вопросы вовсе не из-за недостатка смелости. Уж кто-кто, а она-то знала, что ждет десант на территории противника. Лютейн поступила на военную службу, когда ницшеанские мятежники попытались подмять под себя весь Галат. И мятеж удалось подавить, лишь захватив их родную провинцию, уничтожив армию и арестовав главарей. И так, Лютейн уже доводилось сталкиваться с ситуацией, когда каждый штатский мгновенно превращается в солдата.

Внезапно пол под ногами дернулся и качнулся, она ухватилась за стойку и взглянула на солдат. Лютейн охватила гордость: все как один удержали равновесие.

– Плазменный разряд? – спросил Дарби.

Лютейн кивнула.

– К счастью, они промахнулись, сержант.

Один солдат нервно рассмеялся. Лютейн глянула на него и повернулась к Дарби.

– Думаю, да, – согласился тот.

– Если б попали, мы бы услышали.

– Или почувствовали, – пробормотал капрал.

– Отнюдь, – бросила Лютейн. – В память компьютера заложена информация о сотнях таких сражений. Если мы ощущаем ударные волны от разрывов, значит, корабль вот-вот совершит посадку. Приготовиться к десантированию!

Лица мужчин и женщин посуровели. Поднялась суэта: солдаты принялись поправлять рюкзаки, проверять оружие. Но вот все готово. Лютейн прошла вдоль строя, придирчиво оглядывая каждого солдата с головы до ног. Корабль опять качнуло, но Лютейн успела ухватиться за стойку. И не плюхнулась на пол на глазах у своего взвода. Когда пол выровнялся, она обратилась к солдатам. Приходилось почти кричать, чтобы ее услышали в гвалте: ведь другие подразделения тоже готовились к высадке.

– Мне нет нужды ходить вокруг да около. Вы знаете, почему мы здесь. Вы слышали, как много наших кораблей захватили халиане, и что стало с экипажами и пассажирами. Не ждите от них пощады, и сами их не щадите. Да, халиане могут сдать, но ударят вас в спину при первой возможности. Так что не расслабляйтесь ни на секунду. И бейте наверняка.

Она замолчала, повернулась к люку. Мгновение спустя солдаты за ее спиной начали перешептываться. Кто-то даже рассмеялся, а Лютейн внезапно захотелось прочесть молитву. Но в этот момент корабль опустился на планету.

Как обычно, с легким толчком. Через мгновение корабль замер, и люк отъехал в сторону.

– Вылезай! – крикнула Лютейн.

Солдаты выскочили из корабля и припали к земле, образовав ошестинившийся автоматами

полукруг. Над их головами пули выбивали барабанную дробь, щелкая по бронированному корпусу. Они знали, что тот же маневр повторяют сейчас и остальные взводы, а в городе совершили посадку еще три транспортных корабля, так что противнику приходилось расплывать свои силы. Впрочем, свистящие над головой пули не давали возможности оглядеться.

И тут загрохотали корабельные орудия.

– Вперед! – крикнула Лютейн, и взвод, под прикрытием шквального огня с корабля, поднялся в атаку. Словно вылупившиеся из яйца свирепые дракончики, солдаты устремились вперед, сея смерть. Другие взводы не отставали. Атакующие волной накатывались на здания вокруг городской площади. Халиане отвечали огнем с крыш и из дверных проемов. Но плотность огня нападавших была куда как выше, и халианские солдаты, с душераздирающими воплями валились на землю. Рабов, в основном чешуйчатокоржих, застигнутых на площади, ждала та же участь.

– Осторожнее! – крикнула Лютейн, пробегая мимо рухнувшего к ее ногам чешуйчатого чужака. – Он может быть вооружен!

Деларо прошел тело автоматной очередью. У Лютейн перехватило дыхание: никакой необходимости в этом не было. Или все-таки была? Но они уже проскочили мимо мертвого, одним прыжком оказавшись в спасительной тени зданий.

– Стоп! – приказала она.

Над головой просвистела пуля, и солдат с криком упал.

– К дверям! – последовал приказ, и десантники столпились в дверных нишах.

За спиной Лютейн раздался треск. Дверь подалась, солдаты припали к деревянному полу. Лютейн вскинула автомат, чтобы прикрыть их.

Большая, почти пустая комната. На потемневших от времени стенах – светлые пятна, наверно, раньше там что-то висело. Но теперь осталась лишь штукатурка, массивные стулья и стол. Чешуйчатокоржие, что сидели за столом, испуганно вскочили. Двое – совсем маленькие, третий чуть побольше и еще один – огромный, почти квадратный раскинул лапы, пытаясь прикрыть остальных, жавшихся к стене за его спиной.

– Лейтенант, они всегда так дрожат? – спросил Горман.

– Я знаю о них не больше, чем ты, Горман, – ответила она. – Да и едва ли кто-то из наших располагает; более обширными познаниями.

– Я не вижу никакого оружия, – заметил Олерейн.

– Около тарелок лежат вилки, – Деларо ткнул штыком в сторону продолговатых предметов, лежащих на столе, по одному на каждого.

Горман пренебрежительно фыркнул.

– Их лапы куда опаснее.

Над головой что-то грохнуло. Лютейн осторожно выглянула наружу. Истребители землян рассекали небо, орудийным огнем разнося самолеты халиан. Ниже скользили гравитационные платформы. Одна как раз проходила над крышей, где засел снайпер. Раздался выстрел, Лютейн мрачно улыбнулась. Парню, конечно, мужества не занимать, но что могли сделать его пули против брони гравиплатформы.

Но пилот предпочел не рисковать. Заговорили орудия. Лютейн замерла. Но вот все смолкло, и сверху раздался усиленный динамиками голос: «Снайпер уничтожен. Занимайте улицу».

– Вперед! – рявкнула Лютейн, и ее солдаты друг за другом выскочили из комнаты. На пороге Лютейн обернулась и на прощание помахала рукой: – Извините, мы не можем остаться подольше.

Гравиплатформа скользила впереди, поливая крыши потоком свинца.

– Не думайте, что за вас сделают всю работу, предупредила Лютейн. – Следите за окнами.

Солдаты двинулись дальше, перебегая от одной дверной ниши к другой, не спуская глаз с окон домов на противоположной стороне улицы. Рантон, бежавший во главе колонны, обнаружил в нише халианина. Два выстрела прогремели одновременно. Халианин рухнул, как подкошенный, Рантон, выронив автомат, схватился руками за бок.

Лютейн успела подхватить раненого и осторожно опустила его на землю.

– Врача! – крикнула она.

– Они следуют за нами, лейтенант, – доложил Белгуир.

– Врачи займутся тобой через пару минут, Рантон, – Лютейн разорвала его рубашку, сунула в руку флакон с антисептиком, который сняла с пояса раненого. – Обработай рану. Крови немного, так что дотянешь до их прихода. Удачи тебе!

Рантон ответил гримасой боли. Лютейн попятилась, развернулась и помчалась дальше, от одной дверной ниши к другой. В горле стоял ком. Выживет ли он. Она узнает об этом лишь часа через два, после окончания операции. А пока усилием воли Лютейн заставила себя забыть о Рантоне и посмотрела на крыши. До выстроившихся в ряд антенн оставалось совсем немного.

И вот уже нужное здание словно нависло над головами. Лютейн пришлось напомнить себе, что в нем всего три этажа. Три улицы сходились к площади перед зданием. Лютейн и ее взвод находились на центральной.

– Грелли, давай со своим отделением – на левую улицу. Прикроешь нас огнем. Джоллин, твои люди пусть займутся правой.

Сержанты кивнули и увели свои отделения в проулки.

– А что делать остальным, лейтенант?

– А ты как думаешь, Олерейн? – выкрикнула Лютейн. – Разумеется, чайку попьем!

Лицо Олерейна окаменело, и Лютейн тут же обругала себя. Надо держать себя в руках. Но уж очень идиотским был вопрос. Справа загрели выстрелы: отделение Грелли вышло на заданный рубеж. Тридцать секунд спустя дало о себе знать и отделение Джоллина. В окнах третьего этажа засверкали ответные вспышки.

– Давай, дружок, – Лютейн повернулась к Олерейну, улыбнулась. – Разберись с этими снайперами.

Олерейн хищно прищурился, опустил на одно колено, прицелился и осторожно нажал на спусковой крючок. Окно разлетелось вдребезги под восторженные вопли солдат. Потом штукатурка полетела из соседнего окна, та же участь ждала и третье: в дело вступили снайперы Грелли и Джоллина.

– Олерейн! – приказала Лютейн. – Останься здесь и держи на мушке среднее окно.

– Что? Лейтенант, я...

– Выполняй приказ! Остальные – вперед!

Лютейн, петляя из стороны в сторону, устремилась к парадной двери. Два отделения последовали за ней. Тонко посвистывали пули: снайперы халиан не решались поближе подойти к окну и точно прицелиться.

Лютейн остановилась в трех футах от двери и выпустила очередь по замку. Подбежавшие солдаты открыли огонь по дверным петлям.

– Хватит! – крикнула Лютейн. – Назад! – И врезала ногой по замку.

Дверь с грохотом вылетела в холл, Лютейн навела автомат на черный проем и открыла огонь. Из темноты засверкали ответные вспышки. Командиры двух отделений присоединились к ней, поливая холл свинцовым дождем. Внезапно Лютейн ощутила, как обожгло левую руку. Вот черт, ранили! Но она лишь сильнее прижала локоть к поясу, ни на мгновение не отпуская спусковой крючок.

Автомат замолчал, Лютейн, выругавшись, выбросила пустой магазин. Вставила новый. В этот момент ответный огонь стих, и командиры отделений рванулись вперед. Лютейн последовала за ними. Сзади уже напирала солдаты.

И тут же автоматные очереди ударили откуда-то справа.

– Ложись! – крикнула Лютейн, бросившись на пол. За спиной раздавались крики раненых, шум падающих тел. Выругавшись, она стала расстреливать мелькающие в маленькой комнатке тени. Эти ублюдки провели ее: прекратили огонь, чтобы она подумала, что с ними покончено. Когда же солдаты устремились в холл, халиане нанесли внезапный фланговый удар.

Но на большее можете не рассчитывать, со злостью подумала она. Перевела автомат в режим одиночных выстрелов, поймала в прицел одну из теней, нажала на спусковой крючок. Халианин дернулся и рухнул на пол. За ним последовали и остальные, сраженные выстрелами ее товарищей. От предсмертных криков Лютейн даже поежилась.

А потом крики отрезало внезапно захлопнувшимися автоматическими дверьми. Лютейн, не раздумывая, открыла шквальный огонь. Солдаты последовали ее примеру. Двери лифта мгновенно превратились в решетку.

– Прекратить огонь! – проревела Лютейн.

В холле воцарилась тишина.

– Они от нас ушли, – прорычал кто-то из солдат.

– Главное, чтобы они не вернулись. Сержант Марфеш, выставьте охрану у двери, – Лютейн

огляделась, пересчитывая волосатых мертвецов. Десять. На шесть ее солдат.

Энильо склонился над стонущей Казрутин, наложил прокладку на рану в груди, закрепил герметиком. Лютейн шагнула к ним.

– Ты дал ей обезболивающее?

– Первым делом, лейтенант! – загерметизировав рану, Энильо повесил флакон на пояс Казрутин, прикрыл грудь разорванной гимнастёркой. – Она продержится до прихода санитаров. – Он коснулся «маячка» на ее поясе, и тот замигал.

Лютейн кивнула, на сердце легла тяжесть.

– Есть еще раненые?

Белардин покачал головой:

– Юна – единственная, кто сразу не отдал концы, лейтенант.

– Мы потеряли семь человек, – Лютейн перехватила автомат. – Пусть же их смерть будет не напрасной. Очистите лестницу.

Солдаты начали стаскивать со ступеней трупы халиан.

– Подождите, лейтенант, – Марфеш разорвала рукав гимнастёрки Лютейн, вколола обезболивающее. Потом продезинфицировала рану. – Ничего страшного. Пуля прошла насквозь, не задев артерию. Рука все еще побаливала, но кровотечение практически прекратилось. Марфеш залепила входное и выходное отверстия герметиком: – Может, позвать санитаров?

– Обойдусь, – Лютейн нетерпеливо вырвала руку, – стрелять я могу, а все остальное неважно. Мы должны отомстить.

– А я-то думала, что мы уже отомстили, – Марфеш оглянулась на трупы халиан. – Глупцы! Они получили по заслугам.

– Глупцы? – нахмурилась Лютейн. – Ну нет! Они рискнули и проиграли, вот и все. Эти ублюдки заманили нас в холл. Когда их товарищи на лестнице погибли, те, что засели в лифте, перестали стрелять. Когда же мы ворвались в холл, они ударили с фланга. Понимая, что тоже погибнут, если в первые же секунды не перебьют почти всех.

– Но они же удрали на лифте.

– Нет, поднялся только лифт. Я сомневаюсь, что в кабине хоть кто-то остался в живых. А если кто и остался, то он уже отвоевался, – она потеряла виски. – Впрочем, это всего лишь предположения. Мы должны выяснить, остался кто-нибудь наверху или нет.

Марфеш виновато посмотрела на Лютейн:

– Нам следовало подождать вашего приказа, так?

– Да, – Лютейн разглядывала лестницу. – Как ты уже сказала, устраивать засаду в лифте – идея глупая. Более того, самоубийственная.

Марфеш пожала плечами.

– Может, они решили, что иначе против нас им не устоять?

– Тут они оказались правы, только мы задавили их числом, – Лютейн нахмурилась. – Пожалуй, я и сама воспользовалась бы их приемом, самоубийственный он или нет, она взглянула на трупы.

– Что-то не так, лейтенант? – спросила Марфеш.

– Посмотри, только у двоих имеются нагрудные патронташи.

Марфеш проследила за ее взглядом.

– Что это значит? Они – офицеры?

– Нет, солдаты. У остальных лишь повязки на руке.

Марфеш пожала плечами.

– Я слышала, что халиане предпочитают обходиться без одежды. – Да, но им же нужно иметь какие-то знаки отличия, хотя бы повязки. А запасные магазины они держали вот в этих ящиках, – Лютейн кивнула в сторону пластмассовых коробов, стоявших у лестницы.

– Так кто же тогда остальные? – спросила Марфеш.

– Связисты. Внизу они держали только двух солдат, а по тревоге оружие брали в руки сами связисты.

– Получается, что все халиане – солдаты, – Марфеш в недоумении пожала плечами.

– Да, – кивнула Лютейн. – Поневоле задумаешься, а есть ли среди них хоть один штатский.

Она покачала головой, представив строй халианских младенцев, марширующих с винтовкой на плече.

– Это их родная планета, – продолжала Марфеш. – Сколько же они могли понастроить тут укрытий! Да, нам очень помогла внезапность, – тут ее глаза расширились. – Мы точно перебили всех? Наверху нет халиан?

– Есть, – Лютейн мотнула головой в сторону трупов. – Они действуют группами по двенадцать, а из тех, что мы убили, только восемь были приписаны к этому зданию.

– Так еще четверо наверху?

– Да, – Лютейн подняла автомат, скривившись от боли. – Только четверо, но они загнаны в угол и знают, что скоро умрут. А потому попытаются прихватить с собой на тот свет как можно больше наших.

Она начала подниматься по лестнице.

– Надо с ними покончить. – И отпрыгнула назад за долю секунды до того, как загремели выстрелы.

– Лейтенант! Каким чудом вы выжили? – Марфеш побледнела, как полотно.

– Потому что не сомневалась, что они поджидают меня. На их месте я бы поджидала, – Лютейн хмурилась, не сводя глаз с лестницы.

Ступени... что-то здесь было не так. Почему ей кажется странным, что в доме есть лестница? Ответа она не находила.

Лютейн отогнала эту мысль, полностью сосредоточившись на бое.

– Ну и как же мы поднимемся по лестнице? – буркнул Бонор.

– Мы не будем подниматься, – Лютейн отступила на шаг.

– Лейтенант! А как насчет лифта?

Она покачала головой.

– Как только откроются двери кабины, нас расстреляют, словно мишени в тире. Или просто отключат энергию, и мы застрянем между этажами, – она повернулась к Марфеш. – Сержант, ваше отделение остается в холле. Если кто появится на лестнице, стреляйте без промедления.

– Есть. – Марфеш направила свой автомат на лестницу. – А что будет делать отделение Нола?

– Попробуем подняться наверх снаружи², – Лютейн повернулась к двери, кивнула Нолу. – Пошли, сержант.

Нол скомандовал своим людям, глаза его заблестели в предвкушении жаркой схватки. Лютейн очень хотелось, чтобы и остальные испытывали такой же энтузиазм. И прежде всего – она сама.

Она вышла на улицу и тут же наткнулась на выставленный ствол автомата Олерейна. Впрочем, тот сразу же опустил оружие.

– Лейтенант! Что... – тут он вспомнил, что должен держать на мушке дверь, и снова вскинул автомат.

– Отставить, – Лютейн приблизилась к нему. – Сними ракетный ранец и отдай Монзану.

Нахмурившись, Олерейн расстегнул ремни, стащил ранец со спины.

– Что бы вы ни задумали, лейтенант, вам без меня никуда. Я...

–...лучший стрелок взвода, – закончила за него Лютейн, – поэтому ты мне нужен здесь. Чтобы эти хорьки не могли поднять голову. И достаточно разговоров, Олерейн, – она повернулась к другим солдатам. – Дойл, Брилл, Канче, Фолар! Отдайте ваши ранцы отделению Нола.

С неохотой солдаты помогли своим товарищам надеть ранцы. У Нола имелся свой, поскольку ранец входил в стандартный набор снаряжения офицеров, сержантов и снайперов. Полагался ракетный ранец и половине рядовых: штаб не считал нужным поднимать в воздух отделение целиком.

– А мое отделение не может пойти в атаку, лейтенант? – спросил Олерейн.

Лютейн покачала головой:

– На верхнем этаже только пять окон, Олерейн. Два солдата на окно, больше ни к чему. Ты проследи за тем, чтобы халиане не высовывались.

Олерейн ответил волчьей улыбкой.

– Не высунутся, лейтенант.

² вероятно, в боевых уставах всех армий мира записано, что «зачистку» дома от противника надо начинать с верхнего этажа, а то и с крыши

– А мы пока поднимемся наверх, – Лютейн повернулась к Нолу и его отделению. – Рассредотачиваемся вдоль здания. Я беру четырех солдат и два окна по эту сторону, – ее рука взметнулась вверх. Нол поднял голову, кивнул. – Ты берешь шестерых и три окна на той стороне, – еще взмах руки. – Не стреляй, пока не услышишь, что мы прекратили стрельбу.

Нол удивленно воззрился на нее.

– Выполняй! – рявкнула Лютейн.

– Так точно, – Нол отдал честь и увел своих солдат.

Лютейн проводила его долгим взглядом. Какая разница, злится он или нет. Главное, чтобы выполнял приказы.

– Все готово, – сообщил ей Олерейн.

Лютейн кивнула.

– Вверх! – и нажала кнопку на груди. В камере сгорания вспыхнула кислородно-водородная смесь, из сопел вырвалась огненная струя. Солдаты взлетели в воздух. Не самый безопасный способ путешествия, подумала Лютейн, но эффективный, эффективный...

Тут она заметила, что Паче заваливается набок.

– Отрегулируй крен! – крикнула она.

Но Паче уже развернуло и ее тело устремилось обратно к земле.

– Отключай двигатель!

Услышать ее Паче не могла, но, должно быть, по выражению лица лейтенанта поняла, что надо делать, потому что пламя исчезло. Паче продолжало крутить, голова вскоре оказалась выше ног. Скорость падения нарастала, но в последний момент она успела вновь включить двигатель. Энергия реактивной струи замедлила падение, но о землю Паче ударились достаточно сильно. Правда, она все-таки вспомнила о том, что можно демпфировать удар, и успела согнуть ноги в коленях. Лютейн вновь повернулась к зданию коммуникационного центра. С этими новобранцами вечно проблемы, но с другой стороны ветеранами становятся не сразу.

Но в итоге Лобрин остался без напарника, поэтому Лютейн увеличила расход топлива и догнала его у самых окон.

– К стене! – приказала она. И они прижались к стене по обе стороны окна, переведя двигатель в стационарный режим. Из окна ударил свинцовый фонтан. Наверное, она и сама открыла бы огонь, автоматически подумала Лютейн, дожидаясь, когда же халиане опустошат магазины. Как только стрельба затихла, она метнулась к окну, надавив на спусковой крючок. Лобрин замешкался не более чем на четверть секунды, но отпрянул одновременно с ней, в аккурат перед тем, как из окна вновь открыли огонь. Именно этого и добивалась Лютейн: обороняющиеся сосредоточили внимание на ней, и солдаты Нола через другие окна расстреляли их со спины. Лютейн ждала и ждала, когда же они прекратят пальбу.

Наконец, все стихло. В коммуникационном центре воцарилась тишина.

Мертвая тишина. Лютейн скрипнула зубами: кто-то должен рискнуть. Для того и нужны лейтенанты, не так ли? Она нырнула в окно, поливая комнату свинцом, и тут же остановилась.

Четверо халиан лежали на полу. Автоматные очереди буквально разорвали их на куски. Тошнота подкатила к горлу, но Лютейн удалось сдержаться. Она подняла глаза на коммуникационное оборудование.

Все в копоти, но несколько пультов остались нетронутыми.

– Все сюда! – крикнула она. – На пол не смотреть.

В зале появился Нол, за ним Лобрин, потом остальные. Некоторые все-таки взглянули на трупы, после чего на глазах позеленели.

Может, с усмешкой подумала Лютейн, поэтому новичков и называют «зелеными».

Ветеранам-то хватало ума вовремя отвести взгляд. Портал и Элаб сразу направились к двум уцелевшим пультам, пытаясь понять предназначение дисков и ползунов.

– Сможете разобраться, что к чему? – спросила Лютейн.

Портал медленно кивнул.

– Немного поэкспериментируем и разберемся, лейтенант.

Эта решетка наверняка микрофон, а этот прибор измеряет или вольты, или амперы.

Элаб молчал. Он уже отшвырнул в сторону табуретку с наклонным сидением и пододвинул стул.

У Лютейн округлились глаза.

Стул? Откуда здесь стул? Халиане предпочитали наклонные сидения. Так каким образом в коммуникационный центр попали стулья?

Потом, решила она. Размышлять будем после завершения операции. Лютейн нажала кнопку на браслете-радиопередатчике:

– Внимание! Первое отделение охраняет лестницу и холл. Второе отделение прочесывает комнаты. Все» что крупнее мыши, должно умереть.

– Да, сэр, – дважды раздалось в браслете.

– И остерегайтесь мин-ловушек! – добавила Лютейн.

Она взглянула на кабину лифта. Двери кабины открыты, на полу мертвые тела. Лютейн кивнула: итак, она не ошиблась. Последний оставшийся в живых халианин нажал на кнопку и умер по пути наверх.

Она повернулась к солдатам Нола.

– У кого крепкий желудок, пусть помогут привести комнату в порядок. Найдите тряпки и ведра. Остальные займутся починкой аппаратуры.

Наверное, не следовало оставлять солдатам свободу выбора. Вытаскивать покойников пришлось ей и Нолу.

Свежевымытый пол сверкал. Аппаратуру отчистили от копоти, ремонт быстро подходил к концу.

– Готово? – спросила Лютейн.

Портал кивнул.

– Все работает, лейтенант. Можно вести передачу на длинных и средних волнах. Видео тоже в порядке, вот только смотреть нечего.

– За этим дело не станет, – заверила его Лютейн. – Ладно, выходим в эфир. – Она повысила голос: – Кто говорит на языке здешних хорьков?

– Я.

– Я, лейтенант.

– И я.

– Хорошо. Все трое – к микрофонам.

Трое солдат заняли места рядом с техниками.

– Передайте следующий текст... Город захвачен Флотом Земли...

– Лейтенант, но...

– Знаю, знаю. У нас нет уверенности, захвачено ли хотя бы еще одно здание, кроме коммуникационного центра! Но наша цель – дезорганизовать противника. Так что можно немного и приукрасить действительность. Повторяйте за мной, рядовой.

– Слушаюсь.

– Всем штатским не покидать зданий, пока не поступят дальнейшие, указания. Не повинуйтесь приказам халиан. Сообщайте об их местонахождении солдатам с Земли, – Лютейн нахмурилась. Пожалуй, суховато получается. Она откашлялась: – Граждане, ликуйте! Поработители уничтожены! Ваша свобода отвоевана!

– Да, сэр! – трое переводчиков повернулись к решеткам-микрофонам и заговорили пронзительными, почти на грани ультразвука, голосами.

Лютейн удовлетворенно кивнула, сняла с пояса видеопередатчик и набрала код капитана Ракоэна. Прошла чуть ли не минута, прежде чем на миниатюрном экране появилось суровое лицо капитана.

– Лейтенант Морна?

– Да, сэр. Задание выполнено. Мы взяли коммуникационный центр.

– Да, я слышал вашу передачу. Другие взводы также заняли здания, которые штурмовали.

– Хорошо, сэр, – у Лютейн отлегло от сердца. Она опасалась, что коммуникационный центр остался единственным земным островком посреди халианского моря.

– Сколько вы взяли пленных?

– Ни одного. Они все погибли в бою.

Ракоэн кивнул, словно ожидал такого ответа.

– Похоже, здесь это норма. Ваши коллеги-офицеры захватили живыми двоих, но пленные настолько тяжело ранены, что вряд ли долго протянут. А штатских не захватили?

– Нет, сэр, – Лютейн только сейчас осознала, что рабов в коммуникационном центре не бы-

ло.

Ракоэн кивнул.

– У вас, как у всех. Чешуйчатокожие в жилых домах, рабов с самых разных планет полно на улицах, но в захваченных нами зданиях никого.

– Рабам, в общем-то здесь делать нечего, – осторожно заметила Лютейн.

– Да, конечно, но мне казалось, что и в административных зданиях нужны слуги, – Ракоэн нахмурился, помолчал. – Ладно, с этим мы еще успеем разобраться. Отличная работа, лейтенант. Если что узнаете, сразу передавайте в эфир.

– Да, сэр. Отключаю связь.

Лицо Ракоэна исчезло. Лютейн повесила видеопередатчик на пояс, оглядела свои новые владения. Как-то странно расположено оборудование, уж очень нерационально используется помещение, Пульты стоят полукругом, словно работает на них один человек, причем в центре зала. Даже если это сделано специально, чтобы обеспечить техникам подход к оборудованию на случай ремонта, все равно очень уж много свободного места. И Ракоэн говорил о том, что рабов не нашли ни в одном здании. И тут ее осенило – здание приспособили под коммуникационный центр. Ну конечно! Оно построено еще до эпохи межзвездных полетов, и вероятно, раньше использовалось совсем для других целей. Лютейн медленно повернулась, еще раз осмотрелась.

Скорее всего, раньше здесь был зал собраний или что-то вроде этого, а уж потом помещение оборудовали для аудио – и видеотрансляций.

– Эй, лейтенант. Мы с уловом.

– Каким? – она взглянула на солдата.

Тот, улыбаясь, поставил рядом с ней стул.

– О, спасибо, Лондол, – она плюхнулась на жесткое сиденье, только сейчас почувствовав, как сильно гудят ноги. – Раньше ты был журналистом, не так ли?

– Да, работал в Галате вместе с Балламом.

– Что ж, вам придется вспомнить прежнюю профессию. Связывайтесь с другими частями, узнавайте подробности проведенных ими операций. Потом componуйте полученную информацию для передачи.

Лондол улыбнулся.

– Нет проблем. Мы знаем, как это делается.

Лютейн кивнула, переключив внимание на остальных. Техники коротко переговаривались между собой. Переводчики изредка что-то говорили в микрофон. Лондол и Баллам уже связывались с другими подразделениями. А Лютейн... в эти минуты ей совершенно нечем было занять себя, разве что запоздалыми сожалениями о том, что она вынуждена убивать живые существа. Впрочем, у нее ведь нет выбора.

Постепенно начала вырисовываться общая картина. Нападавшие понесли серьезные потери, почти повсюду из строя выбыло от тридцати до пятидесяти процентов личного состава. Халиан же уничтожили практически поголовно: сражались они отчаянно и не желали сдаваться в плен. Захватить удалось только нескольких тяжелораненых, судя по всему, тоже не жильцов на этом свете.

А вот «союзники», как назвал их капитан Ракоэн, вели себя иначе. Чешуйчатокожие попрятались при первых же выстрелах. Впрочем, удивляться не приходилось, так как оружия у них не было. Даже ножей на поясе. Но бедняги все равно то и дело попадали под перекрестный огонь, и погибло их даже больше, чем халиан.

– Лейтенант!

Лютейн вскинула голову. Ее глаза широко раскрылись. Она вскочила. К ней направлялся Олерейн, а перед ним, прижав руки к груди, дрожа всем телом вышагивали трое чешуйчатокожих: двое больших, а один совсем малыш. Лютейн посмотрела на маленького, вспомнив еще пару таких же, которых она видела в том доме. Много стало проясняться.

– Кто-нибудь говорит на их языке? – спросила Лютейн.

В зале повисла тишина.

– Нет, лейтенант, – ответил Лондол.

Лютейн выругалась и схватилась за видеопередатчик.

– Лейтенант Морна вызывает капитана Ракоэна.

Экран засветился. Потом появилось лицо Ракоэна.

– Да, лейтенант?

– У нас пленные чешуйчатокожие, сэр.

– У нас их тоже предостаточно. Вы заметили в них что-то особенное?

Лютейн оглядела пленных.

– Полагаю, нет. Я хотела узнать, нет ли у вас свободного переводчика?

– К сожалению, нет, лейтенант. Они у нас наперечет, а те, что есть, пашут, как проклятые.

Дайте мне знать, если выясните что-нибудь интересное, хорошо?

– Да, сэр, – Лютейн вернула видеопередатчик на пояс и повернулась к Олерейну: – Не хочется расставаться со своим стулом, но больше нам привязать их не к чему. Заставь их сесть, Олерейн. Лондол!

– Да?

– Принеси веревку.

Она разглядывала чешуйчатокожих, пока Олерейн и Лондол их привязывали. Для двоих места на стуле не хватало, и им пришлось потесниться. Она подняла малыша, который извивался как угорь и оглушительно визжал, посадила на колени к одному из взрослых чужаков, а Лондол тут же обвязал пленников веревкой.

– Принесите еще стул, если найдете, Олерейн. Где вы их отыскали?

– На первом этаже, лейтенант. В здании есть еще один вход.

– Еще один вход? – удивленно переспросила Лютейн.

– Да, – кивнул Олерейн. – Мы могли войти с другой стороны и накрыть хорьков с тылу. Но дверь так плотно примыкает к стене, что мы ее не заметили. Она ведет в помещение, в котором я их и нашел. Они дрожали в углу, тесно прижавшись друг к другу.

Лютейн прищурилась.

– Что ты еще там обнаружил?

Олерейн пожал плечами.

– Ножи, поварешки, кастрюли, печи...

– Значит, там кухня, – Лютейн повернулась к чешуйчатокожим, которые сжались под ее взглядом. – Так кого ты сюда привел? Повара, официанта и мойщика грязной посуды?

Лондол покачал головой.

– Скорее всего, вы правы, лейтенант. Солдаты так не дрожат.

– Да, – нахмурившись, Лютейн включила видеопередатчик. – Лейтенант Морна вызывает капитана Ракоэна.

На экране появилось недовольное лицо капитана.

– Надеюсь, лейтенант, на этот раз вы побеспокоили меня по важному делу.

Лютейн шумно сглотнула.

– Полагаю, да, сэр. Вы высказали предположение, что чешуйчатокожие могут быть союзниками, а не рабами.

– И что?

– Мои пленные дрожат как осиновый лист. Не могут они быть солдатами.

Ракоэн смягчился.

– Да. Вы не первая, кто это заметил. Все пленные чужаки перепуганы до полусмерти.

Но тут Лютейн услышала сообщение, переданное Лондолу.

– Одну минуту, сэр! Захвачен административный центр?

– Да, лейтенант, но наши части понесли большие потери. Из строя выбыла половина личного состава. Им пришлось штурмом брать каждый пандус.

– Пандусы, не лестницы?

– Лестницы? Какие еще лестницы, лейтенант?

– В нашем здании лестницы, сэр! А административный центр – одна из новостроек, не так ли? – она продолжила, не дожидаясь ответа. – Наше здание построено давно. В нем лестницы, а не пандусы!

Ракоэн побагровел.

– Да что вы там такое талдычите, лейтенант? Какая нам разница, лестницы в доме или пандусы! У архитекторов могут быть свои причуды.

– Разница в том, сэр, что у халиан не было причин для перехода от лестниц к пандусам. Ни на одном из кораблей Халии, захваченных нами, лестниц нет. И на базах других планет лестниц тоже нет. У халиан очень короткие ноги, им больше подходят пандусы! Они, скорее всего, никогда

не пользовались лестницами!

Ракоэн уже понял, что за этим последует.

– Допустим, вы правы, лейтенант...

– Если я права, то здание, в котором я сейчас нахожусь, построили не халиане! Они захватили его и перепланировали, но не смогли заменить лестницы пандусами – не хватило места, поэтому просто поставили лифт.

Ракоэн задумчиво кивнул.

– Логичная мысль. Но что из этого следует?

– Ответьте мне еще на один вопрос. Почему мы не обнаружили детей халиан? Учителей?

Воспитательниц?

Ракоэн нажал несколько клавиш на пульте.

– Всем частям! Немедленно доложите, видел ли кто малолетнего халианина. Конец связи.

Лютейн терпеливо ждала донесений командиров остальных взводов. Наконец Ракоэн снова вышел на связь.

– Ни одного ребенка, лейтенант. И, естественно, полное отсутствие учителей и воспитательниц. И что все...

– Но детей чешуйчатокожих сколько угодно, сэр! Один вот сидит рядом со мной. Скольких увидели другие?

Ракоэн вновь прошелся по клавишам пульта.

– Всем взводам! Докложите, видели ли вы малолетних чешуйчатокожих.

Лютейн затаила дыхание. Текли секунды, доклады следовали один за другим.

– Конец связи, – Ракоэн посмотрел на нее, кивнул. – В общественных зданиях малолетних не обнаружено, но в жилых домах предостаточно.

– Халиан обнаружили? – спросила Лютейн.

– Лишь нескольких, – ответил Ракоэн. – И там, где они прятались, чешуйчатокожих так и трясло от страха.

Лютейн нахмурилась.

– А в тех домах, где халиан не было?

– Пожалуй, что нет. Когда наши солдаты врываются в дом, они пытались спрятаться... а потом начинали дрожать, – Ракоэн вздохнул. – Я с вами согласен, лейтенант. Чешуйчатокожие не союзники халиан. Командование не ошиблось – это рабы, – он помолчал. – Но я не могу понять, почему их так много. С какой стати халиане привезли сюда так много рабов с одной планеты?

– Да, сэр. Их много, очень много, гораздо больше, чем рабов с других планет и халиан вместе взятых.

Ракоэн пожал плечами.

– Мне кажется, лейтенант, что обычно рабов всегда больше, чем хозяев.

– Да, сэр, но не в тех случаях, когда их приходится перевозить с одной звезды на другую.

Гиперсветовые корабли не годятся. Слишком дорого.

– Так где же, по-вашему, берут халиане рабов?

– На кораблях, которые захватывают, – ответила Лютейн. – Но в этом случае чешуйчатокожих было бы не больше, чем всех прочих рабов. И, конечно, тут не было бы столько детей.

– Может, дети родились здесь. В конце концов... – глаза Ракоэна широко раскрылись.

– Да, сэр, – Лютейн кивнула. – Халианам надоело захватывать корабли, они пошли дальше.

И хапнули целую планету!

Ракоэн кивнул, не отрывая взгляда от лица Лютейн.

– Если это так, то чешуйчатокожие не союзники и не привезенные сюда рабы.

– Именно так, сэр, – подтвердила Лютейн. – Они туземцы.

ИНТЕРЛЮДИЯ

В бумагах значилось имя – Ньютон Вэдфорт Смайт. Для Исаака Мейера оно представляло значительно большую опасность, чем халиане. Смайт был назначен Конгрессом Альянса для спецрасследования «провала на Цели». Он непрерывно торчал за адмиральским столом, оставляя все новые отметины на крышке красного дерева (стол доставили с Земли за счет адмирала Мейера лично) каблуками своих сапог, выживая наобум и просматривая компьютерные файлы.

«Просто стараюсь вникнуть», – объяснял спецревизор. Но вино (а адмиралы тоже не отвергают подобных подсказок; именно потому-то они и адмиралы) намекнуло, что ревизор разыскивает злоупотребления. У адмирала имелась собственная теория: цель всякого расследования это в первую очередь обнаружение растраты. Растраты чрезвычайно любимы сенаторами: когда они выплывают наружу, сердца налогоплательщиков размягчаются. Особенно в тот момент, когда они все еще обдумывают предыдущее повышение налогов, предназначенное для финансовой поддержки растущего Флота.

Несмотря на то, что все это мешало подготовке последнего броска к родной планете халиан, адмирал Мейер вынужден был признать недовольство Совета обоснованным, хотя и весьма досадным. Политики всегда стараются побыстрее закрыть вопрос, найдя простейшее и, что гораздо важнее, самое дешевое решение. А кое-кто из этих тупиц в Военном Совете всегда готов высказать Конгрессу Альянса то, что тот хочет услышать.

Нападение на Цель планировалось как окончательное решение всей халианской проблемы. Вместо этого оно лишь показало, что проблема эта раз в десять серьезнее, чем считалось раньше. Теперь Военный Совет в дураках, а он, адмирал Мейер, вынужден иметь дело со Смайтом.

Покорившись неизбежному, старый волк рухнул в кресло и переключил свой компьютер, чтобы на дисплее выдавались те же файлы, что и у Смайта. Теперь Мейер видел, что просматривает контролер, и вздохнул с облегчением, когда тот вызвал файл под названием «мед служба». Здесь не может быть неприятностей, это даже не боевое подразделение.

Джоди Лин Най. ЛАБОРАТОРНЫЕ КРЫСЫ

Засветился центральный экран. На него выдавалась информация о местоположении солдат, имевших при себе медицинские датчики. Точки на экране, едва засветившись, тут же сразу начинали мигать или стремительно гасли. По картинке можно было понять, где шли бои и где Флот сдавал свои позиции. Когда положение стабилизировалось, появлялись медицинские корабли и забирали погибших и раненых, которые не могли самостоятельно добраться до собственного транспорта. Традиции Флота требовали выносить с поля боя каждого солдата, живого или мертвого – по крайней мере ради чести, если уж не из-за участи, ожидающей каждого, кто попадет в лапы халиан.

Предполагалось, что медицинские корабли неприкосновенны. Но «Элизабет Блэквелл», на борту которой не имелось собственного оружия, приходилось передвигаться в сопровождении трех боевых крейсеров, дабы воплотить этот принцип в жизнь. В распоряжении «Элизабет» как главного медицинского корабля находилось более шестисот врачей, исследователей и техперсонала – непосредственно на борту или где-то поблизости.

Шестьдесят скутеров – медицинских транспортных аппаратов уже курсировали между кораблем и полем боя, перевозя убитых и раненых. Каждый обслуживал собственную территорию, слегка перекрывавшуюся территорией ближайших соседей так, чтобы ни один раненый не мог остаться незамеченным.

Обтекаемой формы скутеры – самые маленькие корабли Флота – чуть меньше 20 футов в длину. Главный двигатель, баки с горючим и мощные стартовые двигатели – вот и весь скутер для быстрого и удобного взлета и посадки. Это спринтеры, не предназначенные для длительных путешествий. В маленькой кабине – отделение реанимации, там врач мог поддерживать жизнь шестнадцати пострадавших, пока их не переправят в полноценный госпиталь.

Индукторы для скутера были таким же обычным явлением, как и для корабля-госпиталя. Они применялись в хирургии для усыпления пациента воздействием альфа-волн на нижние центры мозга – без всякой химической анестезии – и не мешали обычному сну. Возбужденным пациентам это приспособление часто помогало остановить прогрессирующую слабость. А врачи постоянно пользовались им сами, когда приходилось выходить на нескончаемые дежурства. Оно позволяло расслабиться и на некоторое время задремать. На каждого, кто к нему привык, средство это действовало практически со стопроцентной, надежностью.

Компьютер разбудил доктора Мэка Долла, задремавшего прямо в лаборатории. Индуктором он воспользовался, осознав, что не сможет уснуть из-за перевозбуждения и волнений, вызванных предстоящим боем. А отдых ему был крайне необходим. Сейчас сражение, наверное, в самом разгаре. Доктор откинул квадратный металлический колпак индуктора и щелкнул кнопкой на пульте

связи.

– Долл слушает, – пробурчал он в микрофон, почти повалившись на пульт. Судя по голографическому циферблату он проспал почти шесть часов. Это почти соответствовало его суточной норме, а сон под индуктором освежал лучше обычного. Доктор чувствовал себя так, будто проспал больше восьми часов.

– Очнулся, Мэк? – осведомился женский голос из динамика. Он включил изображение. На экране возникло женское лицо. Большие карие глаза, темно-синие волосы с отдельными белыми прядями.

– Да, мэм, – ответил Мэк, подавляя зевок и стараясь сосредоточиться на собеседнице. Командир Ирис Толберт, тоже нейрехимик и хороший друг Мэка, выполняла роль диспетчера в операции против Цели. – Просто спал под индуктором. Со мной все в порядке.

– Хорошо. Мне нужен пилот, – сообщила она. Ирис явно пребывала в напряжении. – Скутер ФМС – 47 не отвечает на сигналы, и мне никак не удастся связаться с пилотом Леодли Шон. Компьютер утверждает, что на борту нет никаких форм жизни, за исключением, пары пациентов в крайне тяжелом состоянии, о которых Лео уже сама сообщила немного раньше. Командование Флота отказывается дать мне пилота, чтобы вернуть наш скутер, поэтому я вынуждена пожертвовать на это дело одного из врачей, – на лице Ирис появилась кривая полуулыбка. – Тебя.

– Как скажешь, – буднично ответил Долл. Он подошел к шкафу, вытащил оттуда чистые медицинские халаты и направился в ванную, прилегающую к лаборатории. Поймав свое отражение в зеркале над мойкой для медицинских инструментов, Долл тяжело вздохнул. Выглядел он в точности, как пациент, пребывающий в глубочайшем кризисе. Под глазами мешки, резкие морщины возле рта, волосы всклокочены. Он попытался хоть немного пригладить шевелюру.

– Я говорю, мы должны доставить этих солдат на борт, – убежденно продолжал голос Толберт. – У тебя нет времени даже на душ, – приказала она, угадав его намерения. – Отправитесь с Дрэм Кэвидом на ФМС – 38. Я уже связалась со взлетной палубой. Дрэй тебя ждет, так что лучше поспеши. Конец связи. – Экран почернел как раз тогда, когда Долл вышел из ванной.

Вздыхая, он вылез из пропахшей потом одежды и неохотно облачил свою высокую худую фигуру в белый летный комбинезон. На груди и спине комбинезон украшали стилизованные изображения красных осенних листьев – символ медслужбы. Выходя из лаборатории, Долл связался со складом и попросил доставить дополнительные диагностические наборы на стартовую площадку.

Скутер отчалил от «Элизабет» легко и непринужденно, как водомерка от листа кувшинки. Далеко, во мраке, окружавшем Цель, Доллу удалось разглядеть крошечные прямоугольники других скутеров. Они поблескивали серебром, отражая мерцание планетной короны.

– На наших участках бой закончился, – сказал Кэвид. Это был угрюмый черноволосый пилот. В медицине он смыслил мало, но живого груза на своем веку повозил достаточно. – Половина скутеров все еще никак не сядет. Боже, да здесь полно этих придурков в перьях! То собираются толпами, чтобы поглазеть на тебя, то путаются под ногами. Они здесь живут, ты ведь знаешь? Постоянно, не взирая на все новые потоки переселенцев. Местная форма жизни. Паршивые маленькие скупердяи. Я поймал одного такого коротышку, когда он пытался смыться с моим медицинским набором. Тащат все подряд.

– Так ты уже однажды побывал внизу? – спросил Мэк, глотая из небольшой чашки растворимый кофе.

Кэвид отрицательно покачал головой и, не отрываясь от экрана переднего обзора, выставил четыре пальца:

– Четырежды. Первый раз меня туда отправили, когда бой еще не закончился. Меня бултыхало, как черт знает что: вверх, вниз, вверх, вниз. Бум-бум, бум-бум. Хорошо еще, что не забыл пристегнуться. Едва все зубы не растерял. Остальные три раза возил раненых. Предоперационные палаты забиты до отказа. Собираюсь как следует надраться, когда сменюсь с дежурства. – Он коснулся клавиши управления, и на экране появился вид за кормой. Гигантское кольцо «Элизабет Блэквелл» быстро удалялось.

– Только это-то и остается, – согласился Долл и стал молча прихлебывать кофе.

Он читал на боковом экране список скутеров с указанием имен пилотов и местонахождения на данный момент – в доках, в полете или на поверхности планеты. «ФМС – 27, Джериго, док; ФМС – 28, Отленд, в полете; ФМС – 29, Купер, Цель...», и так далее, вплоть до мигавшей надпи-

си: «ФМС – 47, Шон, Цель».

Он представил себе Лео такой, как видел ее в последний раз: она тогда была в превосходном настроении, много смеялась. Помнится, они выпили вместе.»Пилоты дружны с докторами; по крайней мере, на» Элизабет» так было все эти годы, пока он служил здесь. Очень многие совмещали обе функции, как, например, и сам Мэк, врачеватель и извозчик в одном лице. Лео была женщиной, похожей на птицу, с длинной лебединой шеей и разноцветными перьями на затылке и на руках – любопытная генетическая смесь птицеобразной расы и каких-то гуманоидов. На обычные шутки по поводу внешности она реагировала весьма грациозно, парируя их остроумными намеками на обезьян и свиней.

На экране продолжала расти Цель. Вскоре Кэвид включил посадочные двигатели, и корабль, наклонившись, плюхнулся на мягкий грунт – это место, несомненно предназначалось для домашнего скота. По краям поля стояли пустые кормушки.

– Твой скутер в той стороне, – Дрэй махнул рукой на запад, куда-то между деревянными корытцами. – Жаль, что не могу подвезти поближе. Мне, к сожалению, надо отправляться.

Мэк закинул за плечи диагностический набор, кивнул на прощание Кэвиду и направился к выходу с фермы, обходя свежие кучи навоза. Он прошел через деревянные ворота и попал в необыкновенно красивый сад, в котором экзотические цветы перемежались с живописными валунами. Из незастекленного окна на него робко взирали три оперенных физиономии. Их разноцветные лица были почти столь же экзотичны, как и чудесный сад. Какое-то время Долл и пернатые смотрели друг на друга, потом доктор зашагал на запад.

Монитор не давал никаких намеков на то, где следует искать скутер. Несомненно, вокруг гораздо больше раненых, чем Лео успела подобрать до своего исчезновения. Поэтому скопления красных огоньков, по которым можно было бы ориентироваться, не наблюдалось. Долл боялся, что Лео мертва. Флот слишком насыщен всевозможными средствами связи, чтобы пилот мог просто потеряться. Лео либо без сознания, либо...

Несколько моряков Альянса в пыльных униформах песочного цвета, проходя мимо, отсалютовали ему. Мэк быстро ответил тем же и спросил:

– Вы не видели приземлившийся скутер медслужбы?

Один махнул рукой через плечо, и Долл, поблагодарив, побрел дальше.

Скутер ФМС – 47 лежал на обломках разрушенного коттеджа. Его гладкий синевато-серый корпус выделялся на фоне коричневого щебня. Недалеко от того места, где когда-то была дверь, лежало пять трупов «перьялицы» существ в окружении горшков и каких-то узлов: местные жители пытались укрыться вместе с домашним скарбом. Тут же на земле растянулся убитый халианин, его мех испещряли лазерные ожоги и пулевые отверстия. Никто из флотских или союзников не убит. Должно быть, здесь произошла одна из наиболее удачных стычек. Доллу пришлось перешагивать через все эти трупы и горы мусора, чтобы добраться до люка в правом борту скутера. Он перевернул тело халианина ногой. Лицо оказалось вдавлено внутрь и обуглено до черноты зарядом лазера. Долл еще раз пнул тело, переворачивая его лицом вниз.

Он положил ладонь на дверной замок и подождал. Где-то внутри раздался гудок, дверь отворилась. Долл шагнул в сторону. Широкий низкий трап выехал к ногам. Нагнувшись, Долл протиснулся внутрь скутера. На кушетке лежали два пациента. Одна из них, коренастая женщина, повернулась к открывшейся двери.

– Да? – Долл подошел к ней, взял за запястье. Пульс был сильным, монитор сообщал, что жизненно важные органы не повреждены. Сперва Доля подумал, что повязка на ее глазах скрывает единственную рану, но когда женщина села, заметил, что у нее нет ноги. Волосы были обожжены, над левым глазом образовалась плешь, идущая почти до макушки.

– Вы не тот же доктор, что раньше, – сказала женщина, осторожно коснувшись рукой его груди.

– Меня зовут Мэк, – ответил он с профессиональной мягкостью. – Лео не возвращалась? Кто-нибудь еще здесь есть?

– Только тот парень, чье дыхание раздается оттуда. – Мэк взглянул на солдата, погруженного в глубокий сон. Раны у него были более обширны, чем у женщины, но не так тяжелы.

– Вам что-нибудь нужно, капрал?

– Нет, – отвечала она. – Доктор мне говорила, что они постараются что-нибудь сделать с моими глазами потом. Сейчас со мной все в порядке.

«А она стойко, – подумал Мэк, – или в шоке».

– Хорошо. Я собираюсь идти на поиски Лео и оставшихся там раненых, а потом мы направимся в госпиталь.

– Ладно, доктор. Спасибо, – она откинулась на кушетке, придерживая рукой повязки.

Внутри скутера было очень тихо. Внезапно Долл уловил какой-то шаркающий звук, словно кто-то пробежал снаружи. Доктор вылез из скутера.

– Лео? – позвал он.

Мэк успел заметить только очертания белой фигуры, скрывшейся за углом уцелевшего дома слева от него.

– Алло?

Он нажал кнопку связи в рукаве, включая передатчик в режиме вещания во все стороны, на небольшое расстояние.

– Алло? Говорит доктор Долл. Пожалуйста, назовите себя.

Никакого ответа. Это не может быть Лео или кто-то еще из флотских. Нет даже эха от находившегося поблизости передатчика. Халианин? Живой халианин в этом районе? Рука Долла потянулась к рукаву.

Мэк еще раз быстро огляделся вокруг. Согнул руку, дотянувшись до спускового крючка спрятанного в рукаве оружия. Это был лазер со встроенной батареей, обеспечивающей три выстрела, пригодный лишь для ближнего боя, но очень мощный. Долл удостоверился, что Лео поблизости нет, и вернулся к скутеру, чтобы подготовиться к обходу местности.

– Доктор? – спросила раненая.

– Это я, – ответил Мэк, собирая вещи.

Двухъярусная мототележка, рассчитанная на транспортировку четырех человек, помещалась как раз перед внутренним люком. Он расстегнул крепления и взялся за пульт управления – маленькую десятикнопочную клавиатуру, прикрепленную к длинному металлическому рукаву. Тележка последовала за ним по пятам к выходу из корабля, словно послушная трехколесная собака. Медицинские принадлежности лежали с краю, отмеченные теми же яркими красными листьями, что и его униформа. Мэк не держал на виду никакого оружия, но спрятанный лазер был наготове. Он постарался припомнить все, что знал о рукопашном бое с кусающимся противником из обязательного для всех курса самообороны, введенного командиром Толберт.

Со всех сторон на прищельца с недоумением взирали заросшие перьями аборигены.

Держу пари, они даже не сознают, что на их планету обрушивается уже второе вторжение, – саркастически пробормотал Мэк себе под нос, остановившись у неподвижного тела солдата в форме Альянса. Взглянул на данные портативного монитора. Никаких ран, даже синяков не видно, но человек без сознания. Мэк не мог даже предположить, что с ним стряслось. Сердцебиение и сигналы мозга оставались слабыми, но монитор устойчиво светился красным, а не синим. За мертвым, ориентируясь на синие сигналы, придет очистительная команда – потом, когда бой закончится или удалится.

Введя солдату противошоковый препарат, Долл втащил его под прикрытие низкого навеса хижины. Если положить его в мототележку сейчас, то тянуть ее за собой будет гораздо труднее. Куда целесообразнее везти ее пустой, а этого пострадавшего забрать на обратном пути. В таком состоянии он продержится до возвращения Долла. А в этом направлении впереди, судя по данным монитора, ждут еще трое.

Громкий треск заставил Мэка вздрогнуть, и он замер, прислушиваясь. К нему кто-то подкрадывался. Белая фигура не выходила из головы. Эх, если бы удалось как следует разглядеть ее тогда! Прямо за спиной раздался звук шагов. Долл развернулся и упал на землю как раз в тот момент, когда лазерный луч, сверкнув над головой, выдрал из стены кусок штукатурки. Штукатурка лопнула с оглушительным треском, и Мэк вжался в землю. Изворачиваясь, он по-пластунски переполз за тележку, спрятался за ее корпусом. Следующий выстрел бластера бесшумно срикошетил от блестящей металлической поверхности и с грохотом врезался в стену дома как раз напротив Долла, опять разворотив штукатурку. Взрыв эхом прокатился по улицам. Долл выглянул из-за переднего конца тележки, держа наготове лазер, но стрелять было не в кого. Противник отлично спрятался. Мэку не хотелось выставлять себя напоказ, но прежде, чем его выручат, могло пройти слишком много времени; он должен подумать о раненых. Мэк вытянул шею и оглядел площадь. От домов на противоположной стороне мало что осталось, но образовавшиеся из поваленных стен

и бревен подобия шалашей – отличные укрытия для снайперов.

Мимо просвистела пуля, пущенная с противоположной стороны. Мэк зарылся в искореженную кварцевую мостовую. Стреляли из прохода между двумя коричнево-белыми деревянными домишками. Он лежал, вжавшись всем телом в землю и выплевывая песок. Опять проскрипел лазерный выстрел, судя по звуку, лазер явно перегрелся. С другой стороны площади засвистели пули.

– Не высовывайся, черт тебя дери! – гаркнул кто-то.

Затем опять крик, на этот раз звериный, разорвал тишину, и бластер замолк. Какая-то возня, грохот, и обрушились стены. Долл осторожно поднялся, подозрительно оглядел груды камней, отряхнул пыль.

– Ты врач? – проскрежетал голос из переулка. Долл включил мощный фонарь с узким направленным лучом и, посветив в ту сторону, невольно присвистнул. У стены, согнувшись, лежал сержант Флота Альянса, прижимая к боку широкую ладонь. Шлема на нем не было, лицо перекошилось от боли.

– Помоги мне... – Левая половина лица разорвана, сплошная открытая рана, а вторая рука с мощной мускулатурой, будто лишившись костей, покоится на коленях. Из раны ручьями хлещет кровь: сердце все еще работает напряженно, тромбов пока нет. Сержанта, видимо, ранило как раз перед тем, как Долл угодил в самый центр перестрелки. Мэк сглотнул подступивший к горлу комок, оглядываясь в поисках халианина. Трупы валялись по всей улице в самых немыслимых позах, но живых, вроде бы, не видать. Он опустился на колени возле сержанта и, с трудом оторвав его сильную руку от раны, опрыскал ее антибиотиками и анестезирующим составом, а потом осторожно обследовал пальцами, обнаружив сплошную кашу из осколков костей и разорванных мышц.

– Разрывная пуля, – сообщил сквозь зубы солдат. – Большой калибр.

– Надеюсь, ты достал его, – сказал Долл, не поднимая глаз. Он удалял раздробленные кости вокруг крупного кровеносного сосуда, прижимая его пальцами, а затем перекрыл вену временным зажимом. Достал толстый мягкий перевязочный материал и накрыл рану. Это законсервирует ее, пока они доберутся к кораблю-госпиталю. Делать пересадку кожи прямо сейчас он не хотел: в этих условиях невозможно разобраться с раной как следует.

Долл поднялся на ноги и вытер руки об одежду, оставляя в пыли красные полосы.

– Послушай, – заерзал моряк. – Можешь меня отсюда вытащить?

– Подожди меня здесь. Это займет не больше пяти минут. У меня там еще двое. Совсем недалеко.

– Нет! – Раненый попытался встать. – У тебя есть тележка. Отвези меня.

– Пока не могу, – Долл попытался объяснить ограниченные возможности своего транспорта, но солдат направил на него ствол автомата.

– Поехали, док, – сказал он тихим прерывавшимся от боли и напряжения голосом. – Сейчас. Я умру, если ты не доставишь меня в госпиталь прямо сейчас.

Долл покачал головой. Это не первый его бой и не первая угроза, какую ему приходится слышать. Война странным образом влияет на сильных людей.

– Я не могу, сержант. И более того, не желаю. Там могут быть ваши подчиненные. Даже против вашей воли я обязан дать им шанс выжить. – Он умышленно смотрел не на раненого сержанта, а на свой монитор. Этот человек вел себя совершенно объяснимо и логично, и так же логично отреагировал Мэк, наученный многими сражениями.

Он повернулся и пошел. Мышцы сводило от напряжения. Если этот человек выстрелит, то выстрелит именно сейчас. Мэк нервно дернул головой, но выстрела не последовало, и он вздохнул с облегчением. Сержант подождет. Доводы врача, какими бы антигуманными они ни казались на первый взгляд, наконец подействовали.

Остальных раненых найти оказалось нетрудно. Они выделялись на городской площади мрачно окрашенными бугорками посреди разноцветного ковра убитых халиан и покрытых перьями аборигенов. Вокруг площади выстроились обычные дома с приземистыми крышами, а чуть в стороне – еще одно высокое строение с антеннами наверху. Защитная форма солдат Альянса была заляпана грязью и кровью, но кое-кто еще пытался отвечать Доллу, когда он их осматривал. Один, с оторванной по щиколотку ногой и глубоким укусом под ключицей, забрался в тележку самостоятельно и помог погрузить товарища. Когда второго солдата перевернули, стало видно, что ла-

зер прошелся по спине. В каком-то смысле ему еще повезло: видимо, стреляли сбоку и луч не проник глубоко. Но не исключено, что задет спинной мозг. Нижняя часть тела может так и остаться парализованной. Долл обработал рану антисептиком, но, боясь добить поврежденный позвоночник, не стал прибегать к анестезии. На запястье первого раненого он поместил специальную повязку с противоядием – на тот случай, если с укусом в кровь попала инфекция, а само место укуса и обрубок ноги перевязал.

Сержант терпеливо ждал там же, где Долл его оставил. Он выпрямился, заслышав подъезжавшую тележку.

– Привет, доктор, – сказал он немного смущенно. – Дурное это дело – стрелять во врача. Надеюсь, вы обиды не держите. Знаете ли...

Долл кивнул.

– Знаю. Я отвезу вас домой, сержант.

– Меня звать Шиллитоу. Олвин Шиллитоу. Хотя товарищи чаще кличут Тарзаном.

Долл усмехнулся.

– По крайней мере, это лучше, чем Собака Баскервилей.

– Да, я его знал, – ответил Тарзан.

– У-ух! – прорычал он, подтягиваясь на здоровой руке, чтоб забраться в тележку. – Еще одно старое доброе прозвище.

Тележка рывком пришла в движение, и он подвинулся, восстанавливая равновесие. Остальные поприветствовали его слабыми улыбками.

– О, сержант! – сказал один, заметив знаки различия.

– А меня прозвали Воскресным Шофером, – улыбнулся Долл, глядя, как сержант пытается приспособиться к тележке, подпрыгивающей на грязных ухабистых улицах. – Нет, серьезно. А вообще-то меня зовут Мэк, хотя можете называть просто доктором.

– Спасибо, Мэк, – сержант устроился наконец поудобнее и расслабился.

Долл остановился, чтобы подобрать лежавшего без сознания. Тот по-прежнему ни на что не реагировал, но сердцебиение немного усилилось.

Этого недостаточно, подумал Долл с сожалением.

– Он не жилец, – заметил Шиллитоу.

Про себя Долл с ним согласился, но вслух сказал:

– У каждого есть шанс.

Он разместил всех по кушеткам на борту ФМС – 47, перевязал и обработал плазмой тех, у кого имелись глубокие ранения, и поставил датчик фибриллятора на грудь того, что находился без сознания – на случай остановки сердца в отсутствие врача. Женщина спала, и Долл с удовлетворением заметил, что показатели ее улучшились. Что ж, теперь раненые в безопасности, и в ближайшее время их состояние ухудшиться не должно. Он спустился по трапу и отправился на поиски остальных.

С этой стороны улицы были так завалены, что Долл был вынужден оставить свою тележку и продолжать поиски, осторожно ступая между изуродованными телами. На его экране мерцали три точки, и Долл все еще надеялся, что одной из них окажется Лео Шон.

Грубые деревянные стены цеплялись за рукав торчащими во все стороны щепками, осыпали с головы до ног вонючей пылью штукатурки. Здесь на славу поработали боевые машины. Долл понял это по характерным полосам на штукатурке, выбитым лазером на высоте, недостижимой для пешего солдата.

Тела убитых бойцов Альянса, перьеличных и халиан вповалку лежали у полуразвалившейся стены, будто их туда сгребли бульдозером. Персонал флота, в основном врачи и техники, были связаны, а потом убиты. На большинстве тел остались следы пуль и лазеров, но некоторые пережили более страшную смерть. Он узнал среди убитых лицо Лео с расширенными от ужаса глазами и в следующее мгновение с каким-то холодным опустошением осознал, что здесь только ее голова. Тело, облаченное в белый летный комбинезон, со стянутыми ремнем руками лежало в десяти футах дальше в еще одной куче трупов. Шея, такая тонкая, что Долл мог когда-то запросто обхватить ее своими длинными пальцами, была зверски разорвана пополам. Он справился с собой и, положив голову Лео рядом с телом, нежно закрыл ей глаза и рот.

– Долл, ФМС – 47, нахожусь на Цели, – проговорил он в микрофон на запястье и стал ждать ответа. Раздалось шипение и потрескивание: диспетчер поймал его сигнал. – Докладываю, что пи-

лот Шон, управлявшая ФМС – 47, обнаружена. Она мертва. Убийство в халианском стиле. Шею перегрызли пополам. Отвратительное зрелище.

Из передатчика послышался вздох.

– Я догадывалась, Мэк, – сказала Ирис Толберт. – Если у тебя найдется свободное место, привези ее. Если нет – оставь до прихода очистительной команды.

– Я доставлю ее, – мрачно произнес Мэк. – Конец связи.

Эти расширенные от ужаса глаза преследовали его все время, пока он бродил среди руин. Мэк подобрал еще двух живых солдат и направился в обратный путь. Монитор третьего раненого окрасился в синий цвет прямо на глазах Долла. Мэк не смог бы остановить смерть, а в данной ситуации и не захотел бы. Этого солдата зацепило, всего лишь зацепило; плазменным бластером, оставившим ожоги там, где когда-то находилась правая часть грудной клетки, рука, шея и челюсть. Смотрелся он как пряник в форме человека, от которого кто-то отгрыз огромный кусок. Хриплый мужской голос вырвался из радиофицированного шлема, вызывая на связь:

– Марлов, ты меня слышишь? Марлов...

Долл снял каску с головы покойного и надавил на переключатель, который в нормальном положении удерживается мышцами шеи.

– Это доктор Долл. Кто говорит?

– Сержант Виланов, – ответил с удивлением голос. – Где мой солдат?

– Он умер минуту назад, сержант. Мне очень жаль.

Из передатчика что-то грустно проворчали вполголоса.

– Он говорил со мной. Я не давал парню впасть в забытие. Сильно его зацепило?

– Очень, – сознался Долл. – Не думаю, что мог бы его спасти. Вам там не нужна помощь?

– Нет, – коротко сказал Виланов. – Спасибо, доктор. Конец связи.

Поднявшись и собираясь везти тележку дальше, Долл заметил, как поблизости мелькнуло что-то белое. Он весь напрягся, повернулся и выстрелил, не доставая бластер из рукава. И почти сразу же вскрикнул. Левый рукав оказался продырявлен, лазерный луч выжег красную линию от кисти до локтя. К своему удивлению, Долл услышал ответный крик врага.

Он осторожно выглянул из-за угла. На земле лежал халианин. Мех на руках и верхней части туловища был выбелен – из мелкого тщеславия, а может быть, знак какого-то особого положения в обществе. Этим тварей никогда толком не поймешь.

Не сводя глаз с его когтей, Долл нащупал под заостренной мордой пульс. Выстрел Долла лишь слегка задел голову, но это уже далеко не первое ранение. Халианин был при смерти. Вон то сквозное отверстие наверняка оставлено пулей Олвина. Кобура на портупее пуста.

– ФМС – 47, контрольный вызов! – прозвучало из рации. Опять Ирис. – Как ты там, Мэк? Я не хочу потерять еще одного пилота.

– Все в порядке, командир, – ответил Мэк, – как ты думаешь, у наших парней из лаборатории нет желания поиграться со зверюгой?

Разговаривая, он обрабатывал себе руку анестезирующим составом. Потом развернул полосу специального материала для пластической хирургии и покрыл рану. Боль моментально утихла: В антибиотиках нужды не было: лазер оставляет чистую рану, хотя и болезненную, как черт знает что.

– У нас хватает объектов для препарирования, Мэк.

– У меня тут живой. Он сильно потрепан и без сознания, но думаю, что выдержит. Очень на это надеюсь. Пожалуй, он может быть одним из тех, что убили Лео.

Толберт с минуту молча размышляла.

– Хорошая мысль. К нам попадает не так уж много живых. Доставь его на борт. Скажу охранникам, чтоб встретили тебя.

– Спасибо, командир. Конец связи.

Безвольное звериное тело оказалось необычайно легким. Доллу почти не потребовалось усилий, чтобы отнести чужака к тележке и связать ремнями. Дышал тот поверхностно, жизнь в нем еле теплилась, но Долл надеялся, что лабораторные спецы успеют изучить его реакции, прежде чем пленник умрет. Большинство схваченных халиан кончают с собой, но у этого подобных шансов не будет. Долл ввел ему антибиотик, от души надеясь, что лекарство пациента не убьет. Легкая голова Лео болталась из стороны в сторону прямо напротив связанного халианина. Губы приоткрылись, словно она хотела что-то сказать. Предательство. Долл вдруг почувствовал угрызения

совести: может быть, он спас жизнь тому самому халианину, который отнял жизнь у Лео. Но, с другой стороны, короткая мрачная жизнь лабораторной крысы – отличная месть.

Он заметил нескольких перьелицых, стаскивавших с убитых пакеты с пайком, и не сделал попыток их остановить. То, что Флот заберет назад, все равно пойдет в переработку. Так что пусть уж лучше кто-то извлечет из него пользу для себя. Кроме шуршания и тихих разговоров этих существ под солнцем Цели на мили вокруг не раздавалось ни единого звука.

Долл обработал раны халианина и связанным уложил его на койку, проигнорировав вопросы прочих своих пациентов.

– Военнопленный, – коротко объяснил он. Тарзан глянул на него вопросительно, но Долл отвернулся.

На последнем направлении, которое оставалось обследовать, обозначились только два красных огонька. Из любопытства Мэк переключил монитор на изображение синих меток в том же секторе, и невероятное количество сигналов повергло его в нечто близкое к паническому ужасу. Кое-где они сливались в большие пятна сплошной синевы. Долл быстро повернул переключатель обратно, не в силах смотреть на этот разгул насильственной смерти, проклиная свою чувствительность. Он давно уже не новичок на войне, но все еще никак не может к ней привыкнуть. И не желает привыкать.

Один из двух солдат все еще дергал ослабевшими руками и ногами, когда Долл привез его на скутер. Глаза пациента были открыты, но Долла солдат не замечал. Он заново переживал бой, продолжая бороться с врагами, оставившими на его теле множество глубоких царапин. Этого, видно, осаждала целая стая проклятого зверья. Нож, найденный Доллом возле солдата, был весь в крови, но пистолет с разрывными пулями так и оставался в кобуре.

Кандидат номер один на сон под индуктором, подумал Долл. Возможно, ему потом все равно потребуется психотерапия, но возбуждение можно снять прямо сейчас.

Нажав клавишу управления входным люком, он начал поднимать тележку по трапу, но, добравшись до верха, был так поражен, что едва не выпустил из рук пульт управления. Комната – настоящая бойня. Мертвые пациенты плавали в лужах собственной крови; судя по всему, они погибли, и не смогли даже постоять за себя. Некоторые умерли, не приходя в сознание. Кушетка халианина – пуста, ремни перегрызены.

Господи, что же я натворил! – в отчаянии прошептал Долл.

Он заметался от одной кушетки к другой. Живы были только двое – лежавшая без сознания женщина, ее, похоже, ударили тяжелой, валявшейся тут же, канистрой плазмы, и солдат, растянувшийся на полу.

– Доктор, – прохрипел Олвин. Его шею и подбородок заливала кровь, хлеставшая из раны на лице; один глаз слипся и не открывался. – Ваше домашнее животное...

– Где оно? – Мэк огляделся, но увидел лишь убитых людей.

– Не знаю. Он на меня напал, и я схватил его. Эти сволочи совсем легкие, и я мог бы его разнести на куски, несмотря на свою пропадающую руку, но видите, что он сотворил с моим глазом! Да еще в живот укусил.

– Да-а... – Мэк вытащил из холодильника плоскую синюю «пиявку». Она не высасывала кровь, как можно предположить по названию, а помогала восстановить кровообращение. Олвин наложил ее на разорванную половину лица.

– Вот гаденыш! Зачем вы вообще его сюда притащили?

Долл в ярости стиснул зубы – он окончательно убедился, что остальные пациенты мертвы. Но где теперь этот халианин?

– Он выбрался из корабля, Олвин? – вопрос моряка Долл проигнорировал.

Услышав свое имя, Шиллитоу вдруг съезжился и огляделся по сторонам.

– Нет. Он где-то здесь, за перегородками. Справиться с пультом управления ему не удалось.

Долл осторожно приблизился к пульту и включил систему безопасности. У него не было никакого желания играть в прятки с кровожадным чудищем, хотя он и был выше противника на добрых пару футов. На схеме появилось изображение некоего живого существа, приближавшегося к пяти другим живым существам – к нему и к уцелевшим пациентам. Долл обернулся. Халианин, истекая кровью, пробирался к открытому люку.

Долл бросился к пульту и с силой хлопнул по нему ладонью; Дверь лязгнула и закрылась, едва не прищемив чужаку когти. Тот в панике заверещал и метнулся к крошечному мостику, но в

тот же момент, когда туда прыгнул и Долл, обнаружил, что здесь нет двери, чтобы задержать преследователя, и дал задний ход к шкафам.

Мэк гнался за противником, стараясь угадать, куда тот повернет в следующий раз. Имея кое-какой опыт рукопашных схваток с халианами, Долл знал об их манере драться не меньше, а может быть, и больше, чем любой другой флотский врач. Халиане меньше, слабее и легче весом, чем люди, но шустры, как черти, и неизмеримо энергичны.

Тут его осенила блестящая идея: можно швырнуть противника под индуктор, нокаутировать излучением и обезвредить. Он выругался, обвел взглядом убитых и сокрушенно покачал головой. И почему он не додумался до этого раньше! Не сводя с халианина глаз, Долл боком приблизился к прибору – более портативному варианту, чем тот, что стоял в лаборатории на «Элизабет», – и включил его. Комната наполнилась негромким гудением индуктора.

Блестящие черные глаза халианина следили за Доллом с подозрением. Этот хорек, разумеется, не имел понятия о том, что делает машина гладкокожего, но отнюдь не горел желанием приблизиться к ней и выяснить, в чем там дело. Прибор явно пахивал опасностью. Против стен корабля зубы и когти бесполезны, а будучи простым солдатом, он ничего не понимал в премудростях техники. Иначе давно открыл бы дверь.

Долл двинулся к зверюге, стараясь оттеснить его поближе к индуктору. Хорек съежился, прижался спиной к стене и выставил передние лапы. Долл сделал ложный выпад влево, выгоняя врага из ниши в противоположную сторону. Тот ринулся через комнату, навалился на пульт управления, пытаясь открыть двери, потом в отчаянии повернулся к противнику. Долл неумолимо приближался, загоняя его в угол, пока не прижал спиной к беспощадной машине.

Зверь бросился на Долла, оскалив зубы. Он все еще был очень слаб от потери крови, но решил драться до последнего. Долл глянул на длинные острые резцы и пожалел, что перед уходом не пришил проклятого хорька к койке металлическими обручами. По злой иронии судьбы он сам виноват в том, что у зверя еще остались силы драться. Противошоковый препарат и местная анестезия сделали свое дело: хорек не чувствовал боли. Это он, Мэк Долл, благословил его на убийства. Мертвые изуродованные тела, разбросанные по всей кабине, так и стояли перед его глазами. Это он один виноват в случившемся.

Халианин прыгнул на него. Когти просвистели в нескольких миллиметрах от лица доктора. Долл чуть не выпустил из своего лазера еще один заряд, но вовремя сообразил, как сильно это повредит корабль. Он сжал кулак и с силой ударил в звериную морду, одновременно нащупав сзади на полу тяжелую канистру с плазмой. Хорек задней лапой схватил человека за ногу, вскочил и разодрал одежду на животе Долла. Он просунул голову под его рукой, целясь в открытую с одной стороны шею доктора. К удивлению последнего, коготь зацепился за ткань, помешав замыслам халианина. Долл оставил в покое морду противника, ухватил его снизу и подбросил.

Зверь взлетел на воздух, но тут же вновь встал на ноги и вонзил зубы Доллу в плечо. Доктор вскрикнул, по телу пробежала волна боли, и левая рука повисла плетью. Канистра грохнулась на пол. Зверь тут же постарался прорваться справа. Рука Долла, машинально среагировав, ухватила его и сдавила.

Хорек судорожно втянул воздух. Передние лапы ослабели, но зубы – нет.

Не обращая внимания на онемевшую левую руку, врач ухватился правой за свое левое запястье, поднял маленького халианина в воздух и поволок к индуктору. Долл не сомневался, что излучение быстро усыпит существо, столь близкое к примитивным животным.

Он швырнул тело хорька на край стола, пытаясь прогнуть его назад. Но позвоночник халианина гнулся только вперед и вбок. Долл побоялся сломать ему хребет и предпочел перевернуть его на бок, держа лапы противника за его головой. В результате они оба оказались возле самого луча индуктора. Зверь согнулся пополам между собственными передними лапами; челюсти неумолимо приближались к шее Долла. Доктор отпрянул, вспомнив, что произошло с Лео. Голова его попала прямо под сфокусированный луч индуктора.

На глазах скрюченная белая фигура халианина стала меняться, вот это уже не хорек, а Лео кричит и извивается в его руках. Это был сон наяву, и человек боролся с этим сном так же, как и обросший шерстью враг. Долл не переставал себе внушать, что дерется не с Лео, а с халианином, и лицо врага снова и снова менялось. Он решил не упускать своего – привезти этого чужака домой еще живым. Тот вновь превратился в Лео. Теперь она умоляла не убивать ее. Доктор отчетливо слышал ее жалобные стоны.

Халианин воспользовался слабостью противника и вновь вонзил когти в человека. Долл словно бы откуда-то издалека почувствовал, как что-то острое прошлось по бедрам и животу – будто ранили не его, а кого-то другого. Мягкая, ватная пелена ирреальности, окутавшая мозг, медленно распространялась по всему телу. Долл вдруг осознал, что его блестящая идея таит в себе гораздо больше опасности для него самого, чем для этого зверя. Если он всем телом попадет под луч индуктора, то уснет навеки. А вот сколько времени понадобится, чтобы повлиять на не привыкший к излучению мозг халианина – неизвестно. Сознание все еще улавливало выкрики, несшиеся из динамика, – командир Толберт требовала очередного доклада. Где-то вокруг слышались голоса, но они уже не имели никакого значения.

Долл отбил когтистую лапу, которую уже почти не видел. Она все меняла свои очертания, приближаясь к лицу доктора. Он проигрывал сражение. Если его еще подвинуть к индуктору хотя бы на один дюйм, он станет беспомощным, и противнику не составит труда прикончить его. Долл слабел с каждым мгновением. Его одолевали, подталкивали, двигали...

И тут доктора вдруг вернул к жизни величественный, оглушительный вопль. Долл вздрогнул всем телом и замер от неожиданности.

Но это было ничто по сравнению с реакцией халианина. Тот подпрыгнул высоко в воздух, растопырив усы и шипя, и с загнанным видом обернулся к нападавшему, который возвышался над ним, как скала, посреди ослепительно белого света. Освободившись от прижимавшего к столу противника, Долл соскользнул на пол, прочь от индуктора, и ударился головой о кафедру. Он перевернулся и с трудом поднялся на четвереньки. Боевой клич зазвучал снова, заставив зверя перейти к обороне. Перед ним стоял Олвин, размахивая канистрой плазмы и издавая могучий крик, намертво сковавший халианина. Не задумываясь, Долл рывком выпрямился, скрутил чужака и швырнул под луч индуктора. Через несколько секунд тот замер. Мэк расслабился и, тяжело дыша, прислонился к стене. Затем с усмешкой глянул на Шиллитоу, державшегося за медицинскую тележку. Остальные уцелевшие пациенты аплодировали.

– Теперь-то я понимаю, за что ты получил свое прозвище, – слабо улыбнулся Долл.

Полковник службы безопасности Бар-Кохба с планеты, вращающейся вокруг звезды Маген, и пятеро его людей следили за транспортировкой добытого Мэком пленника. Перед тем, как вытащить беспомощного халианина из-под индуктора, на него наложили путы. Мэк до самого последнего момента был уверен, что его самого тоже уведут в наручниках и предадут военному трибуналу за то, что позволил врагу убить беспомощных пациентов. Но вместо этого полковник Бар-Кохба буднично отсалютовал ему и усмехнулся в бороду. Мэк ответил на приветствие и склонился над ранеными. Присланные из морга санитары осторожно подняли с койки тело Лео Шон. Мэк долго смотрел, как они удалялись, унося Лео и остальных погибших, прежде чем вернуться к оставшимся в живых пассажирам ФМС – 47.

Он зашел в палату навестить Олвина после того, как могучего сержанта прооперировали, и тот немного оправился. Разорванная половина лица была перевязана, а вокруг глаза помещалась белая прокладка, чтобы вновь пересаженная кожа не закрывала поле зрения. Остальные три пациента Мэка поправлялись и, кажется, не держали на него зла за случившееся.

– Это случайности войны, доктор. Если уж начальство к вам не придралось, то я-то уж точно могу вас простить, – философски заметила женщина.

Как бы то ни было, ему отдавали должное за захват живого врага в одиночку. Шиллитоу предложил взять Долла врачом в свое подразделение под названием «Обезьяны».

– Нет, благодарю, – ответил Мэк, смеясь, – меня устраивает то, чем я занимаюсь – исследование и диагностика. Добраться бы только до своей лаборатории, чтобы их продолжить...

– Ты упускаешь огромные возможности, Мэк, – проворчал Олвин, покачав головой. – О-ох... – он дотронулся до повязки на глазу.

Пока они болтали с Олвином, к Доллу подошел человек и тронул его за плечо:

– Простите, капитан. Адмирал Дуан требует вашего присутствия на «Капфрее». У нас там раненый халианин. Мне кажется, он без сознания.

– Почему я? – поразился Долл.

Адъютант пожал плечами:

– Адмирал решил, что вы стоите ближе всего к тому, что называется экспертом.

Долл сделал вид, что не заметил усмешку на лице Шиллитоу, и последовал за адъютантом к выходу.

Джудит Р.Конли. ПЛЕННИК

Из позорного плена я взываю в тоске –
Не к родным, что мою уж оплакали смерть, –
А к холодной, безбрежной немой пустоте,
Где действием чар я летел, как во сне,
Где смолкнет вовек голос скорби моей.
Бесчестье сдавливает грудь; оружие победы
Еще вчера блистало с гордостью на ней
(Но бравых сыновей моих покоя не смутит
Живой свидетель унижительного плена:
Там не узнают о судьбе моей презренной,
Чтоб род запятнанный под корень истребить).
Мои когти болят, и сжигает меня
Жажда рвать на куски их бесшерстную плоть,
Утопить свой позор в алой крови чужой
И в душе побежденной вопрос заглушить:
Что еще победитель, закутанный в ткань,
Пожелает заставить меня испытать,
Чтобы я, утолив его долгую месть,
Заслужил наконец себе право на смерть?

ИНТЕРЛЮДИЯ

Совершенно выбитый из колеи адмирал Исаак Мейер откинулся на спинку кресла. Если уж на Цели даже медработники вытворяют такие дела, то что тогда сокрыто в файлах, посвященных боевым действиям? И что обо всем этом думает Смайт? Последний вопрос казался не менее занимательным, чем похождения этого врача. Решив, что ответ можно найти только одним способом, адмирал включил интерком.

– Господин Смайт? – спросил он, пытаясь сделать вид, будто его вовсе не волнует, что приходится названивать в собственный офис. Какого черта этот воображала Пэт Джеймсон не отдал Смайту свой кабинет? Уж Джеймсон-то не слишком часто удосуживается появляться здесь с тех самых пор, как его брата избрали членом финансового комитета.

– Да, адмирал? – реvisor ответил почти в ту же секунду.

– Не могли бы вы пройти в мой, э-э-э... В ту комнату, что сразу слева от вас?

– С огромным удовольствием, – голос Смайта и вправду звучал радостно. Что ж, некоторым людям доставляет удовольствие вывалить ближнего своего в грязь. Мейер взял себя в руки.

Когда реvisor расположился в кресле, Мейер решил отбросить любезности и взять быка за рога.

– Славная тогда на Цели вышла заваруха. Много отличных ребят полегло, – он старался не выглядеть оправдывающимся. – Пусть мы и не покончили с халианской угрозой, а все-таки отбросили их подальше от своих границ.

– Они все еще удерживают Вифезду, Тритон и Дибден-Пурлио, – спокойно отпарировал Смайт.

– Совершенно верно, – согласился Мейер. Ему удалось-таки повернуть разговор в нужное русло.

– А ваше присутствие здесь только усложняет решение этих вопросов.

– Вы должны знать, что мы планируем крупную операцию по возврату Вифезды, – продолжал он, не давая реvisorу вставить слово. – Когда мы займем эту планету, позиции халиан на остальных окажутся крайне непрочными.

Мейер все больше повышал голос. К возбуждению, вызванному внутренним протестом по поводу того, что его деятельность подвергается расследованию, подмешивалось волнение, связанное с предстоящей операцией на Вифезде.

Они просто-напросто еще не готовы. На то, чтобы отозвать с прежних мест тысячи кораблей

– да так, чтобы не подорвать позиций Флота на этих участках – и дать им новые боевые задачи, требовались месяцы. На Маккаули едва не обрушилось бедствие, когда Дуан отозвал оттуда слишком много подразделений.

Мысль о том, что его внук справился со столь сложной задачей, подействовало на Мейера умиротворяюще. Смайт, будто ожидавший, когда адмирал будет готов выслушать, улучил момент для ответа:

– Я здесь, чтобы помочь, а не затем, чтобы ставить палки в колеса, – прозвучал его неизменно бесстрастный голос.

Мейер едва не фыркнул.

– Да нет, правда, – быстро добавил ревизор. – Пожалуй, мне пора объясниться. Но все сказанное мною вы должны хранить в строжайшей тайне, даже от ваших коллег из военного совета.

Адмирал Исаак Мейер не понимал, должен он, чувствовать себя оскорбленным или нет.

– Продолжайте, – сказал он тоном, предполагавшим, что решение этого вопроса откладывается.

– С халианами что-то не так, – Смайт красноречиво пожал плечами. – Все это просто не похоже на правду.

– Мы воюем с бронированными зверьми, – вставил флотский командир. Слова прозвучали несколько резче, чем ему хотелось.

– В бою – да, но похожи ли халиане на любого другого противника, с которым приходилось иметь дело Альянсу? Так ли они действуют, как все другие вооруженные силы, все другие культуры, с которыми мы имели дело?

– Галактика велика, господин Смайт. В ней происходит множество странных вещей. Это как раз одна из причин, почему нам необходим Флот, – Мейер не мог удержаться, чтобы не перебить этого штатского: – Господин Смайт, видимо, думает, что ему известно все на свете.

– Не столь велика, чтобы о расе, способной доставлять неприятности такого масштаба, не осталось никаких упоминаний в старых имперских досье, – ревизор, в свою очередь, тоже перешел ближе к делу. – Прединдустриальная полуварварская культура не способна начать действовать с халианским размахом раньше, чем через тысячу лет.

Смайт наклонился вперед, подходя к самому главному:

– Скажите мне, как бы вы охарактеризовали индивидуальную тактику халиан?

– Убийственная, – ответил Мейер не задумываясь. Не собирается ли этот тип подвергнуть сомнению боеспособность Флота?

– Не позволите ли продемонстрировать вам еще один файл? Он может показаться поинтересней медицинского, – ревизор не слишком деликатно дал понять, что для него не секрет, что адмирал следит за его манипуляциями. – А потом мне придется на несколько недель уединиться, дабы перерыть еще гигабайт памяти. Я рассчитываю на то, что вы оградите меня от кого бы то ни было.

Мейер не ответил. С этим Смайтом что-то не так. Слишком уж он проникателен для обычного прислужника Конгресса Альянса.

– Поверьте, я здесь вовсе не для того, чтобы устраивать охоту на ведьм... Нам и без того известно, где покоятся ваши капиталы, – добавил Смайт, явно стараясь выглядеть беспечным.

– Файл? – переспросил адмирал, все еще не придя к определенному мнению.

Ревизор продолжал улыбаться, хотя и более натянуто. Он потянулся к компьютеру и запустил программу, видимо, заранее подготовленную. Мейер понимал, что от него хотят чего-то добиться. Но почему? Имея за спиной всю мощь Конгресса Альянса, Смайту отнюдь не надо волноваться по поводу мнения какого-то одного адмирала.

Дженни Вуртс. ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ

Быстрым шагом Джексон вышел из бокового коридора. По телу невольно пробежала дрожь, когда раздававшееся в замкнутом пространстве громкое эхо шагов вдруг исчезло, растворившись в грохоте доков Далекého Мыса. Среди суеты полураздетых рабочих, мельтешения множества причудливо перекрещивающихся в воздухе стрел подъемных кранов и снующих взад-вперед автопогрузчиков Дженсен с первого взгляда обнаружил предмет своего вожделения. Довольная хищная улыбка осветила его лицо. Она выглядит именно так, как ему описывали. Унылое недоверие, вы-

званное бесчисленными разочарованиями, сменилось прямым, ничем не прикрытым вождением. Дженсен не мог оторвать глаз от довольно уродливой, чрезвычайно обшарпанной шхуны. Типичное захудалое торговое суденышко, по которому давно уже плачет завод по переработке вторсырья. Но на самом деле все отнюдь не так просто, как кажется. Эта неуклюжая космическая посуда, приковавшая страстный взгляд Дженсена, не имеет ничего общего с большинством своих незадачливых собратьев. Дженсен, истинный профессионал, знающий толк в этом деле, не мог не восхищаться тем виртуозным искусством, с которым были установлены на судне системы вооружения и защиты, ни на йоту не разрушающие образа безобидной старой развалины.

Расправив плечи, он не почувствовал на этот раз жесткого прикосновения стоячего воротничка лейтенантской униформы, к которому так успел привыкнуть. Сегодня, дабы обезоружить врага, Дженсен воспользуется тем же оружием, что и стоящая перед ним шхуна, то есть маскировкой.

Итак, вот перед ним «Мэрити», предмет любви и гордости Маккензи Джеймса, контрабандиста, объявленного к розыску властями восьмидесяти шести планет Альянса по обвинению в государственной измене, незаконной торговле оружием, кражах и перепродаже секретных документов Флота Пиратство – профессия не для любителей спокойной жизни; сам Военный Флот старается вовсю ради того, чтобы капитаны контрабандных судов расплачивались за свои прибыли долгосрочным тюремным заключением или преждевременной кончиной. Но Маккензи Джеймс, как уголовные досье именуют этого человека, о настоящем имени которого приходится только гадать, – далеко не обыкновенный контрабандист.

Если говорить в двух словах, то это профессионал необычайно высокого класса. Бесчисленные высокопоставленные чиновники, боевые капитаны и заслуженные адмиралы Флота, от которых за долгие годы своей криминальной карьеры он успел ускользнуть и кого он с беззастенчивой дерзостью обводил вокруг пальца, создали Маккензи Джеймсу репутацию крайне опасного типа. Он давно уже стал темой пересудов в барах и флотских казармах. Высокие чины настойчиво избегали упоминать его имя. Для Майкла Кристофера Дженсена-младшего столь долгожданный всеми арест этого контрабандиста означал нечто вроде посвящения в рыцари, быстрое продвижение по службе и славу в высшей степени надежного и навсегда доказавшего свои блестящие качества офицера. Молодому офицеру, еще не успевшему отличиться в боях против халиан, следовало непременно справиться с Маккензи Джеймсом.

Дженсен поправил завязки столь непривычной для него накидки Вольного Стрелка, которую не без труда раздобыл специально на этот случай. Он знал, что выглядит, как полагается: мускулистая фигура, темные волосы, карие глаза. Методичный до педантичности, Дженсен тщательно проследил, чтобы все до последней детали соответствовало выбранному образу. Как и многие своенравные миряне, члены ордена Вольных Стрелков слишком уж любят независимость, чтобы подчиниться командованию Флота. Капитаны контрабандистских судов нашли в их лице обширный и надежный рынок незаконного сбыта оружия. Лишь самые отчаянные решались вести с членами этого ордена какие-нибудь дела: уж слишком они были не от мира сего. Или просто чересчур горды и упрямы. И все-таки, ступив на территорию доков, молодой офицер почувствовал, как вспотели ладони. План у него, быть может, и превосходный, и разработан тщательно, но сам Дженсен по характеру был не настолько нахален, чтобы не испытывать теперь страха. Прежде чем непредвиденная остановка для экстренного ремонта задержала шхуну здесь, капитан «Мэрити» успел разрушить не одну многообещающую карьеру. Маккензи Джеймса никогда и никому, даже в самых непредвиденных обстоятельствах, не удавалось застать врасплох.

Особенно здесь. База Далеккого Мыса – перекресток множества дорог посреди удаленной окраины Карсейской области – крупный центр как вполне законной торговли, так и множества интриг самого сомнительного свойства. Патрули здесь появляются лишь от случая к случаю, а в долгих паузах между их визитами Далекий Мыс переполняют всевозможные не слишком легальные товары и личности с подозрительным юридическим статусом.

Гул бесчисленных подъемных кранов и вонь перегретых механизмов, из-за которой затхлый кондиционированный воздух отдавал противным металлическим привкусом, отнюдь не способствовали размышлениям. Дженсен осторожно пробирался к шхуне, то и дело нагибаясь, чтобы пролезть под тянувшимися к различным приспособлениям электрокабелями. Ему уже изрядно надоело на каждом шагу обходить приземистые радиоуправляемые автопогрузчики, уступая им дорогу. Окаймленная черной тесьмой накидка Вольного Стрелка притягивала взгляды рабочих. Он попра-

вил капюшон, стараясь держаться с подобающей надменностью. Маскарад, кажется, и впрямь удался. Вот портовый рабочий уступил Дженсену дорогу, а вот еще кто-то, невидимый из-за края капюшона, пробормотал откуда-то сбоку: «Прошу прощения, Вольный Стрелок».

Дженсен утопил руки в отделанных яркой тесьмой обшлагах рукавов и продолжал двигаться вперед легким шагом, словно с детства привык расхаживать по холодным, изрезанным ветром пескам. Маккензи Джеймса можно провести, только предусмотрев каждую мелочь. Паукообразный силуэт. Мэрیتی с каждой минутой приближался, и посторонние мысли отодвинулись на второй план. Теперь Дженсен уже не жалел о том, что обстоятельства заставили его привлечь к делу лейтенанта Шилдз. Сейчас она на курьерском корабле, дежурит где-то на самой кромке гравитационного поля Далекого Мыса, и это обстоятельство могло оказаться решающим. Пусть формально она и была его начальницей, и принять этот план Дженсен заставил ее шантажом, пускай и скрытым. Как бы то ни было, Шилдз не даст ему пропасть. Чтобы вмешаться, ей достаточно лишь направить корабль к базе.

Дженсен умудрился ни разу не споткнуться и не зацепиться ни за один кабель, пересекая площадку, отделяющую «Мэрیتی» от причала. Он снова вспомнил лейтенанта Шилдз, и глаза его под козырьком капюшона решительно сузились. Дженсен твердо пообещал себе, что воспользовался влиянием своего отца в личных целях последний раз в жизни. Человек, сумевший арестовать Маккензи Джеймса, может заказывать музыку и без этого. Продолжая об этом думать, Дженсен изучал пазы, по которым двигался механизм, запирающий входной люк «Мэрیتی». Мощь этих замков была столь очевидна, что юный офицер Флота едва не присвистнул от восхищения, сдержавшись в последнее мгновение. Теперь ему свистеть нельзя: Вольный Стрелок никогда не издаст ни единого звука, напоминающего музыку, иначе как исполняя религиозный обряд. Это внимание к мелочам оказалось как нельзя кстати, потому что через мгновение Дженсен обнаружил, что за ним наблюдают. Быстрый и внимательный взгляд, упавший на мнимого Вольного Стрелка, принадлежал человеку, служившему на «Мэрیتی» помощником капитана.

Помощник относился к тому самому типу людей, которых всегда и нанимал Маккензи Джеймс: молодой, атлетического сложения, ни с кем и ни с чем в этом мире не связанный, кроме самого капитана. Заметив плащ Вольного Стрелка, он оторвался от грузовой капсулы, заляпанной сверху донизу таможенными марками, дабы придать ей законный вид в глазах властей. В следующую секунду помощник капитана уже стоял на пути Дженсена, рассматривая полузакрытое капюшоном лицо внимательными, много повидавшими глазами.

– Вам нужен Мак Джеймс, – это было скорее утверждение, чем вопрос.

Ударение он сделал на слове «Джеймс», а «Мак» прозвучало скорее как какая-то приставка, чем имя. Дженсен отметил про себя эту особенность и в знак согласия очень сдержанно, как и подобает Вольному Стрелку, кивнул.

Собеседник улыбнулся, и лицо его вдруг словно постарело на несколько лет. Рабочая спецовка висела на пирате мешком. Не иначе как он прятал под ней оружие.

– Бог ты мой, стоит нам только приземлиться, даже неожиданно для самих себя, и кто-нибудь из вас тут как тут, – проговорил он в той беззаботной манере, которая сильно противоречила ощущавшемуся в его фигуре напряжению.

Что ж, подозрительность контрабандистов можно понять. Особенно к незнакомцам.

– Так Мак Джеймс у себя? – спросил Дженсен, старательно выговаривая имя точно так же, как это сделал помощник с «Мэрیتی».

– Мак наверху, – помощник неожиданно завершил изучение личности гостя. Он кивком головы пригласил молодого офицера следовать за собой и, приблизившись к кораблю, указал в открытую пасть люка.

Дженсен глубоко вздохнул, поправил капюшон и поднырнул под ближайшую опору «Мэрیتی». Нога опустилась на трап, и потребовалось немало усилий, чтобы преодолеть неожиданно возникшее паническое желание бросить все и уйти. Но честолюбие, каждый вечер не дававшее Дженсену спокойно уснуть, и на этот раз подтолкнуло вперед. Фигура помощника исчезла в тени.

Дженсен шагнул в люк. После ярко освещенных дуговыми лампами доков внутреннее помещение «Мэрیتی» казалось темным и мрачным. Подошвы башмаков Дженсена, какими обычно пользуются астронавты, слегка позвякивали по металлической решетке. Дженсен несколько раз моргнул, чтобы побыстрее привыкнуть к темноте и тут услышал щелчок замка второго, внутреннего люка. Струя свежего прохладного воздуха потянулась к входной двери, и посетитель понял,

что там, за внутренней перегородкой, всякое сходство «Мэрити» с торговым грузовиком заканчивается. Только на судне, снабженном точнейшим навигационным оборудованием и высшего качества электронной броней, которую можно назвать произведением искусства, станут заботиться о том, чтобы поддерживать неизменным состав атмосферы даже во время стоянки в порту.

Помощник капитана остановился в конце коридора.

– Мак! – крикнул он куда-то в глубь корабля.

Ему ответил голос с верхней палубы, многократным эхом отразившийся в пустоте трюма.

– Тебя тут пришли навестить, – помощник махнул рукой Дженсену, давая понять, чтобы тот шел дальше по главному коридору один: – Лестница на мостик вон там, налево.

Не переставая удивляться, что его вот так запросто оставили в одиночестве, Дженсен переступил порог внутреннего люка, изо всех сил стараясь изображать осанку Вольного Стрелка, и похолодевшими ладонями взялся за поручни лестницы. Вдали слышалось приглушенное гудение автопогрузчиков, возившихся где-то снаружи «Мэрити». Потом со свистом закрылся внутренний люк. Напрочь отрезанный от базы и всего внешнего мира, Дженсен различил в гуле кондиционеров шипение лазерного светового пера, разрезающего металл.

– О деле говорить будем или на месте топтаться? – грубо окликнул сверху капитан «Мэрити».

Дженсен полез вверх по лестнице. Изрядно вспотев под рясой Вольного Стрелка, он поднялся на мостик и оказался в комнате без окон. Напротив двух коек, на которых и располагалась обычно вся команда этого корабля, покоилось множество погасших экранов. Пульты управления под ними оказались новейшего образца и очень сложные. Дженсен не увидел на них ни единой таблички с надписью и никаких предупреждающих сигналов, знакомых по боевым кораблям Флота. Эти слепые пульты управления выглядели просто пугающе, и ему стало немного не по себе. Человек, управлявший «Мэрити», знал ее как собственную жену, а помощников он себе нанимал таких, которые могли провести самый сложный маневр или причалить в битком набитом порту с закрытыми глазами.

– Ты не из Вольных, – констатировал замогильный голос капитана откуда-то из-за спины.

Дженсен резко обернулся, зацепившись краем накидки за верхушку лестницы. В углу над панелью управления скорчился человек, ради поимки которого добрая половина командования Флота согласилась бы рискнуть погонями. В ослепительном свете лазерного фонарика Дженсен увидел грязную спецовку, изуродованные шрамами руки и резко очерченный профиль хмурого сосредоточенного лица. Глаза цвета холодной стали, прикрытые от лазерных вспышек откидным щитком, не отрывались от внутренностей вскрытой приборной панели «Мэрити». Маккензи не взглянул на него даже тогда, когда Дженсен пошевелил спрятанной под плащом рукой, схватив пистолет.

– Не потрудишься ли объяснить, зачем явился?

Лазерное перо чуть-чуть сдвинулось, и фонарь выхватил из темноты покрытые шрамами пальцы капитана. Дженсен узнал старые электрические ожоги, полученные, когда Маккензи Джеймс возился с приводом корабля, к которому были подключены заряженные конденсаторы. Значит, эта история не вымысел: Джеймс голыми руками заменил находившийся под напряжением модуль, чтобы обеспечить себе побег из порта, когда служба безопасности пыталась его задержать.

– Вы торгуете оружием, – начал было Дженсен, зачарованный быстрыми и точными движениями пальцев, которые по всем биологическим законам должны были после той истории остаться скрюченными и неподвижными, и умолк. Прямота и откровенность этого человека сбили его с толку. Дженсен вдруг позабыл о сдержанности, с какой должен вести себя Вольный Стрелок. Но с другой стороны ведь Мак Джеймс уже заявил, что его гость не из Вольных. Почему же он тогда вообще впустил его? Выбитый из колеи Дженсен не мог ни о чем думать, он лишь стоял и восхищался тем, как ловко и проворно эти изувеченные шрамами пальцы управляют со сложнейшей электроникой.

– Ты пришел не за тем, чтобы заключить сделку.

Маккензи Джеймс встряхнул какой-то контакт, обработал лазерным пером и щелкнул выключателем. Лазер погас, и капитан «Мэрити» повернулся к посетителю, массивный, как медведь, с уха смешно свисал ремешок с зажимом от защитного щитка. Он откинул кверху щиток, открыв удивительно детское и доверчивое лицо, которое так не вязалось с репутацией этого человека.

Дженсен открыл было рот, желая что-то сказать, но его перебили.

– Ты из Флота, приятель. И не пытайся забивать мне голову всяким враньем, – Мак Джеймс сорвал с головы ремень со щитком и с грохотом зашвырнул его куда-то на верх панели управления корабля, туда, где часть обшивки была вскрыта. – Будешь врать, поимеешь неприятности, и учти, это, пожалуй, самая мелкая претензия из тех, которые я мог бы тебе высказать, – он тяжело облокотился на ближайшее кресло. Все говорило о том, что Маккензи Джеймс изрядно раздражен. – И не волнуйся так за свой пистолет, я и без того знаю, где он.

– В таком случае ты сдашься без лишнего шума, – сказал Дженсен. К нему вернулась уверенность. – Последний груз «Мэрити» был контрабандой.

Маккензи Джеймс провел изуродованными пальцами по спутанным волосам:

– Ты ставишь меня в довольно затруднительное положение, мой мальчик. А у меня, говорят, не очень-то приятный характер.

– Меня это не касается, – Дженсен высвободил из-под накидки пистолет, с удовлетворением отметив, что руки не дрожат. – Ваши бумаги, капитан. Говорите, где они.

Маккензи Джеймс плюхнулся на койку. Падающий сверху свет играл на потертом медальоне, свисавшем на цепи с шеи капитана. Выдавленные почерневшие буквы легко читались даже в полумраке: «Маккензи Джеймс. Старший лейтенант». Значит, и это правда, мелькнуло в голове Дженсена. Или по крайней мере часть. В один прекрасный день на Кассидах забеременела некая потаскушка, а потом, уже вместе со своим незаконнорожденным сыном, тайком пробралась однажды на казенную квартиру своего любовника-офицера. Вскоре раздался сигнал боевой тревоги, и капитан корабля, обнаружив на борту гражданское лицо, вышвырнул ее через люк в открытый космос в назидание всем остальным. Любовник в ближайшем же бою погиб. Оставшийся ребенок, который, может быть, приходился ему сыном, а может быть, и нет, вскоре был отправлен в благотворительный приют для сирот на одной из планет Альянса. Разумеется, он получил, как положено, имя и фамилию, но сам никогда не называл себя иначе, как в соответствии с надписью на этом собачьем медальоне, причем фамилию ставил на первое место, а имя на второе. И с детства не питая особой любви к военным, мальчик этот, повзрослев, занял первое место в списке разыскиваемых всем Флотом преступников.

– Мальчик мой, – Маккензи Джеймс перевел на гостя усталый взгляд, – если ты намерен продолжать в том же духе, может пострадать множество совершенно посторонних людей.

– Каких людей? – Дженсен сделал выразительный жест дулом пистолета. – Далеко не все ваши клиенты таковы, как эти Вольные Стрелки, надеющиеся разгромить халиан в одиночку. Ваши контрабандные стволы годятся не только для самообороны. С таким же успехом их применяют и преступники.

– Бог ты мой! – эти слова Маккензи Джеймс произнес с точно такой же интонацией, как и его помощник несколько минут назад. – Что ж мне-то до сих пор никто не сказал, что я такой розовый идеалист?

«Мэрити» слегка встряхнуло, как это бывает, когда на корабль укладывают груз.

– Мой судовой журнал в сейфе у правого борта, – сказал Маккензи Джеймс и вздохнул. Вид его выражал полное смирение. – Вот ключ.

Искореженные шрамами пальцы моментально пришли в движение, включая лазер. В последнее мгновение Дженсену удалось пригнуться и спасти глаза от ослепляющего луча. Он сумел даже удержать свой пистолет, направленный точно на вспотевшую грудь Маккензи, проглядывавшую из-под расстегнутой спецовки. Но Дженсен решил не нажимать на курок, и очень скоро стало ясно, что напрасно.

Руки, которые по всем законам природы должны были бы давно лишиться всех своих способностей, щелкнули каким-то переключателем, и «Мэрити» вдруг ожила, сотрясая воздух ревом стартовых двигателей. Опоры и тросы, удерживавшие корабль на площадке, лопнули и разлетелись на куски. С включенными на полную мощь гравитационными ускорителями «Мэрити» двинулась напролом через закрытые двери ангара. Дженсена швырнуло на палубу. Он слышал, как скрежещет металл причальных опор, потом почувствовал, как «Мэрити» дернулась, развернулась на пол-оборота и, окончательно освободившись, рванулась вперед, в глубины космоса. За кораблем тянулся длинный хвост обломков того, что когда-то служило оборудованием доков. В ужасе Дженсен представил себе хаос, царящий сейчас на базе Далекого Мыса. Воздух со свистом выходит из разрушенного ангара, оглушительно воют сирены, а по изуродованным телам погибших

рабочих, которых «Мэрити» принесла в жертву своей свободе, с присущей всем необремененным разумом механизмам трудолюбивой старательностью продолжают ползать потерявшие управленческие автопогрузчики.

Маккензи Джеймс неподвижно сидел в потертом кресле кабины управления.

– У этого корабля несколько блоков запасных двигателей, – заявил он, – персонал базы Далекого Мыса, да и власти Карсейской области слишком хорошо знают, что с нами не стоит связываться.

– Ублюдок, – процедил сквозь зубы Дженсен. Он медленно поднялся, с трудом преодолевая гравитационные перегрузки. Дуло пистолета продолжало смотреть точно в грудь противнику. – Твой помощник тоже пошел в расход?

– Эванс? – Маккензи Джеймс отключил лазер. За все это время выражение его лица ни разу не изменилось. – Никто из Вольных еще не приближался к этому кораблю без долгих секретных переговоров с нами и предварительной встречи наедине. Эвансу следовало бы об этом помнить.

Но к Дженсену уже вернулось спокойствие. Та легкая вибрация перед самым взлетом – это ведь наверняка задраивали люк. Эванс, по всей вероятности, здесь, на борту. Пульты управления не подают никаких признаков жизни, но на этом корабле, снабженном всевозможными резервными дублирующими системами, помощник капитана может прямо сейчас управлять «Мэрити» с какого-нибудь другого пульта, надежно спрятанного в укромном углу. Если Эванс теперь у руля, лейтенанту Шилдз придется приподнять свою очаровательную задницу и развить максимальную скорость. К счастью, деловые способности Шилдз вполне соответствуют ее амбициям.

Сейчас самое главное перехватить управление кораблем, прежде чем системы «Мэрити» разогреются до такой степени, что можно будет включить маневровый привод. В тусклом мерцании панелей управления Дженсен отвел в сторону мушку пистолета и нажал на спусковой крючок.

Световое перо в руке Маккензи разлетелось на куски. Осколки вонзились в запястье; показалась кровь. А пуля, просвистев между ног капитана, зарылась в обшивку соседнего кресла.

Мак Джеймс двинулся с места, но на этот раз Дженсен был наготове. Прежде чем капитан успел скрыться за обшивкой мостика, офицер флота загнал его в угол. Тяжело дыша и взмокнув от пота под дурацким плащом Вольного Стрелка, он ткнул стволом под левую лопатку контрабандиста:

– Поворачивайся. Сложи руки за спиной. Одно лишнее движение – и ты покойник.

Маккензи Джеймс заворчал, высвободил правую руку и медленно вытянул ее за спиной:

– Ты из элитного корпуса?

– К несчастью для тебя, – ответил Дженсен, уделяя куда больше внимания левой руке пленника, чем этому признанию собственных достижений, ради которых приложил столько усилий. Держа наготове пистолет, он расстегнул плащ и извлек пару петлеобразных наручников, тонких и легко врезающихся в кожу, способных усмирить любого – от убийцы-маньяка до заурядного истеричного скандалиста. Через секунду на запястьях Джеймса защелкнулись первые в его жизни наручники.

– А теперь приподнимите-ка ноги, капитан.

Джеймс повиновался, и еще одни наручники туго обхватили щиколотки.

Не в силах более сдерживать радостную улыбку, Дженсен завершил эту процедуру и принялся обыскивать капитана. Пленник оказался мускулистым, как атлет. Это было столь неожиданно, что офицер насторожился. Тела большинства контрабандистов хрупки и почти что безжизненны от долгих часов, проведенных в невесомости, когда практически все системы корабля отключены, дабы сделать незаметным его присутствие. У Маккензи Джеймса не оказалось при себе никакого личного оружия, кроме маленького ножа, чехол которого капитан вделал в подошву ботинка. Дженсен достал нож и неуклюже перевернул пленника на спину. Маккензи уставился на него холодным оценивающим взглядом, от которого Дженсену, несмотря на пистолет в руках, стало немного не по себе.

– А сейчас ты мне скажешь, откуда Эванс управляет кораблем. Четко и быстро.

– Сейчас? – с невообразимым нахальством улыбнулся пленник. – Сейчас, я полагаю, останки моего помощника уже упакованы в пластиковый мешок.

– Там, на базе?

Дженсен усилием воли подавил желание придвинуться ближе. Даже связанный, капитан вполне может извернуться и сбить его с ног.

– Не держи меня за дурака, Джеймс. Если Эванс погиб на базе вместе со всем персоналом дока, то кто тогда управляет кораблем?

Усмехающееся лицо Маккензи приняло глубокомысленный вид:

– Видишь ли... Теперь я, кажется, довольно отчетливо припоминаю, что «Мэрити» движется благодаря тому, что контакты акселератора напрямую подсоединены проводами к регулирующей обмотке, и, следовательно, если предполагать, что я не вру, любому дураку ясно, что она взорвется, как только конденсаторы перегреются.

Дженсен задумался, изучая полное непреклонного мужества и какого-то ослиного упрямства лицо человека, которому уже довелось с успехом противостоять бесчисленному сонму служителей закона. Вполне вероятно, что капитан лжет, хотя если судить по его репутации, он вполне способен на такое. Перед Дженсеном стояла весьма трудноразрешимая задача.

– Не стоит так долго ломать голову, мой мальчик, – улыбка исчезла с лица Маккензи Джеймса. – После того, как ты столь геройски искорежил мое лазерное перо, для того, чтобы разомкнуть электрический контур, мне придется потратить некоторое время на поиски режущих инструментов.

– Заткнись.»

Дженсену потребовалась лишь пара секунд, чтобы собраться с мыслями. На «Мэрити» где-то должен быть общий рубильник, который отключает двигатели в случае опасности; никаких других предохранителей и сигнальных систем здесь не найти: врубать технику до отказа, на полную мощность, далеко превышающую пределы безопасности, – обычное дело для контрабандистов. Этот корабль не соответствует никаким мыслимым стандартам, это уникальная конструкция, изготовленная в единственном экземпляре, да еще и постоянно модифицировавшаяся самым хитрым из преступников, действующих на территории Альянса, а значит, Дженсен сел в лужу. Если теперь освободить Маккензи Джеймса, чтобы тот сам расхлебывал заварившуюся кашу, он, пожалуй, внесет еще больший хаос в электропроводку и, скорее всего, станет полным хозяином положения.

Надо рискнуть, подумал Дженсен. Решительность его объяснялась еще и тем, что Эванс все-таки может находиться на борту, а это грозит большой опасностью.

Наручники Маккензи Джеймса прикреплены к обшивке палубы сразу же за спиной, а в таком положении он не сможет даже перевернуться на живот. Возле ног пленника нет ничего, чем он хоть как-то мог бы воспользоваться. Убедившись, что следить за капитаном нет необходимости, Дженсен запер за собой дверь на мостик и спустился в служебный отсек «Мэрити». Теперь, в отсутствие поля тяготения Далекого Мыса, здесь царил невесомость. Космический холод постепенно проникал сквозь металлические стены. Дженсен плыл сквозь легкий туман, создаваемый его дыханием, и касался вспотевшими руками ледяных ступенек лестницы. От мысли, что в любой момент снизу может ударить плазменная струя и в мгновение ока изжарить его, словно запутавшуюся в паутине муху, по спине побежали мурашки. Накидка Вольного Стрелка путалась между ног. Дженсену отчаянно хотелось сбросить эту тряпку, но он не решался. В поясе плаща был спрятан передатчик, по сигналам которого лейтенант Шилдз сможет всегда определить его местонахождение и координаты «Мэрити», как бы далеко ни углубился корабль в открытый космос.

Впрочем, до подножия люка Дженсен добрался без происшествий. Сжимая в руке пистолет, он рванул вперед, не дождаввшись даже, когда подошвы коснутся палубной обшивки. Ситуация стала теперь вдвойне опасной, так как главный коридор расходился в двух направлениях; помощник Маккензи Джеймса может без труда пробраться за его спиной на капитанский мостик и освободить своего шефа. То, что у Эванса нет ключей от наручников, а сделаны они из особого материала, который крайне сложно перерезать, служило слабым утешением. Под устным руководством Мака Джеймса Эванс сможет управлять с мостика полетом «Мэрити».

Дженсен нервно оглянулся через плечо. Он поворачивал за угол коридора возле входного люка, через который впервые попал на «Мэрити». Впереди лежал трюм, освещенный лишь слабым огоньком индикатора, сигнализировавшего, что все системы жизнеобеспечения в этой части корабля отключены. Дженсен в нерешительности помедлил. Если внешний люк задраен, значит, Эванс обязательно на борту. Надо наконец в этом убедиться и не забивать больше себе голову сомнениями. Дженсен решительно надавил кнопку возле закупоренного на двойной замок трюмного люка.

Зажглись дуговые лампы, неприятно резанув привыкшие к полумраку глаза. Сощурившись,

Дженсен заглянул во встроенный в крышку люка иллюминатор. За пестрой мозаикой обшивки, нагромождением всевозможных подпорок и стеллажей ясно просматривался надежно задраенный внешний люк. Рядом, сверкая красками в ярком свете, лежала та самая грузовая капсула, которую Дженсен видел на площадке перед кораблем на базе. Невольный страх вновь мурашками пробежал по спине. Даже если Маккензи Джеймс закупорил люк, включив дистанционное управление где-то внутри скрытой приборной доски, капсула эта в любом случае не могла въехать на борт без посторонней помощи. Наверняка, именно помощник капитана Эванс дал старт кораблю, а значит, любое освещение для Дженсена теперь крайне нежелательно, поскольку выставляет его напоказ. Дженсен протянул руку, чтобы выключить фонари, и вдруг остановился, заметив некий громоздкий предмет, плавающий в невесомости над решетчатым полом трюма.

Штуковина эта медленно перевернулась, и Дженсен, разглядев в ней знакомые очертания, понял, что ему повезло. Система автоматического отключения лифта в момент старта сделала Эванса узником трюма. Дженсен быстро перевел взгляд на приборы возле панели управления люками. Трюм «Мэрити» удерживал атмосферу, но не обеспечивал очистку воздуха и пополнение его кислородом. Как правило, во избежание проникновения на корабль «зайцев» и тому подобных нарушений безопасности полета, грузовые отсеки кораблей конструируются так, что из них невозможно попасть в обитаемую часть судна. Теперь помощнику капитана «Мэрити» остается лишь дожидаться спасения извне, и тело его наверняка уже превратилось в сосульку, поскольку ледяной холод открытого космоса довольно быстро проникает в слабозащищенные грузовые трюмы.

Дженсен оценил ситуацию и хладнокровно выключил освещение. Гудение в коридоре нарастало: двигатели «Мэрити» медленно, но верно перегревались. Эвансу наверняка известно расположение аварийных рубильников, но на то, чтобы вытряхнуть из него информацию, уйдет слишком много времени. Дженсен подавил последний приступ угрызений совести по поводу судьбы этого человека.

Сумрак на нижней палубе «Мэрити» сгущался, Мороз пробирал все сильнее. Холодный воздух обжигал горло. Становилось трудно дышать, но Дженсен твердо придерживался своих намерений. Помощник капитана – контрабандист, преступник, а на таких типов исполняющий служебные обязанности офицер Флота не может смотреть сквозь пальцы.

Дженсен сбегал по трапу вниз, не спуская глаз с проложенных по верху стены кабелей. Двигаясь в том направлении, где кабели сходились, он приблизился к еще одному маленькому трапу и быстро спустился дальше, едва удержав равновесие на крутых ступеньках. Зашитый в пояс передатчик врезался в живот, напоминая, что в этом деле надо непременно добиться успеха, иначе лейтенанту Шилдз придется держать ответ за то, что они бросили свои прямые обязанности и сунулись на курьерском корабле не в свое дело. Гудение перегреваемых двигателей неумолимо нарастало, с каждой минутой приобретая дополнительные зловещные обертоны. Дженсен заткнул уши ладонями и слепо рванулся вперед. Кабели уходили в трубу возле небольшого люка. По расположенным здесь же электроцитам он понял, что силовые установки корабля лежат сразу за этим люком. Если ему придется вырвать обмотки голыми руками, чтобы предотвратить надвигающийся взрыв, сможет ли он потом обожженными пальцами управляться с пистолетом?

Но все эти размышления отошли на второй план, когда Дженсен обнаружил, что и проход, и все щитки блокированы электронным замком, реагирующим на сетчатую оболочку глаза, который сможет вскрыть лишь сам Мак Джеймс и, может быть, его помощник. Ничего другого не оставалось, как притащить сюда Эванса, и Дженсен устремился по коридору в сторону трюма.

Но когда он снова щелкнул выключателем, дуговые фонари высветили лишь пустынный решетчатый пол трюма. Блестящая в ярком свете грузовая капсула оказалась открытой, а Эванса и след простыл. Дженсен вздрогнул – отнюдь не от холода, резко повернулся и бросился к ведущему на мостик трапу. Он просчитался. Как самый настоящий кретин. «Мэрити» не просто кораблик, это шхуна контрабандиста. Каким же болваном надо быть, чтобы забыть, что корабль построен по совершенно оригинальной схеме и имеет весьма мало общего с обычным грузовиком!

Сами ступеньки трапа мешают теперь продвигаться: они здесь расположены совершенно не так, как требуется по флотским стандартам. Неуклюже цепляясь за лестницу в попытке добраться до цели как можно быстрее, Дженсен производил куда больше шума, чем следовало бы.

– К нам посетитель, – прозвучал наверху хриловатый голос Маккензи Джеймса, предупреждавшего своего помощника. – Запускай без всяких предварительных проверок и побыстрей

спрячься. Не сомневаюсь, что ты отлично помнишь координаты.

Эванс начал возражать, но в этот момент Дженсен как раз добрался до верхушки трапа. Резкий переход из невесомости в область искусственно создаваемой гравитации замедлил его движение, но все-таки ему удалось прыгнуть в сторону, под прикрытие блоков электронного оборудования. Эванс отлично знал о его появлении, но не стал оборачиваться, а, нагнувшись еще раз к приборной панели, лихорадочно настраивал какие-то параметры. Беспомощный, накрепко связанный Маккензи Джеймс в самых красочных выражениях проклинал медлительность своего помощника.

Испугавшись, что еще мгновение и будет поздно, Дженсен поднял пистолет и выстрелил. Пуля вошла Эвансу прямо в затылок. Помощник капитана рухнул прямо на панель управления. Тело его в последний раз дернулось и медленно сползло на палубу, оставив ярко-красные полосы на обшивке приборов.

Дженсен вздохнул с облегчением. Ну и попортил ему нервы этот проклятый Эванс! Между тем Маккензи Джеймс не произнес ни слова. Стальные глаза капитана пристально и неотрывно буравили офицера Флота. Казалось, капитан к чему-то прислушивается.

И Дженсен очень скоро понял, к чему. Двигатели «Мэрити» вдруг притихли, перейдя почти на шепот. Какое-то мгновение механизм корабля словно бездействовал, настраиваясь на новый лад, а затем заработал маневровый привод.

Дурное предчувствие заставило Дженсена похолодеть. Он выстрелил слишком поздно. Теперь шхуна мчится где-то в глубинах космоса в направлении, известном одному лишь Маккензи Джеймсу, да его покойному помощнику. Теперь курьерский кораблик Шилдз не сможет отыскать «Мэрити». И все-таки у Дженсена нет причин терять голову. Та самая дичь, за которой он охотится, контрабандист, поимка которого сулит быстрое продвижение по службе, все еще у него в руках.

Дженсен сунул руку во внутренний карман накидки Вольного Стрелка, чтобы достать новый патрон. Пальцы запутались в складках ткани, он выругался и с усилием вытащил руку.

– Вольные большей частью носят оружие на перекрещенных на груди ремнях, – разорвал тишину голос Маккензи Джеймса. – Карман служит для капсул с инсектицидом, чтобы уничтожать паразитов, а вделанный в шов крепежный карабин – для подвешивания бурдюков с водой.

Дженсен стиснул зубы, с нарочитой деловитостью перезаряжая пистолет. Если Маку Джеймсу угодно побеседовать, ему следует отыскать более подходящую тему, чем эти сентенции.

– Бог ты мой! Да в кого ж ты теперь-то будешь стрелять. Неужели в меня?

Мак Джеймс ни разу даже не взглянул на тело, истекавшее кровью на расстоянии вытянутой руки от него.

Дженсен сунул новый патрон в магазин пистолета и постарался разобраться, почему Джеймс пытается сбить его с толку своей болтовней. Теперь ситуация изменилась, и игра может стать куда опаснее. Конечно, он по-прежнему владеет ситуацией, но капитан теперь все-таки не полностью в его руках. Пульты управления «Мэрити» практически отключены, а маневровые двигатели уносят ее в каком-то неведомом направлении. Дженсен не без труда подавил первые ростки сомнений. Допустим, он сможет вскрыть электронный замок, преграждающий путь к двигателям, подтащив к нему капитана и насильно придвинув к датчикам. Но что толку в отключении конденсаторов маневрового привода «Мэрити», если он не имеет никакого понятия о ее местонахождении? Дженсен перешагнул через вытянутые ноги помощника капитана. Почти все экраны мертвы. Никакой информации на них не найдешь, так же как и на остальных приборных панелях. Он изучал содержимое вскрытых приборных панелей – причудливый лабиринт проводов и плат, и тут ему пришло на ум, что Мак Джеймс мог подготовить еще одно дьявольское Оружие. Пульты управления «Мэрити», возможно, не станут слушаться ни одной руки, кроме его собственной. Дженсен судорожно сцепил руки. Его охватила такая досада, что на мгновение он даже почувствовал головокружение. Ну нет, он выйдет, несмотря ни на что, из этого положения победителем и добьется повышения, которого давно заслуживает. Вновь преисполнившись решимости, Дженсен принялся искать на тусклом мерцающем навигационном экране координаты пункта назначения.

Отметка по-прежнему маячила внутри все той же Карсейской области, а значения координат – поразительно знакомы. То что Джеймс решил отвести «Мэрити» на столь малое расстояние, каких-то пару часов пути от Далекого Мыса, который только что разрушил, свидетельствовало об уверенности капитана в собственной безопасности. Дженсен спрятал ладони под плащом, стараясь

не выдать своего торжества. В пункте назначения он узнал Мир Каstellтона – планету, остававшуюся безжизненной до самых последних времен, когда командование Флота воздвигло на ней мощный форпост. Ее патрулировали две эскадры, да еще тяжелый броненосец на звездно-синхронной орбите, обеспечивая безопасность, пока идет строительство основных объектов внизу.

Дженсен оторвал взгляд от пультов управления и с удивлением обнаружил, что Маккензи Джеймс спит. Поддавшись какому-то иррациональному желанию нарушить безмятежный отдых капитана, Дженсен сказал:

– Мир Каstellтона вряд ли станет хорошим убежищем. По крайней мере, сейчас.

– Не очень-то большим доверием ты пользуешься у своего начальства, а, мальчик мой? – отозвался Маккензи Джеймс не открывая глаз. – А может, эти новости слишком уж свежи, чтобы успеть до этого начальства дойти. Или флотские шишки слишком заняты планированием высадки на Вифезду, чтобы держаться в курсе последних событий.

План высадки десанта на Вифезду считался абсолютно секретным. Дженсен весь сжался, пораженный тем, что простой контрабандист столь подробно осведомлен о военных тайнах Флота.

Глаза пленника открылись в тот самый момент, когда Дженсен навел на него пистолет. Во взгляде капитана так ясно читалось мрачное хладнокровное веселье, что Дженсену страстно захотелось нажать на спусковой крючок.

– Халиане, – с недвусмысленной прямоотой заявил Маккензи Джеймс. – Новенькая каstellтонская база захвачена. Последние очаги сопротивления подавлены, а все живое уничтожено.

Невероятность этого заявления заставила Дженсена замереть. Рука с пистолетом чуть дрогнула. Нет, этого не может быть. Капитан врет. Все это он придумал прямо сейчас лишь для того, чтобы спровоцировать противника на какой-нибудь неосторожный шаг. Вот только Дженсен с давних пор положил себе за правило никогда не совершать неосторожных шагов.

– Тебе следовало бы удалить останки моего помощника с капитанского мостика, мальчик мой. Если ты, конечно, не собираешься меня пристрелить просто ради своего оскорбленного самолюбия, – невозмутимо продолжал Мак Джеймс. – Потому что, если только у тебя не возникло желания стать халианским рабом, мне придется восстановить кое-какую электропроводку и спотыкаться об эту мертвечину как-то не очень хочется.

Откровенная наглость подобного предложения вернула Дженсену самообладание.

– Ты что, считаешь меня полным идиотом?

Спутанный крепкими наручниками Мак Джеймс пошевелился, устраиваясь поудобнее:

– Разумеется. А вот до какой степени – это мы сейчас выясним.

Дженсен стиснул челюсти, опустил дуло пистолета, зло щелкнул предохранителем и повернулся к пленнику спиной. Все экраны и датчики оставались безжизненными. Когда «Мэрити» закончит маневр и перейдет в обычный дрейфующий полет, нельзя будет ни одним из известных способов определить, кому принадлежит движущийся навстречу корабль – Флоту Альянса или противнику. К тому же одному дьяволу известно, включены ли электронные системы защиты или нет. Дженсена охватило отвратительное чувство абсолютной беспомощности. Проклятый Мак Джеймс загнал его в угол. Не будучи знатоком электроники, он не сумеет без помощи капитана восстановить приборы.

– Датчики и графические экраны, – нарочито растягивая слова, произнес Мак Джеймс из-за спины своего тюремщика, – работают как полагается, мой мальчик. Но для этого, как ни странно, совершенно необходимо нажать на кнопку «Вкл.»

Дженсен из принципа помедлил. Кто его знает, может быть, панель управления таит в себе какую-нибудь ловушку. Но все-таки здравый смысл заставил его признать, что Мак Джеймс вряд ли станет замышлять убийство, оставаясь намертво связанным. Если, конечно, только в его планы не входит самоубийство. Внутренне приготовившись ко всевозможным неожиданностям, Дженсен отыскал на панели переключатель и нажал на него. Графический экран ожил, весело замерцал звездочками, пока датчики собирали информацию, а затем снова стал абсолютно черным. Дженсен заставил себя успокоиться. Так и должно быть: там просто ничего не может появиться, пока «Мэрити» не войдет в окрестности какой-нибудь звездной системы.

Дженсен перебрал все переключатели, относящиеся к вооружению корабля, но безуспешно. Компьютер-лоцман также не подавал никаких признаков жизни, и лишь насмешливый взгляд Маккензи Джеймса, который он так и ощущал на своей спине, удержал Дженсена от того, чтобы начать в отчаянии колошматить по приборным панелям. Единственное, что выдавало хоть какую-

то информацию, был хронометр автопилота «Мэрити». И самой неприятной, внушавшей в высшей степени дурные мысли частью этой информации являлось то, что корабль должен войти в освещенную Кастелтонской звездой зону не позже чем через тридцать минут.

Дженсен зашагал по рубке, усердно стараясь не наступить в лужу крови, не выйти за пределы гравитационного поля «Мэрити», а также не встретиться взглядом с проклятым Маккензи. Освободить капитана он не решался, и в то же время появиться в освещенной звездой зоне возле занятой халианами базы, не имея возможности ни пустить в ход вооружение корабля, ни даже маневрировать, означало выбрать такую ужасную судьбу, какую трудно вообразить. Далеко не последнее место в его рассуждениях занимало то, в чем Дженсен ни за что в открытую не признался бы: ему еще ни разу в жизни не приходилось видеть ни одной боевой операции против халиан. И все-таки главное опасение вызывало другое: он ни минуту не сомневался в собственном мужестве, но вот необходимость встретиться с противником, пилотируя этот маленький кораблик, эту кустарно приспособленную к военным действиям торговую посудину, не оставляла от решимости Дженсена камня на камне.

Хронометр автопилота продолжал щелкать. Семь минут до вхождения в освещенную зону. Судя по лицу Мака Джеймса, тот опять уснул. Подобное поведение казалось чем-то ненормальным, пока Дженсен наконец не вспомнил, что «Мэрити» причалила к Далекому Мысу сорок восемь часов тому назад, а по перепачканному комбинезону капитана было ясно, что он наверняка не спал все это время, полностью занятый починкой корабельного оборудования. Дженсен и сам не смыкал глаз почти столько же, но возбуждение и стрессовая ситуация взвинтили его настолько, что он не мог расслабиться ни на мгновение.

За полторы минуты до вхождения в освещенную зону Маккензи Джеймс открыл глаза. Труп его помощника по-прежнему лежал на палубе. Дженсен стоял возле графического экрана, в возбуждении сжимая пистолет. Он по-прежнему не мог ни на что решиться.

Одна минута до вхождения в зону. Тихим и спокойным голосом Мак Джеймс посоветовал нажать переключатель, снимающий блокировку энергопитания защитных систем, и хотя последовать этому совету означало для Дженсена выразить свою капитуляцию, он предпочел не поддаваться дурацкой гордости. В голове промелькнуло подозрение, что работоспособно гораздо больше оборудования «Мэрити», чем можно судить по контрольным экранам, но на длительные проверки уже не осталось времени. Сирена оповестила об окончании фазы маневра, автопилот отключился, какой-то момент стояла жутковатая тишина, знаменовавшая отсоединение маневрового привода, а затем полет продолжился в обычном режиме. В напряженном ожидании Дженсен вглядывался в экран.

И вот наконец темноватым сумрачным шаром, испещренным по краям серыми пятнышками, показался Мир Кастелтона. Большая из двух лун отливала серебром с освещенной стороны, но Дженсен эту романтическую картину едва удостоил взглядом. Приборы продолжали обрабатывать информацию, и вот уже экран засиял множеством серебристых блесков. Судя по форме, это были разведывательно-дозорные корабли. Среди них маячили две фигурки побольше, несомненно крейсера. Третий крейсер скрылся за диском кастелтонской планеты.

– Бог ты мой, – заметил Мак Джеймс, неуклюже выгибая шею, чтобы разглядеть экраны, – а они не теряли время, наращивая свои военные силы. Как тебе кажется, а?

– Не может быть, чтобы это были халиане! – огрызнулся Дженсен.

Вой сирены заставил его умолкнуть. Графический экран вспыхнул сигналами тревоги, а один из изображенных на них солнечных зайчиков сверкнул бледным красноватым ореолом.

– Кому бы они ни принадлежали, мой мальчик – врагам ли. Флоту, но один из них явно собирается открыть огонь, – Мак Джеймс раздраженно вздернулся, натягивая свои путы. – Ну что ж, если ты желаешь попасть в рабство, а может быть, даже и на стол вивисектора, тогда можешь продолжать в том же духе.

Отчаяние захлестывало Дженсена, но он по-прежнему не решался ничего предпринять; сирены «Мэрити» вдруг взвыли как ошалелые, электронная броня затрещала. Прямое попадание.

– Предупреждающая ракета, – лаконично объяснил Мак. – Хотят проверить, пожелаем ли мы ввязаться в бой. Включи-ка передатчик, дружок.

Дженсен медлил.

– Делай, что говорю! – рявкнул Маккензи Джеймс таким непреклонным тоном, на который мало кто способен. Даже среди адмиралов Флота.

На экране сверкнул еще один красненький ореол. Дженсен щелкнул выключателем передатчика. Из динамика раздалось невнятное бормотание чужой речи, и лицо молодого офицера сделалось бледным, как полотно.

– Теперь, мальчик, слушай внимательно, – раздался с пола голос проклятого капитана. – Будешь в точности исполнять все, что я тебе скажу, или нам обоим выпустят кишки.

– Ты все это заранее спланировал! – крикнул Дженсен, с трудом сдерживая панику. Никогда в жизни ему еще не было так страшно.

– Именно так, – саркастически ответил Маккензи. – А теперь заткнись к чертовой матери и слушай!

Интонация халианской речи изменилась, и монотонный голос, коверкая слова, начал по-английски читать требования о капитуляции «Мэрити» вместе со всем человеческим персоналом на борту.

Не выпуская пистолета, Дженсен прижал руку к побледневшему лицу.

– Сейчас ты объявишь о капитуляции моего корабля перед халианами, – коротко проинструктировал Маккензи Джеймс. – Но добавишь, что согласен подчиниться только великому капитану, на деле доказавшему свой героизм. Тому самому, что командует халианским крейсером, что стоит сейчас на орбите с ночной стороны Кастелтонского Мира.

Дженсен опустил руки. Вся его поза выражала полнейший скептицизм.

– Делай что говорят! – отрезал Мак Джеймс, прежде чем Дженсен успел перевести дух и что-либо возразить.

Но вместо этого офицер начал с бешеной силой крутить и нажимать все переключатели управления оружиевыми системами корабля. Не произошло ровным счетом ничего. Оружие «Мэрити» оставалось совершенно безразличным ко всем его манипуляциям. Придя в ярость от того, что его карьере предстоит оборваться в ситуации, когда он не в состоянии ответить врагу ни единой ракетой и совершенно разбитый сознанием того, что никаких шансов, никакого выбора уже нет, Дженсен позволил панике вырваться наружу.

– Ну, а оружие-то зачем было блокировать?! Зачем, ради всего святого? Раз уж ты спланировал это путешествие навстречу халианскому флоту?

– Возможно, я решил покончить с собой, – беспощадный сарказм Маккензи подействовал словно звонкая пощечина. – Хотя вместо этого я, может быть, стану рабом или игрушкой в руках вивисектора.

Интонация раздававшегося из передатчика чужого голоса изменилась, заставив Дженсена содрогнуться всем телом. От простого требования капитуляции халианин перешел к угрозам. Дженсен переключил рацию в режим передачи, сочтя это меньшим злом, чем участь быть разнесенным на отдельные молекулы. Голосом, который он сам с трудом узнавал, Дженсен объявил о капитуляции «Мэрити» и всего ее персонала. И лишь после паузы, словно это не сразу пришло ему в голову, он добавил условия Маккензи Джеймса: честь победы и захвата этого корабля должна принадлежать одному из тех, кто успел на деле доказать свой героизм, великому капитану, чей крейсер завис на ночной стороне Кастелтона.

Эффект, который это заявление произвело на халиан, оказался просто поразительным. У хорьков была репутация воинственных и кровожадных зверей, и Дженсен ожидал, что они тут же бросятся на добычу. Вместо этого сторожевые корабли тесными кучками собрались возле своих крейсеров; будто связанные какой-то нитью два ближайших крейсера развернулись и устремились навстречу третьему, только что появившемуся в поле зрения приборов.

– Дуэль, – пояснил Маккензи, отвечая на недоуменный взгляд Дженсена. – Халианские воюки терпеть не могут уступать без боя. А это дает тебе крошечный шанс сделать наше корыто управляемым. То есть, ты должен освободить меня, мальчик, потому что других шансов у тебя просто нет.

– Да ты и не помышлял о капитуляции! – набросился Дженсен на капитана.

В ответ Мак Джеймс сделал круглые глаза. Несколько успокоенный знанием противника, которое продемонстрировал капитан и каким не могла бы похвастать даже разведка Флота, Дженсен снял пистолет с предохранителя и зажав в другой руке ключ от наручников, нагнулся над пленником. Он освободил ноги Маккензи, и тот подался вперед, подставляя запястья. Эта пара браслетов была в крови. Видимо, нервное напряжение, вызванное неприятностями этого дня, заставляло капитана-контрабандиста время от времени судорожно сжимать скованные руки. Джен-

сен всунул ключ, и в этот момент легкая боль чуть отвлекла его внимание. Локоть Маккензи Джеймса тут же рванулся вверх и впечатался Дженсену в лицо. Удар ногой, резкий выворачивающий рывок за руку – и офицер Флота обезоружен. Дженсен поднялся на четвереньки, чувство было такое, будто все суставы правой руки раздроблены. Он попытался вытащить нож, отобранный недавно у капитана.

Мак Джеймс опередил его, выхватил нож и отшвырнул в сторону. Нож с грохотом полетел в угол. Не обращая на Дженсена никакого внимания, капитан поднял упавший на пол пистолет, разрядил магазин, отправив заряды в глубины распоротого матраца кушетки и самым бесцеремонным образом спустил оружие вниз по лестнице. Тут же, не останавливаясь и как бы продолжая то же самое движение, склонился над вскрытой панелью пульта управления, и как одержимый забарабанил по клавишам.

Повинуясь магическим движениям капитанских рук, экраны и пульта управления начали оживать. Повсюду загорались огоньки, вызывая зловещие отблески света на хмуром сосредоточенном лице Маккензи.

– Убери-ка отсюда Эванса, мальчик, – проговорил он Дженсену, стонавшему от боли за его спиной. – Если я в неподходящий момент споткнусь о него, какой-нибудь халианский мясник отрежет тебе яйца.

Дженсен повиновался. Успокоив себя, что необходимо выиграть время и усыпить бдительность капитана, внушить ему, что противник окончательно сломлен. Труп Эванса уже успел остыть. Поднять неуклюжее тело оказалось делом непростым. К тому же мешала раненая рука, и Дженсену пришлось тащить Эванса волоком. Кровь еще вытекавшая из раздробленной челюсти покойника, оставляла на белой падубе широкий алый след. И без того полубесчувственный от боли, вызванной раной на руке, Дженсен едва сумел подавить подступившую к горлу тошноту. С трудом сдерживаясь, он плюхнулся в ближайшее кресло как раз в тот момент, когда двигатели «Мэрити»с грохотом ожили. Склоненное над пультом управления лицо Маккензи Джеймса выражало самое искреннее ликование. Опаснейший из всех преступников, известных на территории Альянса, радовался как дитя малое. Испещренные шрамами пальцы надавили на пусковую кнопку ускорителей.

Ближайшая пара крейсеров на экране сдвинулась, готовясь к бою, а разведывательно-дозорные кораблики собрались в стороне, напоминая рой разъяренных пчел. Сверкающие огни тяжелых боевых ракет перемежались со вспышками плазменных разрядов.

– Да они превратят друг друга в кашу! – с изумлением воскликнул Дженсен.

– Хорошо, если бы они и вправду это сделали, – Маккензи повернул какой-то переключатель и ткнул заскорузлым пальцем в экран «Мэрити». – Тот, что останется третьим лишним в этой петушиной драке, успеет сесть нам на хвост, прежде чем победитель дуэли сможет бросить ему вызов.

– Откуда ты все это знаешь? – Дженсен ненавидел себя за отчетливо прозвучавшее в его голосе восхищение, но поделать уже ничего не мог. – Где ты умудрился так изучить халиан?

Маккензи не отрывал взгляда от пульта управления.

– Эванс – тот, пожалуй, мог бы тебе порассказать, а я сейчас слишком уж занят. – Он перепрыгнул в кресло пилота, нацепил шлем, и «Мэрити» практически мгновенно изменила курс.

Все еще ощущая тошноту, Дженсен старался отвлечься, разглядывая экран. Маневровые двигатели корабля заработали на полную мощность, и неровный диск планеты уплыл в сторону. На мгновение его сменила картина пустого космического пространства, усеянного далекими неподвижными звездами и движущимися точками вражеских кораблей. Затем их, в свою очередь, затмил пылающий диск солнца Мира Кастелтона. Маккензи врубил стабилизаторы и с силой надавил ладонью на рычаг, запуская гравитационный двигатель на полную мощность.

Дженсен попытался возразить, но многократная перегрузка вдавила его в кресло.

– К черту от этой жаровни! – успел он выдать из себя, прежде чем грудь сдавило так, что слова застряли в горле.

Маккензи ничего не ответил. Его резкий на фоне экранов профиль казался неподвижным, будто вырубленный лазерным лучом из глыбы кварца. «Мэрити» набирала скорость. Подпитываемая гравитационным полем Кастелтона она разогналась с ошеломляющей скоростью. Отчаянными усилиями Дженсен старался сохранять равновесие. Конечно, он не такой дока, как Шилдз, но все-таки в курсе, что такое параметры безопасного полета и что означает их превышение. Но

Мак Джеймс откинулся в кресле с самым безмятежным видом. Казалось, что он не обращает никакого внимания на то, что его старая посуда мчится на всех парах навстречу неминуемой смерти в испепеляющем пламени звезды. С явным наслаждением капитан принялся разминать ладони. Автоматизм движений говорил о том, что это давняя укоренившаяся привычка. Наконец движение «Мэрити» стабилизировалось, и ее хозяин тут же вскочил, рывком преодолев сопротивление перегрузки, и как ни в чем не бывало начал ковыряться в недрах пульта управления.

– Не многовато ли будет? – проговорил Дженсен, главным образом для того, чтобы прогнать страх. В этой ситуации, когда сзади насаждают халиане, а впереди неумолимо приближается адский жар Кастелтонского солнца, последние остатки мужества юного офицера давно успели улетучиться.

Мак Джеймс выдрал из-под обшивки провод, бесцеремонно оголил его зубами, придал лишнему изоляции концу форму крючка и прицепил его к какому-то невидимому для Дженсена контакту в глубине панели управления. Ожил еще один сектор приборной доски «Мэрити». Вид новых загоревшихся огоньков сделал капитана разговорчивее.

– А у тебя куда больше удачи, чем мозгов, малыш. Сгореть тебе не придется. Да и адские круги в халианском плену тоже не грозят.

Впрочем, объяснить свои слова капитан не пожелал. А когда третий боевой крейсер халиан двинулся на перехват, Мак Джеймс ответил таким чудовищным маневром, что волосы Дженсена встали дыбом. «Мэрити» взяла вдруг совершенно самоубийственный курс прямо на звезду. Подобно ужасной хищной зверюге из какого-то кошмарного сна, халианский крейсер, развернувшись, следовал по пятам, провозжая свою жертву в глубины ада. Теперь, если бы Мак Джеймс попытался вдруг включить маневровый привод и изменить траекторию, все обитатели «Мэрити» неизбежно сделались бы добычей огненного монстра.

– Ты решил попасть прямо в ад, – Дженсен пытался замаскировать собственный ужас бравадой, – через пылающие ворота.

Маккензи Джеймс молчал. Зато сам корабль наоборот, казалось, возмущается всеми доступными ему способами. Кабину управления наполнял прерывистый частый и резкий вой сирен, а панель управления обратилась в мерцающее море, предупреждающих огней. Зловеще растущий звездный диск словно притягивал взгляд. Находясь во власти ужаса, Дженсен начисто забыл о халианском крейсере. Но тут крейсер выстрелил, и Дженсен чуть не подпрыгнул от изумления.

По экранам мрачной фиолетовой тенью на фоне раскаленной звезды пронеслась ракета.

– Господи ты Боже мой! – раздраженно воскликнул Дженсен. – В привидения они верят, что ли? Ведь давно могли бы стереть нас в порошок.

– Они нас принимают за то, чем мы кажемся со стороны, – тихо и спокойно ответил Маккензи Джеймс, – за попавшийся без эскорта торговый корабль.

Он замолчал, словно решил, что такого объяснения вполне достаточно. По экранам пронеслась еще одна халианская ракета, оставляя за собой дрожащий мерцающий хвост, и капитан, будто вдруг припомнив, что сидящий в соседнем кресле взмокший от пота страдалец в измятом плаще Вольного Стрелка вовсе не его широко осведомленный помощник, добавил:

– Халиане решили, что мы выбираем самоубийство, дабы избежать плена. Их стрельба – это салют нашему мужеству, потому что в соответствии с их кодексом чести, такие действия должны вызывать восхищение.

Насчет самоубийства – это он на редкость точно заметил, подумал Дженсен и с чувством глубочайшего разочарования осознал, что всю эту ценнейшую информацию никогда не сможет доложить своим командирам. А жаль, ведь донесение, полное таких сведений, вне всякого сомнения, гарантировало повышение в звании и высокую награду. Но только вот этот неумолимо надвигающийся ад не оставляет никаких надежд.

Маккензи Джеймс выглядел до курьезного равнодушным к той участи, что ожидала их обоих в результате таких махинаций.

– А вот теперь смотри, – ухмыльнулся он, продолжая колдовать над приборами управления, грузный и невозмутимый, как медведь.

Дженсен, однако, выказал в ответ на это замечание ничуть не больше энтузиазма, чем истекающее кровью тело, продолжавшее лежать в углу возле трапа.

– Через пару секунд, – продолжал Маккензи Джеймс, – халианский корабль притормозит и отойдет в сторону, как раз на столько, что мы сможем выбраться из этого гравитационного колод-

ца и уйти по касательной.

– Ну и что с того? – мрачно спросил Дженсен. Этот тип явно тронулся. Через пару минут вся эта посуда попросту расплавится в термоядерном месиве звезды, а он продолжает вести себя так, словно понятия не имеет об основных законах физики.

– Пора, – пробормотал Мак Джеймс. Халианский крейсер сдвинулся на экране в сторону.

Изуродованные шрамами пальцы капитана пробежались по клавишам управления, и двигатели «Мэрити» ответили хозяину послушным рычанием. Все пространство за кормой превратилось в море огня. Дженсена резко отбросило назад.

Он едва удержался в кресле, ухватившись поврежденной в стычке с Маккензи ладонью за металлическую скобу. Боль прокатилась по телу мощным электрическим разрядом. Голова закружилась, в глазах потемнело.

– Это тебе не примитивный грузовичок, – напомнил откуда-то из темноты голос Маккензи Джеймса.

К тому времени, как Дженсен немного пришел в себя и у него восстановилось зрение, «Мэрити» уже мчалась по другой траектории, и огненный факел за кормой вычерчивал дугу, начинавшую плавно переходить в параболическую орбиту, еле-еле вписывавшуюся в безопасные границы. И всю эту эквилибристику шхуна проделывала с помощью немислимо допотопных реактивных двигателей, питающихся сгораемым ракетным топливом. Такой реликтовой рухляди ни один находящийся в здравом уме и трезвой памяти капитан в жизни не разместил бы на настоящем космическом корабле.

– Зато эта штукавина обеспечивает практически мгновенный разгон в случае крайней необходимости, – сияя, объяснял контрабандист. – Она не раз помогала мне спасти шкуру.

Мак Джеймс растянулся в кресле и вновь принялся сгибать и разгибать пальцы, не обращая внимания на зловещее мерцание аварийных датчиков. Дженсен не удосужился даже высказать свое мнение о ситуации. Что ж, сейчас «Мэрити», может быть, и в безопасности, но только благодаря неожиданности маневра. Стоит только обогнуть Кастелтонское солнце, и халианский корабль тут как тут – снова встретит шхуну с той стороны. Как там ни крути, а даже печально знаменитой на весь Альянс ловкости Мака Джеймса отнюдь не достаточно, чтобы противостоять в бою тяжелому крейсеру.

– Мальчик мой, в твоём Справочнике офицера расписана далеко не вся информация о Вселенной, – язвительно заметил капитан, поймав недоверчивый взгляд Дженсена. – Халиане используют инфракрасные следящие системы. А это означает, что мы спасены, потому что жар этой звезды их ослепит.

И тут Дженсен начал медленно прозревать, осознавая, что оба они действительно спаслись. Халиане убеждены, что шхуна уже сгорела. Заслоненная мощным излучением Кастелтонской звезды, «Мэрити» может спокойно выйти на безопасную траекторию с помощью этих допотопных реактивных двигателей, а потом просто двигаться по инерции. Когда гравитационные ускорители отключены, ни одному инфракрасному радару не удастся отличить ее от астероида. Прострация и чувство безнадежности в мгновение ока испарились. Теперь жизненно важно добраться до пистолета, который Мак Джеймс с такой беззаботностью швырнул куда-то к подножию трапа.

Дженсен измерил взглядом расстояние до открытого люка. Оно оказалось куда больше, чем ему хотелось бы, особенно принимая во внимание, что накидка Вольного Стрелка будет сильно стеснять движения. Но с другой стороны, пожалуй, такого удачного момента как сейчас, больше не представится. Диск солнца Мира Кастелтона до сих пор угрожающе близко, да и халианские корабли все еще представляют собой немалую опасность. Все это должно полностью отвлечь внимание Маккензи Джеймса. Дженсен собрал все свое мужество и волю и рванулся вперед.

Но ему удалось сделать только один шаг. Огромная тяжесть навалилась вдруг сзади на плечи, и он тяжело рухнул на палубу. Маккензи Джеймс, мускулистый, как бык, мгновенно придавил его к полу. Дженсен попытался провести борцовский прием, который позволил бы сразу освободиться, но все впустую. Капитан уловил его движение и, опередив противника, перехватил и резко крутанул запястье. Дженсен, извергая проклятия, понял, что ему остается либо вновь плюхнуться на палубу, как безжизненный мешок с тряпьем, или же изойти от боли.

Остановившись в самый последний момент, когда рука офицера готова была захрустеть. Мак Джеймс ослабил хват.

– С тобой слишком много мороки, – безразличным тоном заявил он с таким видом, будто пе-

ред ним не в меру шаловливое животное, перевернул Дженсена и рывком поставил его на ноги. В руках капитана чувствовалась необычайная сила. Через какое-то мгновение офицер Флота понял, что уже скован своими собственными наручниками и совершенно беспомощен.

– И к тому же ты слишком много болтаешь, – добавил Маккензи, срывая пояс с накидки Вольного Стрелка. Он чуть помедлил, нащупав зашитый внутри корпус передатчика. На его лице мелькнула веселая озорная улыбка, затем, продолжая начатое дело, он методично свернул из пояса кляп и с профессиональной ловкостью отправил его по месту назначения. Дженсен пытался было сопротивляться, но ничего, кроме порезов на стянутых тонкими впивающимися в кожу металлическими наручниками, не добился. Капитан бесцеремонно швырнул его в ближайшее кресло и остановился, молчаливо и бесстрастно разглядывая пленника. Этот прямой и настойчивый взгляд действовал Дженсену на нервы сильнее, чем все неприятности, которые ему довелось пережить в своей жизни, вместе взятые.

– Вспомни-ка, много ли шансов ты оставил Эвансу? – голос Мака Джеймса прозвучал жестко. Можно было бы подумать, что в нем говорит горечь утраты, если бы не лицо капитана, не выражавшее абсолютно никаких чувств. Его изуродованные пальцы снова пришли в движение, и Дженсен, мучительно сознавая, что сейчас решается его судьба, понял, что движение капитанских рук – не просто привычка. Именно такими упражнениями этот человек и восстановил когда-то подвижность парализованных пальцев. То неизъяснимое упорство, которое составляло основную черту характера Маккензи Джеймса, повергло вдруг Дженсена в ужас.

Дженсен закрыл глаза, а когда вновь открыл их, капитан по-прежнему продолжал смотреть прямо на него. Все честолубие, толкавшее молодого офицера во что бы то ни стало арестовать этого человека, теперь улетучилось, уступив место неуверенности и сомнению. Кляп наполнял рот отвратительным вкусом пота, застоявшейся слюны и песка. Спазмы в животе становились все сильнее и сильнее. Дженсен почувствовал, что сейчас ему станет дурно.

Видя, что пленник окончательно теряет самообладание, Маккензи Джеймс рывком поднял его на ноги и перевернул лицом к выходу.

– Эванс никогда не любил убивать, – с презрением произнес он. – И в память о нем ты покинешь «Мэрити» живым.

Но на уме у Маккензи Джеймса, видимо, было отнюдь не помилование, поскольку он потащил пленника вниз по трапу. Дженсену стоило невероятных усилий уберечь лицо от ударов о переборки корабля: капитан волок его сквозь невесомость, как мешок ненужного тряпья, вынуждая пленника извиваться самым позорным образом. Раздался щелчок замка люка грузового трюма, и по коже Дженсена пробежала струя холодного воздуха. Продолжая беспомощно барахтаться в невесомости, он не видел своего врага, но раздававшаяся эхом в пустоте суэта шагов и какой-то металлический звон меньше всего могли рассеять мрачные предчувствия. Потом сильная рука бесцеремонно ухватила его за ноги, и поле обзора пленника переместилось в горизонтальную плоскость. Стараясь подавить головокружение, Дженсен успел разглядеть таможенные штампы и марки, распахнутую крышку грузовой капсулы. Маккензи принялся безжалостно запихивать его тело внутрь. Дженсен ударился в панику.

Он пытался сопротивляться и получил за это в награду удар по голове. Мак Джеймс затолкал наконец в капсулу руки и голову пленника. Искореженные шрамами пальцы потянулись к замку.

Дженсен неистово дернулся, и тут ему удалось почти выплюнуть кляп.

– Подожди! – задыхаясь, прокричал он. В порыве отчаяния, позабыв все былые амбиции, офицер пытался схватиться за последнюю соломинку, и, испытывая самые идиотские надежды, перешел к мольбам: – Я мог бы заменить тебе Эванса!

Он ведь по своей квалификации вполне для этого годился, за исключением разве что навыков пилота: и при этом он никогда не нарушит свой долг. Надо только войти к Маккензи в доверие, а там уж удастся как-нибудь предупредить командование Флота.

Но ответом на это предложение стало лишь молчание. Игнорируя яростные протесты, капитан запихал его в капсулу. Дженсен, придя в отчаяние от перспективы оказаться запертым в подобном карцере, позабыл последние остатки гордости:

– Будь ты проклят, да я же сын депутата Конгресса Альянса! Ты мог бы потребовать за меня хороший выкуп!

Но ни единая искорка алчности не мелькнула в холодных глазах Маккензи Джеймса. Правильно, умело и целеустремленно он захлопнул над головой пленника крышку капсулы. Дженсен

начал было биться внутри, отказываясь верить в реальность происходящего, и умудрился в кровь ободрать оба колена. Кляп, от которого не удалось вполне освободиться, теперь еще сильнее затруднял дыхание. Перекрывая раздающиеся из горла неровные судорожные хрипы, раздался вдруг леденящий душу щелкающий звук захлопнувшихся замков контейнера – этот неумолимый, не оставляющий ни единой надежды звук, который ни с чем невозможно спутать. Он же просто задохнется или умрет от переохлаждения в неотапливаемом грузовом трюме «Мэрити»! Нет, Мак Джеймс, конечно, скоро поймет, что к чему, свяжется с его отцом и обменяет на хороший денежный куш.

Дженсен почувствовал, как, глухо обо что-то ударившись, капсула поднялась в воздух; сквозь ее корпус он ясно слышал знакомый свист открывающегося внешнего люка. Крик нескрываемого ужаса вырвался из груди пленника, но ничто уже не могло предотвратить падения капсулы в невесомое и бесконечно холодное пространство открытого космоса. Причудливо вращаясь, она вылетела за борт. Дженсен свернулся калачиком и, дрожа всем телом, понял, что у него не осталось ни капли надежды. Маккензи Джеймс вышвырнул его живьем в межзвездную пустоту.

Герметичная крышка грузовой капсулы удерживала атмосферу. Какое-то время ее пористая внутренняя обшивка сохранит и тепло человеческого тела, но здесь нет никакой вентиляции, и Дженсена все равно ожидает один конец – умрет ли он, задохнувшись, или все-таки медленно замерзнет в глубинах открытого космоса, или, наоборот, сгорит дотла, если капсула, привлеченная притяжением звезды, будет приближаться к пылающему солнцу Кастелтонского Мира. В самом лучшем случае его поднимет на борт какой-нибудь дозорно-разведывательный корабль халиан. Но самое обидное – это то, что Маккензи Джеймсу удалось уйти, как ни в чем не бывало, целым и невредимым.

Дженсен завыл от досады. Перед глазами по-прежнему стояли эти изуродованные электрическими ожогами пальцы, продолжая методично сгибаться, разгибаться и поворачиваться во всех суставах, будто им не писаны никакие законы природы. Эх, если б только представился шанс, один-единственный шанс, пристрелить своего заклятого врага, пусть даже так, как он пристрелил Эванса, сзади в затылок, не имея возможности увидеть последний предсмертный взгляд этих холодных стальных глаз. Да, просто убить его, быстро и одним махом! Даже если это пришлось бы сделать не очень-то достойным способом.

Но ярость вызвала только резкую боль в запястьях от наручников. И очень скоро ненависть и ярость уступили место тупому отчаянию. По лицу Дженсена потекли слезы, намочив капюшон накидки Вольного Стрелка и холеные баки. Вслед за Маком Джеймсом в памяти всплыл образ собственного отца, яркого поборника порядка и законности, и вся накопившаяся досада переключилась на него. Ведь это он возвел в ранг закона дурацкий принцип, что его сын никогда и ни при каких условиях не должен получать никаких преимуществ, покуда сам их не заслужит. Преимущества семейных связей обратились против него. Авторитет и политическое влияние отца привели к тому, что ни один командир и ни одно офицерское собрание не решаются представить человека к повышению в звании, покуда он не проявил чудеса храбрости и отваги и не доказал свою незаменимость. Товарищи по службе один за другим обходили Дженсена, и вот оскорбленная гордость и протестующее самолюбие привели его сюда, в эту проклятую грузовую капсулу. И в результате он, связанный, как пучок соломы, болтается в безжизненном пространстве космоса, как ящик ненужного барахла после кораблекрушения. С горечью Дженсен задал себе запоздалый вопрос, почему же Маккензи Джеймс не обратил никакого внимания на обещанную сделку.

Воздух внутри капсулы очень быстро становился затхлым. Мысли Дженсена начинали путаться, и нарастающее головокружение постепенно окутало сознание темнотой. По телу то и дело пробегала судорога, потом все конечности окоченели; зашитый в пояс передатчик безжалостно вдавливался в шею, но даже от этой мелкой неприятности избавиться уже не было возможности, да и какое теперь все это имеет значение? Покорившись неизбежному, Дженсен использовал последние отголоски угасающего сознания на то, чтобы послать несколько лишних проклятий Маккензи Джеймсу; постепенно погружаясь в забытие, он все чаще и чаще с ненавистью поминал имя отца...

Внезапно грузовая капсула ударилась обо что-то. Отброшенный в сторону и прижатый к боковой обшивке своей тюрьмы, Дженсен услышал скрежет скребущих по металлу багров. Грузовые клешни корабля обхватили капсулу. Волна страха заставила Дженсена очнуться. Смерть от удушья показалась ему вдруг милостью небес по сравнению с жестокостью халиан. Но у него не оста-

лось уже сил ни на что, кроме как закрыть глаза, когда тот, кто выловил его из открытого космоса, щелкнул замками на крышке капсулы. Из-под замков полились струи свежего воздуха, и на лицо Дженсена упал ослепительно яркий свет.

– Понять не могу, как он отпустил тебя живым! – резко и злобно проговорил очень хорошо знакомый голос.

Дженсен вздрогнул, сделал судорожный вздох и резко отдернулся в глубину капсулы, пытаясь спрятать все еще мокрые от слез щеки.

– Господи, да как же ты узнала, где меня искать? – произнес наконец он.

Одетая как на парад, сверкая каждой пуговицей кителя, лейтенант Шилдз неприязненно ответила.

– На «Мэрители» была отключена защитная система, – произнесла она. – Этому-то ты и обязан своей жизнью.

Дженсен сделал неуклюжую попытку вытереть мокрые щеки о плечо и обнаружил, что скованными руками даже этого сделать не может. Чувство неловкости вдруг переросло в нестерпимую обиду и негодование на самого себя. «Стоило бы сохранить хоть немного мозгов и способности здраво рассуждать, чтобы понять, что означают вскрытые панели управления» Мэрители «!» – с горечью подумал он. Когда Эванс запрограммировал автопилот для маневра, защитные экраны не работали! А корабль Шилдз, хотя его и трудно отнести к последним моделям, напичканным самой умной электроникой, все-таки снабжен полным комплектом необходимого оборудования.

– Ты считала координаты нашего пункта назначения по подававшимся внутри «Мэрители» сигналам, – пробормотал Дженсен, со стыдом припоминая озорное лицо Мак Джеймса, оставившего на месте вшитый в пояс Вольного Стрелка передатчик. Так, значит, капитан прекрасно понимал, что его жертву обязательно спасут. Он, видно, считал Дженсена полным идиотом, до того безобидным в своей тупости, что его можно оставить в живых без всякого риска.

– В конце концов тебе, пожалуй, не так уж и повезло, – прервала Шилдз размышления Дженсена, вытаскивая из грузовой капсулы и унизительно вываливая его беспомощное тело на поверхность стыковочной платформы курьерского корабля. – Еще пожалеешь, что не отдал концы в открытом космосе, когда все это выйдет наружу. Что ж, получишь вполне по заслугам, если старик самолично вызовет тебя на ковер.

Дженсен перевернулся так, чтобы увидеть, наконец, ее глаза. Побуждаемый отнюдь не скромной покорностью судьбе, резко произнес:

– Веди себя поумнее, и мы оба получим повышение.

Шилдз отшатнулась. Ничем не прикрытая злость исказила ее лицо. Дженсен никогда не считал ее красавицей, но Шилдз была стройна и не лишена изящества движений, заставлявшего половину мужского персонала базы то и дело лишаться сна. Но если бы они ее видели сейчас...

– Ты с ума сошел, Дженсен. К повышению! За какие это заслуги? Ты всю жизнь был мелким ничтожеством с непомерно раздутыми амбициями, и теперь, наконец, это поймут даже высокие чины Флота.

Дженсен сделал яростную попытку сесть. Наручники снова врезались в запястья, принуждая прекратить все усилия. Он послал красноречивое проклятие ненавистным железкам и снова обратился к Шилдз.

– Да ты же пойдешь ко дну вместе со мной, – пригрозил Дженсен. – Ты мой командир, капитан курьерского корабля Военного Флота! За подобные дела тебя к суду привлекут, а не по головке будут гладить.

Он не мог уже на нее смотреть, и лишь услышал, как Шилдз глубоко вздохнула. В другой ситуации все эти угрозы, пожалуй, можно было бы высказать куда мягче и деликатнее, но теперь жестоко раненое самолюбие заставляло быть грубым и безжалостным:

– Не будь такой тупой сукой! – но закончить ему все-таки не удалось: по побелевшим от напряжения костяшкам сжатых кулаков Шилдз Дженсен понял, что не стоит напоминать о ее брате, который до сих пор тяжело болен и лежит в привилегированном госпитале Альянса – исключительно благодаря усердной службе лейтенанта Шилдз во Флоте. Если ее вдруг отправят в отставку, брата вышвырнут из госпиталя в два счета. Ну, да черт с ним. Сентиментальные слюни – это одно, а жизненная необходимость – совсем другое. Куда важнее сейчас добиться своего, чем щадить чьи-то чувства. Честолюбие и неукротимое желание получить наконец командование боевым кораблем вместо набитой дурацкими депешами курьерской посуды не давали Дженсену ни ми-

нуты покоя. Неторопливо и хладнокровно он начал объяснять свою версию событий.

В тот день, когда торжественно зачитали представление к награде, зал торжественных церемоний в порту был набит до отказа. Боевые знамена украшали сцену, на которой восседал президентум из высших чинов командования Флота. Вытянувшись по стойке смирно бок о бок с лейтенантом Шилдз, Дженсен тайком оглядывал свою униформу в поисках помятостей и прочих изъянов. Не обнаружив ни единого, он замер, стараясь запечатлеть в памяти этот момент. Оратор с трибуны перечислял их заслуги.

—...За личное мужество; за изобретение совершенно новой тактики ухода от противника в момент, когда три халианских крейсера, угрожая оружием, потребовали капитуляции; за находчивость и отвагу перед лицом опасности, послужившие причиной серьезного увеличения знаний о тактике противника; за действия, выходящие за рамки и превышающие служебный долг, вышеуказанные младшие офицеры повышаются в звании и награждаются Галактическим Крестом...

Шилдз смертельно побледнела, когда адмирал опустил ей на плечи орденскую ленту. Механическим движением она пожала ему руку и быстро отвела взгляд от объективов, когда журналисты засверкали фотовспышками, стараясь запечатлеть знаменательное событие.

Дженсен стоял также прямо и не выражал никаких эмоций, но по совершенно другим причинам. Разглядывая радостную и теплую улыбку отца, он припоминал, что история, которую они преподнесли командованию Флота, состояла на пятьдесят процентов из полуправды, а на пятьдесят — из чистой лжи; вот, например, эта знаменитая теперь тактика, что сработала на Кастелтоне, вполне реальна, но лишь он сам да Шилдз знают, что ее автор — опаснейший во всем Альянсе контрабандист. С шеи Дженсена свисал увесистый Галактический Крест, но он не вызывал никаких чувств вины или стыда. Дженсен поклялся, что теперь, когда он, наконец, получил разведывательно-дозорный корабль с настоящим оружием на борту, он по-настоящему заслужит эту награду и восстановит в собственных глазах свою честь. И рано или поздно, но настанет тот день, когда этот Маккензи Джеймс глубоко пожалеет о том унижении, которому подверг юного офицера Флота. Дженсен не намерен останавливаться на достигнутом, и двигаться вперед он будет быстро и очень далеко. Придет время, и он отомстит. Призовет к ответу своего заклятого врага, взявшего на этот раз над ним верх. Все эти почести, которые он, Дженсен, сейчас принимает, — лишь малая часть большого плана мести.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Ньютон Бедфорт Смайт выглядел просто ужасно: весь желтый, с красными глазами — в общем так, как и должен выглядеть человек, занятый чрезвычайно спешным и жизненно важным проектом. Но даже эта очевидная измотанность не могла скрыть энтузиазма, с которым он ворвался в новый кабинет Мейера.

— Я обнаружил кое-что важное. Первый ключ к тайне, — объявил он. — Если не возражаете. — И торжествуя взмахнув магнитной карточкой, Смайт сунул ее в стоящий на столе адмирала компьютер. Несколько пораженный Мейер успел только мельком взглянуть на наклейку.

Судя по всему, это был служебный рапорт, поступивший от одного из размещенных на планете воинских соединений.

Мейер должен был признать, что следователь не соврал, когда обещал не путаться у него под ногами. Если бы не хлопоты, вызванные необходимостью подтверждать в разнообразных отделах право на доступ к чудовищному количеству документов, и не личное беспокойство за судьбу крышки своего стола из красного дерева, Мейер мог бы, даже забыть о присутствии следователя из Конгресса Альянса.

Прежде чем он смог что-то ответить, на экране замелькали картинки.

Роберт Шекли. САГА ПРЕДАТЕЛЕЙ

В День Отправки, мы промаршировали за полковником Бар Кошбой по Бульвару Маккаби к парадному плацу, где Соломон Готшафт, Всепланетный Президент Эрец Пердидо, одарил нас напутственной речью, в которой выразил пожелание показать всей вселенной, или хотя бы той ее части, которая проявит к нам интерес, из какого материала слеплены лучшие сыны Десяти Пропавших Колен Израилевых с планеты Пердидо. Приветствуемые многочисленной толпой, мы про-

дефилировали под сводами гигантских каменных ворот Нового Храма, за которыми ждали грузовики, прямиком доставившие нас в Космопорт имени Теодора Герцла, что находился на самой окраине нашей столицы. Нового Иерусалима. Там мы погрузились на борт космического истребителя «Быстрый» для короткого перелета на дредноут «Кузнец Победы», ожидавший нас на орбите.

Дредноут «Кузнец Победы» семисот метров в длину, весом более чем триста тысяч тонн вмещал команду в две тысячи восемьдесят человек. Нашу сотню разместили по каютам, поставили на довольствие и снабдили автоматическими планами, позволяющими отыскать дорогу к спальным каютам, столовой, тренировочному залу, гарнизонной лавке и рекреационному залу. Офицеры зачитали приказ по кораблю – немедленно занять свои койки, которые одновременно служили амортизаторами, и пристегнуться в ожидании старта.

И вот наступил тот прекрасный миг, когда зазвучали сирены и корпус корабля сотрясла звенящая вибрация включившихся гиперсветовых двигателей. Ощущения движения не появилось, но правила предписывали пристегнуться – в момент старта у новичков иногда случалось головокружение. На расположенных над головами экранах мы могли наблюдать, что происходит с кораблем в данный момент.

Физически ускорение почти не ощущалось, но мы знали, что, используя гравитационное поле ближайшей звезды нашей системы – Пердидо – 1, «Кузнец Победы» стремительно набирает стандартную скорость, равную четверти световой. Теоретически, с помощью гиперсветовых двигателей, корабль мог ускоряться до тех пор, пока вплотную не приблизится к скорости света или пока не развалится. На практике же большие звездолеты редко разгонялись до скоростей выше половины световой и делали это только для передвижений в пределах планетных систем. Путешествия на действительно далекие расстояния совершались в ином режиме – используя гиперсветовой привод. Благодаря этому приводу самый огромный корабль за какие-то три стандартные недели мог пересечь участок космоса диаметром в тысячу световых лет, вмещающий более трехсот планет Альянса.

Наше путешествие должно было продлиться двадцать пять дней – мы следовали на далекую окраину Альянса. А именно – на планету Цель, расположенную у самой северо-западной границы. Цель по данным разведслужбы Флота являлась родиной халианских головорезов.

Недавнее перебазирование Флота на планету Клаксон весьма способствовало решению напасть на эту ключевую позицию врага – планету, с которой халиане атаковали наши корабли и совершали свои гнусные рейды на планеты Альянса.

Для достижения этой цели Флот решил сосредоточить все свои силы и одним массированным ударом уничтожить врага. Для этого были отозваны части со всех дальних пограничных гарнизонов и охранных постов, правда, при этом оголились планеты самого Альянса. За тысячелетнюю историю Флота эта операция была самой крупной; казалось, ничто не сможет противостоять подобной мощи, хотя некоторые пессимисты твердили, что военное счастье переменчиво, что Флот может потерпеть неудачу, наткнувшись на шальную черную дыру, или попасть во внесезонный временной шторм. И тогда будущее человечества окажется во власти проклятых халиан.

Десантные войска Флота состоят из соединений, набранных из обитателей различных планет. Эти соединения служат под началом своих командиров, которые, в свою очередь, подчиняются верховному командованию Флота. Ко времени нашего прибытия еще не завершился спор между различными группами за право быть на острие атаки в десантной операции на Цели. Таких групп оказалось более ста, и все они были отлично подготовлены и пригодны для подобной операции. Неплохо зарекомендовали себя Циандоты с планеты Циандот – 2 или, например, Махдисты с Хартума – 4. Но особенно настойчивыми были Сыновья Альбигойской Ереси – их планета Янус стала членом Альянса всего лишь семь лет назад, и своим геройским поведением ее сыны хотели снискать себе всечеловеческое признание и славу. За эту привилегию в Палате Представителей Федерального Собрании на Земле лоббисты развязали настоящую войну. Но не прошло и часа как приземлился наш «Кузнец Победы», а мы уже торжествовали победу. Право на самую первую атаку получила наша группа – тысяча человек с Пердидо.

Но не следует приписывать этот успех особой популярности наших персон – просто мы оказались самой компромиссной кандидатурой. Все основные претенденты, не желавшие потерять лицо, предпочли, чтобы это назначение получили мы, а не их основные конкуренты.

Я понимаю, что говорю слишком много. К этому склонны все евреи. Но у нас, евреев с Пердидо, эта привычка носит несколько маниакальный характер. И все из-за неопределенности наше-

го статуса. Наши единовѣрцы с Земли никак не желают признать в нас евреев, не говоря уже о том, чтобы принять во внимание наши уверения, что мы – десять исчезнувших колен Израилевых, похищенных когда-то инопланетянами и перемещенных с Земли на Пердидо.

Проклятые инопланетяне уволокли наших предков так быстро, что те не успели захватить с собой ни Тору, ни Талмуд, ни даже комментарии ученых рабби. Но благодаря народной памяти мы всегда знали о существовании Великих Книг, но вот о чем в них говорится, мы, к великому нашему несчастью, не ведали. Земные евреи заявили нам, что поскольку мы не знаем ни содержания священных книг, ни молитв, ни иврита, весьма посредственно говорим на идиш и не имеем понятия еще о каких-то штуках (о каких именно, я забыл), то и зваться евреями мы не имеем права. На столь агрессивное заявление мы кротко ответили, что хотя наш народ лишен всего этого (отнюдь не по своей вине), но зато у нас имеется много других признаков истинных сынов Израиля. Например, привычка пожимать плечами, привычка отвечать вопросом на вопрос или обращаться при беседе к воображаемому свидетелю. Я уже не говорю о привычке в критические моменты жизни изо всех сил хлопать себя по лбу и почти непреодолимым желанием время от времени восклицать «ой, вей!» А наша кухня?! Только евреи способны сотворить из инопланетных продуктов маринады, голубцы, копченую говядину, печеночный паштет и селедку под шубой! Причем последнее являет собой истинный триумф кулинарного искусства, если принять во внимание, что наша планета представляет собой сплошной тропический лес. И мы должны были создать продукт, похожий на соленую рыбу, не имея понятия о ее вкусе.

Да, это интересно, ответили евреи с Земли, может быть даже поразительно, но-вряд ли что-то доказывает. Бог мой! – воскликнули мы, шлепая себя ладонями по лбам, – если уж это ничего не доказывает, каких же доказательств вам еще нужно?

Так что вопрос до сих пор остается открытым. А пока мы не считаемся евреями даже в Израиле. Только на нашей родной планете Пердидо, да в Некоторых районах Нью-Йорка.

От подобного обращения, кто угодно способен немного свихнуться и возмечтать о крошечном кусочке славы. О, этот гнет вечной проблемы самоидентификации евреев. Но земные евреи отказывают нам даже в праве на то, что мы, подобно им самим, можем страдать от этой вечной проблемы.

Меня зовут Иуда бен Иуда. Если это имеет для вас какое-либо значение, то сообщу вам, что я человек плотный, голова у меня круглая и увенчана черной вьющейся шевелюрой. Мне тридцать три, и, прежде чем записаться в Экспедиционные Силы Пердидо, я служил ассистентом профессора на факультете Защиты Еврейской Культуры в Стетельхевенском университете планеты Пердидо. Причины, по которым я не стал действительным профессором, не имеют никакого отношения к данной истории, однако можете мне поверить, целиком лежат на совести некомпетентных экзаменаторов.

Короче, я записался в ополченцы, получил звание капитана и десять человек под свою команду, совместно с которыми проходил обучение в лагере Сабра. Спустя несколько недель мы преодолели основные разногласия, и моя команда согласилась беспрекословно выполнять мои приказы – по крайней мере, в ближайшее время. Некоторые люди из Альянса находят странным, что мы, Пердидодианцы – если использовать наше нейтральное название – вместо того, чтобы просто подчиняться приказам, предпочитаем советоваться друг с другом. Эта привычка настолько укоренилась среди нас, что мы практикуем подобные отношения даже в армии. Вы спросите, почему? Могу ответить на этот вопрос только так – методом проб и ошибок мы обнаружили, что гораздо легче попросить, чем приказать. Это, быть может, и занимает больше времени, но зато дело потом движется лучше и веселее. А если в ответ на свою просьбу вы услышите «нет» – что ж, вы просто можете пожать плечами, пробормотать себе под нос «ой, вей!» и попросить кого-нибудь другого. Мы ведем свои дела именно таким способом. Это кажется очень логичным. Хотя, похоже, что другие думают иначе.

Как только корабль перешел на гиперсветовой режим и мы снова обрели способность передвигаться, полковник Бар Кохба позвал меня и остальных командиров к себе.

Кохба был невысок ростом, обладал бычьей шеей, короткой седой бородой и выправкой кадрового военного. Он являлся одним из немногих профессиональных офицеров на Пердидо и с отличием окончил Академию Флота на Хелласе – 2. Мы всегда старались держать наготове нескольких обученных офицеров, хотя на нашей планете сроду не происходило войн в обычном смысле этого слова – с участием сражающихся профессиональных армий и космических флотов. Пердидо

– слишком отдаленная и бедная планета, чтобы у кого-то мог возникнуть соблазн завладеть ею – не считая, разумеется, этих варварских халиан. Однако нам вполне хватало и этого, потому-то мы и ухватились за предоставленную возможность ответить тем, что, как мы полагали, окажется сокрушительным ударом.

Бар Кохба с военной четкостью объяснил нам нашу задачу. Предполагалось дать в окрестностях планеты Цель грандиозное космическое сражение. Этому сражению должна предшествовать высадка десанта на поверхность самой планеты. Бар Кохба рассказал, что на планету нас доставят истребители, специально оборудованные для этой цели. С истребителей сняли большую часть вооружения и установили многочисленные защитные экраны, которые, вероятно, позволят избежать обнаружения и разного рода неприятностей. Полковник кратко изложил план операции и раздал нам карты районов боевых действий, в основном представляющие собой чистые листы с координатной сеткой, потому как провести картирование Цели пока не удалось. Наша операция должна была начаться через шестнадцать часов – теперь, когда нападение стало уже делом решенным, необходимо было действовать как можно быстрее. Надо нанести удар раньше, чем халиане успеют понять что к чему.

Отпустив всех, Бар Кохба попросил меня остаться.

Раскурив свою огромную, чрезвычайно вонючую трубку, полковник сообщил, что, изучив характеристики всех десяти своих офицеров, он решил предложить мне возглавить разведотряд.

Я был несколько озадачен.

– Никогда не думал, что у меня имеются какие-то особые данные.

Бар Кохба улыбнулся своей обычной вежливой улыбкой.

– Я выбрал тебя, – сказал он, – потому что в бумагах отмечено, что ты парень любопытный и вечно суешь свой нос в дела, которые тебя не касаются. А это как раз то, что и требуется от разведчика.

– Что вы хотите этим сказать, полковник? – спросил я. – Не думаете же вы, что я стану следить за своими боевыми товарищами?

Полковник удивился:

– С чего ты это взял? Это дело контрразведки, и совершенно меня не интересует. Офицер разведки нужен мне для того, чтобы разобраться, чего можно ожидать от этой чертовой планеты.

Я пожал плечами.

– Вы читали те же донесения, что и я. Что из них еще можно выжать?

– Разумеется, ничего. Но через шестнадцать часов, – он взглянул на часы, – уже почти через пятнадцать наша группа первой должна будет высадиться. И я сильно подозреваю, что нам придется на некоторое время задержаться там. Может обнаружиться что-то важное, нечто, что повлияет на ход войны. Потому-то мне и нужен человек, который станет собирать и систематизировать информацию.

Несколько минут я обдумывал его предложение. Работа казалась достаточно важной.

– Я займусь этим.

– Прекрасно, – ответил Бар Кохба. – Но давай сразу договоримся об одной вещи. Я не хочу сказать, что этим должен заниматься персонально ты. Никто не заставляет тебя шпионить. Я только прошу собирать и систематизировать сведения, вот и все. Тебе понятно?

– Конечно, сэр, – ответил я, отдал честь и отправился готовить свою группу к высадке. После некоторых размышлений до меня вдруг дошло – ведь собственно говоря, я не обещал полковнику не шпионить, а просто согласился с тем, что понял, что Бар Кохба просит меня не делать этого. Упоминаю об этом только потому, что после всего случившегося позднее, после моей первой встречи с Вик-Виком Зимородком пошли всякие разговоры о военном трибунале.

Десантно-диверсионные группы Флота, набранные на сотнях планет, где сильно различаются даже военные технологии, не говоря уж о местных обычаях и предпочтениях, всегда вооружались на свое усмотрение, таская повсюду свою собственную оружейную команду. Наша группа не составляла исключения, в качестве тяжелой артиллерии у нас имелись типовые плазменные пушки Гуши или попросту ППГ. С виду они представляли собой отрезки труб в полтора метра длиной и пятнадцать сантиметров в диаметре. Без перезарядки их хватало на три двухкилограммовых заряда, но радиус действия был ограничен пределами прямой видимости. Когда заряд приходил в контакт с мишенью, происходил взрыв, мощность которого эквивалентна полутонне тринитротолуола. В моей команде имелось четыре таких пушки. Обычно полагается одно орудие на десять

человек, но мы ведь являлись головной группой.

Кроме этого мы были вооружены и своим оружием, производившимся на Эрец Пердидо, – несколько разновидностей метательных пистолетов, несложные в обращении бластеры, несколько типов гранат. Именно так мы были вооружены, когда настало время грузиться на борт истребителя «Уверенный» и спускаться на поверхность планеты.

Спуск занял немного времени, но нам он показался бесконечным. Мы не знали, что ждет нас впереди. Вполне могло стать, что халиане давно уже прознали о нападении. Ведь не секрет, что даже среди профессиональных военных Флота есть шпионы. Чрезмерная любовь к деньгам и гибкая совесть некоторых людей толкают их на предательство. А в качестве весьма удобного оправдания всегда можно использовать следующее – раз Альянс все равно победит, то какая разница? Нашему истребителю, бесшумно падающему сквозь атмосферу Цели, халиане могли уже приготовить теплую встречу. Самая лучшая в этом случае стратегия – дать нападающему возможность беспрепятственно приземлиться, а затем неожиданно напасть и уничтожить истребитель и его пассажиров, пока не подоспела подмога. Собственно говоря, мы даже не могли позвать на помощь, потому что вся операция должна была проходить в условиях полного радиомолчания.

Вообще-то, предательство является основной темой моего рассказа, но для него еще не пришло время. Наш истребитель бесшумно и без всяких приключений опустился на темную сторону планеты, и офицеры быстренько выгнали из шлюзов своих людей. Черное ночное небо было усыпано разноцветными оспинами вспышек далеких беззвучных взрывов; это высоко над нами корабли Флота начали бомбардировку приближающихся кораблей-разведчиков халиан – скоординированная акция, призванная прикрыть наше приземление.

Наконец последний из десантников вывалился наружу, и истребитель, даже не успев захлопнуть шлюзы, взмыл в небо, пытаясь, подобно гонимой штормом шхуне, найти в открытом океане космоса достаточное пространство для маневра прежде, чем заговорят халианские зенитные батареи.

Что же касается нас, то очутившись на поверхности планеты, мы не мешкая рассыпались в разные стороны. Каждый командир повел свою группу в определенном заранее согласованном направлении. Наша первоочередная задача состояла в том, чтобы рассеяться, хорошенько укрыться, оценить обстановку, найти противника, определить его силы и только потом подумать, как его крепче ударить.

Поначалу нам сильно мешало отсутствие надежных карт, поскольку, как я уже говорил, картографический анализ Цели перед нападением не проводился. Разумеется, мы накупили чертову уйма самых разных карт – матросы торговых флотилий часто входили в контакт с негуманоидами, которые, в свою очередь, имели дело с халианами. Торговля картами – довольно выгодное занятие. Так что кое-что у нас все-таки имелось. Но у меня было стойкое ощущение, что та карта, которую я держал в руках, совершенно не соответствовала окружающей местности. Реальность настолько отличалась от этих фантастических документов, которыми снабдил нас Флот, что я приказал своим людям поскорее выкинуть их – они могли только сбить нас с толку – и по ходу дела снимать свои собственные планы.

Двигаясь на юг, мы вышли к залитому искусственным светом небольшому городку или лагерью, улицы которого на несколько миль растянулись по берегу океанского залива. Мы окрестили его Вражеский Город и предположили, что он должен иметь кое-какое стратегическое значение. Небо над нашими головами, по мере того как все больше и больше кораблей вступало в космическое сражение, все ярче разгоралось от плазменных вспышек. Пора и нам было внести свой вклад в общее дело. Я проверил своих людей и решительно повел их к Вражескому Городу, уповая на то, что остальные командиры разделяют мое мнение о том, что он является очевидной мишенью.

Мы установили четыре плазменные пушки на двух контролирующих город высотках, так что они могли прямой наводкой стрелять вниз. Солдаты, окопавшись, охраняли пушкарей с тыла на случай атаки. Я удостоверился, что сделана необходимая поправка на ветер, взобрался на небольшой холмик, поднял вверх белый носовой платок, хорошо видимый в утренней полутьме, и резко дал отмашку.

Небо прорезали золотистые пологие дуги. По вспышкам взрывов я понял, что цель накрыта. Какое-то мгновение мы видели прижавшийся к земле, грязно-серый город, состоявший из одно – и двухэтажных глинобитных домишек с редкими вкраплениями более высоких строений. Мне вспомнились фотографии Земных городов Тимбукту и Омдурмана. Не был ли Вражеский Город

местом вроде них? Хотел бы я, чтобы у меня было время сфотографировать его, но часть города мы разнесли на куски даже прежде, чем его образ успел запечатлеться в моем мозгу. Я собрал своих людей и быстро повел их прочь. Очень не хотелось покидать высоту, но надо было рассчитывать и на то, что кто-нибудь ответит на наш огонь.

Направляясь к Вражескому Городу, мы скатились по склону холма, пробежали извилистой узкой ложиной и в сотне метров от окружавших город низких глиняных стен наткнулись на первое укрепление – небольшое прямоугольное караульное помещение с узкими бойницами, напоминавшее форты древних крестоносцев. Разнеся его двумя залпами из лазерной пушки, мы увидели первых мертвых халиан – щуплых, покрытых коричневым мехом созданий; их пояса были просто увешаны огнестрельным и холодным оружием.

Едва мы успели перегруппироваться, как из горящего города навстречу нам ринулась толпа халиан. Освещенные сзади заревом пожарища, они не могли видеть нас, укрывшихся в ложине. Халиане мчались нам навстречу, а мы в упор расстреливали их из плазменных пушек, пока не кончились заряды, потом из стингеров и бластеров, затем настала очередь наших ножей с кривыми лезвиями, пока, наконец, убивать больше стало некого. Вскоре после этого мы овладели Вражеским Городом.

День застал меня и мою команду в небольшой башне, возвышавшейся в самом центре города. Это здание из массивных гранитных блоков, которое, как мы впоследствии узнали, называлось Ратушей. Каким-то чудом оно не пострадало при бомбардировке и стояло посередине большой площади, что давало нам возможность контролировать все стороны. Это было особенно важно, поскольку в любое мгновение можно было ожидать контратаки. До сих пор все шло прекрасно, но так не могло продолжаться вечно. Ведь, в конце концов, мы находились на родной планете халиан. Оставалось только надеяться на то, что полковник Бар Кохба распорядился прислать нам смену, очень уж мне хотелось поскорее убраться отсюда.

Вскоре после полудня замигала лампочка нашей походной рации, сигнализируя об окончании радиомолчания. Это был полковник, который потребовал от меня рапорта о положении дел.

– Мы заняли город, – сообщил я ему, – сопротивление было не слишком сильным. Все прошло удачно. Но я не знаю, что делать дальше. Мы торчим в самом центре этой дыры и каждую минуту ожидаем нападения.

– Можешь немного успокоиться, – ответил Бар Кохба. – Мы ведем радарное и визуальное наблюдение над всем сектором. Концентрации халианских войск нигде не замечено.

– А как другие?

– Все выполнили свою задачу. При взятии космопорта были небольшие потери. Четыре человека. Пока что все идет просто чудесно.

– И что с космопортом?

– Мы разрушили его.

– А сражение в космосе?

– Крупная победа Флота. У халиан, по-видимому, не было общего плана сражения. Просто множество кораблей, атаковавших каждый по отдельности. Флот сбил многих из них. Остальные удрали, перешли в гиперсветовой режим и скрылись.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы переварить новости.

– Значит, мы победили! – наконец крикнул я.

– Видимо, да, – ответил Бар Кохба. Однако в его голосе не слышалось особой радости. – Полагаю, что это можно назвать победой.

– Не понимаю причины вашей сдержанности, – сказал я ему. – Мы разбили флот и захватили родную планету халиан. Разве это не означает, что война окончена?

– Мой дорогой, бен Иуда, – ответил Бар Кохба, – полагаю, тебе пора уже узнать о последних открытиях. Все предыдущие донесения указывали на то, что Цель является или по крайней мере являлась важной перевалочной базой для халианских рейдеров. Мы одержали важную победу. Но, похоже, эта планета не является родной планетой халиан.

В этот момент в комнату, которую я отвел под радиорубку, заглянул один из моих людей и жестом пригласил меня выйти наружу. Я в ответ махнул рукой, требуя, чтобы он подождал.

– Но если это не родная планета халиан, – несколько растерянно спросил я, – тогда кому же она принадлежит?

– Откуда я могу знать? – раздраженно ответил Бар Кохба. – Офицер Разведки у нас ты. Ты и

узнай.

– Ладно, – сказал я, – а как насчет халиан?

– Тебе нужно быть все время начеку. По поступившим сведениям на планете их осталось по крайней мере несколько тысяч.

– Хорошо, сэр. Мы будем осторожны. А как долго нам еще придется здесь торчать?

– Достаточно долго, – ответил Бар Кохба с несколько суховатым смешком. – Наша боевая группа показала себя настолько хорошо, что командование Флота поручило нам нести здесь гарнизонную службу.

И Бар Кохба отключился. Теперь наконец я мог уделить внимание моему подчиненному, продолжавшему бешено жестикулировать.

– В чем дело, Гидеон?

– Там снаружи кое-какие люди хотят с вами повидаться.

– Люди? Ты имеешь в виду настоящих людей или халиан?

– Ни то, ни другое. Иуда. Мне кажется, что это туземцы.

– Прекрасно, – ответил я. – Нам как раз не мешало бы выяснить, кому принадлежит эта планета. Я приму их сейчас же.

Гидеон кивнул. Дисциплина в наших вооруженных силах оставляла желать лучшего.

– Я провожу их. – Выражение его лица было каким-то странным, словно он пытался сдерживать смех. Причину этого я понял через несколько минут, когда он ввел посетителей в комнату.

Я полагаю, что термин «люди» применим к каждому существу, способному поддерживать интеллигентную беседу. Называем же мы иногда «людьми» халиан, хотя они больше напоминают полутораметровых хорьков. Поэтому я, вероятно, не должен был удивляться, когда Гидеон ввел четырех двуногих существ под два метра ростом, облаченных в длинные одеяния, скрывавшие большую часть тела. Однако открытые участки шелушились и были покрыты перьями. Ноги напоминали когтистые птичьи лапы, а тощие, кожистые шеи венчали маленькие птичьи головки.

Так я впервые повстречался с нидийцами, как они сами себя называли, кочевыми птичечеловеками с планеты Цель. И пока другие представители рода человеческого занимались самым насущным вопросом, а именно – выясняли, где, если не здесь, может находиться родная планета халиан, я принялся очищать планету от остатков войск противника, собирать информацию и устранять трения, возникавшие между нашими войсками и туземцами.

Моя первая встреча с аборигенами, однако, казалось, не предвещала ничего плохого. Я дружески поприветствовал заявившуюся компанию, попросил принести для них кресла и предложил освежающие напитки. Необходимо было сразу взять верную ноту – я понимал, что нам понадобится помощь аборигенов, чтобы выследить и уничтожить оставшихся в живых халиан.

Но моя приветственная речь вместо того, чтобы придать беседе непринужденный характер, казалось, только вызвала в рядах гостей беспокойство. Гогоча, кудахча и трясая индюшачьими бородками, птичечеловеки принялись торопливо что-то обсуждать. Наконец они пришли к какому-то решению, и самый старший, которого позже я назвал Зимородком, поскольку его нидийское имя было абсолютно непроизносимо, выступил вперед, дважды хлопнул рудиментарными крыльями, прочистил горло и на довольно сносном английском, хотя и с заметным птичьим акцентом, произнес:

– Вы оказываете нам честь, но как хотите. Если вы желаете, чтобы мы сели, – мы сядем. Только помните, что сами мы ни о чем подобном не просили.

Я приказал Гидеону принести несколько складных стульев, полученных нами со складов Флота. Нидийцы попытались было сесть, подражая мне, но скоро стало очевидным, что их кости сочленяются не так, как у нас. Все же они умудрились пристроиться на стульях, приведя при этом свои перья в заметный беспорядок, и Зимородок снова заговорил:

– Правильно ли я понимаю, что это является своего рода унижением или подобная поза имеет какое-то иное значение?

– Это не имеет ничего общего с унижением, – ответил я. – Я приветствую вас как друзей и почетных гостей.

– Так значит, таким образом вы обращаетесь с друзьями? – спросил Зимородок. – Не хотелось бы мне увидеть, как вы поступаете с врагами.

– Там, откуда я явился, – ответил я, – приглашение сесть означает встречу на равных. Но если вам угодно, можете встать.

– Нет, нет, – возразил Зимородок. – Мы польщены тем, что вы рассматриваете нас как равных себе. Сидеть – занятие неудобное и нелепое, но что это значит по сравнению с тем уважением, которое оно выражает? – Он перевел эти слова остальным, которые дружным гогогом выразили свое полное одобрение.

– Джентльмены, – сказал я, – разрешите мне начать с того, что я весьма рад тому, что смог избавить вас и ваших сородичей от деспотического правления халиан.

– Вы зовете их так? – спросил Зимородок. – Мы называем их пануа. Или иначе «карлики, у которых слишком много зубов». Есть еще и другие названия. Да, мы хотели поблагодарить вас за это. Но вы, разумеется, знаете, что на самом деле они не совсем ушли?

– Мы позаботимся об этом, – пообещал я. – Но, разумеется, ожидаем, что вы поможете нам.

– Я не могу говорить от имени всей своей Гильдии, – ответил Зимородок. – Что же касается меня, могу вас заверить, что вы получите все почести, полагающиеся вашему положению.

Зимородок занимал весьма высокое положение в Гильдии Лудильщиков. Другие гости представляли Гильдию Строителей Гнезд, Гильдию Поставщиков Водорослей и Гильдию Устроителей Жилищ.

Разумеется, это был далеко не полный перечень гильдий. Представители этой расы разумных птиц подразделялись на более чем три сотни функциональных занятий или профессий, каждая из которых являлась привилегией определенной гильдии. Даже убийцы были организованы в Гильдию Убийц, известную под поэтическим названием Гильдии Не Имеющих Гнезда.

Эту планету, бедную минеральными ресурсами и плодородными землями, мало беспокоили расплодившиеся за последнюю тысячу лет или около того многочисленные орды торговцев и захватчиков. Халиане наткнулись на нидийцев только около пятидесяти лет тому назад, решив, что эта планета станет прекрасной базой для их космического флота, отняли политическую власть у гильдий. До появления халиан планетой нидийцев управлял Совет, состоящий из лидеров всех гильдий. Этот Совет разрешал споры между гильдиями. Халиане не стали разрушать эту структуру, а попросту возглавили ее, и до нашего появления все главные вопросы решались халианскими господами, что вызывало у нидийцев сильное возмущение.

Теперь я, как можно в более вежливой форме, сообщил гостям, что отныне они будут подчиняться нам, представителям Флота. Конечно, это не могло им понравиться, но сказать об этом было нужно.

Зимородок торопливо обменялся мнениями со своими компаньонами. Они гоготали, кудахтали, как и полагается в присущей птицам суетливо-сварливой манере. Наконец они, казалось, договорились о чем-то, и Зимородок обернулся ко мне:

– Мы согласны с тем, что сила теперь за вами, людьми Флота. Мы, нидийцы, не собираемся противостоять вам.

Заявление выглядело не слишком многообещающе и не вполне удовлетворило меня, но делать нечего, пришлось довольствоваться тем, что есть. Чуть позже я вызвал по радио полковника и доложил ему содержание разговора.

– Другие командиры сообщают то же самое, – сказал Бар Кохба. – Но не думаю, что они смогут доставить нам какие-нибудь неприятности. Я посылаю на планету подкрепление. Чтобы уничтожить или взять в плен оставшихся халиан, понадобится не менее недели или двух.

Бар Кохба несколько поторопился, из чего видно, что его пророческие способности оставляют желать лучшего. Спустя месяц мы все еще очищали планету от халиан. А еще через месяц – так переменчиво бывает военное счастье – мы оказались в положении обороняющихся.

Люди неправы, когда принимают халиан просто за больших хорьков. Да, сходство, без сомнения, есть – длинное, гибкое тело, густой мех, вытянутая морда. Но полутораметровый хорек должен производить нелепое впечатление. В халианах же абсолютно не было ничего нелепого. По своему поведению в бою они скорее напоминают росомах, пожалуй самых отчаянных бойцов в животном мире, всегда дерущихся до самого конца.

Халиане умеют отлично маскироваться, а при нападении они становятся просто неудержимы. В рукопашном бою халиане совершенно непредсказуемы. Халианский воин может сражаться с вами по всем правилам, лицом к лицу, но может и напасть исподтишка. В тактическом плане невозможно предугадать, чего от них ждать в следующий момент.

Халиане быстро отказались от тактики группового боя, это был не их стиль. Как оказалось, хорьки были настоящими индивидуалистами, их поведение в бою напоминало мне истории о нор-

вежских берсерках – они фантастически владели ручным огнестрельным и холодным оружием. Только наиболее опытные фехтовальщики среди людей могли выстоять против халианского воина, вооруженного мечом с волнообразным лезвием. Во время наших рейдов они выскакивали перед нами неожиданно, как из-под земли. Желая вывести из строя как можно больше людей, хорьки бросали бомбы из городских переулков и доставляли нам гораздо больше неприятностей, чем мы первоначально рассчитывали. Собственно говоря, они доставляли нам столько неприятностей, что оккупация Цели начала серьезно беспокоить руководство Флота, которому не слишком нравилось бомбардировать свои родные планеты реляциями о потерях. На планете было задействовано более десятка бригад. И если бы в дальнейшем ситуация не сложилась слишком уж драматично, то могла бы возникнуть опасность, что десантные войска Альянса будут полностью исчерпаны.

В нашей борьбе нам сильно мешала реакция местного населения. Они не были врагами. Но не были также и друзьями и не мешали свободному передвижению халиан, а часто даже прятали их. Нидийцы не любили халиан, но и не предавали их. Позднее я понял причину такого поведения.

Борьба велась безжалостная и бескомпромиссная, как в городах и селениях, так и за их пределами. Напряжение было столь велико, что возникла опасность отзыва войск командованием Флота – цифра потерь начала выглядеть угрожающе, если не в наших глазах, то по крайней мере в глазах населения планет. А в конце концов именно люди голосовали за бюджет Флота. И если они решат, что операция проводится плохо, политики уйдут в кусты. Они могут решить пожертвовать стратегическими интересами и поспешно отступить, надеясь одержать быструю и бескровную победу где-нибудь в другом месте.

К несчастью, войны вовсе не обязательно выигрываются стороной, понесшей наименьшие потери. Некоторые величайшие победы прошлого были выиграны той армией, которая сумела дольше продержаться на поле битвы, которая, несмотря на потери, сохранила монолитность. Кроме того, иногда войны проигрывались из-за нерешительности некоторых людей, примером чему могут служить карфагенские купцы, слишком долго медлившие с поддержкой Ганнибала.

Проблема эта не простая, поскольку задиристости и упрямства здесь недостаточно. Вы должны понимать, когда нужно отступить, а когда ударить всеми силами. Нужен недюжинный ум, чтобы понять, когда следует уклоняться от сражения, подобно Фабию Медлительному, а когда и ударить изо всех сил, как поступил под стенами Карфагена его преемник, Сципион Африканский.

Они оба были великими военачальниками и оба спасли Рим – один тем, что не стеснялся медлить, когда это было необходимо, другой же наоборот тем, что когда для этого настало время, не мешкая, довел дело до победы.

Мы находились на линии фронта, проходившей везде и в то же время нигде, и чувствовали, что за эту планету стоит сражаться. Это можно было понять хотя бы по тому ожесточению, с которым боролись против нас халиане. Никаких конкретных признаков не было, ничего такого, что можно было бы просчитать на компьютере, но несмотря на это, невозможно отделаться от ощущения, что назревают какие-то важные события, нечто поначалу трудно определимое, что может, однако, оказаться стоящим всех трудов. И мы также чувствовали, что идет война характеров и окончательную победу одержит та сторона, которая проявит большее стремление к исполнению своей воли.

Поэтому не афишировался тот факт, что время работает против нас. Мы умудрялись тянуть это самое время, скрывая от Земли свои потери и похваляясь фальшивыми победами. Было такое ощущение, что здесь, на этой отдаленной планете, мы наблюдаем столкновение интересов, от которого зависит расцвет или закат целых биологических видов.

Как оказалось, поведение гильдий птичечеловеков являлось критическим фактором. Они откровенно сомневались, стоит ли им менять правление халиан на наше. Вопрос стоял именно так. Сперва мы честно хотели пообещать им свободу, но потом поняли, что не можем этого сделать и нужно честно сказать им правду. Альянс должен овладеть планетой, по крайней мере на ближайшее будущее, это было слишком важно для нас. Из-за многолетнего присутствия здесь халиан мы могли многое о них узнать. Цель являлась последним известным нам сборным пунктом халианских налетчиков, именно здесь предполагалось отыскать следы, которые могли бы привести нас на их родной мир, планету, питающую их силы, образно выражаясь, голову змея, которую мы могли бы наконец-то отсечь. И чтобы добиться этого, мы должны были отыскать на Цели разгадку тайны Халии. И, как оказалось, ключ к ней дал в конце концов именно птичечеловек.

Когда я повстречался с молодым нидийцем по имени Цк Отаи, которого окрестил про себя

Дятлом, миновало уже два месяца со дня нашей высадки на Цель. Он был выше большинства своих соотечественников, голову его украшал красный гребень, встававший дыбом при малейшем возбуждении. Дятел был Мастером в Гильдии Лудильщиков. Понимая, что для столь молодой особи это являлось значительным достижением, я поздравил его с подобным рангом.

– Многие члены Гильдии не хотели присуждать мне звание Мастера, – ответил он, – но я продемонстрировал свое мастерство в Семи Манипуляциях и Трех Способах Соединения Материалов перед лицом всех собравшихся Мастеров. Так что у них не было другого выхода. Но они заставили меня дорого заплатить за такую честь.

– Каким образом? – поинтересовался я.

Отаи рассказал мне, что его родина находится примерно в трехстах километрах отсюда, возле границы Карнаянской пустыни – страны невысоких холмов и каменистых лощин. Это было любимое место для скрывающихся халианских головорезов, в этих выжженных солнцем каменных лабиринтах их невозможно обнаружить. Нерегулярные халианские соединения время от времени навещали нидийцев и на манер всех бандитов требовали от них продовольствия. Но в один прекрасный день одна халианская банда явилась к нидийцам с совсем иным требованием, им понадобился Мастер-Лудильщик для того, чтобы помочь в починке оборудования.

– И выбрали вас? – догадался я.

– Против моего желания.

– Но мне казалось, что члены гильдий свободны в выборе работы или отказе от нее?

– Обычно так и бывает. Но в этом случае халиане сослались на вассальные обязательства, и Старейшины Гильдии подчинились. Но они должны были бросить жребий между всеми вместо того, чтобы просто приказать мне. Я ведь самый молодой.

– А что такое вассальные обязательства? – спросил я.

– На некоторый период времени господин может потребовать от Гильдии определенных услуг.

– Но халиане не ваши господа, – возразил я. – Теперь уже не господа.

– Это верно. Но они были вооружены и озлоблены, а вы, люди Альянса, находились далеко, поэтому мы решили не поднимать этот вопрос.

– Значит, они забрали вас с собой?

– Конечно. На свою секретную базу. Там я занимался несложными паяльными работами, к которым сами халиане, кажется, не очень способны, изготавливал всякие несложные вещи, вроде дверей на петлях и, в ожидании дня освобождения, терпеливо сносил их грубое и буйное поведение.

– Но так как вы сейчас находитесь в нашем лагере, – сказал я, – этот день, по-видимому, уже наступил.

Дятел уныло покачал головой.

– Они дали мне недельный отпуск для того, чтобы я смог привести в порядок свои домашние дела. Но как бы ни была ненавистна для меня эта мысль, мне придется вернуться к ним.

– Но зачем возвращаться? – спросил я – Здесь они ничего не смогут вам сделать.

– Вы не понимаете. Гильдия поручилась за меня. Если я не вернусь, как обещал, они должны будут послать кого-либо другого. В таком случае меня исключат из Гильдии.

– А почему бы вам не заняться чем-то новым? – спросил я его.

Он покачал головой.

– Если бы я даже и хотел этого, что не соответствует истине, такой поступок просто невозможен Мы, нидийцы, с рождения принадлежим каждый к своей Гильдии. На того, кто не состоит в Гильдии, смотрят, как на конченого. Он обречен на жизнь в одиночестве, должен держаться подальше от своих сородичей. На меня больше не взглянула бы ни одна женщина. Мои дети, если бы они у меня были, отреклись бы от меня.

– Есть ли какой-либо выход? – спросил я.

– Только один. Халиане должны сами аннулировать контракт. Но контракт считается недействительным, если потребовавший от меня службы начальник халиан умрет.

Я взвесил все обстоятельства.

– Но вы, конечно, не можете убить его сами, правда?

Дятел коротко рассмеялся.

– Чтобы я убил Тостига Истребителя Людей, начальника военной базы, с которым связан

контрактом? Это невозможно! Убивать разрешено только членам Гильдии Не Имеющей Гнезда, а они отказали мне.

– И вы пришли с этой просьбой ко мне.

– Убивать халиан – ваша работа. Вы сами достаточно часто повторяли нам это.

Я задумался, и мысли мои отнюдь не отличались приятностью. Я не слишком доверял этим птичеловекам, помогавшим нам с неохотой и казавшимся больше привязанными к своим кроважидным хозяевам, чем к нам. Возможность предательства в данном случае ни в коем случае нельзя было недооценивать. Путь до Карнаянской пустыни был неблизок и проходил по весьма пересеченной местности, дававшей предупрежденному врагу массу возможностей устроить засаду. Мне не было бы оправдания, если бы я повел своих людей в такую даль, тем более при столь подозрительных обстоятельствах.

Поэтому я собрался было отказать Дятлу. Но потом он прибавил еще кое-что, и мое решение изменилось.

– Я также смогу показать вам, – сказал он, – место, где халиане ремонтируют свои космические корабли.

Это сообщение крайне заинтересовало меня. Местонахождение халианских заводов, воинских арсеналов и ремонтных мастерских до сих пор оставалось для нас тайной, которую мы пытались раскрыть с самого момента приземления. Мы разрушили их космопорт, но корабли халиан все равно время от времени совершали внезапные налеты. И исчезали раньше, чем мы могли проследить их путь, и приземлялись где-то в пустыне, занимавшей большую часть планеты.

– А вы видели это место? – спросил я.

Он утвердительно закудахтал.

– Да, я его видел. И оно огромное, просто огромное.

– Тогда скажите, где оно, – сказал я, – и мы пошлем туда наш Флот.

– Я не смог бы этого сделать, если бы даже и захотел, – ответил Дятел. – Оно находится где-то в Карнаянской пустыне, и я могу отыскать его, но ничего не понимаю в картах. Кроме того, чтобы потребовать расторжения договора, я должен лично убедиться, что Гостиг Истребитель Людей мертв.

Я еще раз обдумал все. Если все, что говорит этот тип, правда, то это дело первостепенной важности. К тому же нельзя не учитывать возможность уничтожения крупной банды халиан. Такая операция могла стать началом конца тяжелой войны на планете. А если к тому же мне удастся обнаружить дислокацию их заводов и баз, то дело стоит того, чтобы рискнуть.

Оставлять моих людей в неведении не стоило. Все равно, вся операция должна носить исключительно разведывательный характер и должна быть тайной и засекреченной. Ведь надо лишь найти это место и вернуться. Это работа для одного человека и проводника.

Кроме того, у меня зародилась мысль, что если я убью халианского командира, это тоже окажется неплохим ударом по врагу.

– Подождите меня здесь, – сказал я Дятлу – Я вернусь через час. И скажите, Отаи, вы верите в Верховное Существо?

– Конечно, – сказал он, – Бога моей Гильдии зовут Залатак.

– Так вот, если вы мне солгали, вам не поможет даже Залатак, – добавил я весьма, как надеялся, убедительным тоном.

Четырьмя днями позже мы, Дятел и я, углубившись на несколько сот километров в Карнаянскую пустыню, разбила лагерь на дне пересохшей реки. Какое-то расстояние мы преодолели на легком скутере, передвигаясь в основном ночью на высоте нескольких метров над землей, дабы нас не обнаружили.

Спрятав аппарат близ границы Карнаяна, дальше мы пошли пешком. Наш путь пролегал по каменистой дикой местности – пустынному плоскогорью – до самого горизонта простирались нагромождения скал и окаменелых глиняных наростов. Нас терзал не на мгновение не стихавший ветер, услаждавший наш слух душераздирающими завываниями. А когда с юга налетела внезапная песчаная буря, я возблагодарил Бога за то, что он надоумил меня захватить защитные очки. Командование отрядом я оставил на Гидеона, взяв с него клятву хранить в тайне цель моего путешествия. Узнав, куда я направляюсь, он немедленно выразил желание присоединиться и привел в пользу такого решения несколько весьма веских аргументов. Когда же я решительно отказался от его услуг, Гидеон обвинил меня в желании присвоить всю славу. Но, разумеется, дело обстояло

совсем не так. У меня имелись опасения, что я затеял глупое и совершенно безнадежное предприятие, а потому решил не рисковать жизнью своих людей.

Мы с Дятлом часто беседовали о халианах. Хотя он все время твердил, что презирает их, в его тоне тем не менее ощущалась какая-то завистливая почтительность. Тогда как при упоминании о нас, людях, в его голосе сквозило нечто среднее между насмешкой и презрением. Я и раньше замечал такое отношение к людям и у других нидийцев и приписывал это просто их упрямству. Но теперь мне это несколько поднадоело, и я решил наконец-то выяснить все, что мне хотелось знать о халианах и их способностях к управлению.

– Отаи, – сказал я, – мне кажется, что ты и все твоё племя странно противоречите сами себе. С одной стороны, вы постоянно говорите о том, как презираете халиан. С другой стороны – ваши слова звучат так, будто вы видите в них нечто особенное. Отаи, давай поговорим начистоту. Что, по твоему мнению, такого особенного в расе, которую вы именуете «Карлики, у которых слишком много зубов».

– Очевидно, – ответил Отаи, – что пануа – существа презренные и ненавистные. Но не менее очевидно и то, что они обладают феями.

– А что такое феи?

– Феи – это качество, ставящее одну личность или живое существо выше или ниже других.

– Но раньше я никогда не слышал этого выражения. Часто оно употребляется среди твоего народа?

– Да, мы много думаем о нем, вернее, многое рассматриваем с этой точки зрения. Вероятно, в разговоре с вами, людьми, никто не упоминал его, чтобы не затронуть ваши чувства.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Просто у вас, людей, очень мало фейи.

Я почувствовал приступ неконтролируемой ярости. Как этот двухметровый цыпленок с дурацким красным гребнем на маленькой глупой башке осмеливается говорить, что у нас, людей, мало фейи. С трудом взяв себя в руки, я спросил:

– А как насчет халиан? Не хочешь ли ты сказать, что у них есть феи, а у нас нет?

– Разумеется. Но не стоит так на меня сердиться. Я не виноват, что все обстоит именно так. Хотите того вы или нет, в отношении фейи халиане имеют очевидное преимущество.

– Расскажи мне поподробнее, – стиснув зубы потребовал я.

– Просто они пробыли на нашей планете пятьдесят лет, – ответил Отаи. – У них было время изучить нас не только то, что мы считаем нормальным и не скрываем, но и то, что нам не нравится.

– Приведи пример.

– Возьми хотя бы то, что вы выставляете руки полностью напоказ, как простые хороджи. Разве вы не заметили, что никто из нас не делает этого? А халиане не только прикрывают свои локти, но, выходя на улицу, надевают подобающие высокому рангу синие нарукавники анараджи.

– И это действительно так важно?

– Конечно. И не столько это, сколько совокупный эффект подобных вещей. Наружники анараджи, малиновая краска для век, которую мы называем торианг и множество других вещей, таких как хелиго-дан, вастииис, молокация, и это еще далеко не все. Халиане изучили наши ценности, ввели их в обиход и подняли свой феи настолько, что возвысились выше уровня простых смертных, до статуса богоподобных. Именно потому мы продолжаем уважать их, несмотря на теперешнюю слабость халиан. Мы, нидийцы из гильдий, не любим предавать богоподобных существ. Это может принести неудачу.

С помощью Дятла я составил список вещей, придающих индивидууму феи. Все они относились к одежде или окраске. Халиане использовали их, а мы нет. Этим и объяснялся наш низкий статус на этой планете и престиж презираемых халиан. Мое путешествие уже начинало приносить пользу. Я не сомневался в том, что когда смогу рассказать об этом полковнику, он исправит положение.

Однако одна вещь в феи по-прежнему озадачивала меня.

– Но если для этого не требуется больше ничего, то почему все нидийцы не поднимают свой статус? Все кажется достаточно простым. Например оранжевое ачики, знак сословия младшего дворянства? Ведь это всего лишь предмет туалета и две полоски кожи, обвязанные вокруг левой ноги.

– Мы никак не можем сделать этого, – сказал Дятел – Статус передается по наследству, либо присуждается за заслуги перед Гильдией, либо дается по праву на-аринджи.

– А это еще что такое? – спросил я.

– На-аринджи обозначает божественное непреодолимое побуждение. Имитировать его нельзя.

Я не стал переубеждать его. Халиане неплохо воспользовались доктриной на-аринджи, нам она тоже пригодится. Этим и объяснялись наш низкий статус на Цели и неизменность престижа халиан. Как только я доберусь до штаба, все станет совсем по-другому.

А теперь пора подумать и о других вещах. Если верить Дятлу, мы находились в шести часах ходу от лагеря халиан и их секретного космического производства, что бы оно из себя ни представляло.

Ночь выдалась темная. Ледяной ветер свирепо хлестал по лицу. Вот уже несколько часов мы упорно, ни на минуту не останавливаясь, продвигались вперед. Пройдя через узкую щель меж базальтовых столбов, ощутив рассыпающуюся под ногами мелкую гальку, мы вышли к длинному, уходящему куда-то вниз каньону, и начали спуск. Я не спрашивал Дятла, сколько нам еще идти, но по его нервозности, по тому, как ерошились перья на хвосте, я понимал, что уже недолго. Мы спустились в каньон, пересекли его, и Дятел начал оглядываться вокруг в поисках ориентиров. Чтобы помочь ему определиться на местности, я рискнул посветить узким лучом фонарика.казалось, Дятел сомневался. Наконец он сказал:

– Вот!

Проход вел куда-то между полуобвалившимися базальтовыми столбами. Миновав их, мы обнаружили грубо вырубленные в скале ступеньки, ведущие вниз.

Спуск был довольно долгим, по моим прикидкам мы опустились на несколько сот метров. Дятел вел меня по коридору, залитому тусклым светом ламп. Дойдя до конца тоннеля, мы повернули за угол, и я резко остановился – мы оказались на краю обрыва.

Убедившись, что падение мне не угрожает, я взглянул вперед и остолбенел. Мы находились в невообразимо огромной пещере, залитой призрачным зеленым светом, вызванным природной люминесценцией скальной породы. Под нависающим каменным сводом пещера тянулась несколько хватало глаз – бесконечность, оформленная в грубые рамки, единство противоположностей свободного пространства и камня.

А на дне пещеры, во всем великолепии промышленной архитектуры символом технологической мощи, покоились космические корабли. Поначалу мне бросились в глаза только их округлые металлические, серые и голубые корпуса, на которых мерцали блики отраженного света. И только потом я обратил внимание, что корабли расположены абсолютно беспорядочно, как попало. Словно на свалке.

Однако времени на то, чтобы осмыслить свои впечатления от этого ошеломляющего открытия, у меня не оказалось. Краем глаза я заметил, как Дятел отступил назад, и это меня слегка насторожило. Схватившись за лучевой пистолет, я обернулся. Со всех сторон на меня надвигались отделившиеся от стен тени. В полумраке пещеры сверкнули острозубые пасти, я отчаянно попытался снять пистолет с предохранителя, но было уже слишком поздно. Что-то тяжелое ударило мне в висок, я понял, что падаю, но потерял сознание еще до того, как ударился об землю.

Когда я очнулся, первым моим чувством было удивление. Неужели я все еще жив? Но как только я вспомнил, что халиане берут пленных исключительно для того, чтобы пополнить запасы свежего мяса, чувство благодарности судьбе уступило место более неприятным эмоциям. Хорьки – исключительно плотоядные твари, и по слухам их пристрастия в пище напоминают вкусы земных леопардов и гиен. В ранние периоды своей истории, до тех пор, пока у них не развилось сознание расовой идентичности, они были каннибалами. Теперь же халиане, как и мы, люди, предпочитают пожирать плоть других видов и обычно любят свежее, еще с кровью, мясо только что убитых экземпляров, содержащее придающую силу ману. Но у этого пристрастия к свежему мясу есть и конкурент, ведь еще с первобытных времен у халиан осталась любовь к мясу «с душиком», то есть к подгнившему. Они высоко оценили бы старый земной рецепт тушеного зайца, согласно которому тушку держат в горшке до тех пор, пока она не начинает разваливаться от одного прикосновения. Таким образом, в данном случае гнилость и нежность являются синонимами. Я от души надеялся, что мне не уготована подобная судьба.

Сейчас я сидел на земле в помещении наподобие пещеры, лодыжки связаны веревкой, дру-

гой конец которой обвивал железную скобу в стене. Осмотрев узел, я убедился, что его нетрудно развязать, но, вовремя вспомнив рассказы о том, что ничто не доставляет халианам большего наслаждения, чем обнаружить, что их живой запас продовольствия попытался сбежать из клетки, не стал этого делать. По нашим сведениям, подобные попытки неизменно пресекаются, и несчастная жертва отдается для игр халианам-щенкам, а потом, полумертвая от ран, вновь привязывается, дабы дожидаться-таки участи живой закуски.

Таким образом, я сидел на земле и оплакивал свою несчастную судьбу. Спустя некоторое время меня пришли проведать три халианских воина. Все они были невысоки ростом и одеты в короткие, разноцветные одежды, наподобие шотландских юбок. Позднее я узнал, что цвета определяли принадлежность к какому-либо воинскому подразделению. На узкой груди каждого крестнакрест висела затянута на поясе португепя, на которой болталось великое множество самого разнообразного оружия – мечи и кинжалы, различные ножи и плети, аркан и несколько видов огнестрельного оружия. Они что-то затарабанили мне на своем лающем языке, потом, убедившись, что я их не понимаю, начали завывать в унисон, пока не прибежал Дятел в качестве переводчика.

– Они требуют, чтобы ты встал. Они развяжут веревку. Ты должен пойти с ними. Будет лучше, если ты сделаешь, что они говорят. Их еще не кормили, и любой жест непослушания может спровоцировать голодную ярость. Это не слишком приятное зрелище, особенно, если объектом их аппетита являешься ты сам.

– Скажи, что они могут не бояться, – с горечью ответил я. – Все это ведь твоя работа, Отаи, не так ли?

– Да. Но не думай обо мне плохо. Я был вынужден сделать это, я ведь дал Обет Гильдии, а подчиняться ему – самый святой долг для каждого нидийца.

– Не понимаю, о чем ты толкуешь, – буркнул я. Но прежде, чем Отаи смог мне сказать еще что-нибудь, халианские воины уже развязали меня, и, издавая короткие лающие крики, потащили за собой на веревке, которую обвязали вокруг моей шеи.

Мои охранники волокли меня извилистыми подземными коридорами, все время обмениваясь лаем и воем, без сомнения обсуждая, как лучше меня съесть. Они привели меня в большую, вырубленную в скале комнату, и один из них, немного говоривший по-английски, передней лапой указал на стул.

– Сидеть! – сказал он. – Не двигаться! Тостиг, он идти.

Я сел. Охрана ушла. Оглядевшись вокруг, я не обнаружил ничего, что можно было бы использовать как оружие. Да и момент для того, чтобы попытаться что-либо предпринять, был не слишком удачный. Я от души надеялся, что в будущем мне подвернется возможность получше. Если, конечно, у меня есть будущее. Оставалось только сидеть и ждать этого Тостига. Он, без сомнения, хотел отведать, каков я на вкус и подхожу ли для праздничного ужина.

Спустя некоторое время в комнату вошел халианский воин.

– Здравствуйте, меня зовут Тостиг, – произнес он на хорошем, почти без акцента, английском языке Тостиг был выше ростом, чем другие. На его юбке имелась пурпурная кайма, а португепя была отделана серебром. Он помахивал офицерской тростью, а его уверенное поведение выдавало в нем лидера.

– Я капитан Иуда бен Иуда, – представился я.

– Весьма рад, – ответил Тостиг. Он швырнул свой меч в ножнах в угол, сорвал боевые рукавицы, отправил их вслед за мечом и беззаботно опустился на кушетку. Потом зевнул, потянулся, скинул башмаки и выпустил когти.

– Знаете, – сказал он, – чертовски трудно сшить башмаки, которые хорошо сидели бы на лапе. Когти дают о себе знать.

Ответить на это мне было нечего, поэтому я промолчал. Но Тостиг меня заинтересовал. Трудно понять чуждую тебе психологию. Больше всего Тостиг, конечно же, напоминал гигантского хорька. Но при этом у меня было такое впечатление, что передо мной профессиональный военный средних способностей, вежливый, с ровным характером и юмористическим, быть может даже ироническим складом ума.

Что ж, капитан, – сказал он, – ваши люди сегодня задали нам жару Перехватили одну из наших групп, возвращавшуюся из города после набега Сбились в кучу и горланили одну из своих боевых песен, глупые убудки. Ваши их всех перебили Сколько раз я говорил им рассыпаться, если не исключено, что неприятель может находиться поблизости. Это уменьшает вероятность по-

ражения лучевым оружием или реактивным снарядом. По-моему, понять не так уж трудно. Но разве они послушают? Нет, только не эти.

– Это не по-халиански, отвечают они мне, снижает боевой дух. Нас вполне устраивает старый добрый халианский боевой обычай – все в одной куче, сплошные зубы и когти.

С этими чертовыми идиотами невозможно спорить. И вот потеряли семерых. Недурно для вашей стороны.

Судя по поведению и тону голоса, у него не было по отношению ко мне злых намерений. С таким же выражением он мог бы объявить мне о результате теннисного матча.

– Но я, разумеется, не смею надеяться, что вы выразите мне соболезнования, не так ли? – продолжил он в столь же шуточной манере. – Кровные враги и тому подобное. Наши потери – ваши успехи, да? И наоборот, разумеется.

– Полагаю, что так, – осторожно ответил я. – Но не задумали же вы все это для того, чтобы обсудить со мной будущее планеты.

– Совершенно верно! – воскликнул он. – Пора обрисовать вам ситуацию.

– Прежде всего я хотел бы уточнить один вопрос, – осмелел я.

– Спрашивайте!

– Буду ли я главным блюдом на вашем банкете или вы относите меня к категории легких закусок?

Гостит разразился смехом.

– Ну вы даете! Согласитесь, что это довольно забавно – вести беседу с легкой закуской. Но не бойтесь, вы мой гость. Хотя не исключено, что когда-нибудь, если дело пойдет как-нибудь не так, я буду вынужден убить вас. Но на настоящий момент вы находитесь в полной безопасности, и могу заверить, что вам будут предоставлены все условия.

– Могу я поинтересоваться, – спросил я, – где вы так прекрасно научились говорить по-английски.

– Так получилось, что некоторое время я гостил в Лондонском Зоопарке на планете Земля. Собственно говоря, я был главным аттракционом на Выставке Ужасающих Хищников, но умудрился через некоторое время сбежать, раздобыть корабль и вернуться в свое подразделение. Но никогда не забуду доброго отношения англичан. В некотором роде это были совсем неплохие деньки... Но простите, я кажется пренебрегаю долгом гостеприимства.

Тостиг легким прыжком соскочил с кушетки, подошел к буфету и показал мне бутылку.

– Виски, капитан Иуда? Мы добыли его в прошлом месяце во время рейда на один из ваших отдаленных постов. Нам, халианам, оно не по вкусу, но я берег его для подобного случая.

Я взял свой стакан. Из висящего на стене кожаного бурдюка Тостиг налил себе стакан того, что, как мне впоследствии стало известно, является разновидностью ферментированного молока.

– Ваше здоровье, – сказал он. Мы выпили. – Вы, случайно, не голодны? Я могу распорядиться насчет обеда.

– Тут есть один нидиец по имени Отаи, и я не возражал бы против него – в жареном, вареном или пареном виде, как вам будет угодно.

Тостиг хмыкнул.

– Рад был бы угодить вам. Но Отаи работает на меня и предал вас только для того, чтобы выполнить Обет Гильдии. Может быть сойдемся на салате? Насколько я помню, человеческие существа могут есть зелень без особого вреда для себя.

– Спасибо, в данный момент у меня что-то нет аппетита. Но я не понимаю, что это за штука такая – Обет Гильдии?

– Это потому, что вы не жили на этой планете пятьдесят лет. Видите ли, мне потребовались услуги Мастера Лудильщика и Гильдия прислала Отаи. Но он оказался неспособен к тому, что от него требовалось. Они прислали неопытного молокососа, принятого в Гильдию только благодаря высокопоставленному дяде. Естественно, я разозлился и готов уже был отправить его к повару для разделки и маринования, когда Отаи сказал мне, что выполнит данный им Обет Гильдии, доставив мне заместителя, мастерство которого удовлетворит мои потребности.

– И этим заместителем оказался я.

– Да, хотя, разумеется, он имел в виду не вас лично. Мне подошел бы любой человек – о вашей расе идет слава, как о несравненных Лудильщиках. Вы еще и неплохие воины, должен признать, но когда дело касается ремонтных работ, вам нет равных.

– Барон Гостиг, – сказал я, – или каков там ваш титул...

– Барон звучит неплохо, – ответил Тостиг, – в этом слове чувствуется некий приятный звон, вы не находите?

Я пожал плечами.

– Барон, шмарон, мне все равно. Но если вы думаете, что я собираюсь помогать вам, самым опасным врагам, с которыми когда-нибудь сталкивалось человечество, то судите обо мне совершенно неверно.

– Что ж, разумеется, так вы и должны были ответить, – хмыкнул Тостиг. – Но что, если я сделаю вам предложение, от которого вы не сможете отказаться?

Одно было очевидно – за время своего пребывания в Лондонском Зоопарке Тостиг кое-чему научился.

– Что за предложение? – спросил я.

– Допустим, что я смогу доказать вам, что помощь, которую вы мне окажете, пойдет также на пользу и вашим людям?

– Сильно сомневаюсь, что вы когда-нибудь сможете это доказать мне.

– Ну, а если смогу? И кроме того, обещаю, что по завершении вашей работы я отпущу вас целым и невредимым?

– Что бы вы со мной ни сделали, я никогда не предаю человечество.

– Ну, это тоже еще требует доказательства, не так ли? – Он сел и натянул ботинки. – Но не думаю, чтобы дело дошло до этого. Позвольте мне показать вам, что я имею в виду, а потом вы сможете сами принять решение, правда, боюсь, несколько второпях, но пару минут на размышление я смогу вам дать. Но, как говорят халиане, не будем заносить зад поперед передних лап. Пойдемте! Это вас заинтересует.

Метя за собой длинным плащом, Тостиг направился к двери. Я последовал за ним. А что мне еще оставалось делать?

Тостиг делал честь своей расе, как говорили о некоторых из нас земные гои. Но вот о его сторонниках этого сказать было нельзя. Они слонялись по проходам, хлебали свое ферментированное молоко изрядно при этом пьянея, обменивались шуточками, с грубым гоготом похлопывали друг друга по спинам, громко пускали газы и глумились над злополучным пленником, спешающим за их командиром. В общем, они ничем не отличались от солдатни в любой части Галактики, но все это изрядно действовало мне на нервы.

В их отношении к Тостигу непринужденная фамильярность мешалась с плохо скрываемым благоговейным страхом. Но надо сказать, это была единственно верная позиция при взаимоотношениях со столь знаменитым боевым командиром. Подобно викингам древней Земли, халиане словно бы приносили Тостигу присягу на вечную верность, а он вел их к славе и новой добыче.

Тостиг провел меня по запутанному лабиринту вырубленных в скале коридоров, а потом вниз по лестнице, с неравномерно расположенными каменными ступеньками, по которой он спускался на четырех конечностях и гораздо быстрее и изящнее, чем я на своих двоих. Лестница вывела нас на дно пещеры. Впереди виднелось то самое гигантское скопление космических кораблей. К нему мы и направились.

– У вас, оказывается, приличное количество небольших кораблей, – заметил я. – Кажется, даже больше, чем вы выставили в сражении с Флотом, насколько я могу судить по нашим сообщениям.

– Все правильно, – ответил Тостиг, ведя меня по извилистым проходам между корпусами кораблей. – Но с этим, разумеется, мы ничего не могли поделать.

Я промолчал. Если он так полагает, то я не собирался переубеждать его в обратном.

Тут и там, в промежутках между кораблями, сустились группы халиан. Каждая группа, по видимому, находилась под руководством пожилого халианина, и эти надсмотрщики, или кем там они были, носили серебристо-серые туники и необычные заостренные шляпы, сделанные из войлока или похожего на войлок материала.

– Что там происходит? – спросил я Тостига.

– Это достаточно очевидно, – ответил он, не замедляя шага, вернее торопливого бега вприпрыжку по направлению к неизвестной мне пока цели. – Ремонтные команды. Мы чиним поврежденные корабли. Вам, наверняка, знакомы подобные процедуры.

Некоторое время я приглядывался к халианам, которые снимали с кораблей унифицирован-

ные узлы и увозили их куда-то в глубь пещеры. Надсмотрщики сверяли номера узлов с имеющимися списками.

– Тут все очень просто, – сказал Тостиг, заметив мой интерес. – На каждый корабль составляется перечень неисправностей, в котором указывается поврежденный узел, его месторасположение, серийный номер и процедура демонтажа. Мы снимаем сломанную деталь и заменяем ее на новую.

– А новую берете с какого-нибудь другого корабля, – добавил я. – Правильно?

– Конечно. Откуда же еще мы можем взять запчасти?

Я кивнул, как будто его метод был единственным, которому можно было следовать. Теперь я понимал назначение этого кладбища кораблей. Халианский эквивалент нашего склада. Мы, люди, давно уже придумали автоматизированные склады, на которые непрерывным потоком поступают новенькие запчасти. И когда появляется необходимость заменить тот или иной узел, ты просто оформляешь заказ.

Теперь мне стало совершенно очевидно, что халиане не имеют складской системы. Причина этого могла крыться только в одном: у них не было промышленности, производящей запасные части. Не было, очевидно, и поступлений из внешнего источника.

Этот вывод, впоследствии подтвержденный, имел первостепенное значение для Разведки Флота. Когда какой-нибудь корабль халиан ломался, все, что они могли сделать – это заменить весь узел, в котором случилась поломка. Если, конечно, им удавалось разыскать его. В противном случае корабль оказывался не у дел.

Мне стало ясно, какое огромное значение имеет это кладбище. Вероятно, с помощью этого собрания неисправных космических кораблей поддерживался в боеспособном состоянии флот халиан. Стоило уничтожить эту свалку, и кто знает, как-далеко пришлось бы им забраться, чтобы раздобыть замену?

Производство – основа любой технологической цивилизации – мало интересовало халиан. Среди хорьков, конечно, есть каста, занимающаяся кое-каким ремонтом, и со временем халиане, вероятно, смогли бы образовать нечто вроде гильдии ученых и мастеровых, но они предпочли пойти по мистическому пути, стать пророками и певцами магической и поэтизированной псевдотехнологии. Потом мне довелось больше узнать об этом от Поющего о Далеком Доме, Мастера Цели из отряда Тости́га. Но все это случилось позднее. А сейчас я догнал Тости́га, который наконец остановился возле корабля средних размеров, чуть больше флотского крейсера.

Тостиг повернулся ко мне:

– А теперь, мой друг, вам придется принять решение. У меня к вам весьма простое предложение.

– Если ваше предложение заключается в том, что я предполагаю, – ответил я, – мое решение уже принято.

– И каково же оно?

– Полагаю, вы хотите, чтобы я помог вам снова привести эти корабли в рабочее состояние? Тогда вы сможете снова дать сражение нашему Флоту, и на этот раз, может быть, окажетесь более удачливыми. Мой ответ – нет.

– Я не осуждаю вас за этот отказ, – сказал Тостиг. – Это было бы предательством, чего нельзя требовать от уважающего себя воина. Но подобное задание превышает возможности человека, и я имел в виду совсем другое.

– Что же тогда?

– Взгляните на этот корабль, – сказал Тостиг. – Это мой личный корабль. Вы, возможно, знаете, что мы, халиане, воюем под предводительством выбранных большинством голосов военачальников, каждый из которых имеет свой собственный корабль. Собственно говоря, мы даже не ведем войн, потому что всякая война подразумевает битву до победного конца. Мы сражаемся ради добычи, но чаще всего ради славы. Когда не предвидится ни добычи, ни славы, некоторые, а точнее большинство, не видят ничего зазорного в том, чтобы убраться куда-нибудь в другое место, где обстоятельства могут сложиться более благоприятно.

– Могу заверить вас, что если дело касается того, чтобы вы убрались отсюда, я полностью к вашим услугам.

Разумеется, я сказал это с иронией. Но Тостиг воспринял мои слова абсолютно серьезно.

– В этом случае, Иуда, все проблемы снимаются, потому что я всего лишь хочу, чтобы вы

помогли привести этот корабль в работоспособное состояние. Как только он сможет взлететь, я погружу на него своих людей, и мы отправимся куда-нибудь в другое место. Думаю, что любое из них окажется более привлекательным, чем Цель.

Я обдумал его предложение.

– Дадите ли вы мне слово, что покинете Цель?

– Конечно.

– И что не будете больше сражаться против человечества?

– Не говорите глупостей, – ответил Тостиг – Конечно, я буду сражаться против человечества. Вы же знаете, что таковы правила игры. То есть, я хочу сказать, что халианскому воину больше просто ничего не остается делать.

– Не знаю, – сказал я, – будет ли от этого для человечества какая-нибудь польза, или же с моей стороны это окажется предательством.

– Но вы ведь не можете знать наверняка? – спросил Тостиг. – Однако мне кажется, что таким образом мы оба останемся в живых. Да и кто может знать, какое будущее уготовано каждому из нас или нашим расам? Вы находитесь в ненадежной ситуации, которая, конечно, может обернуться и по-другому. А может и не обернуться. Я думаю, что это спорный вопрос. Во всяком случае, подобное решение проблемы, без сомнения, сохранит жизни некоторым вашим людям на этой планете. Но бесспорно одно – если вы не согласитесь, то умрете раньше меня. Это не угроза, а обещание. Поскольку вы мне понравились, есть вас я не стану, даже если придется убить. Но если вы мне откажете, вам придется умереть. Не подумайте только, что я вас запугиваю. Так что вы на это скажете?

Как вы можете себе представить, у меня было о чем подумать в эти короткие мгновения, когда я стоял на холодном каменном полу пещеры у слабо освещенного зеленоватым фосфоресцирующим светом металлического корпуса корабля Тостига. Разумеется, я испытывал вполне естественное желание остаться в живых. Но мое решение было основано на более объективных соображениях.

Будучи офицером Разведки, я должен был остаться в живых и доставить своему командованию сведения о халианах. Факт отсутствия у халиан источника запчастей был крайне важен. Из него следовал вывод, что кладбища кораблей имели огромное и несколько неожиданное стратегическое значение – они являлись источниками материалов, благодаря которым халианские банды могли продолжать боевые действия. С другой стороны, именно важность этих хранилищ космических кораблей заставляла халиан столь отчаянно сражаться за эту планету. Если мне удастся вернуться, то я смогу доложить о примерном местоположении кладбища. А в этой глуши Флот уничтожит его, не подвергая опасности индийцев.

И, наконец, еще одно – если халиане не в состоянии построить свои собственные космические корабли, то кто тогда их построил? И зачем? Тут командованию Флота было над чем подумать. И чтобы иметь возможность ответить на все эти вопросы я обязан был вернуться.

Но отпустит ли Тостиг меня на самом деле?

Я от души надеялся, что он является хозяином своего слова.

– Хорошо, согласен, – ответил я.

– Замечательно! – воскликнул он с очевидной симпатией. – Тогда пошли. Нам нужно познакомиться с Мастером Цели. Он объяснит вам все, что нужно.

Тостиг привел меня к грубому строению в нескольких метрах от корпуса корабля. Оно представляло из себя нечто вроде будки, сделанной из обрезков металла, старых дверей и кусков обшивки. Тостиг отыскал местечко поудобнее и расположился прямо на полу, жестом приглашая меня последовать его примеру.

– В чем дело? – спросил я его.

– Мастер Цели внутри, беседует с богами. Мы не должны мешать ему. Он выйдет, когда закончит.

– А кто, собственно, такой этот Мастер Цели? – спросил я.

Судя по тому, что рассказал мне Тостиг, ближайшим нашим эквивалентом являлся штурман-навигатор. Но в отличие от людей, халианские Мастера Цели осуществляли управление навигационным оборудованием посредством молитв и медитаций. Я узнал также, что Мастера Цели всегда выбираются из Класа Поэтов, поскольку, по общему мнению, халианские Поэты должны понимать толк в Странствиях и Битвах. Только этой посвященной касте Поэтов можно было доверить

общение с корабельным компьютером.

В тот момент, когда до меня начал доходить смысл сказанного, из своего жилища появился Мастер Цели.

Он выглядел значительно старше Тостига, который и сам был заметно старше остальных своих подчиненных. Его имя, в переводе на наш язык, звучало как Поющий о Далеком Доме. Шерсть у него была серовато-коричневого цвета, изрядно присыпанная сединой. Двигался Мастер с большим достоинством, но по походке явно ощущалось, что он, подобно многим престарелым халианам, страдает от ревматизма.

Голос у него оказался высокий, дрожащий и неприятный.

– Барон Тостиг, – произнес он, – зачем вы привели этого расово неполноценного человека к Храму Информации?

Сначала я было подумал, что он антисемит, но потом понял, что расово неполноценными для него являлись все люди без исключения.

– Ладно, ладно. Поющий, – примирительно сказал Тостиг, – мы же уже говорили с тобой об этом. Человеческие существа очень способны к технике. С его помощью ты сможешь быстро «разобраться с компьютером, и мы отправимся за новой добычей. И за славой, не забывай этого.

– Халианский Поэт-Бард отвергает недостойную славу, – высокомерно заметил Поющий. – Я не нуждаюсь в помощи этого создания и вполне способен провести Процедуру Взлета.

– Конечно, конечно, – ответил Тостиг, – но все дело в том, что мы никак не можем заставить эту чертову штуку работать.

– Боги Информации дадут нам свое позволение, – величественно ответил Поющий. – Мы не должны торопить их.

– Должен заметить, – возразил Тостиг, – некоторые халиане начинают подозревать, что общение с компьютерами основано на более простых и эффективных принципах, чем чисто гипотетические Боги Информации.

– Не смей хулить Богов в моем присутствии! – взревел Поющий. – Хотя ты и Барон Тостиг, величайший герой, который когда-либо рождался в Инчидианском Клане Западной Халии, но в религии ты все еще щенок.

– Давай не будем ссориться, – сказал Тостиг любезным тоном. – Я хочу убраться отсюда вместе со своими воинами. Этот человек может помочь мне в этом. Либо он будет твоим помощником, либо я назначу тебя его помощником. И больше не будем говорить об этом. Поющий.

По выражению лица Поющего было видно, что он много еще чего может сказать, но, должно быть, его смутил решительный вид Тостига и то, как тот теребит правой лапой кисточку, украшавшую лазерный пистолет.

– Разумеется, пускай помогает, – сдался Поющий. – И если у него появятся стоящие предложения, я буду рад последовать им. Боги Информации иногда выбирают очень необычные способы для передачи своих посланий.

– Вот и прекрасно, – ответил Тостиг, – я рад, что все уладилось. Оставляю вас, чтобы вы поближе познакомились.

И очень довольный, что отделался от Поющего о Далеком Доме, он заторопился прочь, успев дружески подмигнуть мне напоследок. По крайней мере, мне так показалось. Он был неплохим парнем, этот Тостиг.

Халианский барон, всегда великий воин, является единственным командующим во время набега. Именно он определяет время и место. Но непосредственным исполнителем этих приказов является Мастер Цели. Барону даже в голову не придет самому контролировать этот процесс. Его дело сражаться и отдавать приказы. Выполняют их другие, делая все, что необходимо для перемещения корабля с места на место.

Халианская навигация проста до смешного, хотя и является весьма привилегированным занятием, до которого допускаются только Мастера Цели из Гильдии Поэтов. Мастеру Цели надо всего лишь проделать несложные манипуляции. После долгого мантрического заклинания → Новый путь, про момент не Забудь «, повторяемого до тех пор, пока слова не потеряют всякий смысл, если он когда-нибудь в них вообще присутствовал, Мастер готов действовать. Он вынимает из специального гнезда Путевой Корабельный Диск, представляющий из себя тонкий пластиковый прямоугольник, содержащий огромное количество закодированной информации или иначе, по выражению халиан, содержащей много силы. Мастер засовывает его в щель компьютера, и на экране

появляется директория целей. Мастер выбирает нужную, нажимает кнопку» Выполнять «, и корабль взлетает. Все остальное происходит совершенно автоматически. Если только не требовалось ручное управление, программа поднимала корабль в воздух, используя магнитные двигатели, удалялась от планеты, в нужный момент переходила в гиперсветовой режим, а потом, достигнув места назначения, производила все операции в обратном порядке. Конечно, в сражениях халианские командиры отключали автоматику и управляли кораблем вручную, как делаем это и мы, люди. Но во всех прочих случаях полетом заведует компьютер.

Случаются, разумеется, и отклонения, но в основном все происходит именно так. Удобная, простая и надежная процедура, прекрасно подходящая для кровожадной и вместе с тем ребяческой натуры большинства халиан. И вполне в рамках их интеллекта.

Но что происходит, когда этот простой, рутинный, проверенный метод дает сбой? Когда компьютер выдает сообщение о системной ошибке? Именно это и происходило со сломанным звездолетом Гостига.

Мастер Цели попросил, чтобы его оставили одного наедине с компьютером и попробовал несколько известных только ему молитв, мантр большой силы. Спустя три дня он появился, сокрушенно покачивая головой. Машина упрямо продолжала выкидывать все то же сообщение.

Системная Ошибка!

– Просто поразительно, – сказал я Поющему, стоя рядом с ним и глядя на экран корабельного компьютера. – Моим соотечественникам хорошо понятно, что значит, когда Бог не хочет больше говорить с ними.

– Этот вопрос имеет значительный теологический интерес, – ответил он, соглашаясь со мной, хотя я имел в виду несколько иное. – Системная Ошибка упоминается в наших древних книгах, в частности в сказании» Как Системная Ошибка на свет появилась «. Если коротко, в ней говорится о том, что Боги Информации оставили древним халианам две комнаты. Из одной они разрешили брать все, что угодно, и это были хорошие вещи. Другую запретили открывать. Но люди со временем стали жадными и нечестивыми и открыли комнату, надеясь найти в ней еще большие богатства. Вместо этого оттуда выползло маленькое создание с длинным жалом на конце хвоста. Это и был злой демон – Системная Ошибка, который с тех пор все время жалит нас.

– Колоссально, – сказал я, – люблю сказки. А теперь, если вы не возражаете, я сяду к клавиатуре и посмотрю, нельзя ли что-нибудь узнать насчет Системной Ошибки.

– Я могу показать тебе все комментарии к каноническому тексту.

– Спасибо, конечно, но нам нужно найти руководство к действию. Так рекомендуется в» Описании Системы «.

Он взглянул на меня с яростью.

– Не претендуй на знание того, чего ты знать не можешь. Никто никогда не видел Описания Системы, и уж, конечно, Боги Информации не покажут его человеку. Но если хочешь, можешь попытаться воздействовать на машину.

При работе с корабельным компьютером, даже если она сведена почти до автоматизма, все же нужно, чтобы оператор в любой момент мог указать, какое действие машина должна произвести. Кроме того, оператор должен вводить указания в правильном порядке и знать, какие действия следует предпринять, если случится что-то непредвиденное. Ему не обязательно знать, к каким результатам приводят его манипуляции на уровне битов или байтов. Но он должен производить их правильно.

Поющий о Далекое Доме знал многие процедуры наизусть, что для представителя дотехнологической цивилизации было немалым достижением. Однако он не называл их программами. Они носили название» Строфы Инструкций «, представляли из себя вкрапления в Саги и были перемешаны с поэтическими изложениями мифических свершений древних халианских героев.

Одна из типичных строф, (взятая из саги» Боевое безумие Дестрида Бешеные Когти «), звучит так:

И Дестрид тут переключился,

Нажал на мышшь судьбы.

На Видео Машине появились строчки.

И тут же Бог Коммуникаций молвил:

« Ввод ,, “ Пробел ,, “ Семерка ,, “ Е «!

« Лишь сделай это, и получится как надо!»

И Дестрид Господа восславил,
И клавиши божественные трепетно нажал...

Неплохая штука, да и полезная. Если, конечно, порядок команд не перепутан. Если нужно на самом деле ввести» Ввод «, » Пробел «, » Семерка «, » Е»и никак иначе, то даже сам Верховный Бог Информации не поможет программе, коль вы упорствуете в своей ошибке.

Насколько я понял, то, что поначалу представляло из себя обыкновенные рабочие инструкции, было поэтизировано этой шерстистой расой, опасавшейся технологии и считавшей ее чем-то вроде магии. А поскольку стихотворные строфы не рассматривались, как требующие точного исполнения инструкции, последующие поколения Поэтов вносили в них исправления и улучшения. Были написаны новые Саги, в которые вставляли старые формулы, но безо всякого осмысленного контекста, а просто как выразительные поэтические метафоры.

Например, в одной из старых Саг, «Гнев Хафелда Пожирателя Врагов», главное действующее лицо подчиняет себе компьютер угрозами:

Как великий и славный воин,
Грозный Хафелд Врагов Пожиратель
Взял за шнур свой Компьютер старый
И встряхнул его столь нещадно,
Что в испуге замигал Компьютер
И на бледном экране
Ошибка Системная возникла.
И взмолилась душа машины,
Запросила она пощады
Молвил Хафелд Врагов Пожиратель.
«Говорю я тебе. Компьютер,
Отвези ты людей моих с миром,
А не то не попробуешь больше
Электронов приятных и сладких»,
Но Компьютер пока еще медлил
И отсчитывал наносекунды
Генератором синхросигналов.
Тогда Хафелд Врагов Пожиратель
Гнев на милость сменил внезапно,
И махнул он рукой своим людям,
Засмеялись те громко и грубо.
И должно быть Компьютер смутился,
Перестал он дурить и дуться,
Сделал все он тогда, чтоб доставить
Храбрых воинов Острана обратно
К родным сердцу кострам Народа...

В поэме этот метод сработал, но повторить результат Поющий так и не смог.

Как только Поющий позволял, я садился за компьютер. Это было трудной задачей – обладая столь скудной информацией, попытаться отыскать нужную последовательность. Он следил за моими попытками, но почти не комментировал их.

Во время перерывов, когда мы прохаживались туда-сюда вдоль боевого корабля Тостига, чтобы дать отдых усталым глазам, я просил Поющего пересказать мне древние легенды. Он не видел в этом никакого вреда. Что, казалось, можно было извлечь из этих старых историй? А быть может, он пытался обратить меня в свою собственную веру – в Ортодоксальный Халианский Информационализм.

В древности, рассказывал Поющий, в докосмические времена – насколько я уяснил, это было около четырехсот лет тому назад – Народ (халиане) представлял собой обыкновенных дикарей и делился на многочисленные племена и кланы, которые постоянно воевали друг с другом Потом откуда-то со звезд пришли Первые Другие, дали воинам оружие, а лучшим предводителям – космические корабли и послали их в этот поход искать свою судьбу, добычу, славу и смерть. И поручили Гильдии Поэтов записывать славные дела расы халиан в форме Саг.

Эти сведения были крайне любопытны. Так значит, какая-то неизвестная раса вмешалась в

дела халиан, вооружила их и отправила нападать на корабли Федераций. Кто же дал Халии эти корабли? Командование Флота должно было узнать и об этом – как только я смогу добраться и рассказать им о своих открытиях.

Спустя несколько дней я понял, что близок к тому, чтобы заставить корабельный компьютер считать Диск Целей. И все же что-то было не так. Мне уже начало казаться, что в машину встроена какой-то дефект, нечто препятствующее самым разумным действиям, самым удачным находкам.

Но однажды, вернувшись с одинокой прогулки раньше чем ожидал, я увидел Поющего о Далеком Доме, который сосредоточенно работал за клавиатурой.

С удивлением я следил за его манипуляциями. С необычайным для представителя нетехнологической расы искусством, он, подобно Пенелопе, распускающей по ночам все, что она соткала за предыдущий день, стирал всю вложенную мной информацию.

– Ты пытаешься испортить программу! – закричал я.

Его губы скривились в высокомерной усмешке, но он ничего не ответил.

– Ты не хочешь, чтобы этот корабль работал! Ты хочешь, чтобы Тостиг и его люди остались здесь и погибли!

– Удивляюсь, как ты не заметил этого раньше, – ответил Поющий.

– Тостигу будет интересно услышать об этом! – крикнул я и схватился за лом. – Не пытайся остановить меня, проклятый предатель или я проломлю тебе башку!

К тому времени, что было, вероятно, неизбежно, я уже отождествлял себя с Халией.

– Прежде чем убить меня, – спокойно сказал Поющий, – не желаешь ли ты послушать, почему я это сделал?

Вероятно, мне надо было пойти прямо к Тостигу. Если бы я так и сделал, все могло бы сложиться совсем иначе. Но я медлил. Жители Пердидо всегда отличались любопытством.

– И почему же ты сделал это? – спросил я.

Он улыбнулся и все так же спокойно спросил:

– Скажи мне, человек, знаешь ли ты, что требуется для того, чтобы написать халианские Саги?

Я отложил лом и сел. Он поймал меня на крючок.

– Расскажи, – сказал я.

Саги, – начал Поющий, – это душа нашего народа. Все великие Саги содержат некоторые общие элементы. В них есть героическая фигура, такая, как, например, Тостиг. Наличествует безвыходная ситуация, вроде нашего пребывания на Цели, предательство со стороны некоей доверенной ключевой фигуры и геройская гибель предводителя и его людей. Тостиг – подходящая фигура для создания величайшей из Саг. Для того чтобы сочинить ее, я употребил все свое искусство, перечислил в прекрасных стихах все его великие триумфы – бойню на Орлиной Станции, опустошение Звездного Перевала, нападение среди белого дня на Алголь – 4. Во всей истории Халии не было более великого героя. Не хватает только достойного завершения.

– Например? – спросил я.

– Возможен только один вариант. Барон Тостиг должен принять последнюю и обреченную на неудачу битву и погибнуть здесь, на месте величайшей космической битвы в истории Халии, здесь на Цели.

– Но, может быть, это совсем не то, чего хочет сам Тостиг? – заметил я.

– Желания Барона не имеют никакого значения. Важно то, чтобы его Сага получила достойное окончание и пелась впоследствии для поддержания духа всех остальных.

– Но я не вижу, каким образом можно будет сохранить твою Сагу, – сказал я, – если ты будешь с Бароном Тостигом, обреченным на славу и смерть.

– Это уже моя проблема, – ответил Поющий. – Без сомнения, я, как и все великие барды, каким-либо образом разрешу ее. Если мне даже придется умереть до того, как будут готовы последние строфы, я сумею передать копию в Гильдию Поэтов. Финальные строки должны будут дописать за меня другие.

– Что-то мне это не нравится, – сказал я.

– Это потому, что у тебя нет склонности к поэзии. Но ты достаточно умен, чтобы понять, в чем твоя выгода.

– Полагаю, у тебя имеется какой-нибудь совет на этот счет, – сказал я.

– Разумеется, имеется. Верность своей расе должна заставлять тебя желать, чтобы Барон

Тостиг никогда не покинул этого места.

Слова Поющего звучали довольно ядовито, но в них крылся определенный смысл. Я понимал, что Тостиг был редкостным представителем своей расы. Такие попадаются один на миллион, он гораздо умнее и гибче, чем большинство его сородичей.

– Что меня удивляет, – сказала Поющему, – так это почему такой халианин, как Тостиг, не командует гораздо большим количеством воинов?

– Это не в нашем духе, мы не любим сотрудничать. Потому-то у нас и нет больших кораблей. Хороший лидер может удержать двадцать, пятьдесят, даже сто человек. Но когда дело доходит до дредноутов с командой в две тысячи человек, это превышает наши возможности. Да и Другие тоже не стали подталкивать нас к объединению кланов под руководством способных руководителей. Они хотели, чтобы мы оставались такими, какие мы есть, грозными, но не слишком сильными.

– Кажется, они не дураки, эти Другие, – сказал я. – С какой, ты говоришь, они планеты?

– Я скорее умер бы, чем рассказал тебе что-нибудь важное о Других, но, к счастью, избавлен от такой необходимости, потому что сам ничего о них не знаю. Но скажи мне, человек, разве здесь наши цели не совпадают? Тебе нужна материальная победа, мне духовная. Если Тостиг примет здесь свою последнюю битву и умрет, мы оба окажемся в выигрыше.

– Но это также может ускорить мою смерть.

Он отрицательно покачал головой.

– Я лично даю тебе клятву Мастера Поэта, что позабочусь о том, чтобы ты смог целым и невредимым вернуться к своим друзьям. И ты покроешь себя славой, вместо стыда за то, что дал Тостигу убежать.

– Но я дал Тостигу слово, – сказал я.

– Ты дал его скорее под давлением чем по собственной воле. В данных обстоятельствах это нельзя рассматривать как обязательство.

– Когда я даю слово, – возразил я, – то рассматриваю это как обязательство.

– Сейчас ты рассуждаешь, как глупый халианский наемник. Разве ты не заинтересован в том, чтобы способствовать интересам своей расы? Или ты такой же романтик, как и Тостиг?

– Я не знаю, черт побери, что мне делать! – раздраженно воскликнул я. – Тостиг мне нравится!

– А я, его бард и компаньон по всем знаменитым битвам, я люблю его, как самого себя. Если ты ему такой же друг, как и враг, то неужели откажешь в так необходимом Тостигу великом конце?

– Ты все понял неправильно, – сказал я ему. – Барон хочет убраться отсюда. Он сам сказал мне о своем стремлении поискать славы и денег в других местах, при более благоприятных обстоятельствах.

– О, он любит изобразить, что очень рационален и боится смерти, – сказал Поющий. – Этот недостаток он приобрел в Лондонском Зоопарке. Но у него сердце истинного халианина, и он с радостью примет геройскую смерть, хочется ему этого или нет. Этот мотив время от времени повторяется в старых Сагах. Герой стремится избежать своего предназначения, но его лучший друг предает его, и герой все-таки встречает свою судьбу.

– Я ему не лучший друг! – воскликнул я.

Но он уже отвернулся от меня и принялся возносить молитвы своим Богам Информации. А я остался наедине со страшным смятением, охватившим душу и сердце.

Моя последняя встреча с Тостигом оказалась столь же приятна, как и все предыдущие. Халианский капитан находился у себя в покоях и заканчивал свой туалет. В этом отношении он был немного тщеславен и даже пользовался железными щипцами для того, чтобы загибать свои бакенбарды торчком вверх, что в этом году было крайне популярно среди халианской знати.

– Стоит ли стараться следовать моде, – пробормотал он. – Как только бакенбарды начинают более или менее прилично укладываться на один манер, так я уже слышу о том, что все уже носят их совсем на другой. А прежний уже никуда не годится. Это задевает мое самолюбие. Скажите, Иуда, корабль готов?

– Готов, – сказал я ему. – Я выяснил, в чем там дело, и все исправил. Пользуясь бесценной помощью Поющего о Далеком Доме, разумеется. Осталось ли еще виски?

– Угощайтесь. Бутылка на обычном месте.

Я налил себе, не разбавляя. Тостиг посмотрел на меня с беспокойством.

– Вы сегодня, кажется, не в духе, Иуда?

Всю эту ночь я провел в борьбе со своей совестью. Мы, евреи планеты Пердидо, часто занимаемся тем, что называется у нас «спорить со своим ангелом». На этот раз, однако, предмет спора был далеко не очевиден. Я обнаружил, что мне трудно определить мое собственное отношение к происходящему – чего я в конце концов хочу и какие средства для достижения желаемого могу себе позволить? С одной стороны, как совершенно справедливо указал Мастер Цели, этот барон Тостиг и его боевые хорьки, пока они живы, будут как бельмо у нас на глазу. С другой стороны, судьба звездной империи не может зависеть от отдельных личностей. Конечно, для Альянса было бы крайне важно, чтобы я вернулся с добытой информацией. Но разве в подобной ситуации честное слово человека ничего не значит?

В моем мозгу вертелось много веских, даже неотразимых, доводов в пользу того, что я не должен предавать Тостига, что обязан поступить как добрый друг и рассказать ему о плане Поющего, дать шанс ускользнуть из этой мышловки и либо продолжить свои подвиги, либо удалиться на отдых в маленький домик, о котором он однажды упомянул при мне – домик затерянный среди невысоких зеленых холмов планеты, местоположение которой он мне так и не открыл.

И я почти уже решил рассказать Тостигу все. Но тут вспомнил об основополагающей роли Саг в жизни Халии и о том, что все они включали упоминание о друге, ставшем предателем, вступившем в заговор с целью подвести героя к предопределенной ему славе, удовлетворить его подсознательное стремление к великолепной смерти, память о которой будет вечно жить в Сагах его племени.

Будет ли настоящим другом тот, кто поможет герою ускользнуть, чтобы он смог тихо умереть в своей постели, окруженный, быть может, хорошенькими ясноглазыми хорьками? Или настоящий друг – это тот, кто поможет герою достичь истинного, внутреннего предназначения, героической смерти в битве с превосходящими силами противника?

– Мне будет жаль, когда вы улетите, – сказал я, и это была правда. Хотя и не вся правда.

– Мне тоже, – ответил Тостиг. – Считается, что между нашими расами дружба невозможна. Не знаю, так ли это, для меня это слишком сложная тема. Но знаю одно – дружба между отдельными личностями возможна всегда. Мне будет не хватать вас. Иуда.

Я хотел ответить, но тут прибыла его почетная охрана, четыре пиратского вида халианина, обильно увешанных оружием. У одного из них на глазу красовалась черная повязка.

– Что ж, пойдем проверим вашу работу, – сказал он беззаботно, и окруженные охраной мы двинулись вперед.

Люди Тостига были выстроены перед боевым крейсером. Их было около сотни, поскольку другие боевые группы, желая разделить хоть частицу его славы, поклялись ему в верности. Поющий о Далекое Доме тоже стоял здесь – с непроницаемым лицом, величественный в своем сербристо-сером одеянии.

Когда стихли приветственные возгласы, Тостиг поднялся на корабль, мы с Поющим последовали за ним. Когда мы подошли к пилотской кабине, я не выдержал.

– Тостиг, – сказал я, – мне нужно сказать вам кое-что!

Он спокойно посмотрел на меня.

– Нет, – ответил он, – не надо. Видите ли, я уже знаю.

– Знаете?

Тостиг улыбнулся.

– Я знаком с древними Сагами гораздо лучше, чем вы. Почти так же, как наш присутствующий здесь коллега, Мастер Цели. Разве не так, Поющий?

– Знания барона в области поэзии выше всяких похвал, – сказал Поющий. – Для непрофессионала, конечно.

– Разумеется, – ответил Тостиг. Он посмотрел на пульт управления и вновь повернулся к Поющему. – А как именно вы все это устроили, Поющий? Что-нибудь новенькое, я полагаю?

– Достаточно оригинальное, – ответил тот. – Я задал специальный код, который нужно ввести перед тем, как делать что-то другое. В противном случае начинает работать разрушающая программа, выводящая компьютер из строя раз и навсегда. Но откуда вы все узнали?

– Понятия не имею, – ответил Тостиг. – Просто подумал, что надо сделать вид, что мне все известно, и посмотреть, что вы на это скажете.

– Так вы обманули нас! – воскликнул Поющий.

– Один обман стоит другого, – ответил Тостиг. – Я знал о ваших планах в отношении меня уже давно. Мастер Цели. И уж, конечно, вы были в состоянии заверить моего простодушного друга, присутствующего здесь, что единственно, чего я действительно хочу, так это смерти на поле брани и славы в песнях.

– Я не должен был его слушать, – сказал я. – Тостиг, вы все еще можете улететь. Код, обезвреживающий разрушающую программу...

Тостиг властным жестом вскинул лапу.

– Нет, не говорите мне. Иначе у меня может возникнуть искушение воспользоваться им.

Мы недоуменно взглянули на него. Потом на лице Мастера Цели появилась угрюмая улыбка.

– Значит, я не ошибся в вас. Барон Тостиг!

– Вы знали меня лучше, чем я знал самого себя. Тот, для кого открыта душа всей расы, имеет ключи и к душе отдельного человека.

Мы последовали за Тостигом из космического корабля. При виде его халианские воины замолчали.

– Ребята, – сказал он, – корабль в порядке. Но нам он не понадобится. Слишком уж велика возможность, чтобы упускать ее. Мы выступим против всего вражеского Флота и всех вражеских наземных сил. Совершим величайший подвиг в истории Халии. Мы и так слишком зажились. Во мне проснулся берсерк, и я буду атаковать, даже если мне придется пойти одному. Найдется ли среди вас кто-нибудь, кто захочет присоединиться ко мне?

Поднявшийся оглушительный рев показал, что трусов здесь нет. Будучи истинными халианами, они не могли не увлечься великолепием геройской смерти под предводительством знаменитого военачальника и бессмертием в песнях.

– Сегодня, в ожидании предстоящей атаки, мы устроим пир, – сказал Тостиг. А ты, мой друг Иуда, ступай домой с миром и со всем моим уважением. Барон Тостиг держит слово. И захвати с собой этого Поэта, потому что его Сага должна быть сохранена для будущих поколений.

Поющий о Далекое ДOME выпрямился во весь рост.

– Нет Тостиг, я не уйду. Ты сделал правильный выбор, единственно достойный героя. Но мое решение правильно для Поэта. Я останусь с тобой, буду свидетелем твоей последней битвы и напишу окончание своей Саги.

– Ты глупец, – сказал Тостиг. – Скорее всего, тебя убьют вместе с нами, ведь война не щадит даже поэтов. Что тогда станет с великой Сагой обо мне?

– Я подумал об этом, – сказал Поющий, – потому что надеялся на такой оборот событий и принял меры предосторожности.

Из-под длинного одеяния он вытащил небольшой механизм, в котором я сразу узнал обыкновенный кассетный магнитофон.

– Я сохранил этот образчик вражеской технологии, трофей нашей последней битвы, и записал на него всю Сагу, все, что написано до этого момента. Этот человек показал себя достойным доверия, для тебя – потому что оказался достоин дружбы, для меня – потому что смог понять глубину поэтической души халиан. Мы поняли друг друга, Иуда и я. Без сомнения, я переживу твою смерть, Тостиг – Бардам часто везет в этом. Тогда я закончу Сагу сам и найду способ передать ее в Коллегию Поэтов Халии. Но если мне все же суждено умереть, тогда прошу тебя. Иуда, чтобы ты нашел способ передать это на Халию, и они сами закончат ее.

– Я сделаю это, – сказал я – взял маленький магнитофон, положил его в карман, пожал лапу Поющего, обнял Тостига и отправился в путь.

Остальное хорошо известно всем членам этого военного трибунала. Нашим силам понадобилось два месяца на то, чтобы припереть Тостига к стене, и пришлось отдать много жизней, прежде чем он был убит в великой битве в Ущелье Мертвых.

Что же касается Великой Саги, то с грустью должен сообщить, что Мастер Цели не был мастером в области техники, даже столь простой, как кассетный магнитофон. Он умудрился включить его, и мигание красной лампочки уверило его в том, что вещь работает правильно. Но он, видимо, забыл отжать кнопку паузы, и поэтому, несмотря на это мигание, ни одного слова не записалось. К тому же, Поющему о Далекое ДOME было не суждено выжить в битве и вновь напеть свою песню.

То, что вы сейчас читаете – это моя скромная попытка пересказать историю славы Тостига. Я сделал для него все, что смог. Он был моим врагом, и он был моим другом, я предал его, как это

предписывалось халианским обычаем, а теперь, в меру своих возможностей, спел его песнь.

Осталось рассказать немного. Действуя через посредников, я передал этот рассказ о своей встрече с Тостигом одному из представителей халианской Гильдии Поэтов.

– Метрическая форма не соблюдена, – сказал он, – и там рассказывается больше о вас, чем о Тостиге. Но мы благодарны вам за ваши старания. Мы принимаем вашу Сагу. Пусть она зовется: «Баллада о Бароне Тостиге». И да будет вам известно, что вы являетесь единственным чужаком, написавшим Сагу, которая была принята халианской Гильдией Поэтов.

Он подарил мне серебристо-серое одеяние Гильдии и остроконечную шапку барда. Они слишком малы мне, чтобы я мог их носить, но они висят на стене моего кабинета в Новом Иерусалиме. Каждый раз когда я смотрю на них, то вспоминаю Тостига. Даже если это и было предательством, то никто не судит меня строже, чем я сам.

ИНТЕРЛЮДИЯ

– В высшей степени странно, – согласился адмирал Мейер, переводя взгляд с экрана на ревизора. Смайт ожидал дальнейших комментариев, но их не последовало.

– И еще более странно, – заговорил он снова, дабы прервать молчание, – то, что я нашел в другом файле. Ничего похожего на предыдущее. Как будто бы мы имеем дело с совершенно другой расой, а ведь это, несомненно, халиане.

За тот час, пока Мейер изучал файл, посвященный оккупации Цели, на Смайта навалилась усталость. Неделями он работал сверх меры, одним лишь усилием воли заставляя себя не засыпать в офисе адмирала, и теперь запускавшая очередной файл рука ревизора начала дрожать.

Шариан Льюит. НАРКОТА

Доступ на Танделайштрассе, одну из улиц Эфрихена, был официально закрыт с девяти утра до восьми вечера по местному времени, но даже днем астронавты обходили ее стороной. Впрочем, какие-либо видимые причины для подобной неприязни вряд ли удалось бы разыскать: вид Танделайштрассе внушал не больше опасений и дурных предчувствий, чем вид любой другой улицы этого городка, радовавшего глаз причудливыми старинными фонарями, выскобленными до идеальной чистоты ступеньками лестниц и аккуратненькими кружевными занавесками, скромно прикрывавшими от взглядов прохожих каждое окошко. Начищенные до блеска бронзовые колотушки у дверей Танделайштрассе ярко сверкали, а жители ее большую часть времени просиживали дома. Некоторые деревянные двери украшали довольно грубые стилизованные резные изображения животных, уже довольно облезлые – благодаря времени и капризам погоды они лишились покрывавшей их когда-то краски. Резьба на одной двери, изображала огромную змею; на вид эта дверь, пожалуй, была самой старой из всех и больше всего пострадала от времени. История колонии Эфрихен насчитывала лишь десять поколений жителей, и все-таки сильный налет старомодности здесь сразу бросался в глаза.

Корабль шел на снижение. Гравитационная перегрузка нарастала, и лейтенант Диего Бах, устроившись в гамаке, постарался расслабиться. Он ни за что не стал бы в свой выходной выходить на Эфрихене, если бы это зависело от него. Но в данном случае выбора у лейтенанта не было. Так же, как, впрочем, и выходных дней. Хрупкий корпус грузового коммерческого корабля вздрагивал, и Диего с трудом удерживал самообладание. Он привык к мощным и надежным боевым кораблям, а не к легковесным консервным банкам, которые к тому же вечно перегружены всякой дребеденью до такой степени, что вот-вот развалятся.

А стоило бы привыкнуть именно к такому транспорту, сказал себе лейтенант, и мысль эта опять больно отозвалась в душе. Торчать в этом Богом забытом месте, вдали от цивилизации, вдали от больших, настоящих дел, без всяких шансов проявить себя, заслужить честь и славу там, на Цели – что может быть хуже! А тут еще вдобавок приходится молить Бога о том, чтобы Ари не оказался в стельку пьян и сумел посадить корабль как полагается. Чтобы полномочия его были признаны и чтобы в этой змее не распознали подделку.

Диего мысленно содрогнулся, вспомнив о змее. «А честно скажу – красиво вышло, хотя и нескромно расхваливать свою собственную работу, – сказал тогда художник камуфляжного отдела разведслужбы, убирая татуировочные иглы в ящик стола. – Может быть, вы даже захотите оста-

вить ее навсегда. Я бы, пожалуй, так и сделал».

Что-что, а уж оставить эту наколку навсегда Диего хотелось меньше всего на свете. Не то, чтобы она смотрелась особенно отвратительно, пожалуй, он даже предпочел бы нечто неказистое и уродливое этому извивающемуся созданию синевато-стального оттенка, которое вполне сгодились бы для украшения какого-нибудь помпезного сооружения. Эта-то эффектность и делала змею особенно ненавистной для Диего, потому что никто во всей обозримой вселенной никогда не примет ее ни за что другое, кроме того, чем она на самом деле и является – за пропуск в ротери-клубы на Танделайштрассе. Такими вещами в семье Бахов не занимался никто и никогда. Его отец, адмирал, назвал бы подобную татуировку порочной, а его мать, тоже адмирал – вульгарной.

Корабль в последний раз встряхнуло, он дернулся и, наконец, замер, заставив Диего стиснуть челюсти. Перегрузка в момент остановки перешла все мыслимые пределы. Грузовик фирмы «Тобиши Лайнс систем» причалил к порту. Теперь предстояло пройти проверку и регистрацию. На борту «Ллоадстоуна» Диего появился как раз перед тем, как судно отправилось на Эфрихен. По документам он был инженером второго класса, служившим в «Тобиши Лайнс» на сухогрузе «Томпкин», а затем переведенным на «Ллоадстоун», когда некто Дэвис получил повышение. Вся эта история, благодаря стараниям разведки, выглядела совершенно заурядной, а документы даже не были подделкой. Все это он знал, в том числе и то, что бумаги в полном порядке, но все-таки процесс регистрации заставил лейтенанта поволноваться. Впрочем, сходя с трапа с потрепанной летной сумкой на плече и новенькой удостоверяющей личность дискетой в руке, Диего имел вид обычного служащего торгового судна, получившего увольнительную.

– О делах я позабочусь, – сказал ему Ари. – Терпеть не могу это место. По мне уж лучше загрузить себя по уши работой, чем торчать в этом унылом городишке. Представь себе – приказ самого Тобиши. Прибыть сюда и забрать какой-то бактериологический груз. Ни больше, ни меньше, – Ари продолжал высказывать различные догадки, пока они прошли через холл гостиницы и направились к своим номерам. Никто из экипажа не выказал желания пошататься в выходной день по Эфрихену, и на судне не переставали недоумевать, почему Тобиши, владелец целой торгово-транспортной компании, самолично распорядился, чтобы они отправились в сие проклятое место. По крайней мере три из гуляющих теперь на борту «Ллоадстоуна» версий всего этого пустил в оборот сам Диего, за что и был вознагражден: ни у кого не возникало подозрения, что в деле замешан Военный Флот.

Холл был переполнен. Экипажи буксиров, грузовиков мешались с контрабандистами, которые, пожалуй, немногим лучше, чем халианские пираты. В последние несколько месяцев Диего до остервенения изучал символику различных групп, и теперь он машинально вылавливал в толпе белые полосы на куртках матросов с буксиров и цветастые пояса владельцев небольших частных судов. Кое-кто из присутствующих оборачивался и с недоумением разглядывал его, вызывая у Диего нервную дрожь. Серая униформа не могла скрыть военной выправки, давно уже ставшей неотъемлемой частью натуры Баха.

Труднее всего строить из себя простого и открытого парня. На «Ллоадстоуне» Диего приобрел репутацию угрюмого одиночки. Не раз Ари предлагал ему провести вечерок за бутылкой вина, и каждый раз Диего отказывался. Он не хотел ни с кем сблизиться. С тех пор как корабль вышел из порта, он ни с кем не говорил по душам, и одиночество начинало давить все сильнее, но Диего решил не поддаваться искушению... Он не доверял самому себе и боялся проболтаться.

А ведь он вовсе не собирался служить в разведке, с горечью размышлял Диего, шагая по лестнице. Свою карьеру он тщательно спланировал заранее. Начать ее следовало на борту какого-нибудь крейсера в качестве младшего офицера команды, ответственного за системы вооружения корабля. И служить на крейсерах до тех пор, пока не подучишь достаточно высокое звание, чтобы иметь возможность по-настоящему проявить себя в эскадрилье быстрого реагирования. Но, увы, что произошло, то произошло, прошлого не вернуть, и лучше уж не портить себе жизнь мечтами о лучшем. Вот, например, как раз сейчас, в этот самый день, он по идее должен был бы приближаться к Цели в составе знаменитой эскадрильи быстрого реагирования, а вместо этого вынужден торчать на Эфрихене, в этой никому не нужной дыре. И это только начало.

Эфрихенская гостиница профсоюза работников торгового флота отнюдь не являлась пятизвездным отелем. Отведенную ему комнату Диего склонен был определить как большой стенной шкаф с койкой и небольшим закутком, громко именуемым ванной, в котором едва можно развернуться. Он сбросил униформу «Тобиши» и пробормотал фразы, включающие освещение и душ.

Обе системы тут же врубились на полную мощность. Диего поймал в зеркале преобразование какого-то жуткого типа и чуть было не разбил зеркало, прежде чем успел сообразить, что видит всего лишь собственное отражение.

На борту «Лоадстоуна» он старательно избегал рассматривать себя в зеркале, поэтому теперь перемены показалась ему особенно чудовищными. От правого колена, обвившись вокруг бедра, распластавшись по спине и переходя через левое плечо на грудь, уютно расположилась фиолетовая змея. К тому же специалист по маскировке велел отрастить волосы, которые теперь свисали какими-то бесцветными космами до самых плеч. Две серьги в левом ухе могли означать совершенно разные вещи, в зависимости от того, кем был их владелец – служащим грузового корабля или эфрихенским ротери-наркоманом. На эти серьги Диего прежде исхитрился ни разу не взглянуть, и теперь поблескивание камешков в ушах казалось неприятным и диким. Короче говоря, если бы ему повстречался тип с такой внешностью, то Диего лишь содрогнулся бы от отвращения. Родители сгорели бы со стыда, увидев его таким. И даже старые друзья-однокурсники ни за что не признали бы в этом уроде «главную надежду» академии.

Диего перевел взгляд на мигающий зеленым огоньком хронометр над кроватью. Встреча с агентом должна состояться в клубе Змеи за несколько минут до полуночи по планетарному времени. Если, конечно, агент еще жив. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как от него перестали поступать сообщения. Сперва в разведке решили, что их человек раскрыт, но теперь никто бы не осмелился утверждать что-либо наверняка. Ясно было одно – с Йоргеном что-то неладно.

Диего сообщили только это имя и показали две фотографии. На одной был изображен молодой офицер, а на другой – ротерианский наркоман. Внешность этого последнего Диего и сохранил в памяти. Ему предстояло провести здесь только один вечер, и действовать он должен строго согласно приказу: установить контакт с Йоргеном и привезти его вместе со всеми добытыми данными обратно.

Какие именно данные интересуют разведку, оставалось неясным. Диего не раз об этом спрашивал, но Сейн в ответ лишь бормотал что-то невразумительное о халианском вторжении в данный регион. Лейтенант понял, что толковых разъяснений он не добьется. Подобная обстановка делала службу в этом ведомстве более чем неприятной, действуя на нервы даже сильнее, чем сознание невозможности проявить себя в бою, а ведь всем известно, что наилучший путь сделать карьеру – это участвовать в боевых действиях. Диего опять тяжело вздохнул, вспомнив, что блестящие возможности лежали прямо перед ним и из-под самого носа исчезли. Что ж, быть может, когда он покончит с этим делом, там, на фронте, еще останется шанс показать, на что он способен. Может быть, силы Флота все еще будут охотиться за недобитыми группами противника, очищая занятую территорию. Подобный вариант все-таки лучше, чем мелкая полицейская возня. Диего до сих пор не понимал, почему Флот вообще занимается подобной ерундой. Охота за мелкими наркодельцами – дело местных властей. У Флота и без того достаточно забот.

Пожалуй, было еще рановато, да и инструкции требовали соблюдать осторожность, но Диего чувствовал, что не может больше сидеть на одном месте без дела. Он раскрыл свою красную сумку, извлек оттуда серебристые штаны и свободный пиджак, открывавший на всеобщее обозрение выколотую на груди голову разъяренной змеи. Одевание это стоило гораздо больше, чем Диего мог себе позволить, исходя из собственного отнюдь не малого жалованья. Больше всего оно напоминало маскарадный наряд, в котором он три года назад приветствовал новичков на костюмированном балу в академии. Присутствовавшие там девицы оказались предельно глупыми, а вся вечеринка – нестерпимо скучной. Единственное, что пришлось тогда Диего по вкусу, так это отличное шампанское. Но на этот раз даже шампанского ждать не приходится.

Но как только он вышел из гостиницы, все посторонние мысли немедленно вылетели из головы. Эфрихенские улицы выглядели весьма своеобразно. Массивные каменные стены домов, казалось, поглощали все звуки, и Диего чудилось, что он слышит легкий стук своих абсолютно бесшумных башмаков по тротуарам окутанного сгущающимися сумерками города. Где-то над головой из-под опущенных кружевных занавесок приятного кремового оттенка выбивалось мягкое теплое желтое сияние. Порою из окон доносился приглушенный смех – быстрый и легкий, рождавшийся неожиданно и тут же замиравший. Здесь пользовались допотопными электрическими фонарями, лишь кое-где прорезавшими мягким уютным мерцанием ночную тьму, оставляя большую часть улицы погруженной в холодный мрак. И словно для контраста с тревожной темнотой улицы, окна излучали блаженное тепло приятной дружеской компании, отгородившейся от внеш-

него мира каменными стенами и кружевными занавесками. Почтенные Эфрихенские обыватели знать не знали, что такое ночная тьма, ротериане и печально знаменитая Танделяйштрассе.

Завернув за угол, Диего обнаружил, что собственно он уже шагает по этой пользующейся дурной славой улице. Медленно, испытывая некоторое напряжение от осознания того, что движется по вражеской территории, он продолжал идти по Танделяйштрассе. В этот час улица еще ничем не отличалась от остальных. Он без труда отыскал клуб, резная змея на двери которого выглядела точно так же, как и змея, притаившаяся на груди самого Диего. Это был один из ротери-клубов, самый известный и старейший из них. Дело в том, что к этому клубу особенно благоволили халиане и те, кому они доверяют управлять своим ротери-бизнесом. Диего помедлил. Не торопясь, потянул тяжелую бронзовую ручку двери и вошел.

Первое, что бросилось ему в глаза – вернее, в нос – это запах. Воздух был пропитан странной смесью застоявшегося табачного дыма удушливых испарений кухни, теплого прокисшего пива, какого-то средства для полировки мебели и пряной парфюмерии с оттенком той особой горечи, которую, как ему было известно, дает ротери. Прихожая выглядела так же невинно, как и в любом из здешних домов, но возле следующей двери Диего услышал тихое пощелкивание детектора. Либо это устройство признает его за одного из своих, либо станет капканом. Сейн ни разу не упомянул об участии, ожидающей чужака в гостинной ротери-клуба.

В голове Диего мелькнуло, что он может просто повернуться и уйти. Строго говоря, он не обязывался выполнять это задание. Но рука сама собой нащупала золотую медаль святой Варвары, принадлежавшую когда-то его деду и бережно хранимую семейством Фуэнтов, представители которого сражались когда-то за свободу и честь на стороне Боливара. С одной стороны, эту реликвию следовало бы оставить в гостинице, но, с другой стороны, она напоминала о многих поколениях славных предков, служивших человечеству. Медаль словно изгоняла страх. Диего, не колеблясь, прижал руку к датчику детектора и не выказал никакого удивления, когда машина его пропустила.

Глаза не сразу привыкли к тусклому освещению и густым клубам едкого дыма, заполнявшим все пространство зала. Сквозь дым проступали яркие краски. Повсюду мелькали лица людей, и маски, пышные карнавальные костюмы, разукрашенные перьями и фальшивыми драгоценностями. Некоторые из украшений были выдержаны в псевдоацтекском стиле и сверкали металлическим отливом.

Мимо прошмыгнула одетая во все красное женщина с блестящими рубиновыми волосами. Ее рука протянулась к стакану с какой-то бледно-зеленой жидкостью, и Диего заметил татуировку в виде пятиголовой гидры, челюсти которой поблескивали каплями яда. Картинка дополнялась невероятно длинными ногтями, выкрашенными в золотой и зеленый цвета. Мило, ничего не скажешь. Впрочем, есть какая-то элегантность во всем этом. Диего плюхнулся в кресло перед свободным столиком, заставленном грязными пустыми стаканами и переполненными до краев пельницами.

– Кто вы такой? Я прежде вас здесь не видела, – с подозрением обернулась к нему женщина.

– Я друг Йоргена, – ответил Диего, не без труда заставив себя непринужденно развалиться в кресле. – А вы кто?

Она хихикнула, кокетливо выставила вперед одну из голов гидры.

– Ну, тогда все в порядке. Меня зовут Зоя. Йорген придет чуть попозже. Давай потанцуем.

Диего не возражал. Он чувствовал себя полным идиотом. Растрачивать драгоценное время, вместо того, чтобы собирать информацию, на танцы с дамочками, отличающимися от всех им подобных только наколками да экстравагантной косметикой. Разведка вложила изрядные средства в эту операцию, которая пока больше напоминает примитивный костюмированный бал. Да еще и без шампанского.

Гидрообразная рука дамы в красном слегка коснулась висящей на шее Диего медали.

– Ты ведь с того корабля, верно? – спросила, улыбаясь, женщина низким гортанным голосом.

– С чего это ты взяла? – Диего моментально наострил уши.

Зоя медленно покачала головой:

– Со мною это не пройдет. Я все знаю. Многое успела повидать. Йорген мне доверяет, а он разбирается в кораблях. Я очень рада, что ты пришел. Мы так долго ждали. Скажи нашим друзьям, что я тоже хороший друг. Я готова.

Диего позволил себе слегка улыбнуться.

– Насколько готова? – поинтересовался он.

Лежавшая на цепочке рука с силой дернулась, и лейтенант на мгновение потерял способность дышать. Демонстрация силы. Чисто автоматически руки Диего потянулись вверх, освободили сжатое горло, резко крутанули ярко разукрашенное запястье, и рука женщины оказалась вывернутой у нее за спиной так, что кости едва не хрустнули. Лишь теперь осознав, что делает, Диего отпустил женщину.

В тот момент, когда золотой диск медали коснулся его груди, выпав из руки женщины, Диего почувствовал какой-то толчок, как если бы медаль несла электрический заряд. Нервы, сказал он себе и все-таки бессознательно коснулся пальцами реликвии. Но странное ощущение уже прошло.

Женщина дважды сморгнула и убрала, наконец, гримасу с лица.

– Я смыслю в этом бизнесе побольше, чем ты вообще когда-нибудь сумеешь о нем узнать, даже если прибыл с самого главного корабля, – продолжала она. – Это только вопрос времени. Если ты хоть немного поинтересовался здешней обстановкой, то понимаешь, что Эфрихен уже готов. С наступлением сумерек на улицах появляются лишь наши друзья ротерианцы. Выйди на улицу сам и убедись.

Диего медленно и мрачно улыбнулся:

– У меня нет в этом нужды. Я тебе верю.

Он снова подумал о Йоргене. Где сейчас этот болван, черт его побери? И о чем это она там толкует? Какой-то корабль? Или корабли? Диего не понял ничего, кроме одной простой вещи: дело тут не в наркотиках, и участвует он не в какой-то примитивной полицейской операции. На мгновение ему захотелось вытянуть из Зои как можно больше, но было совершенно очевидно, что голыми руками эту дамочку не возьмешь. Нет, прежде надо переговорить с Йоргеном.

– Йорген только что пришел, – прошипела вдруг Зоя и растворилась в толпе танцующих фигур.

Постаравшись придать себе самый непринужденный вид, Диего повернул голову к двери. Йорген выглядел точно так же, как на той фотографии. По телу извивалась змея цвета полуночного неба – почти такого же, как и цвет его волос. Этот черный человек вполне приспособлен для работы под покровом ночи, подумал блондин Диего, всегда предпочитавший яркий свет или на худой конец легкую полутьму.

Толпа протискивалась между столиками, разбиваясь на отдельные группы и затем снова сливаясь в единое целое, но уже в несколько другой последовательности. Мрачная фигура Йоргена казалась почти незаметной среди рубиново-красного, яркооранжевого, лазурного и тому подобного сверкающего окружения. Музыка снова сменила ритм, и переливающаяся всеми цветами радуги толпа опять быстро закружилась. Йорген сидел теперь за соседним столиком, как раз позади Диего. Он неторопливо отвел взгляд от стоящего перед ним стакана и встретился глазами с лейтенантом.

Диего сглотнул подступивший к горлу комок и пожалел, что ничего не заказал. Неужели этот сверлящий взгляд принадлежит командиру тридцать первого взвода? Неторопливо и как бы невзначай Диего переместился за столик Йоргена, опустившись в свободное кресло рядом с агентом.

– Йорген, – произнес он. Это не было вопросом.

Отблески цвета индиго играли в абсолютно черных волосах обернувшегося Йоргена. Лицо агента приняло выражение, которое когда-то, должно быть, означало улыбку.

– Не думал, что они пришлют младенца, – мягко произнес он и вдруг помрачнел. – Мне казалось, я стою большего.

– Сейн лично послал меня, – отпарировал Диего.

– Видать, потому, что слишком хорошо знал, что никто другой за такое дело не возьмется, – угрюмо рассмеялся Йорген, – вот и откопал какого-то вонючего желторотого лейтенантишку, который и сопли-то свои утереть не сможет, а не то что привезти меня назад. Всякий, кто хоть немножко соображает, что к чему, не стал бы и пытаться сунуть сюда нос. Бедняга Сейн. Что ж, надо отдать должное старику. Куда ему деваться?

Йорген провел большим пальцем по полированному краю деревянного стола, по глубокому резному рельефу в виде змеи и листьев, который скорее подошел бы к обстановке монастыря или музея. В руке у него появились две крошечные капсулы. Лицо агента просияло, как у циркового иллюзиониста, играющего с голубкой.

– Все это только кажется столь примитивным, – заговорил он, протягивая одну из капсул Диего. – Давай, попробуй, не дрейфь. Это самая лучшая марка, великолепной очистки и без всяких добавок. Все чисто, никакого зомбирования.

Диего невольно вздрогнул и весь сжался. Он не раз слышал о ротери, но никогда еще не видел его так близко. Две капсулы на ладони Йоргена выглядели такими крошечными, невинными, какого-то безобидного бледно-желтого цвета. Совсем как лекарство от головной боли, спасавшее от мигреней в напряженное время экзаменационных сессий. Лейтенант глядел как замороженный, не в силах отвести взгляда от этих капсул, которые и манили, и отталкивали одновременно.

Вдруг Йорген сжал кулак и раздавил капсулы. Бледно-желтая жидкость, поблескивая, закапала на руку Диего и очень быстро исчезла.

– Оно всасывается через кожу, – с благодушной улыбкой прокомментировал Йорген.

Диего едва перевел дух и ухватился за край резного стола: комната вокруг него начала медленно вращаться. Вырезанные на дереве, разрисованные по стенам и выколотые на человеческих телах змеи начали извиваться, переплетаться друг с другом. Все изображения вдруг ожили. Даже его собственная фиолетовая татуировка медленно и неторопливо поползла по поверхности кожи. Диего ясно чувствовал прикосновение мягкого и сухого змеиного тела.

Он хотел что-то сказать, открыл рот, но слова не шли с языка. Вместо них изо рта полезли все новые и новые змеи, которые, казалось, пожирают саму его жизнь. Эта женщина, с пальцами-гидрами! Она должна была об этом знать. И Йорген... Вот он сидит напротив, хохочет, наблюдая, как яд пропитывает все тело лейтенанта, и ждет его смерти.

– Так Зоя, значит, уже предложила тебе свое гостеприимство. Следовало бы мне раньше это понять. Не кажется ли тебе, что у нее великолепные манеры?

Голос гудел в голове подобно древнему вечевому колоколу, эхом отзываясь по всей комнате. Здание клуба вдруг приобрело по меньшей мере два лишних измерения и не казалось уже таким переполненным. Змеи – живые и извивающиеся – заполнили все вновь появившееся пространство, но Диего они отнюдь не смущали. Наоборот, их присутствие как бы успокаивало. Каждая змея обладала разумом и телепатическими способностями, и все они оказались таинственным образом связанными с ним. Счастье – вот что это такое. Все они здесь счастливы – змеи и люди. Под действием ротери все вокруг словно обрело гармонию. Теперь и сам клуб, и толпящиеся вокруг наркоманы, и даже халиане сделались безобидными и дружелюбными.

Само время разверзло перед Диего свою пропасть, и он заглянул в бездну собственного прошлого. Вот он в портовой школе для офицерских детей, вот в академии; а вот это Фолькштадт: он учился здесь кататься на лыжах и пытался проникнуть в тайны любви с Эмили Кларк. Им обоим по четырнадцать лет. Нет, пожалуй, сказать, что он рассматривает прошлое, было бы неверно. Это больше похоже на то, что время как бы перестало существовать, и уже нет разницы между Диего сегодняшним и тем Диего, которому четырнадцать лет, десять, двенадцать или шесть. Все они существуют одновременно, и каждый требует к себе внимания, поднимая невообразимую суматоху.

Он попытался прислушаться к каждому, пропуская личности через себя самого, себя нынешнего, глазами ротери. Вот разрозненные картинки слились в одну, обобщенную и целостную, и тут Диего охватила такая грусть, что захотелось расплакаться. Вся его жизнь, все, о чем он мечтал и чего желал достичь, оказалось теперь таким бессмысленным и серым, таким рассудочным, бездушным. Эта серость пронизывала всю его жизнь, каждый эпизод, нависала подобно грозовым тучам, пропитывала и серую курсантскую униформу Диего, и мутные воды озера памяти, где они с Эмили наполовину преуспели в познании запретного плода.

По сравнению с ним, Диего, с прожитой им жизнью, остальные выглядели прекрасными и по-настоящему живыми. Украшенные перьями маски ожили, и подобно фантастическим чудовищам, человекоподобные птицы порхали по залу, а его собственная со стальным отливом змея, поворачиваясь из стороны в сторону, пыталась впитать в себя рассыпанные повсюду блестки света. Запах, казавшийся прежде таким неприятным, распался на отдельные компоненты, каждый из которых казался чудесным благоуханием, воздух словно был напоен энергией самой жизни, любовью, гармонией. Всем тем, от чего он так опрометчиво отказался.

Его манило дыхание жизни, наполнявшее все вокруг, он жаждал коснуться его – жаждал так же сильно, как когда-то мечтал спуститься, наконец, с горы Коатл, как жаждал тогда тепла и пиццы, тарелки простого горячего супа. О, теперь он понимает Йоргена, понимает, почему тот пред-

почел именно это. Да и какой тут может быть выбор! Двадцать три года ты был мертвецом, и вдруг неожиданно пробудился к жизни? Теперь, так ясно все осознав, он и сам, подобно Йоргену, не способен вернуться в это серое прошлое. Ради такого можно пожертвовать и жизнью, и даже честью. Ведь вся предыдущая жизнь – лишь бессмысленное дерганье безмозглой марионетки.

Все осознав и не испытывая никакой враждебности к собеседнику, Диего поднял голову, чтобы объяснить Йоргену, что он более не враг здесь никому, что... Но брюнет с полуночной змеей исчез.

Точнее, за свистопляской ярких красок и музыкальных аккордов исчез весь клуб. Перед глазами Диего в тусклом свете утренней зари лежала пустынная Танделайштрассе, прочно отгородившаяся массивными стенами своих домов от тех, кто остался снаружи.

Диего лежал на мощеном тротуаре под мягким сиянием старомодных фонарей. Он приподнял голову и огляделся. С каким-то опустошением Диего наблюдал, как гаснут один за другим фонари и день сменяет ночь. Недавние видения мешались в голове, на сердце тяжелым зверем свернулась печаль. Там, в клубе все казалось таким простым и ясным – стоило лишь протянуть руку, чтобы дотронуться до самой жизни, наполнявшей все вокруг. Поняв Йоргена, он научился понимать и самого себя, и с наступлением утра это понимание не улетучилось.

Мысли Диего прервало негромкое бормотание где-то поблизости. Диего повернул голову и увидел Йоргена. Тот сидел прислонившись спиной к фонарному столбу. В резком свете первых солнечных лучей на его лице отчетливо читались отметины приближающейся старости, перенесенных страданий и следы злоупотребления ротери, которые ни с чем не спутаешь. Йорген почти беззвучно застонал и подтянулся поближе к Диего. Радужные черно-пурпурные перья, свисавшие с плеч его пиджака, казались до нелепости яркими. Только они напоминали о безудержном веселье минувшей ночи.

– Ты от Сейна? – спросил Йорген, запинаясь и с трудом выговаривая каждое слово.

Этот, утренний, Йорген говорил другим голосом – низким, хриплым и куда менее самоуверенным, чем человек, которого Диего встретил в клубе. Не в силах вымолвить ни слова, лейтенант просто кивнул. Йорген обхватил фонарный столб и с усилием поднялся на ноги.

– Пошли, – прохрипел агент. – Надо отсюда убраться, прежде чем появятся ловцы. – И слабым жестом поманил Диего за собой.

Бах послушно попытался встать, но потерпел полное фиаско. Все это было слишком не похоже ни на один из вариантов похмельного синдрома, какие ему доводилось испытывать. Сознание было абсолютно ясным, а тело – совершенно обмякшим. Лишь со второй попытки Диего удалось наконец сесть. К этому моменту Йорген уже брел вдоль стены, хватаясь руками за выступы камней и кидая тело вперед. Он обернулся.

– Двигайся, – прохрипел Йорген. – Наплевать как, но только двигайся!

Диего так никогда и не сумел понять, каким чудом ему удалось встать на четвереньки и поочередно передвигать руки, а потом подтягивать ноги, расползавшиеся, как студень. Он заметил еще двоих, тоже пытавшихся добиться успеха в попытке покинуть Танделайштрассе. Несколько человек продолжали лежать пластом. В глазах застыл ужас перед грядущей судьбой.

Где-то в глубине сознания медленно всплывали вопросы. Диего постарался отогнать их и сосредоточиться на том, чтобы побыстрее убраться с проклятой улицы. Все эти «почему» могут подождать до того момента, пока Йорген не окажется в состоянии на них ответить. Неожиданно Диего усомнился, действительно ли это тот самый Йорген, или в ротерианском дурмане он видел лишь то, что хотел увидеть. Но нет, такое объяснение было бы слишком простым. Да и в Зое следовало бы видеть куда больше того, чем она казалась на первый взгляд. Будь начеку, приказал себе Диего. Не следует недооценивать противника. И никогда не принимай кого-то за друга только потому, что он пытается произвести такое впечатление. Или она.

Они завернули за угол и прошли сквозь широкие, обветшавшие железные ворота, когда звезда Эфрин только-только показалась над горизонтом. Обернувшись, Диего заметил какие-то фигуры в серо-синих униформах, подбиравшие тех, кто оказался не в состоянии покинуть Танделайштрассе. Только с этими людьми в форме что-то было не так. В них была какая-то странность, но какая именно – издали не понять. Но Диего не сомневался: что-то здесь неладно.

– Давай остановимся, – выдавил он из себя, кивнув в сторону кондитерского магазина на противоположной стороне улицы, – вон там.

Белые, розовые и шоколадно-коричневые торты и пирожные, разложенные на кружевных

салфеточках, вызвали у него болезненный спазм в желудке.

– Это нам не поможет, – пробормотал Йорген, не оборачиваясь. – Уже скоро.

Это самое «скоро» оказалось за полквартала. Йорген вскарабкался по выскобленным до сверкающей белизны ступенькам и воткнул старомодный ключ в бронзовую замочную скважину. Оказавшись внутри, он побрел к лестнице, махнув Диего рукой.

Убранство дома не поражало красотой и изяществом. Вокруг царила чистота, но стойкий запах дезинфекции отдавал больницей. Да и уюта здесь оказалось не больше, чем в госпитале. Дойдя до самого верха лестницы, Йорген открыл еще одну дверь и растворился в темноте.

Диего с неприятным чувством отметил, что в комнате нет ни единого окна, а размерами она ничуть не больше, чем его собственное временное жилище в идиотской профсоюзной гостинице. Да и убранство комнаты говорило о личности владельца ничуть не больше, чем стандартный гостиничный номер. Впрочем, это вполне объяснимо: раз Йорген наркоман, значит, его вряд ли что-то по-настоящему интересует, кроме ротери.

Если б не эти разговоры про корабль, Диего немедленно ушел бы отсюда. Он уже не думал о Йоргене, или как там его когда-то звали на самом деле, как о сотруднике разведки и товарище по оружию. Теперь этот человек – просто тупой наркоман, окончательно сломленный и выброшенный из жизни на этот Ботом забытый Эфрихен. Дурман ротери быстро проходил, и движения уже не требовали таких усилий, как прежде. Диего чувствовал себя почти хорошо, и это еще сильнее заставляло его желать поскорее выбраться из этой ямы, хорошенько позавтракать и подготовить отчет, а потом отправиться домой.

Йорген плюхнулся на измятую койку и мрачно улыбнулся.

– Я тебе предлагаю сделку, – хрипло проговорил он. – Разговор пойдет о деньгах. Мне нужны деньги и, может быть, новые документы. – Он бережно взял в руки микрокассету: – Мои донесения. Все до последней мелочи.

– Я думал, ты уходишь с ними, – медленно проговорил Диего, – на том корабле.

– Не верь всему, что тут болтают, – резко ответил Йорген. – Да, ну и молокососа же они прислали! Ну ладно, в любом случае сделка – это сделка. Эти донесения, все, что ты, Сейн или кто бы там ни было жаждете узнать, стоят пятьдесят кусков. Только не деньгами, можно безделушками, которые легко продать, всякими там ювелирными камешками, побрякушками и разным барахлом, на которое падки коллекционеры. Никаких государственных акций и вообще никаких вещей, за оборотом которых можно было бы проследить. Понял меня?

Диего кивнул.

– Встретимся в клубе. Ты приносишь то, что я прошу, а я – вот это. Идет?

Лейтенант заколебался.

– Но я не знаю, стоит ли это тех денег, что ты требуешь, – сказал он наконец. – Что, если я тебе заплачу, а кассета окажется совершенно чистой или полна всякой чепухи? С какой стати я буду покупать кота в мешке? Мне надо все это увидеть, прежде чем выложить такую сумму.

– Что ж, может ты не такой уж и молокосос, – усмехнулся Йорген. – Но мне нужны гарантии. Ведь ты можешь смыться, вообще ничего не заплатив, и захватить товар с собой. Всякие там слова чести и тому подобная туфта меня не интересуют.

Диего напряженно размышлял.

– Вот это в залог возьмешь? – он отцепил медаль святой Варвары, сжал ее в кулаке и протянул Йоргену. – На рынке она до пятидесяти не дотянет, но все-таки это чистое золото. А лично для меня она стоит гораздо больше.

– А, сентиментальность, – мрачно сказал Йорген. – Что бы мы стали делать без сентиментальности? А ведь это только слабость. Вот поэтому-то мы в конечном счете и проиграем, мой мальчик. Вовсе не из-за того, что халиане сообразительнее нас, или сильнее, или даже подлее. Все дело в том, что они не обращают внимания на подобную ерунду.

Диего рванулся вперед и схватил микрокассету, одновременно бросив медаль на свернутые простыни.

– А почему ты так уверен, что я тебя не убью? – спросил он, обернувшись уже в дверях.

На самом деле вопрос этот Диего адресовал самому себе. Он даже не понял, что говорит вслух. Когда Йорген заговорил, Диего замер.

– По той же самой причине, по которой ты непременно вернешься за этой штукой, – проговорил тот. – Сентиментальность. Да еще нервы. Готов поклясться, что ты за свою жизнь ни разу

никого не убил, и уж, конечно, сейчас не начнешь этим заниматься. Убить человека – это, браток, совсем не то, что сбить несущийся тебе наперерез космический корабль.

Диего вышел. Дорога обратно к гостинице казалась длиннее – может, от того, что он не мог выкинуть из головы Йоргена, а может, от того, что не удавалось игнорировать неприкрыто враждебные взгляды прохожих. Вернувшись в свое гостиничное гнездышко, Диего швырнул кассету на койку и, не обращая на нее внимания, провел добрый час в ванной, пытаясь смыть дурные воспоминания. Потом заказал порцию сосисок, за которую с него содрали невообразимую сумму, и принялся за еду, запивая пивом. Лишь покончив со всем этим, он почувствовал, что готов, наконец, заняться записями Йоргена.

Потратив еще три часа и две порции пива, Диего, наконец, обнаружил то, что искал. Такая информация действительно стоила того, чтобы отдать собственное тело на растерзание этой змеи, стоила того, чтобы разыгрывать наркомана, где-то на окраинах цивилизованного мира, и даже попробовать ротери на собственной шкуре. Она стоит даже медали святой Варвары, старинной реликвии Фуэнтов. Диего еще раз прокрутил кассету. Ему хотелось убедиться, что все это не сон.

«...Вчера прибыл халианский торговый корабль. Я встречал его как представитель клуба. Несомненно, они выгружали ротери. Когда мы получили свою долю, председатель клуба велел нам возвращаться. Но я затерялся в толпе и остался. Прежде чем корабль отчалил, на борт доставили другой груз. Я не очень хорошо видел со своего наблюдательного пункта, но, очевидно, это были рабы. Эфрихен не занимается работоторговлей – по крайней мере, официально. Я приблизился и постарался рассмотреть получше. Татуировки ротери...».

За рассказом последовало видеоизображение – довольно нечеткое, как это всегда бывает при съемках скрытой камерой, но разноцветные татуировки ротери-клуба у стоявших рядом людей Диего различил вполне отчетливо. А еще совершенно пустое и бессмысленное выражение лиц. Казалось, эти люди начисто утратили способность мыслить.

Соответствующая доза ротери на протяжении достаточно длительного времени, подумал Диего, а может, еще и предварительный подбор людей с соответствующей психологией.

Он невольно вздрогнул. Наркотический дурман ротери не рассеялся до конца. Он все еще лип к телу фиолетовой змеей, распластавшейся на его бледной коже.

А ведь там, в глубинах душ, сокрытых под этими безжизненными, лишенными всякого выражения масками лиц, все эти новоиспеченные рабы продолжают мечтать о тех ярких красках и ощущении полноты жизни, горько подумал Диего. Всем своим существом он снова чувствовал этот зов, эту неодолимую потребность испытать вновь пережитые вчера незабываемые ощущения, сбросить оковы честолюбия и семейного долга, раствориться в океане чувств.

Он машинально ткнул пальцем в клавиатуру и перескочил в какое-то другое место рассказа Йоргена: Изображение мигнуло, и лицо на экране сделалось вдруг гораздо старше, словно за эти десять минут рассказчик постарел на многие-многие годы.

«...В ближайшие два месяца ожидается прибытие авангардного боевого корабля халиан. По клубу бродят слухи о» друзьях «. Одни утверждают, что те собираются освободить нас от гнета эфрихенских властей, другие говорят, что всю цивилизацию на планете просто сравнивают с землей, а друзей-ротерианцев заберут с собой. Третьи уверены, что халиане намерены здесь поселиться.

Проанализировав действия халиан в этом секторе за последние два года, я пришел к выводу, что они готовятся создать здесь свою базу. Для этой цели Эфрихен подходит идеально. Поверхность планеты пригодна для жизни, планета способна сама себя прокормить и, главное, здесь имеется готовая и обученная рабочая сила. Оборудование порта достаточно современно для аграрного мира и поддерживается в идеальном состоянии. Огромные территории, включая целые континенты, покрыты девственными лесами и другими совершенно нетронутыми природными ландшафтами, что предоставляет большие возможности для дальнейшего расширения поселений и огромные дополнительные ресурсы. Во всем секторе такими характеристиками обладают лишь две-три другие колонии, но Эфрихен занимает среди них совершенно уникальное положение благодаря тому, что в своем колониальном развитии достиг точки Маубри, когда население впервые и гораздо интенсивнее, чем во все другие фазы существования колонии, входит в конфликт с собственной системой ценностей. Подойдя к этой точке, колония начинает производить достаточно материальных благ для возникновения роскоши и связанного с нею имущественного и идейного расслоения общества. Большая часть молодежи планеты испытывает разочарование в традиционных философских ценностях, державшихся на аграрном характере экономики. В соответствии с моделью обыч-

ного развития колоний по прошествии двух поколений Эфрихен должен перейти от преимущественно аграрной экономики к экономике с развитой промышленностью, базирующейся на сельскохозяйственной основе, что в идеологическом плане явится прямым следствием нынешнего брожения умов.

В настоящий момент молодое поколение Эфрихена ориентировано на все новое, и в особенности на все чужое, прибывшее извне. Это наилучшая среда для внедрения модного заграничного наркотика. На мой взгляд, не может быть никаких сомнений в том, что ротери – это первая ласточка халианского вторжения в данный сектор. Вторжение, в основе которого лежит разложение культуры и экономики Эфрихена».

Диего с трудом перевел дух, когда кассета закончилась. Дикость услышанного просто пугала. Откуда-то из глубин подсознания выплывали поучения его отца, адмирала: «Твой первейший долг – это долг перед человечеством в целом. Личные интересы всегда должны оставаться на втором плане». К ним присоединился и голос матери-адмирала: «Лучше уж совершить ошибку, чем пребывать в бездействии».

В углу экрана монотонно мигал хронометр. Осталось пять, от силы шесть часов до возвращения в клуб и встречи с Йоргеном. Выбора нет. Дело теперь не только в том, что он может лишиться медали, столь ценной семейной реликвии. Там можно просто-напросто потерять свою бесценную душу. Сейн о подобных вещах его не предупреждал.

Диего умел уничтожать корабли – он так часто проделывал это на тренировочных стендах, что давно уже не сомневался, что справится и в реальной жизни. Корабль – это не человек. Это просто некое вражеское сооружение, которое становится для тебя мишенью. Когда перед тобой абстрактная металлическая конструкция, передвигающаяся на огромной скорости, совсем нетрудно забыть, что внутри находятся разумные существа. Сама боевая обстановка заставляет забыть это. Кроме того, кто бы ни находился на этом корабле – это не люди, Халиане слишком не похожи на людей, напомнил себе Диего. Они выглядят и действуют, как хищные звери, каким-то чудом обретшие вдруг разум.

А вот сегодняшняя ситуация – совсем другое дело. У Йоргена когда-то было имя – человеческое имя, услышав которое однокурсники по академии припомнят, что оно принадлежало командиру двадцать третьего взвода. У него когда-то было офицерское звание и должность в структуре Флота, была семья, своя родословная и планета-родина. Тело его – такая же человеческая плоть, как и у него, Диего, он точно так же мыслит и чувствует. Диего слишком хорошо его понимал. Сознание молодого лейтенанта лишь очень тонкой и хрупкой перегородкой зашло вчерашний дурман ротери. Только нечеловеческим напряжением воли он не позволял себе расслабиться и еще раз погрузиться в великолепие живых красок.

Итак, все по порядку. Постепенно, шаг за шагом. Даже если отбросить все философские вопросы, выполнить задуманное будет не так уж просто. Честно говоря, Диего вообще сомневался, что это ему удастся. Во-первых, он опирается на предположение, что Йорген уйдет с халианами на их передовом корабле. Зоя подразумевала именно это, да и из слов самого Йоргена можно сделать такой вывод. Во-вторых, надо предполагать, что его примут как одного из членов пиратской шайки, а не раба. Если Йоргена сделают рабом, весь план летит к черту. Диего не слишком хорошо осведомлен об устройстве халианских кораблей, но ему известно, что грузовой отсек находится далеко от основных двигателей и там, разумеется, нет никаких управляющих панелей. А таких сведений уже вполне достаточно.

Нет, тут гораздо больше риска, чем предусматривают инструкции. Следовало бы просто передать отчет руководству, а там уж эскадрилья быстрого реагирования отрежет халианский корабль. Именно такого образа действий и ждет от него Сейн. Диего еще раз прокрутил в голове эту мысль и почувствовал какой-то горький металлический привкус во рту. Он понял, что впервые в жизни ощущает вкус собственного страха. Новое чувство просто поразило его.

Постепенно. Шаг за шагом. Подготовиться к рискованному предприятию еще не означает пойти на риск. Ты ведь ничем не рискуешь, пока игральные кости еще не брошены на стол.

Азартными играми он не увлекался никогда. Во Флоте подобные дела строго-настрого запрещены, и Диего Бах не испытывал никакого желания рисковать карьерой ради нескольких часов за карточным столом. Он и не догадывался, до какой степени обостряется мысль под действием этой причудливой смеси страха и возбуждения.

Хочешь не хочешь, а придется принять на веру предположение о том, что халиане согласятся

видеть в Йоргене пусть и не полноправного, но все-таки союзника. А это значит, что он получит возможность наблюдать с мостика момент запуска маневровых двигателей, если, конечно, верна информация о правилах этикета халиан. То есть у Диего будет шанс – один-единственный шанс. И один краткий миг, когда план может сработать.

Он критически оглядел свой гардероб и выбрал грязно-коричневого цвета спецовку. Спецовка висела на нем, как старый истертый мешок, полностью скрыв ротерианскую татуировку. Диего не желал, чтобы его внешность хоть чем-нибудь напоминала о ротери, «Тобиши Лайнс» и вообще о чем-нибудь определенном. В глазах каждого, с кем придется столкнуться, он решил остаться фигурой ничем не примечательной. Быть таким как все и ничем не выделяться из толпы – значит быть практически невидимым, как сказала когда-то его мать. Диего надеялся, что она права. Он посмотрел в зеркало и вспомнил про свои длинные, до плеч, белокурые волосы. На Эфрихене они – особая примета, символ ротери-клуба, но обрезать их можно не раньше, чем завершится вечернее рандеву с Йорганом. Нет, так не годится. Диего смотрел на свое отражение добрых пять минут, пока наконец не нашел решение.

В здешней микроскопической ванной имелся распылитель желеобразного антисептика для оказания первой помощи. Диего набрал пригоршню этого геля и вымазал себе волосы. Полученный эффект настолько вдохновил его, что он вооружился чистой тряпкой, скатал из ткани несколько маленьких шариков и запихал в рот между зубами и нижней губой. В качестве последнего штриха он еще и вымазал тем же гелем брюки. Покончив с этим, Диего вновь посмотрел в зеркало и остался вполне удовлетворен. Теперь он спокойно сойдет за умственно неполноценного. Этих типов полно в любом городе, и их по традиции используют для выполнения мелких поручений или в качестве уборщиков. Наверное, с экономической точки зрения гораздо выгоднее применять машины, но так эти люди получают хоть какую-то работу, а вместе с ней и определенное положение в обществе. Ситуация, которую правительство хотело бы изменить, но традиции – самая крепкая вещь на свете, и никто не желает тратить время на поиски лучшего решения проблемы.

Диего с гордостью изучал собственную внешность. Камуфляжем ему прежде заниматься не доводилось. Так что это первый опыт. Слегка ссутулясь, он, тяжело ступая, прошелся перед зеркалом, припоминая манеры одного из помощников садовника, служившего в доме родителей. Диего пришло не один раз прошагать туда-сюда перед зеркалом, прежде чем новая походка его удовлетворила настолько, что он осмелился, наконец, покинуть пределы гостиничного номера.

В кармане у него лежали деньги, только наличными, и отпечатанный на компьютере список, который Диего предварительно неоднократно складывал, разворачивал и снова складывал, чтобы придать бумаге потрепанный вид. Он вошел в первый попавшийся ювелирный магазин и протянул продавцу свою записку вместе с деньгами. Человек за прилавком бросил на него взгляд, полный одновременно жалости и отвращения, и стал подбирать товары по списку. Сейн позаботился о том, чтобы Диего снабдили всем, что может потребовать от него Йорген, но никто не предполагал тех изменений, которые Диего внесет в план операции. И теперь в его распоряжении нет всего того, без чего немислима профессия современного разведчика. Остается лишь полагаться на самого себя.

А этого-то как раз халиане и не ожидают, подбадривал себя Диего. Вернее, если быть точным, этого не ожидает Йорген. Когда противник ждет от тебя последних достижений науки и техники, следует подсунуть ему какое-нибудь примитивное старье. Диего не смог бы точно вспомнить, кому принадлежат эти слова, но само изречение запечатлелось в его памяти очень хорошо. То, что он задумал, так примитивно по своей сути, что трудно даже и вообразить.

Ювелир вернулся, бормоча что-то себе под нос – Диего не разобрал – и выложил на прилавок антикварные ручные часы. Разыгрывая из себя слабоумного, Диего с безразличием сунул дорогостоящий предмет в карман вместе со сдачей и списком и, промычав что-то вроде «до свидания», вышел.

Следующая экспедиция – в антикварный магазин – прошла почти так же. Только здешний продавец – робот – отпуская товары, вообще не обратил никакого внимания на личность покупателя. Вполне удовлетворенный приобретениями, Диего вернулся в профсоюзную гостиницу и еще раз преобразил свою внешность, превратившись в инженера «Тобиши Лайнз». Было ровно тысяча шестьсот часов – как раз вовремя. Когда волосы высохли, Диего сразу же спустился в столовую.

Первый штурман «Лoadстоуна» Ари уже восседал перед огромным блюдом, полным оладьев и пирожных. Диего вздохнул с облегчением, вспомнив, что Ари родом с планеты, придерживаю-

щейся особых традиций в вопросе питания, не похожих на его собственные. Ари всегда настаивал на позднем и обильном ужине. Наверное, именно из-за этого он так толст. Взяв чашечку кофе, Диего уселся напротив Ари, с огромным аппетитом уминавшего объемистый кусок шоколадного торта.

– Непременно отведай этого пирога, – тут же заговорил Ари. – Он у них называется торт Черного Леса. Местное фирменное блюдо. Делают это чудо из шоколада и вишен, пропитанных коньяком.

Диего, вежливо улыбнувшись, отрицательно покачал головой. Сладость пирога только заставила бы его острее ощутить горький привкус страха во рту.

– Откровенно говоря, я пришел кое о чем тебя порасспросить, – начал он. – Вот например, когда включаешь маневровые двигатели, система, кажется, выдает особый сигнал – до тех пор, пока не будет получено подтверждение, что полет проходит нормально?

Ари с любопытством посмотрел на собеседника и кивнул:

– А еще загорается такой изумрудный огонек. Тут, кстати, есть одна очень любопытная штука: халиане, я слышал, используют синий. С чем интересно, связано такое пристрастие – с природными особенностями или просто с традицией? Ты ничего по этому поводу не слышал?

Диего отрицательно покачал головой. По широкому лицу Ари медленно расплылась добродушная улыбка:

– Желаю удачи, господин Бах. Если это ваше настоящее имя.

Диего лихорадочно попытался припомнить все события последних недель. Кажется, он не мог себя раскрыть. Ни разу не нарушил правил конспирации, ни разу не попал в какое-нибудь двусмысленное положение и ни разу и ни с кем не болтал, даже с Ари. С Ари особенно. Пораженный до глубины души, он, даже не сказав ни «спасибо», ни «до свидания», оставил на столе нетронутую чашку кофе и поспешил убраться из столовой.

Вернувшись в свой одноместный номер и несколько придя в себя, Диего методично принялся за разборку часов. Хотя задача эта оказалась куда сложнее, чем он предполагал, потому что руки все еще немного тряслись. А что если он сегодня провалится?

Ладно, сейчас это уже не имеет значения. Диего до сих пор не был уверен, что действительно запустит в дело свой дурацкий, невысказанный план.

Да и к тому же, убить Йоргена, офицера, товарища по оружию, пускай и бывшего... Неужели бедняга не заслуживает того, чтобы ему дали хоть какой-то шанс. Мысль эта не давала Диего покоя. Когда теперешнему лейтенанту было всего двенадцать лет, отец поведал ему о древней традиции, существовавшей на Земле, – обесчестившего себя офицера запирали в какой-нибудь комнате, снабдив бутылкой и пистолетом. В такой ситуации можно хотя бы посмертно восстановить свою честь в глазах товарищей. А Йорген даже этой возможности не получит. Да и весь план целиком выглядит мерзким и отвратительным. Заминировать кого-то и взрывом разнести на куски – будь то Йорген, какой-нибудь раб или даже один из халианских командиров – это далеко не рыцарский метод борьбы.

И тут Диего осознал, что все эти сказочки и школьные нравоучительные истории, где все выглядит таким чистеньким и аккуратненьким, а решения выдаются тебе на блюдечке, в красивеньких шкатулочках с надписями «правильно» или «не правильно», не имеют ничего общего с реальной жизнью. Если б сам Йорген не заварил всю эту кашу, если бы он остался честным офицером разведки, а не сделался изменником, Диего не пришлось бы теперь принимать это безумное и жестокое решение, идти на такой огромный риск. Негодование и злость на Йоргена переполнили вдруг всю душу, и Диего невольно зашипел, словно готовая ужалить змея.

Крышка часов наконец подалась, открыв взору единственную крошечную микросхему с подключенной к ней микробатарейкой. Практически весь корпус часов оказался пуст, на что Диего и рассчитывал. Он раскрыл принесенный из антикварной лавки сверток, в котором покоилось несколько древних дуэльных пистолетов, к которым так равнодушны коллекционеры, вместе с набором пороха и пуль. Забавно, что подобные вещи в открытую продаются кому попало. Люди, кажется, забыли, насколько смертоносной может оказаться такая игрушка. Ведь набитый допотопным черным порохом дуэльный пистолет не лишился способности стрелять только из-за того, что в мире теперь полно оружия куда более точного и мощного. Дело лишь в том, что никто больше не думает об этом музейном барахле, как об оружии.

В антикварном магазине его снабдили еще и небольшим «глазком» – датчиком, реагирую-

щим на световые волны различной длины. В инструкции оказалось полно ошибок, и Диего потратил немало времени, чтобы настроить приборчик на широкий диапазон синего цвета самых разных оттенков. Оставалось только надеяться, что Ари дал верную информацию. При воспоминании об Ари во рту опять появился противный привкус страха, отодвигая на второй план злость на Йоргена.

Диего глубоко вздохнул, чтобы унять дрожь в руках, снял с циферблата синий камешек и просунул в образовавшееся отверстие датчик. Затем подсоединил контакты устройства к батарейке часов, а все пустоты в корпусе заполнил порошком.

День уже клонился к вечеру, когда Диего собрал часы. Выглядели они точно так же, как и прежде. Никакого подвоха не заметно. А главное – его не заметит никакой детектор или миноискатель. Снаружи часы выглядят как обыкновенная безделушка, а внутри... Но кому придет в голову ожидать чего-то столь примитивного, как обычный пороховой заряд? Диего прислонился к стене и с облегчением вздохнул. Вызванное кропотливой работой напряжение отпустило, мышцы постепенно расслабились. Диего закрыл глаза и на несколько минут замер в полной неподвижности, потом встал, упаковал часы вместе с остальными раритетами, которые заказал Йорген, и вновь, как и вчера, превратился в ротери-наркомана.

На этот раз он вышел из гостиницы довольно поздно и оказался не единственным шагавшим по городу наркоманом. В мягком желтом сиянии старинных фонарей двигались фигуры в карнавальных костюмах любителей ротери. Покидая световой конус, отбрасываемый очередным фонарем, и погружаясь в полумрак, фигуры теряли свою яркость, снова становились бесцветными, тусклыми и серыми – до следующего фонаря. Завороженный этими странными метаморфозами, Диего прошел несколько кварталов, прежде чем осознал, что на улицах нет никого, за исключением вычурно разряженных членов ротери-клубов. Почтенные обыватели все до единого попрятались за своими массивными дверьми и кружевными занавесочками. Теперь улица во власти ротерианцев, а это значит, что она во власти халиан. Эта мысль не давала покоя Диего, пока он шел по Танделяйштрассе и дальше, к той самой старой, истертой двери с резьбой в виде змеи.

Сегодня клуб показался другим. На этот раз он сразу заметил, как сильно истерт коврик у входа и как много выжженных сигаретами отметин на полированном столе. Костюмы здешних завсегдатаев издали казались по-прежнему очень милыми, их яркие перья, сверкающие драгоценности и тонкие шелка выглядели такими дорогими и манящими. Но сегодня от внимания Диего не ускользнуло, что перья давно уже истрепались, чудеса ювелирного искусства – всего лишь дешевые стекляшки и состряпанная из фольги мишура, а шелка и парча – самая дешевая разновидность синтетики, к тому же дурно скроенная. Здесь просто напросто раскрашивали суету и никчемность в яркие веселые тона. Его мать-адмирал назвала бы все это безвкусицей, и на этот раз Диего был с ней полностью согласен.

Он выбрал себе столик и осторожно опустился в кресло, стараясь ни к чему не притрагиваться голыми руками. Чего-чего, а уж еще одного опьянения ротери ему хотелось меньше всего. Одного такого опыта и то, пожалуй, многовато для целой жизни. Диего был не уверен, что сможет устоять после второго.

К счастью, Йорген появился даже раньше, чем лейтенант успел оглядеться. Может быть, этот изменник давно уже был здесь и поджидал его, затерявшись в толпе.

– А я сомневался, что ты придешь, – перед ним теперь стоял тот, вчерашний Йорген – высокомерный, самоуверенный и ничего не страшщийся.

Диего выложил на стол сверток и молча ждал, пока собеседник разглядывал содержимое. Он с удовлетворением отметил, что Йоргену особенно понравились те самые часы. Йорген даже сразу нацепил их.

– Что ж, пригодятся, – проговорил Йорген, – о них там будет множество разговоров.

– Кстати, о разговорах, – проговорил Диего, стараясь казаться таким же спокойным, как и сидящий возле наркоман. – Я все думаю: правда ли, что ты отправишься с халианами на их корабле, как считает Зоя, или это одни только разговоры?

– С какой стати? – Йорген вспыхнул.

Диего с безразличием пожал плечами:

– Зоя была так настойчива. Это казалось странным. Ладно, считай, что я ни о чем не спрашивал. Просто верни медаль и будем считать, что мы в расчете.

Йорген выложил сверкнувшую золотом святую Варвару на полированную крышку стола.

Диего аккуратно поднял ее с помощью носового платка, старательно избегая прикосновений голой рукой.

– Ах-ах-ах, какие мы подозрительные!

– Никогда не угадаешь, на что можно напороться в таком местечке, – невинно улыбнулся Диего. – Мало ли что тут по столу размазано. Осторожность – она никогда не повредит.

Он поднялся, чтобы уйти, но собеседник вытянул руку и удержал его за плечо.

– Я улетаю, – произнес Йорген. – Лично приглашен для доклада к самому халианскому командиру.

Диего так и не решил, что же во всем этом самое скверное: то, что Йорген пошел на это, или то, что на его лице светилась теперь такая откровенная гордость. Он освободился от руки Йоргена. Прикосновение этого изменника, казалось, несет в себе заразу. Хотелось поскорее убраться отсюда, глотнуть свежего прохладного ночного воздуха.

Когда он вернулся в гостиницу, волнение почти улеглось. Диего решил, что пора уже передать сообщение на корабль Флота под названием «Боливар», несший боевое дежурство в данном секторе. Он с нежностью погладил лежащую в кармане завернутую в носовой платок медаль. Ну да, это «Боливар». Семья Фуэнтов всегда была правой рукой великого освободителя. В этом совпадении есть что-то мистическое, какое-то предзнаменование грядущей удачи.

Сам процесс передачи сообщения на корабль подействовал на раздерганные нервы Диего, как лучшее успокаивающее. Здесь царствовала четкая, заранее установленная терминология, наполненная по-настоящему серьезной, важной информацией. Диего принял душ и забрался в постель, лишь теперь вполне осознав, что он сегодня сделал.

Он ввязался в азартную игру, пошел на серьезный риск. И к тому же, отдавая Йоргену эти часы, он вершил самосуд. Он самолично принял решение лишить жизни человека – человека, которого давно знал и к кому в любой другой ситуации наверняка отнесся бы с огромным уважением. Несмотря на уверенность в правоте собственного поступка, эти мысли сдавливали грудь, спазмами отзывались в желудке. Впервые в жизни Диего Бах не смог бы с уверенностью сказать, не свалится ли он в следующую минуту в приступе какой-то тяжелой болезни или же попросту заплачется.

Даже странно, насколько приятно вновь оказаться в штаб-квартире разведслужбы. Как будто это твой дом родной. Даже очередной инструктаж Сейна звучал как небесная музыка, хотя Диего и был рад, когда Сейн наконец закончил.

– Ну что ж, – сказал, наконец, его шеф, – после того, как вы выследили этот пиратский корабль, перед вами открывается куда более широкий выбор характера дальнейшей службы. У меня до сих пор в голове не укладывается, как вам удалось до такой степени повредить систему управления, что «Боливар» без труда настиг их.

– Жаль, что халиане успели взорвать корабль, прежде чем наши его захватили, – ответил Диего. – Я дорого бы дал, чтобы как следует изучить его устройство.

И в этот момент Сейн, этот вечно угрюмый, с каменным выражением лица заместитель директора контрразведки, улыбнулся: Диего порылся в памяти и решил, что это первый подобный случай за всю историю.

– Не вы один об этом мечтаете. Ну, так что будем делать дальше? Я знаю, вы стремились попасть в эскадрилью быстрого реагирования. Не стану лукавить, мне было бы крайне жаль с вами расставаться, но вы заслуживаете, чтобы я сделал для вас все, что в моих силах, даже если это и не совпадает с моими собственными желаниями. Так что я твердо обещаю свое содействие.

Диего помедлил – не из-за того, что он еще не решил, чего хочет, а просто потому что очень удивился, когда осознал это желание. Все тщательно рассчитанные на годы вперед планы карьеры, все тщательно вычерченные родителями маршрутные карты его жизни вдруг снова приобрели ту безжизненную серость, которая так напугала его в дурмане ротери. На Эфрихене он был занят серьезным, важным делом – делом настоящим, ради которого стоило жить. И там он действительно жил – жил полной и яркой жизнью, даже тогда, когда испытывал душевные муки и боль. И Диего, ошеломленный этим открытием, услышал вдруг собственный голос:

– Да, я заявлял об этом раньше, но это было до того, как мне довелось поработать на Эфрихене. Теперь я, пожалуй, предпочел бы остаться в разведке. Разумеется, если вы сочтете возможным меня здесь использовать.

И тут Сейн отколол нечто воистину неслыханное. Он взял да и рассмеялся:

– Лейтенант! Да я дал бы отсечь себе руку, ради того чтобы заполучить еще с полдюжины таких, как вы. Добро пожаловать!

Родители, разумеется, не одобряют его выбор. Но какое это имеет значение? Важно то, что он, Диего, очень этому рад. Да черт возьми, он просто в восторге!

– Ступайте выпейте стаканчик пива, – посоветовал Сейн. – Хотя вы, наверное, предпочтете сперва зайти в отдел камуфляжа и уничтожить эту змею.

Диего решительно покачал головой:

– Я оставлю, сэр. Если, конечно, на этот счет в инструкции нет каких-нибудь запретов.

Впрочем, он и так знал, что это не запрещено. Фиолетово-стальная змея, печать Эфрихена, имела полное право по-прежнему обвивать тело лейтенанта.

– Не вы первый, – кивнул ему Сейн.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Два месяца спустя подготовка завершающего этапа Возрождения Вифезды уже шла полным ходом. Смайт и Мейер почти подружились. Но адмирал не забыл, что Смайта прислали сюда шпионить.

В тот вечер оба заработались допоздна. В коридорах штаба пылали отсветы заката. Сражение началось. Порт замер в тревожном ожидании. Что еще оставалось делать? Только одно – ждать, ждать и ждать. Полбутылки отборного мичиганского вина помогли Смайту с Мейером снять напряжение. Пытаясь скрыть беспокойство, Смайт лениво постукивал по клавиатуре. Мейер терпеливо ждал, пока он заговорит.

– Расширяя сферу влияния такими темпами вы можете в итоге получить нечто совершенно неудобоваримое, – начал наконец ревизор.

– То есть? – огрызнулся адмирал.

Смайт сделал глубокий вдох.

– Вот, посмотрите. Это доклад одного из наших новобранцев, доставленный сегодня утром.

– Ха, новобранцы! Всегда презирал дилетантов.

– Не судите опрометчиво, адмирал, – предостерег Смайт. – Прочтите сперва доклад, а потом... Проклятье! Вы недооцениваете этих ребят!

Исаак Мейер молча наполнил бокалы и взял доклад.

Когда он закончил читать, Смайт загадочно добавил:

– Это, пожалуй, подтверждает мою теорию относительно халиан, уж слишком они изощренные для своего культурного уровня.

– Совсем, как торговцы наркотиками на Эфри, – радостно, согласился Мейер, уходя от скользкой темы.

– Да... – пробормотал Смайт, наблюдая, как на экране компьютера проступает изображение.

Пирс Энтони. НЕЖНАЯ, КАК ЖЕНЩИНА

– Сейчас им до нас не добраться, – констатировал Джордж. – Мы защищены экраном, но если они сообразят, куда смотреть, то могут нас накрыть. – Он взглянул вверх. – Я отлучусь. Чья очередь нести вахту?

– Моя, – откликнулась Квити.

– И не мечтай, милашка, – Джордж ухмыльнулся. – Не женское это дело.

– Послушай, я ведь тоже пилот! Меня обучили всему так же, как и тебя. И теперь моя очередь.

Но сзади уже подошел Айвен. Его сильная рука, затянутая в перчатку, как бы случайно скользнула, по округлостям ее фигуры.

– Нежная, как женщина, – промурлыкал он. И многозначительно добавил: – Я займусь этим, Джордж. – И он имел в виду не только управление кораблем.

Квити сдержалась. Даже здесь, на задании, эти хамы обращались с ней с высокомерным презрением, какого, по их мнению, заслуживает женщина. Подобное обращение бесило ее давно, еще со времен Тау Кита. Правда, раньше она питала робкую надежду, что когда дойдет до дела, все будет по-другому. Но вот они на задании, а ничего не изменилось. Она и здесь для них всего лишь

прислуга.

– Эй, крошка, сооруди-ка мне сэндвич! – бросил Айвен, не удостоив ее даже взглядом. – Что-то я проголодался.

А хуже всего то, что он даже не понимает, как ее это задевает. В лучшем случае они смотрят на нее, как на забавную безделушку. Этаким элементом декора. Нет, они не обижали ее, не приставали к ней – они просто не воспринимали ее всерьез.

Но выплескивать раздражение прямо сейчас не стоило, их задание и без того достаточно опасно. Квити открыла продовольственный отсек и сделала сэндвич, сложив две плитки галет, дополняющих по вкусу друг друга. Каждая плитка содержала все необходимые человеку питательные вещества, но вкусовые достоинства оставляли желать лучшего.

Она передала Айвену сэндвич.

– Спасибо, милашка, – отрешенно пробурчал он, не отрывая глаз от планеты, наползающей на корабль.

На экране очертания планеты выглядели несколько нечетко.

– Меня зовут Квити, – напомнила девушка. – Кви-ти.

– Ясное дело, милашка.

Она сдалась. Он даже не слышал ее. Ладно, в конце концов ее не кличут «обезьянкой», как некоторых ее соотечественниц. Все дело в том, что человеческие особи снова начали заигрывать с радиацией. Людям требовалась прислуга, адаптированная к окружающей среде. За три тысячи лет, прошедшие с начала колонизации планет, генная инженерия и жестокий естественный отбор постарались на славу. Между тем изменения коснулись только внешности, которая и впрямь напоминала обезьяню, но во всем остальном Квити ничем не отличалась от людей. Во всяком случае, в умственном отношении совершенно точно. Кроме того, ее вид легко мог скрещиваться с человеческими особями, а это свидетельствовало о наличии близкого родства. Никто, взглянув на Квити, не взял бы на себя смелость утверждать, что она не отвечает «стандартному» земному варианту. Последнее, к несчастью, и являлось источником ее бед: земные мужчины видели в Квити достойный объект для своих сексуальных устремлений.

Квити угрюмо смотрела на планету Формут. В этой примитивной системе Формут больше всего напоминал Землю. Единственное, различие в том, что это самая близкая обитаемая планета к соседней системе, в которую входила и колония на Вифезде – колония, которую Флот надеялся вскоре вернуть. И вот на этой-то планетке и находились две халианские батареи, которые могли уничтожить любой корабль. И именно поэтому Флот вознамерился провести здесь диверсионный бросок, так сказать, обманный жест, который отвлек бы халиан от основного удара. Но экспедиция оказалась бы бесполезной, если бы батареи уничтожили приманку в самом начале.

Следовательно, их нужно опередить. Это невозможно сделать из космоса, не нанеся планете непоправимого ущерба, да и аборигены не держали зла на людей. Но можно было взяться за дело с другой стороны – смести батареи ошеломляющей атакой, высадившись на планету. Это и являлось настоящим заданием: два корабля с экипажем из пяти человек должны незаметно просочиться на планету и разрушить батареи. Затем победно отрапортовать и умыть руки. Флот заберет их в недельный срок. За это время они еще не успеют одичать.

Казалось, все так просто. Да, в сущности, так и было бы, если б с самого начала операция пошла как надо. На каждом корабле имелось несколько манипуляторов и плазменная пушка. В техническом отношении Формут – абсолютно девственная планета: там нет никаких заправочных или оружейных баз, и это значительно облегчает дело – враг не может захватить оружие и использовать его против группки дерзких наглецов. Заряд пушки рассчитан на три выстрела, и если этого окажется недостаточно, дело швах.

Заряженная пушка весила двадцать пять килограммов. Вот почему разделились на две команды по два человека: одна будет удерживать ствол чуть больше метра, а другая без задержки оттягивать пушку назад. Неизвестно, будет ли за ними погоня, поскольку никто не знал наверняка, что тут у халиан – полный гарнизон или просто незначительные местные формирования. При первом раскладе им могло прийти, по выражению Джорджа, совсем туго.

Их шансы выжить и благополучно вернуться на базу оценивались в семьдесят пять процентов. И это считалось еще очень хорошим прогнозом для подобной работы. Парни на корабле действовали так, как будто опасностью и вовсе не пахло, именуя операцию «прогулкой для молокососов» (не забывая при этом поглядывать на грудь Квити), но они прекрасно понимали весь риск.

Друг друга они звали только по именам, стараясь сохранить инкогнито на случай, если кто-то из них попадет в лапы халиан и подвергнется допросу с пристрастием. При всей своей кажущейся грубости это были, в сущности, неплохие парни.

Две команды по два человека. Но тогда зачем им она? Охранять корабль. Если угроза захвата корабля неприятелем станет реальной, ее долг нажать кнопку самоуничтожения. Что, конечно, посадит на мель парней, и, самое ужасное, саму Квити разнесет на кусочки – но зато корабль не попадет в руки врага. Нажмет ли она на кнопку? Да, ведь этому ее и обучали. Впрочем, маловероятно, что парни захватили бы ее с собой, знай они побольше об обязанностях Квити.

Но в любом случае они не позволили бы ей участвовать в самой операции, несмотря на все ее способности. В их глазах она была просто женщиной. Женщиной, существующей, главным образом, для развлечения мужчин. Оба экипажа учредили приз для того, кто первым, как они выражались, уложит ее.

Каждый день они откладывали по кредитке на «приз милочке». И чем дольше это тянулось, тем больше в конце концов получил бы победитель. Разумеется, существовали определенные правила: нельзя было использовать силу и не допускались ложные обещания. Десять мужчин и одна женщина: они не сомневались, что конец этой истории предопределен и остальное только вопрос времени. Для этих парней все было совершенно естественно.

Все они восхищались ее телом и твердили об этом, пожалуй, слишком часто. И нисколько не сомневались, что и она восхищается ими! В конце концов все мужики одинаковы.

Вот почему на военной службе так мало женщин-волонтеров. Да и те, что встречались, выполняли чисто декоративные функции. Квити надеялась, что ей удастся нарушить эту традицию и проявить себя во всем блеске, а значит, и быстро продвинуться по службе, но шанса ей давать никто не собирался. Ни малейшего. Вот уж поистине, нежная, как женщина!

Корабли приблизились к поверхности планеты и заскользили к своей цели. Внизу лишь мелькали горы и леса, и никаких признаков цивилизации. Две халианские батареи находились на расстоянии сто пятьдесят километров. Корабли должны нанести удар одновременно. В идеале.

Они летели на высоте в пятнадцать километров. Предел, на который мог отважиться самый безрассудный разведчик. Не хотелось поднимать тревогу раньше времени. Все указывало на то, что передовые дозоры халиан прочесывают местность в радиусе десяти километров. Но после того, как их засекут, все может измениться! Десантники разыскали подходящее место и приземлились. Осталось вскарабкаться на холм и определить направление на батарею. Вот и все, что, собственно, от них и требовалось.

Джек распахнул люк, воздух планеты хлынул внутрь корабля. Десантников снабдили препаратами для адаптации к местному воздуху, а рецепторы корабля провели испытания на совместимость. Это была похожая на Землю планета, немного уступающая ей в размерах, но с более плотным ядром, так что гравитация почти земная. Здесь достаточно кислорода, а от нежелательных примесей надежно защищали адаптационные препараты, так что с легкими и кровью все должно быть в порядке. Флора и фауна – почти как на Земле.

В первую группу входили Джордж и Айвен. Прицепив к поясу сумки с водой и пищей, они ухватились каждый за свой конец пушечного ствола.

– Скоро вернусь, милашка, – пообещал Джордж. – Ущипни себя за свою хорошенькую шкурку.

Квити натянуто улыбнулась.

Генри вытащил лазерный пистолет. Тщательно проверил, затем повернул ствол в сторону четвертого парня.

– Брось оружие. Медленно, без резких движений.

Джек пораженно уставился на него:

– Что?

– Я халианский агент, – зловеще продолжал Генри. – Вы все трое мои пленники. Ваша миссия окончена.

Джек весело улыбнулся.

– Ну и шутник! Халиане не берут в плен. Пошли, нам следует поторопиться, а то эти слабаки без нас выдохнутся в два счета.

– Предупреждаю еще раз, – проговорил Генри. – Я не хочу убивать. Я не халианин, я только работаю на них. Бросайте оружие.

– Похоже, он не шутит, – медленно сказал Джордж. И опустил свой пистолет.

Лазер Генри описал дугу, взяв его на прицел.

– Замри.

Рука Джека метнулась к поясу за пистолетом. Генри среагировал мгновенно. Лазерный луч чиркнул по горлу Джека, вскрывая его как ножом. Кровь хлынула ручьем. Джек как-то замедленно начал падать, его широко открытые глаза выражали даже не боль, а безмерное удивление.

Двое других бросили плазмомет и потянулись за оружием. Генри чиркнул по недавним товарищам. Они рухнули, истекая кровью, так и не осознав, что же произошло.

Генри повернулся к Квити. Как полная идиотка она застыла столбом, ошеломленная внезапностью происходящего. Абсолютной невозможностью происходящего.

– Брось оружие, – приказал Генри.

Он держал ее под прицелом. Медленно, как во сне, она отстегнула бластер и отшвырнула в сторону.

– Выходи из корабля.

Тщательно обходя тела, стараясь не наступить в ярко-алые лужи, она приблизилась к открытому люку. Почему?! Почему она не выстрелила, пока он расправлялся с остальными?

Планета встретила ее жизнерадостным сиянием зелени. Это было царство джунглей, напоминавших джунгли Халии. Корабль стоял на поляне неподалеку от горной гряды, за которой скрывалась база. Очень комфортабельное и безопасное местечко.

Может, рвануть в заросли? Это так просто. Но за спиной она уже слышала дыхание Генри.

– Не делай резких движений, милашка. Мне особенно не хотелось бы убивать именно тебя.

После того, что случилось, Квити несколько не сомневалась, что он расправится и с ней. И ее не спасут ни знания, ни навыки. Квити замерла, отвернувшись от Генри.

Она осознавала, что мгновение назад у нее еще был шанс, но она замешкалась, поддавшись панике. Растяпа!

Квити спрятала лицо в ладонях и всхлипнула. Пальцы скользнули по мягким волосам, собранным сзади в пучок.

Генри обошел вокруг, встал лицом к лицу, по-прежнему держа ее на мушке.

– Нежная, как женщина, – пробормотал он пренебрежительно, эхом повторяя слова Айвена.

Он медленно приблизился. Квити старалась не дышать.

– Ты ведь знакома с процедурой, крошка?

Она медленно подняла голову, ее пальцы заскользили по подбородку, по мокрым от слез щекам. Она взглянула на него, его пальцы коснулись ее губ.

– Не пытайся разжалобить меня, дорогуша, – предупредил он. – Раздевайся. И благодари Бога, что станешь всего лишь рабыней, а не жертвой. После того, как я вернусь на корабль, мне будет уже не до тебя, крошка. Так что это произойдет здесь и сейчас.

Она понимала, что в его словах есть определенный смысл. Халианам нужны не пленные, а рабы. Но сначала эти твари подвергнут ее допросу, не отягощая себя заботами о ее теле и душе, а потом... потом превратят в рабыню. Если только решат, что от нее будет хоть какая-то польза. Ее способность к самогипнозу могла притупить боль, но против такого ужаса она бессильна. Квити знала и раньше: от халиан не стоит ждать пощады. Недаром люди дали им имя древней индуистской богини Кали, порождения мрака и зла. А теперь Квити узнала, что следует ждать от людей. Людей-оборотней. Чья похоть лишь усиливается, когда рядом витает смерть. Открытое сопротивление бесполезно. Своим лазером он в два счета перережет ей руки и ноги, а потом воспользуется ее телом. И в полной мере одарит страданием. Она слышала, что некоторым мужчинам нравится в момент высшего наслаждения любоваться агонией своей жертвы.

Она скинула форму, сложила у ног аккуратной стопкой. Стараясь не слишком затягивать время, понимая, что промедление все равно ничего не изменит. Генри явно упивался этим стриптиз-шоу. Заметив его интерес, она задвигалась более энергично, чем требовала процедура освобождения от одежды, демонстрируя гибкую дрожащую плоть. Ей хотелось, чтобы он смотрел только на тело, не обращая внимания на лицо. Она стиснула зубы. И вскоре уже стояла совершенно обнаженная, лишь в грубых армейских носках. Генри довольно кивнул.

– Я всегда полагал, милашка, что твое тело шикарно, – проговорил он. – Сейчас я в этом убедился. По мне, так ты вовсе не «обезьяна».

Она не ответила. Лишь сильнее стиснула зубы в ожидании новых приказов.

– Мы весьма понятливы, не так ли? – процедил он. – Но я не такой дурак, чтобы кое-что упустить. Принеси-ка страховочную веревку.

В одних носках она двинулась к кораблю. Внутри сильно пахло кровью. Она старалась не смотреть на мертвые тела. Самовнушение позволило сохранить ясность сознания. Квити осторожно перешагивала через трупы, шаг за шагом приближаясь к отсеку-кладовке. Генри стоял у люка и держал ее под прицелом. Квити старалась не сделать ни одного фальшивого движения, помня, как точно он целится и какая у него скорость реакции.

Вытащив веревку, она двинулась назад. Пятна крови все же испачкали носки. Но сейчас все это не имеет значения. Сейчас главное – ее собственная кровь. Ее собственная жизнь. Квити не произнесла ни слова.

На поляне Генри заставил ее подойти к рощице молодых деревьев. Здесь по его приказу она свила несколько веревочных петель и обхватила ими свои лодыжки и запястья, а затем он вынудил ее лечь на землю, обмотал концы веревок вокруг стволов, и натянул. Только после этого он отбросил лазер и начал сдирать с себя одежду.

Квити была распята на земле, она не могла пошевелить ни рукой ни ногой. Она все еще стискивала зубы. Тот всплеск горя, который она позволила себе у люка корабля, был единственным проявлением эмоций.

– Ты ведь понимаешь, что это ничего не значит, – Генри опустил позади нее на колени, обхватил руками ее тело. – Я никогда не ждал, что ты откликнешься на мое желание. Мне нужно твое тело, всего один раз. Ты можешь нежничать или проклинать меня, можешь даже изображать зомби. Мне плевать. Ты моя! Моя! И мне плевать, что ты думаешь!

Он стиснул ее правую грудь, потом левую.

– Нежная, как женщина, – повторил он снова, пытаясь вызвать у нее реакцию. Бесплезно.

С помощью невидимых ей манипуляций он привел себя в состояние возбуждения. Обошел вокруг. Опустился на колени, навалился всем телом. Он заерзал, готовясь приступить к главному. Целовать ее он не пытался, очевидно, опасаясь удара головой. Он отвернул лицо в сторону и часто задышал. Когда возбуждение достигло предела, на шее вспухли вены.

Внезапно голова Квити дернулась вверх. Булавка, которую она сжимала между зубами, впилась в вену.

Он отшатнулся в изумлении – и второй удар булавки пришелся в правый глаз.

Завизжав от боли, он откатился в сторону, прижав руки к лицу. Разгоряченная кровь стремительно несла к сердцу крохотные капли яда. Все это время Квити сжимала зубами отравленную булавку и терпеливо выжидала.

Через тридцать секунд сердце Генри остановилось. Тело еще некоторое время конвульсивно вздрагивало, словно пытаясь оживить себя, а потом затихло.

Квити повернула голову и выплюнула заколку. Оружие еще таило в себе смерть. Смерть, в любую минуту готовую принять в свои объятия саму Квити: достаточно маленькой царапины и все кончено. Для нее. А теперь все кончено для оборотня. Для Генри.

А она жива. И невредима. Лишь тело помнит прикосновения Генри, содрогаясь теперь от омерзения и ненависти. Квити вытерпела бы все, до самого конца, если бы это потребовалось ради того, чтобы свести счеты с этим ублюдком. Но к счастью, все обошлось. Не будучи особо шепетильной на этот счет, она, как ни странно, предпочитала любовь на добровольной основе. Когда-нибудь она встретит своего мужчину и покажет ему, что такое настоящая любовь и настоящее удовольствие. Горячие слезы медленно стекали по щекам. Квити постаралась взять себя в руки.

Оставалась еще одна проблема. Квити намертво связана, распята, не в силах выпутаться из тугих веревок. Она собственноручно завязала веревку, стараясь изо всех сил, подгоняемая страхом. У нее не было выхода – одно неверное движение, и Генри заподозрил бы неладное. Одна пощечина за нерадивость, и для нее все было бы кончено.

И все-таки кое о чем Генри не подумал. Квити принадлежала к той разновидности гуманоидов, которая возродила ловкость и цепкость своих ног. Ее родная планета была очень сурова, растительный мир на ней развивался в условиях жесткой конкуренции, и люди были вынуждены вертеться на деревьях.

Чудеса генетики восстановили то, что утеряли другие гуманоиды: способность использовать свои ноги так же ловко и умело, как руки. Отсюда и презрительное прозвище «обезьяна». Ее сородичи отличались гибкостью поскольку избыточный вес был совсем ни к чему при лазаний по де-

ревьям. Она действительно умела по-обезьяньи карабкаться по деревьям, висеть на одной руке или ноге.

Квити, утомленная повышенным сексуальным вниманием к своей особе, не считала нужным усугублять положение, выставляя напоказ свои ноги. Поэтому она носила специальные ботинки, стягивая ноги эластичными чулками, стараясь приблизить их к человеческим стандартам, создать видимость нормальности. Она осталась в носках, не желая раскрывать свою тайну и одновременно чувствуя, что подобная «полураздетость» еще больше возбуждает Генри, отвлекает его внимание.

Ноги ее сильно отличались от человеческих. Длинные, гибкие пальцы были способны выполнять самые сложные операции. Выгнув большие пальцы, Квити стянула носки. Потом зацепила петли, потянула, ослабляя. То, что никогда в жизни не удалось бы обычному человеку, она проделала с завидной легкостью – развязала ноги собственными же ногами. Квити могла бы сделать это и раньше, но ей опять-таки не хотелось преждевременно демонстрировать свое искусство. Ублюдок-оборотень должен был удостовериться в ее полной беспомощности. Освободив ноги, Квити изогнулась всем телом, ослабляя путы, потом развязала руки. Опять же ногами. Гибкость была ей дарована от рождения.

Квити быстро оделась. На носки и башмаки она не обратила внимания. Маскарад окончен. Как прекрасно почувствовать себя снова свободной и естественной!

Пора за работу. Она нырнула в люк корабля. Взглянула на двадцатипятикилограммовый плазмомет. Задумчиво вытерла кровь. Внезапно она вспомнила о ремненной упряжи, предназначавшейся для транспортировки оружия в одиночку. Квити подошла к отсеку со снаряжением и разыскала ремни.

Она закрепила плазмомет в упряжи, с усилием закинула за спину. Покачнулась, но на ногах устояла. Да, с такой штукой не побегаешь, но таковы условия игры, и не в ее власти изменить что-либо.

Из плазмомета стреляют прямой наводкой. Квити находилась достаточно близко от батареи, все что от нее требовалось – это подняться в горы. И она сделает это, втащит эту тяжесть наверх. И в этом ей помогут обезьяньи руки и ноги. Мужчины ни разу не дали ей шанса показать себя. Жаль, что они теперь не видят ее.

Она с горечью взглянула на мертвые тела десантников. В горле стоял ком. В сущности, эти парни при всем своем бессознательном снобизме были добрыми и честными. И не заслужили подобной смерти. Ни с кем из них Квити не была особенно близка. И вовсе не из-за секса. Просто она предпочитала не мешать личную жизнь со службой. Вот после того, как она покажет себя в настоящем деле и откроет в банке собственный счет, можно будет подумать и о романе. Она могла бы согласиться на предложение стать секретаршей или пойти в службу поддержки, как поступают многие женщины, но она выбрала передовую, отчасти из-за своего неумного желания доказать что-то самой себе и всей своей планете. И теперь у нее появился шанс выполнить свой долг. Печально, что этот шанс представился ей при столь чудовищных обстоятельствах.

Вскоре она взмокла, стало трудно дышать. Прохладный воздух бодрил, но подъем в гору с такой ношей на спине не располагал к восторгам по поводу местных красот. Это проклятое бревно весило больше половины ее собственного веса!

Упорно продвигаясь вперед, она вскоре достигла голых скал, закрывавших панораму. Обойдя их, Квити заглянула вниз. Батарея! Ошибки быть не могло, внизу стояла огромная лазерная пушка, которая могла разделаться с любым кораблем, посмевающим приблизиться. Флот никогда не сможет проскочить мимо этого монстра!

Квити опустила орудие на землю. Освободила от ремней, установила напротив скальной расщелины, тщательно закрепила. Приставив глаз к окуляру, Квити навела орудие на цель, установила прицел так, чтобы вражеская пушка оказалась в центре оптического перекрестия. Этого было достаточно – отдачи как таковой у орудия не было, только мгновенная вспышка света да разрывающая воздух плазменная струя.

Она выстрелила. Раздался грохот – перегревшиеся массы воздуха перешли звуковой барьер.

Пушка халиан рассыпалась, и вместо нее возник огромный огненный шар.

Квити улыбнулась. Дело сделано!

Она вновь накинула на орудие упряжь, но потом заколебалась – ствол был слишком горячим. Может, и не следует тащить пушку обратно на корабль. Ведь она предназначалась всего лишь для одной цели, а теперь эта цель повержена. Лучше как можно быстрее вернуться к кораблю. Никто

не знает, насколько прочно здесь обосновались халиане – если тут полноценное воинское соединение, то, значит, имеются и вспомогательные силы, патрулирующие этот район. И вскоре они бросятся искать, откуда произвели выстрел. Даже если твари разберутся в орудии, стрелять из него будет не в кого.

Когда раздался взрыв, Квити заторопилась прочь. Что за благословенный грохот! Это вам за все наши потери, отозвавшиеся эхом еще больших жертв.

Назад она бежала куда быстрее. Чудовищное бремя уже не придавливало ее к земле. Ноги так и мелькали. Добежав до леска, Квити вскарабкалась на ближайшее дерево и запрыгала по ветвям. Насколько же это быстрее, чем ходить по земле!

Приблизившись к кораблю, Квити заколебалась. Голое тело Генри, его раскрытый в гримасе смертельной агонии рот напомнили ей о происшедшей бойне. Но она должна была войти туда хотя бы для того, чтобы установить связь с другим кораблем. Предполагалось, что по завершении операции оба корабля должны скоординировать свои действия и выработать план, для того чтобы избежать захвата в ближайшие недели. Лишние хлопоты никому не нужны. Радиосообщения кодировались – если бы враг расшифровал код, то десантникам пришлось бы туго. Но, конечно, если бы халианам удалось разгадать код, экспедиция никогда бы не рискнула опуститься на поверхность планеты. Радиопередатчик стал бы для Халии самым лучшим подарком!

Сжав зубы, Квити нырнула в люк корабля. С минуту постояла над телами, потом пробралась к радиорубке. Включила рацию и составила свое сообщение: «МИССИЯ ЗАВЕРШЕНА. ПОТЕРЯЛИ ЧЕТЫРЕХ ЧЕЛОВЕК. МОЙ СТАТУС КВИТИ». Затем коснулась ключа передачи, и радио выстрелило в космос сжатым куском закодированной информации, которую мог перехватить лишь специально ожидавший это сообщение приемник, а расшифровать могли только в штабе Флота. Шансы на то, что противник и не вспомнит о радиоперехвате, были не так уж и малы.

Почти мгновенно станция выдала ответ: «МИССИЯ ЗАВЕРШЕНА. ПОТЕРЬ НЕТ. СЛУЖИМ АЛЬЯНСУ. ДОБРОЙ СЛУЖБЫ, КВИТИ. ЛАВЕР».

Она с облегчением опустила в кресло. Квити опасалась, что нечто подобное могло произойти и с другой командой. Вскоре они прибудут сюда для прояснения неразберихи и для составления доклада, и она сможет вернуться к привычному имиджу простушки, и впредь игнорируя «милашку». Теперь она смогла ослабить гипнотическую блокировку, позволявшую ей находиться в здравом рассудке и уверенно действовать во время кризиса.

«Милашка». Что-то беспокоило ее в связи с этим словом. Конечно, она негодовала на обидное прозвище, но не в этом суть. Здесь было что-то еще.

Ей хотелось убраться из корабля, подальше от ужаса, но она постаралась взять себя в руки. Что же именно не давало ей покоя? Ее интуиция, эта глупая женская прихоть, пыталась найти ответ. Квити доверяла своему подсознанию.

Что-то странное было в этом сообщении. Она снова включила радио. «Повторить сообщение».

Компьютер выполнил приказ. «Доброй службы, Квити». И, конечно, имя руководителя миссии, Лавер. Первый раз в жизни он похвалил ее, а ведь раньше был ничем не лучше других, охотно подхватывал шутки своих подчиненных. Но она ведь и впрямь справилась хорошо, довела до конца задание, которое не смогли выполнить мужчины. Так что комплимент вполне уместен.

Так что же?

Она прослушала сообщение еще раз. И вдруг поняла.

Обращение! Лавер никогда не называл ее по имени! Даже если бы захотел, он не смог бы пересилить себя. И никто из них не смог бы. Для них она всего лишь «милашка» и ничего больше. Ну разве что, еще «крошка» или «обезьянка». С бессознательными поступками трудно бороться.

Лавер не посылал это сообщение!

Квити почувствовала, что ее пробирает дрожь. Возбуждение нарастало. Она впрыгнула в пищевой отсек и сгребла несколько плиток галет. Жадно проглотила коктейль. Затем взяла рюкзак, сгребла туда галеты, сунула фляжку с водой и забросила за спину.

Почти не касаясь пола – одно неловкое движение и ее ноги испачкались бы в крови, – она добралась до люка. Потом пересекла прогалину, на бегу поддерживая рюкзак. И нырнула в зеленые заросли.

Перепрыгивая с дерева на дерево, Квити устремилась к вершине горы, чутко прислушиваясь, не приближается ли корабль-разведчик. Нужно успеть уничтожить его на подлете. Они ведь уве-

рены, что она торчит в своем корабле, довольная и расслабленная.

До уступа, в котором она оставила плазмомет, Квити добралась вдвое быстрее, чем в прошлый раз. Орудие, никто не трогал. Квити посмотрела в окуляр, по-прежнему наведенный на батарею. Тихо. Похоже, халиане держали минимальный штат без каких-либо резервов на непредвиденный случай. Тем лучше.

Она затянула ремни на стволе – он уже успел остыть. Вскинула на плечи и повернула назад, к кораблю. На этот раз она решила изменить маршрут. По дороге вверх Квити заметила невысокую скалу – идеальное место для засады. Сам корабль отсюда не виден – они, разумеется, посадили его на крошечной полянке, закрытой со всех сторон густыми зарослями.

Квити лихорадочно установила орудие, проверила готовность. Все в порядке. Она замерла в ожидании.

Через пятнадцать минут появился тот, другой – он летел низко и как-то неуклюже. Вражеский корабль сел чуть в стороне.

Когда он замер в неподвижности, она чуть повернула ствол и коснулась пусковой кнопки. В одно мгновение корабль превратился в огромный пылающий шар. Оглушительный грохот расколол идиллическую тишину. Квити потрясла головой, приходя в себя. Цель оказалась слишком близка для столь мощного оружия!

Сейчас, задним числом, Квити засомневалась. А вдруг она ошиблась, и это все же был Лавер. А она собственноручно расправилась с остатками своей экспедиции?

Лихорадочно засуетившись, опять бросила оружие, а вместе с ним и пакет с припасами. Усталость давала о себе знать. Хорошо, что путь уже известен до мельчайших подробностей. Квити показалось, что она преодолела расстояние до взорванного корабля за считанные секунды.

Первое, что она увидела, – это часть тела некоего существа, смахивавшего на хорька-переростка, по-видимому, выкинутого взрывом из другого корабля.

Она не ошиблась. Это был халианин!

Очевидно, и на втором корабле агент неприятеля. И он не только провалил операцию, войдя в контакт с Халией, но и преподнес халианам на блюдечке корабль вместе с его бесценным передатчиком. Вот почему они смогли ответить на ее закодированное послание. Даже если бы ей удалось избавиться от приставаний Генри, сейчас бы ее ждал плен или смерть. Но она, Квити, не только достойно выпуталась из этого лихо закрученного сюжета, но и показала «свое» превосходство!

Единственная оставшаяся в живых из всей экспедиции! Что ж, теперь ей придется в одиночку поднять корабль и попытаться выполнить задачу другого корабля. Обезвредить вторую неприятельскую батарею.

Пусть так, Квити была квалифицированным пилотом и приблизительно знала координаты батареи. Она могла сделать это.

Могла ли? Сейчас их врасплох не застать. Гибель первой батареи, наверняка, поставила на уши остальных халиан. Любой корабль, который попытается сейчас приблизиться к уцелевшей батарее, будет мгновенно уничтожен.

Квити проанализировала ситуацию. Затем спустилась к своему кораблю, пробралась в кабину пилота и запустила двигатели. Задала координаты. Включила пилот, выставив на приборах двухминутное запаздывание. Затем лихорадочно выпрыгнула из корабля и изо всех сил помчалась к горе.

Через две минуты корабль оторвался от земли. На какое-то мгновение завис в воздухе. Затем поднялся на предельно низкую высоту, развернулся и полетел прямо к батарее.

Квити вскарабкалась на холм. В этот момент раздался грохот. Вне сомнения, батарея взорвала ее корабль. Квити перевела дух.

По счастью, халиане могли предположить, что на этом все кончится. Наверняка, эти умники считают, что она заманила их в ловушку, разрушила корабль, а затем бросилась завершать дело на своем собственном. Ведь, в сущности, так она и собиралась сделать. Они могли послать команду прочесать заросли на поляне, но преследовать ее никто не станет, поскольку для всех она мертва. Так, во всяком случае, Квити надеялась.

Сейчас она оказалась совершенно одна, без корабля, брошенная на произвол судьбы на чужой планете. Что дальше?

Ответ она знала. Нужно завершить операцию. Она должна уничтожить другую батарею до

того, как Флот проследует через этот район. В плазмомете оставался последний заряд.

Ответ ответом, но существовала маленькая трудность. Батарея находилась в ста пятидесяти километрах. И ей придется тащиться туда пешком.

Всю ночь до рассвета она спала, поскольку хорошо помнила, что лучше не тратить попусту силы, двигаясь вслепую. А затем закинула ношу на плечи и двинулась вперед. Она добралась до низины и вошла в заросли. Квити с трудом пробиралась сквозь буйную растительность, тугие переплетения колючек и заросли юкки. Она даже вынуждена была надеть туфли, чтобы предохранить ноги, но затем ей стало еще хуже, и она поняла, что не сможет продвигаться в этой путанице так быстро, как необходимо. В ее распоряжении было не больше недели на то, чтобы добраться до батареи и уничтожить ее последним плазменным зарядом. Это означало, что она должна проходить, по крайней мере, двадцать километров в день. На плоской равнине, с легким рюкзаком за спиной – это и то было бы крупным марш-броском. Здесь же, в этом диком лесу, сгибаясь под огромной тяжестью, – это была работенка не из легких. Пробраться сквозь эти спутанные, цепляющиеся, раздирающие на части джунгли было практически невозможно. Квити здоровая и сильная, но все же до супермена ей далеко.

Вдруг раздался гул. Самолет! Квити нырнула под нависающий зеленый полог. Вот и еще одна проблема: чем ближе она будет подходить к батарее, тем осторожнее следует себя вести. Вражеская охрана сейчас не дремлет. Квити остановилась, тяжело дыша. Нужно придумать что-то по лучше! Чтобы поддерживать силы, она должна много есть, но ее запасы слишком ограничены. Прежде чем избавляться от корабля, ей следовало бы вытащить весь сухой паек. Сколько же она наделала ошибок! Что же, придется теперь перейти на подножный корм – но ее ни о чем таком не инструктировали, поскольку подобный демарш не входил в планы командования.

Да и вообще все они там, наверху, обленились, протирая свои жирные задницы отнюдь не в полевых условиях! Непредвиденные положения и опасные ситуации возможны всегда; им бы следовало проинструктировать ее на предмет любой случайности. Вот если бы она отвечала за успех...

Квити пожалала плечами. Что толку в подобных упреках? Эти шовинисты никогда бы не позволили женщине отвечать даже за самую малость. Но сейчас она здесь одна, и ей нужно сделать свое дело. Но как?!

Если она не успеет добраться до батареи, то как она сможет уничтожить врага? Квити замерла. Да ведь все, что нужно сделать – это установить прицел. То есть, либо подойти как можно ближе, либо найти удобную гору!

Вся беда в том, что гор здесь хватало. Квити могла бы вскарабкаться на самую высокую так, чтобы обозреть сверху более низкие вершины. Она накрыла первую батарею с самого низкого выступа горы, но наиболее удаленный край подходил гораздо лучше. Ее страшила необходимость тащить эту тяжесть вверх по крутому откосу. Добавочный вес ее собственного снаряжения еще ухудшал дело.

Но если расстояние по вертикали оказалось бы небольшим, то она смогла бы по пути создавать хранилища для припасов. А если поблизости есть родник или река, она сделает привал и попьет воды. И если здесь водятся съедобные фрукты или животные, то вообще не нужно тащить сухой паек. Добывать пропитание гораздо легче, чем тащить на себе. Хорошо бы протоптать временные тропки или по крайней мере запомнить дорогу так, чтобы не сунуться сослепу в какую-нибудь дыру.

Конечно, прибавится уйма работы, но, все-таки, это куда реальнее, чем топтать сто пятьдесят километров. Квити почувствовала себя лучше. Сейчас можно осмотреться вокруг и немного подкрепиться.

После полудня Квити нашла свою гору. Она была не самой высокой, но все-таки выше большинства окрестных гор, и там был вполне удобный выступ с нужной стороны. Значит, нужно еще преодолеть заросли ежевики и путаницу лиан. Около базы наверняка есть родник, Квити вычислила его по едва заметной тропинке, протоптанной животными. Следовательно, вода пригодна для питья, кроме того, родником пользуются отнюдь не цивилизованные создания (она предположила, что халиане и их наемники достаточно цивилизованны). Вблизи росло дерево с незнакомыми плодами, наличие множества кожуры и семян, разбросанных вокруг, говорило о том, что плоды популярны среди животных, а значит, съедобны и не должны быть чересчур ядовитыми. Конечно, на чужой планете нельзя ничего определенно утверждать, но счет был в ее пользу. В лю-

бом случае предприятие рискованное, но попробовать стоит. Плод был сочный и спелый, Квити с удовольствием съела его, сохранив сухарь про запас, прямо как заправский путешественник.

На следующий день она подтащила плазмомет к своей базе у подножия горы, но не слишком близко к источнику. После всего случившегося она вовсе не горела желанием оповещать всех о своем присутствии. Затем вернулась к месту посадки корабля, потому что ей понадобилась веревка, которую Генри использовал для того, чтобы связать ее. Ведь она должна взгромоздить оружие на вершину горы. Кроме того, ей казалось, что чем меньше останется доказательств того, что случилось внизу, тем лучше.

Она сомневалась, что ей придется когда-либо снова воспользоваться булавкой, но ведь на свете есть и другие представительницы ее пола!

Ощутив знакомый запах, она поняла, что приближается к месту, где стоял корабль. Веревка валялась, как и прежде, рядом с телом Генри. Неподалеку распластался мертвый халианин. На них уже всюду паслись мушки, похожие на насекомых ее родной планеты – обыкновенные повсеместно обитающие мушки, ничем не примечательные маленькие крылатые хищники. Подобрав веревку, Квити распутала ее, потом, обмотав руки, решила взглянуть на врага поближе. Однажды она видела чучело халианина на тренировке, но это был первый настоящий, с которым она столкнулась. Она удивилась, обнаружив, что он отнюдь не монстр, а выглядит, скорее, как вполне безобидный домашний зверек. Здесь валялась только задняя часть, голова и передние конечности оторвало при взрыве. Это было мохнатое существо с короткими ногами, ужасно похожее на крупного грызуна. Вокруг лодыжки обвивался металлический браслет.

Знак отличия? Или украшение? Могло ли это существо быть женского пола? Нежное, как женщина? Эта мысль внесла смятение в ее душу, и Квити повернула прочь. Она не испытывала угрызений совести из-за Генри, безжалостно убившего парней и пытавшегося изнасиловать ее, но то, что чужак мог оказаться женщиной, не давало ей покоя.

Какое-то время она раздумывала, что лучше: похоронить только человеческие тела, или всех. Трупы были единственным доказательством того, что она выжила. И это доказательство следовало уничтожить, если она хотела увеличить свои шансы. Но Квити все никак не решалась. Она отошла подальше, с наслаждением вдыхая свежий воздух. Нет, хватит тянуть, надо покончить с этим как можно быстрее.

Вдруг послышался какой-то шум. Нырнув в заросли, Квити замерла.

Это была группа каких-то созданий, и по-видимому, разумных. Сюда направлялся враг!

Квити вытащила лазерный пистолет. Если они ее обнаружат, придется стрелять.

Они прошли мимо, не заметив затаившуюся в кустах Квити. На коротких задних лапах неловко ковылял халианин, рядом с ним трусила парочка аборигенов – человекоподобные двуногие гуманоиды, покрытые перьями. Халианин в качестве одежды довольствовался своим мехом, но на аборигенах было что-то типа униформы. Оружие имелось только у халианина – это уравнивало силы.

Какое-то мгновение Квити боролась с искушением продырявить халианина лазером. Что может быть легче, чем прицельный выстрел из засады. Но она сдержалась, отчасти из-за неприязни к столь неспортивному бою, а отчасти из-за того, что решила не делать ничего, что могло бы выдать ее присутствие. Она убила бы только, если бы ее вынудили сделать это.

Компания вышла на поляну. Слышно было, как аборигены щебечут между собой. Очевидно, они нашли то, что искали – следы схватки. Похоже, это просто исследовательская партия.

Квити воспользовалась их замешательством и убралась подальше. Встреча успокоила ее. Судя по всему, врагу даже не приходило на ум, что кто-то из людей мог выжить. Ее уловка с кораблем-разведчиком удалась как нельзя лучше.

Она вернулась в свой лагерь у подножия горы. Съела еще несколько фруктов и принялась устраиваться на ночевку. Спать Квити, разумеется, собиралась на дереве. Во время своего похода она неукоснительно соблюдала главное правило – ночью ее ноги должны чувствовать себя максимально комфортно.

На следующий день она пустилась в путь. Квити карабкалась по краю утеса, захватив свои припасы и веревку. Хватаясь всеми четырьмя конечностями за скальные выступы, она перебиралась через трещины, пользуясь упавшими стволами как естественными мостиками. И не просто карабкалась. Она выискивала наилучшее место для следующего шага. Когда она сомневалась в правильности выбранного пути, то сползала вниз и пыталась найти другой. То, что было совер-

шенно необязательно, будь она без тяжелой ноши, сейчас играло решающую роль. Квити отдала бы все на свете за баллончик с инсектицидом – ее преследовала туча мошкары.

Обнаружив удобное место для стоянки, она тщательно запоминала ориентиры. Затем сбросила рюкзак с припасами и спустилась вниз. С пистолетом Квити не расставалась ни на секунду.

Хватит с нее дамской беззащитности.

Внизу, у подножия, она наспех подкрепилась плодами, жадно напилась воды и свернулась клубочком на дереве. Надо беречь силы для следующего дня.

Так прошли три дня, и она надеялась завершить экспедицию за три последующих плюс еще день про запас» Всегда лучше иметь резерв на случай всякого рода неожиданностей. Утром она зачихала плазмомет в упряжь и, осмотревшись, начала восхождение.

План был хорош. Начало тоже. Затем разошедшееся солнце и напряжение одолели, лишая сил. Квити истекала потом, жажда с каждым шагом становилась все нестерпимее, но воды не было – один источник остался внизу, а другой находился возле верхнего лагеря. Все, что она могла себе позволить, это недолгий отдых, несколько минут полной неподвижности и снова в путь.

Ствол весил немало и сам по себе. Но по мере продвижения вперед он наливался все большей тяжестью. Квити уже почти шаталась, с трудом удерживая равновесие, каждую секунду рискуя рухнуть вниз и похоронить такой чудесный план. Влажные от пота руки и ноги скользили, мышцы не выдерживали напряжения. Она ощущала себя муравьем, который пытается взгромоздить космический корабль на вертикальный утес.

А затем разразилась буря. Сначала это было облегчением – сверху хлынули потоки холодного воздуха. Но с каждой минутой ветер усиливался, словно задался целью сорвать Квити со склона и сбросить вниз. Потом небеса разверзлись, и тугие струи дождя забарабанили по скале. Мгновенно весь утес стал совсем скользким. Но Квити ползла вверх, прекрасно понимая, что у нее нет выбора.

Она добралась до своего лагеря гораздо позже, чем рассчитывала. Почти стемнело, и усталость пересилила голод. Заставив себя немного поесть, Квити забылась тяжелым сном. Проснувшись через час, она снова подкрепилась. Необходимо восстановить силы для завтрашнего дня.

Перед тем, как заснуть, Квити приняла решение. Завтра она должна отыскать последнюю стоянку. А значит, можно оставить сумку здесь, поскольку ей незачем тревожиться о еде после того, как она сделает свой последний выстрел. Тащить с собой пищу – слишком большая роскошь. Налегке она сможет двигаться быстрее, и это сэкономит силы.

Встав на рассвете и быстро перекусив, она заставила свое разбитое тело начать подъем по склону. Ее мужество угасало по мере того, как она все больше и больше вязла в этом деле. Прослеживалась явная тенденция к ухудшению – ни с того ни с сего на Квити вдруг свалилась глазная чесотка. Потом напал насморк, лишая последних сил. Аллергия!

И, вероятно, это еще не самое худшее. Тяжелые испытания и абсолютная незащищенность от капризов погоды сделали свое дело – наступил момент, когда Квити окончательно потеряла способность адаптироваться к окружающей среде. Поначалу это отразилось на ее дыхательной системе и глазах, как наиболее уязвимых местах. Но в дальнейшем все это будет неизбежно прогрессировать, и в конце концов завершится самым плачевным образом. Ах, если бы хоть немного передохнуть и прийти в себя, но останавливаться нельзя. Ей придется пройти свой путь до конца.

Скрежеща зубами, Квити карабкалась вверх. Неумолимый подъем все длился и длился. А ведь при ней сейчас не было плазмомета! Сама мысль об этом усиливала усталость – ну почему бы не сделать его пятикилограммовым, вместо его двадцати пяти!

Она давно уже карабкалась с закрытыми глазами, открывая их лишь на мгновение, чтобы взглянуть вперед, оценить ситуацию и продолжать карабкаться вслепую. Но проделывать тоже самое с дыханием она не могла. Можно, конечно, дышать исключительно через рот – но что делать с легкими? Выбора у Квити не было. Астма казалась ей сейчас сущей ерундой. Только бы втащить этот проклятый ствол наверх! А потом она справится со своими болячками. Астма? Да это же сущее блаженство. Особенно когда валяешься в кровати, а не карабкаешься вверх с неподъемной бандурой за спиной.

Завтра по графику последний день. Сегодня она должна найти удобное место. Если она не сможет установить плазмомет завтра, остается последний, резервный день. Если и этого не хватит...

Время перевалило за полдень, но никаких признаков вершины так и не появилось. Сейчас

Квити карабкалась достаточно медленно, сберегая силы, пытаясь выбрать самый легкий маршрут. Но гора все так же молчаливо нависала над ней. Неужели она и сегодня не доберется до вершины?!

Но, может, этого и не нужно делать? Если обойти, выбраться на нужную сторону горы и подыскать место не на самой вершине, а чуть ниже... чтобы батарея оказалась на виду. Это позволило бы ей не доводить себя до полного изнеможения, пытаясь вскарабкаться выше, чем требуется. Ей бы следовало догадаться раньше. Очевидно, вместе с силами вытекли и последние мозги.

Почему же, в конце концов, она стояла столбом, как полная идиотка, когда Генри резал лазером ее парней? Ведь ей достаточно было сделать только одно движение.

Поразмыслив, она простила себя. Она реагировала, как любой человек на ее месте, ошеломленный внезапностью и ужасом происходящего. Мужчины думали, что Генри шутит. Если бы они осознали правду, то сами бы схватились за оружие, и один из них обязательно бы с ним покончил. Она была не хуже. Единственное их различие состояло в том, что парни – это цель номер один, поскольку они компетентные мужчины, а она, никому не нужная женщина. Если бы Генри ожидал от нее каких-то действий, он не медля перерезал бы ей горло. Так-то, именно презрение спасло ее – а возможно, и ее сексуальная привлекательность. Нежная, как женщина. Справедливый эпитет, надо признать.

Она нашла почти плоский выступ и обошла его кругом. Что за блаженство передвигаться по горизонтали, а не по вертикали!

Она наконец пришла. Гора здесь была меньше, так что она обошла ее гораздо быстрее, чем там, где располагалась база. Вскоре она уже рассматривала открывшуюся панораму.

Обзору мешал еще один пик. Его вершина возвышалась достаточно высоко, чтобы восхождение на него заняло у Квити последние два дня. Безнадежно.

Но ее гора не только выше, но и шире предыдущей. Может быть, она смогла бы заглянуть за нее, если пройдет чуть подальше? Квити двинулась дальше и обнаружила третью гору, перекрывавшую вторую, ее склон вырастал как раз там, где заканчивался склон второй, блокируя столь необходимый обзор. Проклятье! В остальных местах эти горки отстоят друг от друга на многие километры, и вот поди ж ты!

Но она сдержалась. Ее компас указывал, что подножие очень эффектного утеса между другими пиками находится на одной линии с батареей, и Квити возобновила восхождение. Каждые несколько футов она смагивала слезы и вновь пыталась углядеть батарею халиан. Сколько же еще осталось?

Остановившись в третий раз, она засекла блик. С дикой надеждой преодолела еще несколько метров, отчаянно кося глазами и снова оглядываясь. Есть! Глазам Квити предстали очертания ствола огромной лазерной пушки! Как мило со стороны халиан, что они держат ее в такой чистоте! Косые лучи солнечного света отражались от поверхности орудия.

Усталость отступила. Квити опустила свой лазерный пистолет, пометив лучом нужное место, и начала спускаться. Ее не прельщало тащить лишний вес завтра. Следовало закончить все до темноты, но теперь она была уверена, что у нее получится. Она уничтожит эту батарею!

Посколькузнувшись и едва удержав равновесие, Квити вдруг осознала всю трудность предстоящего этапа. Ее зрение было затуманено, а из носа с такой настойчивостью текло, что она давно уже перестала вытирать его. Ей все время приходилось помнить, где она находится, и не позволять себе расслабляться – ведь то, что она чего-то не видит, отнюдь не означает, что это что-то не способно ее убить! Ей приходилось проверять каждое свое движение, выделявая фигуры похлестче, чем на любой танцплощадке.

Она замешкалась, и темнота захватила ее до того, как она успела вернуться к плазмомету, но это уже едва ли имело значение, поскольку глаза и так почти ничего не видели. Она сбросила рюкзак, жадно глотнула воды, закусила сухарями и почти мгновенно провалилась в сон.

Рассвет застал ее врасплох. Квити израсходовала остатки своих припасов, а остальное выкинула из рюкзака. Она не вернется сюда до тех пор, пока не закончит операцию.

Последний день начался с того, что проклятое бревно весом в половину ее собственного, казалось, уже тянуло на целых два. Так с двойным грузом Квити и стартовала. Она пошатнулась, и тут же, вместе с роем мошкары, на нее налетели сомнения. Как если бы каждая крошечная мушка была ожившим вопросом: сможет ли она сделать это?

– Да, я смогу! Я сделаю! – воскликнула она, утвердительно шмыгнув носом – и из него не-

медленно закапало. Будь у нее хоть капля лишней энергии, она бы непременно рассмеялась.

Упряжь привычно натирала спину и плечи. Квити напоминала себе вьючное животное. Этому немало способствовала крутизна подъема; собственный вес и неподъемная ноша довершали дело. И еще мокрые глаза и нос. Правда, капли теперь падали прямо на землю, а не на подбородок. Квити явно делала успехи.

Но силы таяли с каждым шагом. Она знала, что ее не хватит надолго. Тяжесть орудия разбивала на мелкие осколки ее стойкость.

Нужно что-то предпринять. Она так надеялась, что до этого не дойдет. Но выбора не было – ей придется задействовать последние резервы, уходящие на самовнушение. Это очень опасно. Разумеется, ее тело будет продолжать двигаться вперед, но сознание утонет в потоке бредовых наваждений.

Квити решилась, и в одно мгновение провалилась в какой-то полутранс. Теперь вес плазмомета сразу уменьшился до обычных размеров, и Квити прибавила ходу. Она чувствовала себя явно лучше, но понимала, что это всего лишь иллюзия. Ей не хотелось растрачивать эту резервную энергию – когда она иссякнет, с Квити будет покончено.

Она достигла уступа и двинулась по горизонтальной поверхности. Должно было бы полегчать, но этого не произошло. Ее мускулы приближались к точке абсолютной усталости, которую не мог преодолеть даже транс.

Затем послышались голоса, и Квити поняла, что сознание сломлено. Это было так, как если бы протеин, необходимый для мышц, вытекал из ее мозга, истощая рассудок. Она слушала – больше ничего не оставалось.

– Тебя свалила с ног наша маленькая шарада, а, милашка? Плохо, плохо! – Это был голос старшего офицера, того, кто отправил ее на это задание.

– Я всегда верил в тебя, моя сладость, но по правилам я должен дать тебе шанс, вот я и даю. Я посылаю тебя на то, что отдает дерьмом, если ты понимаешь, о чем я.

Беда в том, что голоса казались все более и более реальными по мере того, как силы ее покидали. Еще немного и она им поверит. И тогда она сделает то, о чем они ей нашептывают, сделает все что угодно. Ради дела она должна удержаться на том последнем клочке реальности, что еще у нее остался.

– И вот здесь это нежное, такое округлое и такое ласковое. Они рассказали о том, как и когда ее схватили. Все они пытались, конечно, но только один из них смог доказать.

Она еще не воспринимала этот голос. И это был хороший знак.

«И когда они приземлятся, все и произойдет. Означенный Шпион вытащит свой игрушечный пистолет и пустит его в дело. Среагирует ли она как истинный солдат или по-женски разнюнится? Увы, она не делает ни того, ни другого – она просто тарашится на него. Тогда он убивает их, и они дергают своими подбородками, и из них выливается темно-красная, как соус, кровь. Понарошку. Предпринимает ли она что-нибудь? Нет. Она все еще пялится».

Квити огибала гору. Она еще отличала реальность от вымысла, но эта определенность все таяла и таяла. Миссия – просто проверка?

«Вот он дает ей еще один шанс, – продолжал шептать голос. – Он собирается изнасиловать ее. Столь откровенно, что она должна сразу смекнуть – настоящий шпион немедленно бы бросился оповещать своих хозяев...»

Квити скривилась. Она начинала улавливать. Что она делает здесь, волоча наверх эту дурацкую пушку, когда она провалила свое испытание в самом начале?

Нет! Эта кровь была настоящей! И эта попытка изнасилования тоже была настоящей! Она вынуждена была признать это, иначе...

«Радио, милашка, – подсказал голос. – Как ты объяснишь это? Почему он не вызвал их?»

Она не ответила. В тот самый момент, когда она начнет отвечать, она окажется крепко-накрепко запертой в призрачной реальности и никогда уже не сможет вынырнуть из нее. Вот и другая ловушка свихнувшегося сознания.

Квити достигла утеса между вершинами. Было далеко за полдень, казалось, день пролетел за одно мгновение, но она уже была близко, очень близко. Голос пытался вырвать ее из реальности и почти преуспел в этом, все больше отвлекая ее от этой ужасающей борьбы за каждый сантиметр горы.

Сейчас перед ней стояла самая трудная задача – преодолеть последний короткий участок пу-

ти. Ее руки и ноги налились свинцом, а голоса все громче продолжали терроризировать ее. Стоило ли продолжать? Почему он не передал по радио? Очевидно, агент был и на другом корабле и по крайней мере один халианин присоединился к нему. Ему следовало бы передать по радио – тогда была бы возможность захватить и другой корабль до того, как он насильствовал ее...

Вот оно! Он сказал, что не увидел бы ее больше после того, как переспал с ней. Поэтому он и тянул с докладом, чтобы дать себе время заняться ею. Халиане не стали бы беспокоиться о его удовольствиях. Так что он сперва вынужден был позаботиться о себе. И это стоило ему жизни. Потом же, когда она бодро отрапортовала, они поняли, что произошло и попытались захватить ее. Халиане использовали переводчика, не знавшего ее прозвища. И он также проиграл свою партию.

А сейчас она здесь, она уже видит пятно, выжженное своим пистолетом. Она сбросила свою ношу. Точнее, медленно стянула краешком сознания, все еще следя за ускользающей реальностью. Нельзя свалиться без сил именно сейчас. Она передвинула ремень и установила ствол плазмомета. Последний блик заходящего солнца отразился от поверхности лазерной пушки, и Квити узнала свою цель.

«Конечно, ты понимаешь, что проиграла, – вкрадчиво вещал голос. – Мы не собираемся разбрасываться своими кораблями. И потом все уверены, что ты мертва».

Быть может, вскоре так и будет. У нее уже нет сил карабкаться вниз к своему снаряжению, оставшемуся на полпути внизу, по склону горы. Нет пищи, нет воды, а ее организм истощен до предела. Но Квити выиграла! Она выполнила свой долг. Правда, она также потеряла и свою жизнь, но это ей ясно уже давно. Лучше пожертвовать собой так, чем попусту взорвать свой корабль, а заодно и себя!

Она точно приладила плазмомет, проморгалась, на мгновение проясняя взгляд, и поймала пушку в перекрестье прицела.

– Ну же, как вы объясните это, «призраки!» – воскликнула она. А потом нажала кнопку.

Квити оставалась в сознании до тех пор, пока не увидела, как распускается огненный цветок. Прямое попадание! Потом она забылась.

«На-ка выпей, милашка, – говорил офицер, подталкивая свободно парящий тубик к ее рту, – да помедленнее, не то задохнешься». И спустя мгновение: «О-о! Мне не следовало называть тебя так, ведь правда? Прошу прощения Квити».

– Зови как хочешь, все равно тебя нет, – пробормотала она. – Я может и мертва, но дело сделано. Теперь ты уже не сможешь навредить мне.

– Она бредит, сэр, – произнес другой голос; – Но скоро должна прийти в себя, все жизненные центры в порядке. Крепкая девочка.

Жидкость начала оказывать свое действие. Квити открыла глаза. Она лежала на корабельной койке, и старший офицер держал перед ней бутылочку, выдавливая содержимое ей в рот. Судя по всему, это была, по-видимому, ее последняя фантазия. Впрочем, она ей нравилась – слава Богу, не все «призраки» так уж плохи.

– Я не жду, что ты переваришь все прямо сейчас, Квити, – голос офицера. – Но я обязан рассказать тебе все сам, пока еще не ушел, поскольку здесь есть и моя вина.

Потягивая из бутылочки, Квити удовлетворенно слушала фантома, а сила потустороннего эликсира вливалась в нее. Она мечтала проспать весь день и даже больше. А потом прийти в себя. А сейчас это происходит гораздо быстрее, чем в ее мечтах. Впрочем, в иллюзорном мире все возможно.

– Это была проверка, но не такая, как ты воображала, – продолжал он. – Понимаешь, халиане смогли как-то повлиять на некоторых из наших и заставить их работать на себя. Мы не знаем, какой возбудитель они используют, это было как раз частью того, что мы хотели обнаружить. Мы даже не знали их агента. Но сузили круг до нескольких человек, полагая, что уж среди них-то точно есть шпион. Вот мы и запихали всех наших подозреваемых в одну экспедицию и...

Для привидений это уже слишком.

– Меня тоже подозревали? – требовательно спросила она.

Он кивнул.

– Не так уж много ваших во Флоте, мы не были абсолютно уверены в твоей полной лояльности, на тебя могли надавить или чем-нибудь соблазнить. Да и вообще, молодая привлекательная женщина в исключительно мужской компании – тут можно и вознегодовать.

Он еще и издевается! Квити замкнулась.

– За каждым из вас следили. Даже за Айвенгом, единственным на вашем корабле, знавшим обо всем. Когда шпион – или шпионка – себя обнаружит, Айвен должен был активировать некоего жучка в своем кармане и лишить вас всех сознания до тех пор, пока не разоружит и не изолирует агента. Но когда все случилось...

– У него не было ни единого шанса, – закончила она. – Генри сразу же выстрелил. Айвен держал плазмомет, когда, – она остановилась. Ведь она объясняется с фантомом!

– Никто из вас не имел шанса, – согласился офицер. – Даже на втором корабле. За исключением одного из вас, ранившего шпиона, которого и сожрали прибывшие халиане. Эти твари не пользуются услугами тех; чья работа закончена и кто превращается для них в обузу.

– Проверка на вшивость? – переспросила она, уловив только сказанное ранее. – Ты все слышал?

– Мы слышали все – вплоть до твоего сообщения по радио, – подтвердил офицер. – Жучок сидел в радиорубке и был запрограммирован на сброс закодированного сообщения, когда включали радио. Так мы отследили весь твой великий поход до самого последнего момента. – Он улыбнулся: – Когда взорвалась вторая батарея, мы экстраполировали ситуацию и поторопились прийти за тобой. Теперь это стало безопасно, ты ведь понимаешь, у них не оставалось пушек. Ни одной. Попробуйся мы раньше... – Он покачал головой.

– Ты утверждаешь, что все это правда? – изумилась она.

– Я скажу тебе и кое-что еще, Квити, – добавил он, – не для официального протокола, разумеется. Ты действительно сделала мужскую работу, без дураков, и реанимировала весь наш план. Ты получишь новое звание, и в следующий раз, когда мы предпримем подобную экспедицию, ты будешь в команде. Для нее придумано уже кодовое название «Нежная, как женщина». Остальные точно не знают, что это значит, в чем тут соль. Да и вообще, там, наверху, многие уже по-другому относятся к твоей планете и к женщинам на военной службе. Никто никогда больше не назовет тебя «милашкой».

Она ошеломленно откинулась назад.

– О, думаю, что справлюсь с этим. Но сейчас я не в силах...

Он встал.

– Я пойду, у меня дела. Но знай, что ты действительно потрясающая умница. Я никогда прежде не видел такого чудесного финала почти накрывшегося дела. Это следует занести во все учебники.

– Я полагаю, ты это...

Он подмигнул.

– Вот именно. А сейчас немного поспи.

– Нежная, как женщина, – с наслаждением повторила она. А потом уснула.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Мейер разглядывал в окно зоны высадки Союза на северном континенте, когда в кабинет ворвался Смайт.

– Стучилось что-то экстраординарное. Похоже, нам придется менять всю доктрину, – обычно спокойный следователь явно нервничал. – Халия согласилась на переговоры.

– И что они сообщили? – такие известия Мейер воспринимал с недоверием.

– Перевод, возможно, не точен, но смысл в том, что дом Бент Фанга готов встретиться с представителями Флота на нейтральной территории.

– Как это можно устроить? – Мейер подумал о том, чтобы взять быстроходный крейсер и прибыть на переговоры самому. Он никогда не видел халиан, даже редких пленников.

Смайт передал ему донесение. Переговоры проводились на уровне командующего сектором. Ниже указывалось, что делегацию Флота возглавил адмирал Эспендадор. Этот человек вспомнился Мейеру в связи лишь с одним эпизодом: он проталкивал героя прошлых сражений на командный пост в Клаксоне. Тогда Эспендадор не показался ему талантливым дипломатом.

А в последних строчках его ждало самое неприятное.

Бюрократы никуда не спешили. Так что пока донесение кочевало по инстанциям, переговоры уже начались! И он на них никак не успевал. Адмирал Мейер даже подумал, а не специально ли Эспендадор задержал донесение.

С другой стороны, если он и Смайт пришли к правильным выводам, переговоры эти не приносят никаких результатов... учитывая, что Флот на них представляет Эспендадор.

Майк Резник. ПОВЕЛИТЕЛЬ ГОЛУБОЙ ПЛАНЕТЫ

Лизард О'Нил откинулся на спинку плетеного кресла и, обхватив грязными руками необъятный живот, прикрытый давно не стиранной рубашкой, обозрел просторы своей империи.

Простиралась она не менее чем на двести футов, в какую сторону ни глянь, а сидел он аккуратно в самом ее центре. Справа жались друг к другу шесть маленьких хижин, и каждую обслуживала (как он любил говорить своим клиентам) возрожденная девственница. Никто не удосужился спросить его, а что это, собственно, такое – возрожденная девственница, так что у Лизарда не возникало необходимости толковать сие словосочетание. Слева находился бар, стойку для которого – огромный ствол дерева – доставили (с немалыми расходами) из соседнего леса, что шумел в шестидесяти ярдах. Украшали бар портреты наиболее опасных преступников окрестных планетных систем с набранным поверху заголовком «РАЗЫСКИВАЕТСЯ», каждый с личным автографом. Позади высился императорский дворец, на две комнаты, сработанный из фанеры, досок, ящиков и прочих подручных материалов, сцепленных воедино клеем да проволокой. Обстановка внутренних покоев состояла в основном из мусора и кип грязного белья. Перед дворцом раскинулся императорский космопорт – выжженная дочерна полоска земли, которая могла вместить шесть двухместных кораблей. Тут же располагалась и императорская заправочная станция.

По периметру империю окружали леса и скалы, реки и горные ручьи, а за ними нежилась под солнцем безбрежный океан, благодаря которому планета сияла сапфиром в ночном небе. Вроде бы на планете обитали и туземцы то ли разумные, то ли нет. Ходили слухи, что где-то за горами начиналась пустыня, дремавшая в ожидании, пока какой-нибудь псих решится пересечь ее.

О'Нил запустил пятерню в копну нечесаных рыжих волос, потянулся, зевнул и, наконец, взглянул на человека, настороженно оглядывавшего окрестности.

– Я ответил на твой вопрос, – он прихлопнул золотисто-лазурное насекомое, спикировавшее на шею. – Чего ты ждешь?

– Ответ неприемлем, – бросил Рейнхардт.

– Как и предложение.

– Мистер О'Нил, Альянсу абсолютно необходимо...

– А ты оглядись, – прервал его О'Нил. – И скажи, что видишь?

– Ровным счетом ничего, – пренебрежительно ответил Рейнхардт.

– Верно! – согласился О'Нил. – Ни тебе банков, ни адвокатов, ни налоговой инспекции и уж, конечно, никакого Альянса.

– Этим ваша планета и заинтересовала Альянс, – гнул свое Рейнхардт, утирая пот со лба.

– Зато саму планету Альянс абсолютно не интересуется. До Тау Сети от нас семьдесят пять тысяч световых лет, мы не лезем в чужие дела, наслаждаемся жизнью, здесь в достатке солнца, секса, свежего воздуха, и никто не беспокоит нас попусту. Разве что ты.

– Именно потому, что эта часть Галактики практически необитаема, у нас и возникла необходимость на несколько недель воспользоваться вашей планетой.

– Нет.

– Я могу приказать вам подчиниться моим требованиям.

О'Нил пожал плечами.

– Приказывай, если нейметя.

– Эта планетная система входит в сферу влияния Альянса, – заметил Рейнхардт.

– Эта планета провозгласила независимость пять лет тому назад, – отпарировал О'Нил.

– Мы не располагаем документами, подтверждающими сие знаменательное событие.

– Возможно, не располагаете, но тем не менее они существуют, – О'Нил указал на здоровенный сейф за стойкой бара. – Вон там, вместе с расписками.

– Документы незаконные.

– Прекрасно. Выясним это в суде.

– Будь на то наше желание, мы давно уже могли бы пригласить вас в суд. Благо, поводов хватает, – холодно ответил Рейнхардт. – Лизард О'Нил разыскивается по обвинению в торговле оружием, контрабанде, сводничестве, мошенничестве, укрывательстве известных...

- Всего лишь досадные недоразумения, – вновь пожал плечами О'Нил.
- Это решать суду.
- К сожалению, нет. У нас не заключен с Альянсом договор о выдаче преступников.
- Тогда я хочу поговорить с правителем этой планеты.
- Ты с ним и говоришь, – О'Нил добродушно улыбнулся. – Император Лизард О'Нил Первый.
- Вы пришелец. Я имел в виду правителя аборигенов.
- Это я. У нас прошли выборы. Я победил.
- И кто принимал участие в голосовании? – любопытно спросил Рейнхардт.
- Все население планеты.
- Сколько за вас подали голосов?
- Всего один. Но это были свободные выборы. Едва ли можно винить меня за апатию избирателей.
- Я вижу, что к длинному перечню ваших правонарушений следует добавить порабощение разумных гуманоидов.
- Вам понадобится пятьсот лет, чтобы доказать разумны они или нет, – ответил О'Нил. – А планета, если я тебя правильно понял, нужна вам в следующем месяце.
- Нужна... и она будет нашей, так или иначе.
- И что вы так за нее уцепились? – удивился О'Нил. – Что тут есть? Уран? Золото? Платина?
- Эта планета ценна для нас именно тем, что она на хрен никому не нужна.
- Да ты, дружище, никак выпил. Что, если не секрет?
- Что налил мне ваш бармен.
- Да? Ну тогда напиток ты не мог. Спиртное здесь разбавляют, как нигде, – О'Нил помолчал, посмотрел на Рейнхардта из-под полуприкрытых век. – С чего же этот комок грязи, затерянный Бог знает где, так понадобился Альянсу, если его полномочный представитель угрожает мирному бизнесмену, который за свою жизнь и мухи не обидел?
- Рейнхардт сверлил его взглядом.
- Ну же? – настаивал О'Нил. – Чего уставился?
- Просто пытаюсь представить вас мирным бизнесменом, – вырвалось у Рейнхардта. – Поверьте мне, это нелегко.
- А ты, дружок, постарайся, – посоветовал О'Нил. – И все-таки я хочу знать, зачем тебе понадобилась моя планета?
- По-моему, вам и так все ясно.
- Так-то оно так, но хочется от тебя услышать.
- Вы что-нибудь знаете о Швейцарии? – Рейнхардт наклонился вперед.
- Что-то не припоминаю.
- Маленькая страна на Земле, которую никто никогда не завоевывал.
- Крепкий там жил народ, так? – спросил О'Нил, скорее из вежливости, чем из интереса.
- Дело не только в этом.
- Значит, им еще и сопутствовала удача.
- Швейцария никогда не знавала сапога завоевателя, потому что представляла собой куда большую ценность, оставаясь нейтральной. Воюющим сторонам необходимо место, где могут встречаться их дипломаты, где функционируют международные банки, где...
- Подробностей не надо, – оборвал его О'Нил. – Ты хочешь сказать, что вам нужно что-то обсудить с Халией и эту встречу вы решили провести на моей планете.
- Совершенно верно.
- Так чего ты ходил вокруг да около? Зачем надо было начинать с угроз?
- Разве вы согласились бы? – изумился Рейнхардт.
- Нет... но мы сэкономили бы столько времени!
- О'Нил, мне поручено обеспечить проведение секретных переговоров с Халией именно на этой планете. Я не могу вернуться с пустыми руками.
- А я не могу остаться с пустыми карманами.
- Так все дело в деньгах?
- А когда-нибудь было иначе?
- Неужели вы не патриот? – воззвал Рейнхардт к совести О'Нила. – Вам предоставляется

возможность послужить своему народу.

– Мой народ – предприниматели, честно зарабатывающие свои кредитки, и я буду служить ему по гроб жизни. А вот у вас, да и у халиан денежки водятся.

– Хорошо, – кивнул Рейнхардт. – Ваши условия?

О'Нил пожал плечами.

– Твои предложения.

– Альянс готов заплатить двести тысяч кредиток за использование вашей планеты.

– Перестань, – фыркнул О'Нил. – Да у тебя на дорогу ушло больше.

– Двести пятьдесят тысяч.

– Не смейся людей!

– И мы простим вам все ваши правонарушения.

– Возвращаться я не собираюсь. Что мне ваше прощение?

– Так чего вы хотите?! – раздраженно выкрикнул Рейнхардт.

– Ручка есть?

– Только карманный компьютер.

– Сойдет. Во-первых, я хочу миллион кредиток.

– Это невозможно.

– Во-вторых, я хочу, чтобы мне простили все правонарушения, о которых ты только что толковал.

– Я повторяю, о такой сумме...

– Дай закончить, – грубо оборвал его О'Нил. – Тогда все и обсудим. – Он уселся поудобнее: – В-третьих, я хочу, и этот пункт надо занести в договор, чтобы Альянс не строил здесь конкурирующих баров, пока будут идти переговоры. Если кому приспичило выпить, пусть отправляется в «Задницу Дьявола».

– «Задницу Дьявола»?

– Аккурат тут мы и находимся.

– Абсолютно неприемлемое название. Вы должны его изменить.

– А мне нравится.

– Не пойдет.

– Да кто здесь командует, в конце концов?

– Это же дипломатические переговоры! Не могут они проходить в «Заднице Дьявола»!

– Я подумаю, – пообещал О'Нил. – В-четвертых, если Альянс намерен построить специальные здания для представителей Халии, за это придется платить отдельно.

– Это все? – сухо осведомился Рейнхардт.

– Нет. Никак не могу доставить сюда водку. Так что позаботься о том, чтобы сюда прислали двадцать четыре контейнера самой лучшей водки. И последнее, меня официально признают Императором Лизардом Первым.

– Вы, разумеется, шутите?!

– Отнюдь.

– Ваши условия абсолютно неприемлемы.

– Как я и говорил, они представляют собой хорошую основу для переговоров. Я могу согласиться на шестнадцать контейнеров водки.

– Вы получите двести тысяч кредиток и ничего больше. И радуйтесь, что мы не взорвали вашу планету ко всем чертям!

– Вы дадите мне все, о чем я прошу, или я заминирую всю планету.

– Вам это не под силу! – отмахнулся Рейнхардт.

– Может и не под силу. Но загадить воду и воздух я постараюсь.

– Мы найдем другую планету, – пригрозил Рейнхардт.

– Прекрасно. Попутного вам ветра.

– Черт побери, О'Нил, в нашем распоряжении всего месяц!

– Это я уже слышал, – О'Нил усмехнулся, – и прикинул, что к чему. Вот у меня и получилось, что дипломаты Халии уже в пути, раз у тебя в распоряжении всего один месяц.

– Пока им известен лишь галактический сектор, где состоится встреча.

– А твои инженеры, наверняка, вообще в одном дне полета отсюда. Иначе этим дипломатам придется ночевать в соломенных хижинах, – О'Нил отхлебнул из стакана. – В такой ситуации ус-

ловия диктует продавец.

– Я свяжусь с начальством и вернусь.

– Мне-то что, – пожал плечами О'Нил. – Я никуда не тороплюсь.

Рейнхардт повернулся и зашагал к своему кораблю, от души надеясь, что О'Нил не заметил довольной улыбки, заигравшей на его лице.

Не прошло и трех часов, как Альянс принял все условия О'Нила.

– Боже ты мой, – дипломат покачал головой. – Это никуда не годится, О'Нил. Не лезет ни в какие ворота.

– Что не лезет? – любопытствовал О'Нил.

– Не можем же мы позволить нашим людям ночевать в... борделе. Такое сразу же скажется на дисциплине и моральном духе.

– Должен отметить, что для укрепления морального духа лучшего средства не найти, – возразил О'Нил. – Каждое утро они будут просыпаться с улыбкой.

– Повторяю, это никуда не годится, О'Нил. К сожалению, вашим дамочкам придется съехать отсюда.

– Съехать? Куда?

Дипломат воззрился на него:

– А вот это не моя забота.

– Они останутся там, где живут.

– Тогда мне придется доложить, что вы нарушили дух, если не букву нашего договора, и деньги не переведут на ваш счет.

– Прекрасно. Так и доложи. Лично. А поэтому проваливай с моей планеты.

– Я имею полное право находиться здесь, мистер О'Нил.

– Я император! И приказываю тебе – проваливай!

– Позвольте мне процитировать двадцать первый параграф третьей части девятнадцатой статьи подписанного вами договора с Альянсом...

– Почему бы тебе просто не сказать, что там написано...

– Этот параграф разрешает мне инспектировать строительные площадки и...

– Площадки? – повторил О'Нил. – Так их будет несколько?

– Полагаю, вы не считаете, что наши доблестные солдаты должны ночевать в хижинах? – Чувствовалось, что подобная мысль шокирует дипломата. – И, разумеется, мы должны построить подобающие жилища для посольства Халии.

– А причем здесь мои девочки?

– Послушайте, мистер О'Нил, у меня нет времени на пустопорожние разговоры. И, разумеется, вы должны изменить название вашего заведения.

– Уже изменил.

Дипломат строго взглянул на О'Нила:

– «Сфинктер Сатаны» нас не устраивает. Если вам ничего не приходит в голову, я попрошу кого-нибудь из своих сотрудников предложить что-нибудь попримечнее.

– Вы срубили все мои деревья! – возмущенно выкрикнул О'Нил.

– Мы не можем допустить, чтобы представители Халии заподозрили, что в лесу прячутся наши снайперы, – возразил генерал, руководивший вырубкой.

– Никто за ними не прятался! Я живу здесь три года и не видел тут никого, кроме двух-трех птичек.

– Мы-то с вами это знаем, мистер О'Нил, но поверит ли нам Халия. Я не хочу, чтобы переговоры сорвались из-за нескольких деревьев.

– Вы знаете, как долго стояли здесь эти деревья?! – не унимался О'Нил.

– Понятия не имею.

– Века!

– Так они, наверное, рады-радешеньки, что теперь могут и полежать, не правда ли?

– Вы испоганили мою планету!

– На несколько следующих недель это наша планета! – отрезал генерал. – Между прочим, когда вы собираетесь поменять название вашего заведения?

– Уже поменял.

– Не знаю, кто одобрил «Ректум Люцефера», но я согласиться на такое название не могу.

О'Нил свирепо взглянул на него, от души сожалея о том, что не внес в договор пункт, предусматривающий его досрочное расторжение.

– Рейнхардт! Где тебя носило?

– У меня нет времени сидеть на одном месте, – спокойно ответил Рейнхардт. – Куча дел, знаете ли.

– Я хочу с тобой поговорить!

– Я перед вами. Говорите.

– Все не так!

– Ерунда, – Рейнхардт оглянулся на серые металлические конструкции. – Строители на два дня опережают график.

– Я о другом.

– Тогда объяснитесь.

– Тут мельтешит чертова уйма народу, а ваши сооружения, что бельмо на глазу.

– Строители скоро уедут, а после завершения переговоров вы сможете разукрасить дома, как вам заблагорассудится.

– Да я снесу их к чертовой матери!

Рейнхардт добродушно рассмеялся.

– Они сделаны из титана с уплотненной молекулярной структурой.

– Что означает все это дерьмо?

– Означает это одно: их практически невозможно разрушить. Мы позаботились о том, чтобы какой-нибудь диверсант не решил их подорвать во время переговоров.

– То есть они останутся тут навеки?

– Вы к ним привыкните. Я уверен, что ваши... э... дамы оценят их с наступлением зимы.

– Тут не бывает зимы! – проорал О'Нил.

– Значит, они вам не понадобятся. Что же, моя ошибка.

– Так что же мне прикажешь с ними делать?

Рейнхардт широко улыбнулся:

– А кому сейчас легко, О'Нил?

– Вы готовы к медосмотру? – спросил майор.

– К какому еще медосмотру? – подозрительно спросил О'Нил.

– Представители Халии прибывают через шесть дней.

– И какое отношение имеют эти чертовы представители к моему здоровью?

– Нас заботит вовсе не ваше здоровье, – ответил майор. – Но халиане – млекопитающие, и не исключено, что они восприимчивы к человеческим болезням. Вдруг у вас простуда или еще какая хворь? Любое инфекционное заболевание может оказаться для халиан смертельным. Мы же не хотим, чтобы они перемерли у нас на руках, не так ли?

– Я-то думал, это прекрасный повод развязать войну, – пробурчал О'Нил.

– А вы шутник! – рассмеялся майор. – Теперь будьте паинькой и отправляйтесь в Корпус 4 на медосмотр. Идет?

– Да пошел ты...

– Вы можете явиться туда добровольно или я вызову солдат, но медосмотр вы пройдете, мистер О'Нил. Позвольте мне сослаться на подписанный вами договор. Страница семь, параграф...

– А теперь выдохните.

Красный как рак О'Нил выдохнул и тут же часто-часто задышал.

– Мы немного не в форме, не так ли? – с улыбкой спросил доктор.

– Мне как-то не приходило в голову, что императору должно задерживать дыхание на десять минут, – осторожно ответил О'Нил.

– Да ладно, мистер О'Нил, – хохотнул доктор, – и всего-то вы продержались тридцать секунд.

– Интересно, как скажется на жизни халиан моя способность задерживать дыхание?

– Никак, – ответил доктор. – С другой стороны, мы не хотим, чтобы правящий монарх умер во время переговоров. Начальство нас за это по головке не погладит.

– Я не собираюсь помирать.

– Из этого следует, что вы согласны немедленно сесть на диету. Положим вам восемьсот ка-

лорий в день.

– Что?!

– Пока вы не похудеете фунтов на двадцать пять. И, разумеется, придется отказаться от табака и алкоголя.

– Еще чего! – огрызнулся О'Нил.

– Послушайте, мистер О'Нил, с вашим давлением нельзя так волноваться. Я думаю, вам не повредят ежедневные трехмильные прогулки. Утром и вечером.

– Сам прогуливайся.

– Пожалуйста, мистер О'Нил, мы несем ответственность за ваше здоровье.

– Вы отвечаете только за то, чтобы по прибытии на мою планету давление не поднялось у ваших проклятых халиан.

– Мистер О'Нил, у вас никудышное здоровье. Я настаиваю на том, чтобы вы выполнили все мои рекомендации.

– Руки короткие.

– Статья тридцать четвертая, регламентирующая действия оккупационной армии, гласит: «Если, по мнению старшего офицера-медика, имеются основания для...

– Достаточно, – смирился О'Нил.

– Все делается для вашего же блага, – снисходительно улыбнулся доктор. – Вы еще мне спасибо скажете.

– Не сотрясай зря воздух, – отмахнулся О'Нил.

– Что теперь? – спросил О'Нил у Рейнхардта.

– Вам пора покинуть планету. Посольство Халии пребывает в ближайшие десять часов.

– Ну и что? Это моя планета. Я хочу посмотреть, как они выглядят.

– Мы не можем допустить, чтобы вы в таком виде представляли человечество. Когда вы в последний раз одевали ботинки?

– Причем здесь ботинки? Насколько мне известно, халиане вообще обходятся без одежды.

– Халиане, возможно, и обходятся, а вот люди – нет. – В голосе Рейнхардта зазвучала сталь. – А ваши обноски одеждой трудно назвать.

– Ладно, надену я ваши чертовы ботинки.

– И новый костюм.

– Хорошо, – буркнул О'Нил.

– И побреетесь.

– Что? А как насчет маникюра? – с издевкой осведомился О'Нил.

– Как раз хотел напомнить.

– Что ж, меня уже трудно удивить.

Халиане прилетели и улетели. Дипломаты высказали взаимные обвинения, никаких решений принято не было, что, впрочем, никого не удивило.

– Слава тебе, Господи! Все кончено! – радостно воскликнул О'Нил, как только последний звездолет Халии поднялся в небо.

– Мне понятна ваша радость, – покивал Рейнхардт, – все-таки вы стали богаче на миллион кредиток.

– Я также похудел на шестнадцать фунтов, три недели ни пил и не курил, забыл, что такое женщина, ноги у меня в волдырях, костюм жмет, и я не узнаю своей планеты.

– Что ж, мы не в сказке живем.

– Месяц тому назад я жил в сказке. Жил бы и дальше, если бы не ваши идиотские игры. Кстати, а когда вы сваливаете?

– Что-то я вас не понимаю.

– А что тут понимать? – рявкнул О'Нил. – Когда ты заберешь своих людей и вместе с ними уберешься с моей планеты?

– Не имею ни малейшего представления. Такое решение может принять только руководство Альянса.

– Но переговоры с Халией завершены, пусть и без особых результатов. Так чего вам тут отираться?

– Насчет переговоров вы правы, – кивнул Рейнхардт. – Но мы склоняемся к тому, чтобы продлить срок аренды.

– Зачем? С этими мерзавцами вы ни о чем не договоритесь.

– Вероятно, нет, – согласился Рейнхардт. – Но я не понимаю, чего вы так волнуетесь? За продление аренды вам полагается дополнительное вознаграждение.

– Не нужны мне ваши деньги! Я хочу, чтобы меня оставили одного! – О'Нил вскочил. – Посмотри на меня. Еще немного, и я стану таким же, как ты!

– Тогда вам с самого начала не следовало сдавать планету в аренду.

– Ты же сам пришел ко мне, черт побери! Я-то тебя не звал!

– Не вижу особой разницы.

– Послушайте, – в голосе О'Нила сквозило отчаяние, – а почему бы вам просто не выкупить у меня эту планету?

– Невозможно, – покачал головой Рейнхардт. – Тогда она сразу потеряет статус нейтральной, – он выдержал паузу. – Нынешнее положение нас вполне устраивает.

Рейнхардт беседовал с генералом в баре» Анус ангела «, когда на его запястье дважды пикнул пейджер.

– Слушаю, – отозвался Рейнхардт.

– Он улетел, сэр.

– Забрал с собой все пожитки?

– Да, сэр.

– Вы установили маячок на его корабль?

– Как вы и приказывали.

– Дайте мне знать, где он объявится, – Рейнхардт выключил пейджер и повернулся к генералу. – Жаль, конечно, но нам придется заморозить его счет. Напрасно он пытался нас надуть, – тут он позволил себе улыбнуться. – Приятно иметь дело с аморальной личностью!

– И где, по-вашему, он объявится?

Рейнхардт пожал плечами:

– Кто его знает? Но уж наверняка как можно дальше от Альянса и Халии, – на его губах снова заиграла улыбка, он откинулся на спинку кресла. – Он наверняка отыщет идеальное место для новой Швейцарии. Со временем эта планета станет для нас совершенно бесполезной. Так что мы еще свидимся.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Высшие чины обладают многими привилегиями. В том числе и привилегией первыми узнавать как хорошие, так и дурные новости. Но это обстоятельство возлагает на них особую ответственность, в том числе и за те события, которые данные высокопоставленные офицеры либо почти не контролируют, либо не контролируют совсем. После скоропалительной отставки генерала Эроника, Исаак Мейер неожиданно-негаданно был назначен новым председателем Военного Совета. Только после своего избрания Мейер догадался, кто станет козлом отпущения, если операция по освобождению потерпит фиаско. Разумеется, он. Проведя две бессонные ночи, Мейер помчался в свой старый кабинет. При его появлении Смайт, склонившийся у компьютера, оторвался от работы. Нервно улыбаясь, адмирал протянул ему дискету с информацией.

– Здесь донесение с Вифезды, о первом сражении, – пояснил он. – Думаю, вам тоже будет интересно взглянуть. – Смайт жестом предложил ему сесть. Мейера поразило его явное безразличие.

– Донесение с поля боя, – подчеркнул он.

Наверняка Смайта это должно волновать не меньше, чем его самого.

– Да, знаю, – сказал Смайт, продолжая барабанить по клавиатуре. Я здесь проанализировал кой-какие эпизоды. Сейчас вам покажу. Это полностью подтверждает наши предположения.

Адмирал, он же председатель Военного Совета мгновенно сообразил, что Смайт уже несколько часов назад получил доступ к информации и подробно ее разобрал. Он хотел еще что-то сказать, но тут весь экран заполнило изображение халианского крейсера.

Билл Фосетт. ТАКТИЧЕСКОЕ НОВШЕСТВО

Халианский воин повис, неуклюже раскинув руки, на сплавившемся стволе бластера. В спи-

не у него зияла рваная рана величиной с кулак. Короткая желтовато-коричневая шерсть опалена, вокруг раны запеклась кровь. Губы вывернуты в предсмертном зверином рыке. Тупоносая морда, из пасти торчат устрашающе длинные клыки. Кадету Ауру Лебари от этого зрелища стало не по себе. Даже мертвое чудище выглядело зловеще, напоминая о военных успехах дерущихся с поистине животной радостью халианцев.

Наверное, болтовня Буханона и то предпочтительнее...

– Я разработал новую тактику, которая позволит разгромить халианцев. Она настолько необычна, настолько уникальна – аналогов нет в военной истории, что произведет революцию в теории ведения войны. – Старший тактик, капитан Флота Гинго Буханон, со всей очевидностью был без ума от собственной персоны. Перед докладом он раскланялся, широко разведя руки. В каждой его фразе, в каждом жесте проглядывала театральная выпренность. Похоже, он пытался копировать ужимки участников телеигр, которыми был забит эфир. Но на лейтенанта Ауру Лебари это не производило никакого впечатления. Он уныло огляделся по сторонам, проворчав про себя:

– Ну чем здесь лучше академии?

Последний час в Ауру боролись два чувства – уже ставшая рефлексивной скука и нарастающее беспокойство. Перед этим Ауру на занятии по навигации абсолютно правильно вычислил координаты корабля. В любой другой ситуации он бы искренне порадовался, но сейчас... сейчас они находились в секторе халиан. К тому же корабль тормозил.

В нескольких метрах от него капитан Буханон наконец вернулся к своему обычному стилю изложения. Он издавал убаюкивающе-монотонное жужжание, подчеркивая важность отдельных фраз грациозным вращением рук. Ауру просто диву давался, насколько любое, даже самое грандиозное, сражение выглядело невыносимо скучно в его интерпретации.

Лекционный зал имел обычную форму полукруга с поднимающимися рядами кресел. Каждый курсант сидел в отдельной кабинке, снабженной выходом на компьютер, необходимыми записывающими устройствами и пищевым автоматом. Словом, было предусмотрено все, чтобы человек чувствовал себя комфортно и успешно усваивал учебный материал. Не хватало лишь одного – преподавателя, способного привлечь внимание аудитории. С того места, где сидел Ауру, не видно никаких признаков, указывающих, что данное помещение – часть «Гамильтона», ударного крейсера Флота. Порой оно становилось комнатой для инструктажа – в тех редких случаях, когда перед очередной операцией капитанов успевали собрать вместе. Ауру никогда не блистал учебными показателями, и ему несладко приходилось все пять лет в кадетском училище с непомерно жесткими требованиями. До выпуска оставалось еще два года. А тяготы жизни становились просто невыносимыми.

Будучи сыном сенатора Альянса, он с детства уяснил, как следует вести себя с окружающими. Еще мальчиком Ауру постиг искусство переговоров – он в совершенстве владел уловками, к которым прибегают все дети, пытаясь приспособиться к чуждому миру взрослых людей. Возвратившись на Ново Венето, он «порадовал» отца своим решением – бросить академию. Целую ночь они провели в жарких спорах. В ту пору Ауру был уверен – ничто не требует столько отваги, как конфронтация с собственным отцом. В конце концов тот уступил и согласился употребить все свое влияние, чтобы перевести Ауру в боевую часть. Ауру гордился своим умением вести переговоры. Теперь-то уж он не оплошает. Сказано – сделано. Его перевели в офицерские казармы при ставке адмирала Динамита Дюане. Месяц назад они покинули Порт, но вся эта скучотища продолжалась, усугубляемая неусыпной заботой Буханона и сумасбродствами Дюане. Единственная перемена состояла в том, что он делил теперь апартаменты с еще тремя офицерами. Вряд ли его жизнь изменилась к лучшему хоть с какой-то стороны.

Голос Буханона зазвучал несколькими октавами выше. Значит, вот-вот последует очередное важное высказывание.

–... Таким образом, я пришел к выводу, что сложилась совершенно новая тактическая ситуация. – Повисло тягостное молчание.

Поняв намек, Ауру нажал кнопку записи, введя в память то, что было сказано в последние две минуты, – для самостоятельного повторения.

– Флоту еще никогда не приходилось сталкиваться с таким противником, – продолжил Буханон, кинув укоризненный взгляд в его сторону, – своей неорганизованностью и безрассудной храбростью халиане спутали нам все карты, не давая возможности применять традиционную тактику. Несомненно, из моей предыдущей лекции вы усвоили, как адмирал Харриган разрушил за-

щитный шар федерации Абруцци посредством мощной проникающей атаки, собрав силы в ударный кулак. Подобная же тактика была применена генералом Стоуном три месяца назад.

Ауро напряг мозг. Он слышал об этом сражении. Забыв, что запись уже идет, он еще дважды ткнул кнопку.

– Как будущие адмиралы, вы должны понимать, что даже негативная информация очень важна. Выжившие в этом сражении восстановили запись боя, собрав обломки капитанского мостика Стоуна.

Экран, установленный позади Буханона, внезапно заполнился кораблями, сцепившимися друг с другом в смертельной схватке. Гул в аудитории смолк. Объектив выхватывал крупным планом то один, то другой корабль. Это флагман «Морвуд» автоматически запечатлевал каждый подлетающий к нему объект. Уступающие в размерах, но зато более многочисленные халианские корабли вели непрерывный огонь по неприятелю. Корабли Флота тщательно координировали стрельбу, стараясь обрушить шквал огня на какой-нибудь корабль противника. Временами изображение мутнело, по экрану пробегали волнистые разноцветные полосы. Это содрогался от взрывов защитный экран «Морвуда», всего в нескольких дюймах от камеры. В нижнем левом углу воссоздавалось все, что показывал командный дисплей Стоуна. Синие пятнышки изображали корабли Флота, красные – халианские. Около каждого синего пятнышка с интервалом в десять секунд загоралось название корабля и его состояние на тот момент. По изображению становилась ясна тактика, выбранная Стоуном. Халианцы расположились в одной плоскости, видимо, рассчитывая как бы обогнуть более компактный строй Флота. По мере их приближения, строй стал распадаться. Отдельные халианские корабли на полной скорости прорывались через позиции, выскакивая с обратной стороны, ни на мгновение не прекращая интенсивной стрельбы. Урон они наносили небольшой, но вынуждали корабли Флота открывать беспорядочный ответный огонь. Часть из них уцелела, от других остались лишь обгорелые остовы – в этом случае очередное пятнышко на экране исчезало. Половину своих кораблей Стоун также расположил в одной плоскости. А другая часть флотилии уплотнилась, выстроившись в конус, острием направленный на халиан. На кончике этого острия находились адмирал Стоун и «Морвуд».

– Сейчас вы увидите, как сам адмирал, пусть и не сумевший правильно разобраться в обстановке, показал потрясающий пример личной храбрости. Эта запись сделана без звука. Если бы звук и записывался, он все равно не прошел бы через космический вакуум. Даже самая мощная ударная волна распространяется и угасает в полной тишине, – Буханон заговорил чуть громче. Ауро задался вопросом: хватило бы у него мужества руководить такой атакой? Из Порта война казалась более привлекательной.

– Стоун бросил конус в тот район, где халианские командные сигналы были замечены чаще всего. Из этого он совершенно правильно заключил – там располагается халианский флагман.

Вдруг они увидели с дюжину кораблей – конус врезался в плотно сбитый рой халиан. На экране «Морвуда» заколыхались волны из сливающихся вместе темных точек, когда три дюжины кораблей объединив свою огневую мощь, дали по нему залп. Корабли Флота вели ответный огонь. Ярko вспыхнули экраны самого крупного халианского корабля, а потом он просто перестал существовать. Еще больше кораблей Флота проникло в брешь. Выбрав себе с полдюжины целей, они били прямой наводкой. Еще один халианский рейдер, размером поменьше, озарился настолько ослепительным светом, что на экране пропало изображение.

На командном дисплее конус, сложенный из синих точек, вонзился в красную стену, менее плотную по своему строению, и стал буравить ее, входя все глубже и глубже. Это продолжалось примерно с минуту. Там, где он проходил, красных точек уже не оставалось. Халианский командный корабль то ли был уничтожен, то ли настолько выведен из строя, что казался просто грудой обломков. Лейтенант ждал, что халианский строй распадется, а затем они перегруппируются – именно такую тактику избрал бы в данной ситуации сам Ауро. Но вместо этого халиане просто рассеялись. И каждый корабль атаковал неприятеля, который оказался рядом. Кадет вдруг почувствовал себя в кресле не очень удобно и непроизвольно потянулся.

– Уничтожив командный корабль, Стоун, можно сказать, свел на нет собственную стратегию, – продолжал комментировать крепкий задним умом эксперт по тактике. Благодаря сомкнутому строю, конус представлял собой не очень крупную мишень. Его сравнительно мало атаковали. Остальные же тридцать кораблей Флота оказались густо облеплены втрое превосходящими силами халиан и явно несли серьезные потери.

На экране вновь появилось изображение, звезды замелькали как в калейдоскопе – это флагманский корабль поворачивался, включив аварийную скорость. На дисплее было видно, как конус рассыпался на отдельные корабли, которые закрутились волчками, беспорядочно меняя направление полета. Тщательно спланированная атака, предпринятая Стоуном, вылилась в обычную свалку, в этой куче-мале боевая выучка офицеров Флота и слаженность в стрельбе играли гораздо меньшую роль, чем численность халиан.

Внезапно на экране появилось изображение капитанского мостика. Очевидно, где-то пониже камеры в мостик ударила ракета – фонтан осколков взметнулся перед камерой, а потом их вытянуло наружу через пробоину, вместе с воздухом. По мере того, как воздух становился все разреженнее, поток осколков ослабевал. А потом мимо объектива проплыла рука с нашивкой штабного офицера, оторванная по самое плечо. Экран погас, и Буханон включил верхний свет. С бесстрастным лицом он наблюдал за реакцией кадетов.

Ауро усилием воли заставил себя вернуться к окружающей реальности. Он с удивлением обнаружил, что ладони его увлажнились. Пальцы, сжатые в кулак, ныли. К тому времени, когда он окончательно пришел в себя, офицер-тактик уже вел разборку боя:

– Наши потери составляют сорок процентов. Почти все потери понесены в хаосе, наступившем, когда развалились наши боевые порядки. Это однозначно можно расценить, как полное поражение. Мы не можем себе позволить отдавать за каждый халианский корабль свой.

– Но с точки зрения стратегии результаты не столь плачевны. Так или иначе, халиане отступили, не проникнув в Кастлетонский Мир, единственную населенную планету в этой системе. Мы одержали стратегическую победу и потерпели одновременно тактическое поражение. – Капитан больше не напоминал докучливую, жужжащую муху. В голосе его появилось чувство.

– Среди павших смертью храбрых – адмирал Стоун и весь экипаж «Морвуда». – «Хорошо бы заглянуть хоть одним глазком в послужной список капитана», – отметил Ауро про себя. Он готов был поспорить на половину месячного довольствия, что офицер-тактик когда-то служил вместе со Стоуном. А тем временем Буханон вернулся к своей обычной, усыпляющей манере изложения:

– Последние несколько недель я провел за изучением этого боя и еще ряда других операций, – он сделал паузу.

– Давай закругляйся, – еле слышно прошептал Ауро, – этак мы до Вифезды долетим раньше, чем ты посвятишь нас в свою тайну. – И при мысли о Вифезде у него все сжалось внутри. Он понял, что придется пошевелить мозгами. Как назло, во рту пересохло. Он глотнул воды, понимая, что от этого станет еще хуже.

Буханон все же никак не мог подойти к заключительной части. Он наслаждался всеобщим вниманием:

– Попросту говоря, большинство сражений, многие из которых Флот проиграл за последнее время, велось так, будто халиане – традиционный неприятель. Но на самом деле все обстоит совсем иначе. Их флотилии нельзя разгромить, применяя привычную для нас тактику. С помощью компьютерного анализа данного боя и моделирования сотен похожих ситуаций я разработал совершенно новую тактику.

На экране замелькали столбцы уравнений, а голос Буханона обрел свою обычную монотонность. Но, к своему удивлению, кадет обнаружил, что теперь он может следовать за мыслью Буханона. Ауро даже признал, что план может сработать. Да, может. Вот только не хотелось бы убедиться в этом, рискуя собственной жизнью. Холодок пробежал у него по спине – он вдруг понял, что именно это ему и предстоит. И сразу в логическом построении Буханона засветились прорехи. Только общеизвестная ненависть того к критике в свой адрес удерживала кадета от открытой дискуссии. Оглянувшись, он понял, что еще с десятков кадетов испытывают те же самые чувства. В этом было что-то ободряющее – он сам не знал, почему. А Буханон тем временем продирался через дебри качественного анализа, применяя гипотезы Аллизена. Ну, это уже слишком. Даже понимая, что от данных выкладок зависит его жизнь, Ауро был не в состоянии следить за логическими построениями, которыми пресловутый Аллизен обогатил военную науку. Вознесясь в заоблачные теоретические выси, лектор плавно подвел всех к неизбежно последовавшему выводу о своей безусловной правоте.

Лейтенант все еще мучился сомнениями, когда начальник навигационного подразделения ворвался в зал и загромыхал вверх по подиуму. Буханон смолк, прочел переданную ему депешу, и на лице его промелькнула озабоченность.

– Господа, – голос его звучал спокойно, но мелодичность интонации, свойственная ему при чтении лекций, пропала, – только что мы получили информацию от нашего наблюдателя с Вифезды. В настоящий момент там все кишит халианскими кораблями. Агент насчитал около ста пятидесяти боевых единиц. Мы будем на Вифезде через три часа десять минут. Немедленно сообщите на все радиоточки, – потом он взглянул вверх и сказал чуть дрожащим голосом: – Это означает, что нас ждут. Да храни нас Божья Матерь, во веки вечные.

То, что показывал командный дисплей, удручало. Даже для неопытного Ауру было ясно, что они попали в серьезную передрагу. Слишком густо расположены красные точки, а синих кот наплакал. Кадет нервно барабанил пальцами по щиту связи, глубоко сожалея, что он сейчас не в Порту – унылом, смертельно опостылевшем, но совершенно безопасном Порту.

Вначале Ауру боялся выдать свой страх. Но когда схватило живот и комок подступил к горлу, он заметил, что не одинок в своей слабости. Еще трое скорчились, привалившись к стене. Среди них даже был командир, судя по нашивкам, прослуживший на Флоте пятьдесят лет. От этого кисловатый привкус во рту, конечно же, не исчез, но теперь Ауру чувствовал себя явно получше. Халиане перегруппировались. Несколько кораблей взмыли вверх, один, самый крупный, который уже собирался приземлиться, неожиданно сделал крутой вираж и тоже припустил вдогонку за остальными. Нужно было подумать о портовых укреплениях. На Объекте подобное место на протяжении целого месяца во время чистки было центром халианской активности. В пространстве, отделявшем их от Вифезды, многочисленные красные точки мелькали без всякой видимой закономерности. Ауру тут же пришли на память виндлинские жучки с его родной Ново Венето. И уж совсем некстати ему представился на миг раздувшийся труп собаки, которая имела несчастье разворошить гнездо этих насекомых. Один укус мучителен, но редко смертелен, а налетев роем они убивают в считанные секунды. Кадет отрегулировал прибор слежения на максимальный радиус. Вифезда была единственной планетой в данной звездной системе. В результате каких-то катаклизмов другие планеты так и не сформировались, возникло лишь шесть астероидных поясов, циркулирующих вокруг звезды с одинаковыми интервалами. А потому приблизиться к системе можно было, лишь не попадая в плоскость эклиптики. Их ударное соединение сейчас приближалось изпод этой плоскости. Даже здесь в глазах мельтешило от проносящихся в космосе осколков.

Да, паршивее места и не придумаешь для того, чтобы оборвалась едва начавшаяся карьера, подумал лейтенант. Дрожащей рукой он уже в третий раз проверил исправность переговорного устройства.

Когда он снова перевел взгляд на экран, халиане уже двигались на них, взлетая с зеленого шара, изображавшего на дисплее Вифезду. С напускным спокойствием, разглядывая врага, Ауру постарался представить, сколько самих халиан укрылось в этих кораблях. Известно, что они часто берут с собой пленных в качестве рабов. Сколько таких подневольных членов экипажа погибнет от огня своей же армии?

Боевой пост Ауру находился на запасном мостике управления. Случись что-нибудь с основным мостиком на корабле и центром управления в Порту, командование всем Флотом автоматически перейдет лейтенанту Нейбургеру, четырем кадетам и двум начальникам подразделения связи. Управлять огнем можно будет из отсека, прилегающего к машинному отделению. Уничтожение этих систем будет означать, что сам корабль разрушен. Сомнительным утешением служило то, что навряд ли данная система уцелеет, если противник поразит командные пункты в Порту и на корабле. Глядя на мониторы, протянувшиеся вдоль стены у него над головой, Ауру мог следить за действиями на командном пункте. Офицеры на мостике выглядели для Ауру образцом уверенности в себе и хладнокровия. Даже адмирал Дуан, облокотившийся на перила, отгораживавшие главный дисплей, говорил приглушенно. Жестикуюлируя, он втолковывал какие-то тактические нюансы капитану Аль-Хакайму. Тот поведет флагман, освобождая капитана Дюана для командования всей флотилией. Лейтенант едва подавил в себе желание ворваться в эфир с каким-нибудь выкриком – у него возникло вдруг безумное чувство, что, взорвав зловещую тишину, он не даст состояться сражению. Вместо этого он лишь заскрежетал зубами, стараясь пересчитать красные точки. Ему легче было думать о точках, а не о кораблях, напичканных тяжелым вооружением. Пожалуй, цифра сто пятьдесят была уж слишком оптимистической. Не исключено, что за последние несколько часов халиане получили подкрепление. Трудно было назвать точное число – халианские корабли не застаивались на месте, предпочитая сновать туда-сюда. Но постепенно лейтенант дошел до цифры сто девяносто три. Правда, он испытал некоторое облегчение, заметив, что

по тоннажу большинство тянуло лишь на легкие корветы. Как обычно, не было ничего крупнее легких крейсеров. А выскочившая на экран сводка оставляла надежду, что таких крейсеров не больше двадцати.

Не в силах перебороть любопытство, лейтенант отважился запросить по командному пульта точное количество вражеских кораблей. На табло промелькнула цифра сто девяносто один. А в их флотилии насчитывалось не более семидесяти боевых единиц и всего один современный крейсер – флагманский корабль. Внезапно цифра с экрана пропала, и появилось лицо капитана Буханона, пристально его разглядывающего. Инструктор хмурился и укоризненно качал головой. За спиной его просматривались стены лекционного зала. А монитор над головой у Ауру показывал того же самого Буханона на командирском мостике. «Согласно инструкциям, командный пульт существует исключительно для приказов», – вспомнил Ауру. Предчувствуя, что наверняка найдутся охотники нарушить табу, Буханон ввел сюда соответствующую программу. Этот пульт Ауру сможет использовать только после специального указания или если другие мостики полностью выйдут из строя. Иначе возникает опасность передачи взаимопротиворечивых команд. Из-за такой ошибки можно проиграть сражение. Да, когда Буханон просмотрит запись работы приборов, не сносить ему головы. Ауру продолжил наблюдать за командным пунктом. Теперь Буханон что-то торопливо объяснял темноволосой женщине в форме командира – начальнику канцелярии Аль-Хакайма. Та слушала его, с важным видом время от времени кивая головой. Оценив размеры надвигающейся халианской армады, Ауру отвлекся от тягостных мыслей о грозящем ему наказании. Стоит ли думать о таких мелочах, если, очень возможно, ни он, ни Буханон просто не доживут до очередной переаттестации? Кадет даже испытал какое-то легкомысленное облегчение, как если бы знал, что судьба их predetermined, и потому он освобождается от всякой ответственности. Гудок клаксона вывел его из состояния эйфории. Обе флотилии замедлили свое движение – им хотелось растянуть до максимума время контакта с противником. Сам бой едва ли можно будет увидеть невооруженным глазом с планеты, за которую они рискуют своими жизнями. Как и в бою, руководимом Стоуном, несколько халианских кораблей оторвались от остальных. Они устремились туда, где должно было произойти столкновение. Ауру с ужасом вспомнил, что Стоун потерял почти половину своей флотилии. А у него шансов победить было куда как больше. Когда крейсер содрогнулся от залпа плазматической батареи, расположенной в передней части, желчь подступила к горлу, выплеснувшись из пустого желудка. Ауру задыхался от изжоги. Он услышал, как за спиной лейтенант Нейбургер набрала в легкие воздуха и задержала дыхание.

Две армады продолжали сближаться, и Флот на ходу начал перестраиваться в оборонную позицию, которую изложил им несколькими часами раньше Буханон. Халиане же мчались вперед, вообще не соблюдая никакого строя. Им не терпелось наброситься на противника. Вспомнив инструктаж, Ауру снова подключился к системному дисплею. Сначала ничего не было видно, потом он заметил одиноко мерцающую синюю точку,двигающуюся сверху. Ни одна красная точка не преграждала ей путь. Ауру стало не по себе, когда он понял – все неприятельские силы брошены на штурм боевых порядков, среди которых находился и его корабль. Буханон не одобрял методов капитана, командующего «Хейгом», находя его подход весьма неортодоксальным. Но молва о подвигах эсминца докатилась даже до Порты. Кадет пытался утешить себя мыслью, что по крайней мере он без малейших помех выполнит свою секретную миссию, хоть что-то пойдет по плану. Но это не помогало. Через некоторое время ряды Флота сомкнулись, и орудия «Гамильтона» умолкли. Корабли соединения выстроились в два шара – один внутри другого. И оказавшись во внутренней сфере, «Гамильтон» больше не мог стрелять, не подвергая опасности корабли передового эшелона. В следующие пятнадцать минут персоналу вспомогательного контрольного центра оставалось лишь следить за развитием событий на дисплее. Все молчали. Лишь когда гасла очередная синяя точка на экране, раздавалось чье-нибудь негромкое проклятие. Ауру был слегка удивлен отсутствием радостных возгласов, когда подбивали халианский корабль. Но потом и у него пропала охота радоваться. Теперь кадет сознался самому себе, что он напуган. Настолько, что даже обратился мысленно с детскими заклинаниями к Ней. Правда, слова молитвы он основательно подзабыл. Приятно было видеть, что на один подбитый корабль Флота приходится несколько подбитых халианских. Но при этом к противнику постоянно подлетали свежие силы. Когда корабли из внешней сферы получали сильные повреждения, они перемещались внутрь, где их на скорую руку латали. А на их место тут же вставали новые, которые получали преимущество над измотанными халианами. Ауру не сразу заметил, что почти половина халианской флотилии, включая наиболее

тяжелые корабли, сосредоточилась на одном участке сферы. Загудела сирена, и «Гамильтон» вместе с тремя старыми крейсерами, набирая скорость, помчался к этой секции шара. Почувствовав вибрацию, Ауру понял – теперь «Гамильтон» тоже вступает в бой. Флагман был последним резервом Дуана. Если они не отобьют сейчас атаку, если во внешней сфере появится брешь, то все построение расколется. Потому что до сих пор на каждый флотский корабль приходилось по два халианских. К тому же корабли Флота теперь полностью окружены. Понятие скорости относительно. «Гамильтон» уже поднял ее до нескольких миль в час, двигаясь по орбите. Сейчас двигатели напрягались, изменяя вектор направления, так чтобы корабль вышел во внешний шар. У них ушло меньше минуты, чтобы занять позицию внизу наружной сферы. Но Ауру всегда вспоминал об этом так, как будто все тянулось не меньше получаса. «Гамильтон» и корабли сопровождения успели занять позицию прежде, чем подверглись атаке. В следующие несколько минут Ауру выстрадал немало – представьте, что чувствует человек, находящийся на борту вовлеченного в смертную схватку корабля, при этом не имея возможности повлиять на ход событий. Дважды корабль трянуло – это халиане наносили по защитной системе настолько сильный удар, что случайной ракете удавалось прорваться сквозь экран. Оба раза он ожидал сигнала тревоги, оповещающего, что мощная броня крейсера пробита, но этого так и не случилось. В конце концов могучие орудия крейсера охладил пыл халиан и их более или менее организованная атака захлебнулась. Около двадцати халианских кораблей и четыре флотских были подбиты менее чем за четыре минуты.

«Гамильтон», дав задний ход, покидал внешнюю сферу.

И в это время Ауру, наблюдавший на дисплее развитие битвы, увидел, что один из халиан несется прямо на них, набирая скорость. Теперь он переключил все внимание на командный мостик. Ему стало почти любопытно, как они справятся с этой относительно слабой атакой. Многие корабли, первоначально уведенные с поля боя для починки, уже вернулись в строй. Перемещения продолжались. Поврежденные корабли удалялись на безопасное расстояние, их заменяли боеспособные. Этот процесс нельзя было прерывать – тогда всех бы накрыли огнем.

Позже записи покажут, что произошло в тот момент – первая ракета, выпущенная по халианскому кораблю, ударила прямо в середину. И вместо того, чтобы просто подбить его, расколола корабль на пять кусков.

Два куска были разнесены вдребезги другими подоспевшими ракетами. Еще один разломился, улетев под действием суммарного вектора с поля боя. А оставшиеся два куска, поменьше, продолжали мчаться тем же курсом, что и рассыпавшийся корабль. Они обрушились на «Гамильтон», вгрызаясь в обшивку, и за счет силы тяжести снесли магнитный щит.

Куски не были достаточно крупными, чтобы полностью разрушить крейсер, но обладали достаточной массой, чтобы оставить по глубокой борозде с рваными краями в корпусе корабля. Одна такая борозда перерезала кабель, идущий изнутри по корпусу, разомкнув основную и запасную цепи, соединяющие главный мостик со всеми помещениями корабля. К изумлению Ауру, монитор на мостике вдруг озарился малиновыми аварийными огнями. Второй кусок прошел глубже, пробив переборки в шести помещениях. Никто в этих отсеках не успел надеть скафандр. Сорок семь человек мгновенно погибли от перепада давления. Семеро из них были задействованы в контрольной системе Порты. За ту минуту, пока вступал в действие аварийный мостик на «Гамильтоне», крупнейший корабль флотилии, расположенный под совершенно произвольным углом, набрал скорость, взмыв над внешним шаром. Увидев, или просто интуитивно почувствовав, что на некоторое время крейсер стал беззащитным, дюжина халианских кораблей ринулась на него. Некоторые были сметены все еще функционирующим плазматическим орудием и ракетами, выпущенными из работающих теперь в автономном режиме башенных установок. А оставшиеся десять, объединив свою мощь, в течение двух минут четырежды обрушивали на броню «Гамильтона» огненный шквал.

Лейтенант Нейбургер, наблюдающая за дисплеем, слышала, как у нее за спиной Ауру хриплым голосом твердит радиопозывные. Он снова и снова пытался вызвать на связь запасной мостик Порты и выяснить, взяли ли там на себя командование флотилией. Прошло еще секунд тридцать, ответа так и не последовало. Только после этого лейтенант ввела код, и управление шестьюдесятью одним кораблем Флота оказалось в их руках.

Это было сделано вовремя. Без единого командования циркуляция кораблей между обстреливаемой наружной и внутренней, защищенной сферой прервалась. Уже залатанные корабли то-

мились в бездействии, не зная, где в них больше всего нуждаются. А покореженные корабли были вынуждены продолжать бой. Тщательно разработанная тактика Буханона уже грозила обернуться губительным для Флота хаосом.

У Ауру не было времени – ни чтобы как следует испугаться, ни чтобы ощутить чувство гордости за тех, кто воевал бок о бок с ним – эти люди не дрогнув приняли на свои плечи всю ответственность, начали отсортировывать корабли и восстановили контроль за ходом боя. Когда успех их усилий уже был налицо, «Гамильтон» поспешил укрыться в относительно безопасном внутреннем шаре. Ракета, ударившая в борт «Гамильтона», была выпущена с халианского корабля, затесавшегося между флагманами и кораблями сопровождения. Она не взорвалась, а воткнулась в судно под наклоном, и, пронзив несколько переборок, развалилась.

В отсек с аварийной системой управления словно выстрелили картечью. Сидящий ближе всего к той переборке, через которую влетели обломки ракеты, Ауру почувствовал, как что-то острое впилось ему в тело в нескольких местах – это было почище укусов виндлендских жучков. Все остальные были убиты или смертельно ранены. Только Нейбургер стонала, извиваясь в агонии, схватившись за живот. Ауру понял, что он уже ничем не сможет помочь этим людям и что единственный человек, способный отдавать приказы и вести сражение по плану, разработанному Буханоном, – это он сам.

Следующие десять минут промелькнули в каком-то угаре. Даже когда ему устроили дознание под гипнозом, все, что Ауру мог вспомнить, это болезненная, неестественная яркость восприятия и четкое осознание цели. Черный ящик корабля показал, что в те минуты кадет Ауру Лебари отдал с сотню команд и за счет этого сумел сохранить хоть какой-то порядок в строю. Он припоминал, что в какой-то момент обратил внимание на индикатор и обнаружил – второй контрольный щит вступил в действие. К удивлению своему, Ауру увидел, что над этим пультом склонился капитан Буханон. Вытирая одну руку от крови, капитан другой рукой набрал на пульте команды.

Форма специалиста по тактике висела ключьями, на спине кровоточила рана. Уже потом Ауру узнал, что рану Буханон получил, пробираясь в комнату аварийного контроля по полуразрушенному коридору, задев за острые зубцы.

Примерно тогда Ауру и почувствовал боль в левой руке. Он опустил взгляд и увидел металлический осколок примерно в четверть дюйма шириной, торчащий из тыльной стороны ладони. Струйка крови бежала из раны. Опустив ладонь слишком низко над щитом, он задел за панель и, когда руку пронзила боль, понял – осколок вышел с другой стороны. Постаравшись на время забыть о ране, он стал вызволять крейсер, взятый в тиски четырьмя самыми крупными кораблями, из тех, что еще уцелели у хорьков. Так, с куском железа, торчащим из руки, и нашла его спасательная команда, пробившаяся с командирского мостика в тот отсек. Когда врач вытаскивал из тела Ауру один за другим четыре осколка, боль была чудовищная. К тому времени, когда кадет смог вернуться на мостик, было очевидно, что битва закончена. Пульсацию аварийного двигателя и тяжелые раскаты плазматических орудий сменил ровный гул хорошо отрегулированных субсветовых двигателей. Ауру не требовалось читать сводку, он и так знал о победе. Он остался жив. И вообще все не так уже плохо.

ИНТЕРЛЮДИЯ

– Халиане являют собой классический пример варварской культуры. – Смайт оглядел лица членов Военного Совета. Больше половины собравшихся за столом выглядели удивленными. Они ожидали выступления Специального Следователя по Делах Флота, но несколько иного.

– Как вам известно, пять прошедших месяцев я провел за изучением записей о почти каждом нашем контакте с халианами, – Смайт сделал выразительную паузу: – Вдобавок я познакомился за это время с мнением экспертов с полдюжины планет.

Последнее удивило уже и Мейера. У него не было данных о том, что Смайт получал сообщения с других планет.

– Их выводы однозначны, – продолжал следователь.

Адмирал Мейер с противоположного конца стола поощряюще улыбнулся.

– Халиане не способны производить ни современных звездолетов, ни современного вооружения. Мало того, неясно, как им вообще удается задействовать то, что у них есть.

– Но сражаться-то они умеют! – возразил адмирал, который однажды потерял половину сво-

его экипажа.

Смайт кивнул со знанием дела.

– У халиан всего несколько типов кораблей, но зато их тысячи. Основаны они на технологиях, сходных с нашей, вероятно, происходящей из старой империи. Вопрос в том, откуда эти корабли взялись.

– Или где халиане их берут, – вмешался Мейер.

Смайт кивнул, на сей раз в знак согласия.

Когда вновь установилась тишина, Смайт выразительно закончил:

– Мы не знаем, как халиане добыли свои корабли. Ответ на этот вопрос может стать ключом к победе. – Голос его смягчился: – Будем надеяться, что высадка на Вифезду даст некие ответы. Если, конечно, нам повезет.

Дженет Моррис. ЭТО СМЕРТЬ!

В то время как эсминец «Хейг» проходил через проверочный барьер, направляясь, к Вифезде, лейтенант Инглиш выслушивал худший инструктаж в своей жизни.

Все в кают-компании «Хейга» прекрасно знали обстановку. Поэтому никто не удивился, когда Тоби Инглиш поднялся и, сверкая голубыми глазами, разразился речью:

– И это вы называете разбором диспозиции, командир Падова? Всему составу Девяносто Второй Роты Противодействия предстоит высадиться на кишачий хорьками навозный шарик, и это все, что я могу им сообщить? – он скомкал единственный экземпляр черновика, лежавший перед ним на столе, и наклонился к командиру эсминца, зажав листок с диспозицией в кулаке.

Джей Падова ответил ему ничего не выражавшим взглядом, затем медленно повернулся к офицеру разведки:

– Джоанна, у вас есть что-нибудь еще?

Джоанна Мэннинг решительно захлопнула крышку своего портативного компьютера.

– Не для широкого ознакомления, сэр, – ответила она. На ее лице отчетливо читалось напряжение.

Инглиш повернулся к той, что была на целую ступень старше его по званию, и сказал:

– Номер карты, флора, фауна, координаты космопорта и приказ нанести удар – это все? Никаких сведений о цели? Никаких планов местности? Никаких технических параметров? Вы даже не знаете, каковы силы неприятеля там, внизу, и, однако, именуете себя офицером разведки.

В голосе его было столько угрозы, что женщина отодвинулась вместе со стулом и встала.

– Лейтенант, – устало проговорила она, – солдаты флота должны не размышлять, а сражаться. Вы хотите узнать, что я думаю по поводу предстоящей операции? Я могу поделиться с вами, но неофициально и не для сведения ваших подчиненных.

– Замечательно, – ответил Инглиш, скрестив руки на груди и все еще сжимая в кулаке скомканный листок с диспозицией. – Что ж, послушаем.

– Хорошо, лейтенант, – сказала Мэннинг, плотно сжав губы, стараясь совладать с приступом гнева. – Там, куда вы направляетесь, численность противника может в четыре раза превосходить численность туземцев. Эскадрилья халиан, по предположениям наземной разведки, насчитывает около двадцати простых штурмовиков плюс три класса эсминцев. Электромагнитное защитное поле над портом исключает возможность получения надежных разведанных из космоса, лейтенант. Так что, на них не рассчитывайте. То, о чем я рассказала, единственные данные, которые можно считать более или менее достоверными.

– Этого недостаточно, мы слишком рискуем...

Мэннинг прервала его с уверенностью испытанного в боях полемиста:

– Что требуется ОКОБНАШу, так это, чтобы вы прорвались в порт. Можете ударить маленькой группой или устройте диверсию, если это кажется вам более подходящим. Но прежде чем вы покинете район, вы должны позаботиться об этих трех эсминцах – взорвите один из их реакторов. К примеру, с помощью замедленного запала или направленного заряда мы дадим вам все, чем располагаем. Или найдите любой другой способ. Как вы сделаете это, лейтенант, решать вам. Но если хотите оттуда выбраться, вы должны их взорвать. У вас есть два часа для рекогносцировки.

Мэннинг угрожала ему в открытую, на деле – не ему одному, но всему подразделению. У Инглиша было только два пути: перегнуться через стол и придушить инструкторшу или заткнуть-

ся и тихо сесть на свое место. В присутствии Падовы он выбрал второе, уговаривая себя, что, наверное, не расслышал или не так понял ее.

В голове все еще звучали слова Мэннинг: «Если хотите оттуда выбраться». Неприкрытая угроза. Он никогда и помыслить не мог, что ОКОБНАШ – Оперативное Командование Объединенных Начальников Штабов – могло действовать столь откровенно. Его люди не были ни осужденными, ни зелеными призывниками; это были отлично натасканные солдаты. Пятьдесят человек. Инглиш чувствовал, как багровеет его шея, пока он обдумывал, а не отказаться ли от этого безумного задания. Это настоящее самоубийство.

Но он прекрасно понимал – так или иначе, но ему все равно придется этим заняться или же его людям под командой другого офицера. Теперь Инглиш понимал, почему командир Девяносто Второй не присутствовал на инструктаже. Никто в Высшем Эшелоне Альянса не хотел иметь безучастных свидетелей. Вероятность осечки слишком велика. Зачем лишние разговоры.

Так что в кают-компании теперь он был один против этой чертовой Мэннинг и Падовы. При этом Джей Падова предпочитал отмалчиваться.

Конечно, можно было упереться и потребовать официально запротоколировать эту встречу. В этом случае его люди могли бы подать в суд на командование и добиться хороших пенсий и значительных выплат за увечья. Если, разумеется, кто-нибудь из них вообще увидит этот протокол.

Но, так как Инглиш был более чем уверен, что никто никогда и ничего не увидит, то он и не стал показывать зубы. Ему совершенно ясно – из этой переделки они должны выбираться сами. Вместо этого он проговорил с максимальной едкостью:

– Давайте без обиняков. Вы хотите, чтобы я высадился с десантом в пятьдесят человек на враждебную планету, где расположена главная база халиан, и, не имея никакой поддержки, вывел бы из строя целый космопорт. Например, ядерным взрывом, который сметет все вокруг. А потом в кромешной тьме добрался бы до необозначенной эвакуационной площадки. И на все про все нам даются два часа? Вы вообще-то хотите, чтобы мы вернулись?

– По-моему, это риторический вопрос, – бросила инструктор по разведке. Она повернулась к Падове:

– С вашего разрешения, сэр? У меня еще много дел.

– Вы свободны, Мэннинг, – кивнул Падова и потянулся за сигарой, а Джоанна Мэннинг ринулась к двери. Электронное устройство успело-таки отодвинуть панель, а то Инглиш уже было подумал, что офицер разведки решила разmozжить себе голову в припадке раскаяния. Падова затянулся, сквозь клубы сигарного дыма взглянул на Инглиша и сказал:

– Ну что, Тоби, это твой шанс. Что бы ты хотел захватить с собой из дополнительного арсенала?

Глаза Падовы сверкнули при упоминании об «особом» оснащении «Хейга». То, что «Хейг» был самым мощным эсминцем флотилии Союза, было заслугой Падовы – корабль имел электронные модули настолько совершенные, что при желании их можно было отнести к категории запрещенных. Маленький эсминец являл собой самую чудовищную военную машину, какую только можно вообразить. И каждый человек на борту гордился как командиром, осмелившимся презреть устав, так и мощью своего корабля.

– Большой шанс на что? – голова Инглиша дернулась вверх. – На посмертную медаль? У меня и так самый длинный во Флоте плащ, и несколько лишних хвостов хорьков не стоят того, чем это может обернуться.

– Шанс продвинуться по службе. Ты ведь станешь действовать в этой операции на уровне тактического командира – вытянешь ее, и я позабочусь, чтобы ты получил соответствующие деньги и звание.

Вот это выглядело довольно заманчиво. Инглишу пришлось признать, что Падова – непревзойденный психолог. Лейтенант слишком хорошо разбирался в ситуации, чтобы спрашивать, как случилось, что регулярный тактический командир не присутствовал на инструктаже. В подобном деле не стоит задавать вопросов, особенно если заранее знаешь ответы, которые только подтверждают твои подозрения. Миссия «Хейга» совершается в таком одиночестве, и так далеко от остальных кораблей, что последствия операции на Вифезде в равной степени могут заслужить как похвалу, так и осуждение.

Подобные задания всегда отличали Джея Падову, и Инглиш прекрасно знал это. Он также

знал, что если он выполнит задание, то ему и впрямь светит теплое местечко. Поэтому он и продолжал вести игру с пузатым, провонявшим сигарами, тактическим гением.

– Знаете, сэр, шесть месяцев назад я сидел за кружкой «Будайзера» и один парень в баре рассказал мне, как ему случилось в Эй-Эс-Ди забросить сюда дюжину специалистов по оборудованию и несколько специальных агентов. Как вышло, что об этом нет ни слова в отчете Мэннинг?

– Знаешь, не будь ты так чертовски полезен, Инглиш, я бы тебе рога пообломал. Ты слишком умен для солдата. Я как раз собирался объяснить, что...

– Пойдите, – Инглиш вежливо поднял руку. Судя по всему, сейчас должно было последовать нечто такое, о чем не должна знать даже Джоанна Мэннинг.

– Прежде чем перейти к секретной части, желательнее вернуться к вашему предложению «особого оснащения». Я и в самом деле хотел бы использовать «невидимки» для высадки, сэр. И подходящий скутер с маяком контроля сигнала, чтобы добраться до пункта эвакуации. И нет нужды, чтобы все хорьки Вифезды носились по лесам, раздувая ноздри и выискивая десантников. Что, если сопроводить нашу высадку отвлекающим маневром?

– Я собирался вам предложить это, если бы ты не спросил, – ответил Джей Падова, крутя в пальцах сигару. – А что касается дальнейшего, то подписанные бланки официальных предписаний будут ожидать тебя у сержанта группы.

Таким образом, Падова всегда мог заявить, что он не знал, в чем заключается миссия Инглиша, по крайней мере, точно. Чем больше Тоби Инглиш узнавал о предстоящем задании, тем меньше оно ему нравилось. Будь у него наследники, он обязательно оставил бы завещание.

Но наследников у него нет, и теперь Джей Падова рассказывал о том, что вместе с солдатами-десантниками на планету высадится целая группа специальных агентов, которая обеспечит отвлекающие акции.

– Отвлекающие акции? – удивленно спросил Тоби. – Но разве спецагентов не должны беречь как зеницу ока?

– Как мне сказали, этих можно использовать без опаски, – резко ответил Падова. – Даже в большей степени, чем твоих подчиненных.

– Приятно узнать, что есть и такие. Хотите, чтобы мы, по возможности, вытащили их, прежде чем заварится каша?

– Нет. Как только мы выведем из строя космопорт с его тяжелыми орудиями. Флот двинет туда все силы. Агенты там еще понадобятся.

Инглиш вышел из кают-компании в глубокой задумчивости несчастный простофиля с Эйры, всю свою жизнь, окруженный обманом и ложными представлениями. Инглиш ощущал себя сейчас желторотым младенцем. А ведь большую часть сознательной жизни он истреблял хорьков и считал себя матерым, все на свете испытавшим ветераном. До сегодняшнего дня.

Тревожило не то, что Девяносто Вторую Роту Противодействия внезапно приравнивали к смертникам, но бессовестное намерение скорее потерять своих наземных агентов, чем поддержать их. Видно, этот космопорт и в самом деле нужен был ОКОБНАШу позарез, раз собирался пожертвовать агентами, внедряемыми с таким риском и затратами. А риск и впрямь огромен: если порт взорвет, всех оставшихся на Вифезде людей ждет страшная участь. Гнев хорьков будет поистине ужасен.

Когда Инглиш в одиночестве спускался на лифте из командного отсека на склад, его осенило: смысл операции состоит не столько в уничтожении космопорта, сколько в том жалком спектакле, на который обрекали спецагентов. Все должно выглядеть так, будто это неудачная разведывательная акция. И какую бы интригу это задание ни маскировало, главное состоит в том, чтобы внедряемые агенты не вернулись с Вифезды живыми. А если так, то под ударом оказывается их начальство? В глазах Падовы это читалось совершенно отчетливо. К тому же о дальнейшей судьбе агентов не содержалось ни слова в единственной страничке инструктажа, которую он разглядел и теперь держал в кармане. С точки зрения ОКОБНАШа, дураки на Вифезде уже умерли. Или должны были умереть. Никто не станет благодарить Девяносто Вторую, если откроется шкаф, переполненный скелетами. Одно Инглиш знал наверняка о ребятах из Корпуса – если они вам чего-то не говорят, то как раз это и намереваются сделать.

Поэтому неофициальный разговор с Падовой означал, что старик не согласен с полученными приказами.

Проклятие! Предстоящее дело обещало быть гораздо сложнее, чем простой выстрел в цель.

«Невидимки» в точности соответствовали своему названию: военные челноки с защитными устройствами на борту, включающими электромагнитные щиты и подавители сигналов, если халиане действительно могут засечь их с планеты и не располагают спутниками слежения в космосе, то, быть может, Девяносто Второй не придется рисковать своим сверхсекретным скутером. Но о возможностях врага никогда не знаешь наверняка.

Да и о собственных тоже. «Невидимки» поглощали любой волновой сигнал, выдавая взамен непримечательные параметры: если должен был пройти отраженный сигнал, заблокированный «невидимкой», то это и произошло. С небольшой поправкой. Так что, если предстояло приземлиться в горах, то «невидимка» показывал горы и больше ничего.

Единственным слабым местом являлись плазменные струи, и в теории «невидимка» мог провести любой самый сложный прибор, за исключением невооруженного глаза. Если же никто не следил за небом, планирующий транспорт останется невидимым до момента выхода из атмосферы, но к тому времени скутер уже давно будет сброшен с хирургической точностью в девять и девять десятых отметок шкалы от намеченного космопорта.

Появиться непосредственно над самым космопортом было сущим безумием, но Девяносто Вторая решила на этот шаг по весьма важной причине: собственные устройства слежения требовали данных более точных, чем полученные понаслышке. Находясь над портом с поднятым электромагнитным щитом, они были абсолютно беззащитны и могли рассчитывать лишь на слепящий эффект от щита халиан, там где на высоте в сто тысяч футов происходила поляризация его сферы.

Было что-то жуткое в этом безмолвном скольжении по дуге прямо над головами врагов, так близко, чтобы камеры могли распознать даже оружейные точки. Полмили вверх – и уже ни черта не разглядишь, а на полмили вниз – и тебя засекут, опознают и взорвут быстрее, чем ты сообразишь, что опустился слишком низко.

Внутри скутера все затаили дыхание. Каждый из людей Инглиша уже облачился в скафандр, в руке список для проверки снаряжения. Первый сержант окаменел рядом с плазменными пускателями и элегантными цилиндрами заплочных ракет. Никто не шевелился.

Каждый не сводил глаз со своего хронометра. Двенадцать человек в специальных шлемах, опустив лицевые щитки, контролировали продвижение челнока.

Тот, кто долгое время существовал рядом с этим механизмом, начинал понимать, как использовать его малейшее преимущество. Инглиш видел то же, что и пилот, но он еще успевал следить за изображением, которое выдавали камеры: увеличенные снимки космопорта.

Однако по снимкам нельзя было с уверенностью сказать, настоящие это орудия или же макеты из картона и папье-маше. Пробное зондирование немедленно вызвало бы тревогу среди халиан. А это все равно что разбудить хорька, дергая его за усы.

Поэтому десантники ничего не предпринимали. Они проскользнули над портом в планирующем режиме и вышли на заданное место высадки.

Инглиш собирался предупредить своих не имевших связи солдат, чтобы они следили в оба, но его опередил инструктор, включив сигнальное освещение. Внутренности шестидесятиместного скутера осветились тревожным красным мерцанием, и пятьдесят две головы повернулись к инструктору, уставившись на него ничего не выражающими стеклами своих шлемов.

Затем последовало безмолвное, вытягивающее душу свободное падение, когда транспорт сбросил скутер Девяносто Второй. А потом тишина раскололась.

Красный свет погас, выстрелили плазменные горелки первой ступени, затем второй. Одновременно выскочили, убрались и вновь выскочили стабилизаторы. Люди теперь могли при желании разговаривать, не опасаясь разлететься в клочья, если звуковую волну засечет сканер халиан, поскольку уже работали собственные защитные системы ожившего скутера.

Ветераны бесчисленных высадок были спокойны, неторопливо проверяя в последний раз свою амуницию. Новоиспеченные десантники отстегнули свою упряжь и устремились к инструктору получать тяжелое вооружение, обмениваясь друг с другом впечатлениями.

Инглиш оставался на месте, поигрывая ручным сканером команд. В устройство были заложены сигнальные коды маяка для вызова законспирированных агентов, поддержка которых была ему обещана. Он пока не подключил перчатки к системе своего костюма, поскольку не перевел маяк в автоматический режим. Он все еще не был уверен, что это следует сделать.

Но когда инструктор просигналил, что до высадки осталась одна минута, Инглиш запустил-

таки программу. Не хватало еще сейчас беспокоиться о чьих-то там подчиненных. В первую очередь он позаботится о своих людях.

Приземление прошло более жестко чем следовало. Сканер едва не вырвался из рук лейтенанта. Инглиш выругался. Эта штука, болтающаяся на ремешке и рассыпающаяся во все стороны дурацкие сообщения, была ему сейчас нужна как собаке пятая нога.

Он спрятал прибор и снова выругался по открытому каналу связи.

Головы в шлемах повернулись к нему. Инглиш улыбнулся и заговорил:

– Не стреляйте в первое, что увидите – к нам с богатыми подарками направляются целевые агенты.

Кто-то вздохнул, словно бы с облегчением. Дисплей Инглиша показал, что это старший сержант Тамарак.

– Но и эти братания тоже ни к чему. И не подставляйте спину никому, кто не имеет опознавательного значка. Неизвестно, под каким давлением находятся эти агенты.

Он замолчал, и за дело взялся инструктор. Проверил готовность десантников и распахнул люк. В открывшемся проеме Инглиш впервые увидел Вифезду, мерцавшую изумрудной зеленью в приборе ночного видения.

Зеленая, как Эйри в самом разгаре лета. Устроить здесь бойню – настоящее преступление. Все эти чудесные деревья...

Он раздал десанникам дыхательные устройства и антирадиационные защитные чехлы на бутсы. Потом добавил:

– Я знаю, что воздух здесь приятный и вокруг настоящая красотища, но вы все-таки не снимайте кислородных масок. Если что-то пойдет не так, у вас не будет и одной десятой секунды на запуск компрессора.

Солдаты заворчали, но в открытую возражать никто не стал. На Земле, в отличие от космоса, может иметься не только свежий воздух, но и куда менее приятные вещи. Вот ради последних и высаживалась Девяносто Вторая на эту, с виду такую мирную, планету.

Десантники выпрыгнули наружу, и инструктор отсалютовал Инглишу красноречивым жестом. Голос его по каналу связи напутствовал:

– Возвращайтесь точно на отметку, лейтенант. У меня строгие указания.

– У меня тоже, – ответил Инглиш. Никто из них не пожелал развивать эту тему.

Когда выгрузили дополнительную амуницию и взрывчатку, инструктор плотно, как раковину моллюска, закупорил люк скутера. Инглиш приказал набросить на Эй-Пи-Си маскировочную сеть. После чего инструктор включил собственную защиту. Инглиш слышал ее гудение непосредственно через шлем и дыхательное приспособление, словно вибрировала под ногами сама земля.

Он собирался уже отдать сержанту приказ возглавить подразделение и двигаться по показаниям сканера, как заметил в кустах какое-то движение.

– У нас гости, – сообщил он по открытому каналу. Солдаты аккуратно, словно на тренировке, рассыпались в поисках укрытия.

Инглиш направил свой сканер в сторону подозрительных кустов. Там пульсировало три красных пятна. Он собрался уже скомандовать своим людям проверить, что там такое, как одно из пятен прочертило мерцающий пунктир в его направлении.

Темнота стояла хоть глаз выколи, так что пользы от линз шлема не было никакой. Инглиш перевел свой фонарь на максимальную мощность и с трудом различил приближающийся силуэт. Человек. Хорьки не могут быть столь глупы.

– Лейтенант, если вы не встретите его лично, то я, пожалуй, займусь этим болваном, – прокаркал голос Сойера в наушниках.

– Мне торопиться не к чему, действуйте, сержант, – ответил Инглиш. – И будьте добры разоружить всех, Сойер, – добавил он жестко.

Никогда не помешает напомнить ребятам, как надо держаться.

Правда, Инглиш еще не разобрался, что он сам думает по поводу странной встречи с тремя незнакомцами, оказавшимися в аккурат в месте высадки.

На самом деле встречал их только один.

Как только красное пятно замедлило движение, приблизившись к десанникам, несколько человек бросились к кустам, но затаившиеся там приятели смельчака пустились наутек.

Инглиш приказал:

– Возьмите одного, остальные пусть уходят!

Когда пленника подвели к нему, оба других пятна все еще маячили неподалеку. Отдав команду следовать за ним, Инглиш направился в сторону, где затаились беглецы. Прежде всего надо было отойти как можно дальше от корабля, а потом уже можно поближе познакомиться с добычей.

Это и впрямь был человек. До сих пор он не произнес ни слова. Инглиш вгляделся в едва проступавшее в сумраке бледное лицо. Да это женщина! Грязная, оборванная, с безумными глазами.

Он обвел рукой своих десантников, окруживших пленницу плотным кольцом.

– Ты пойдешь с нами. Если твои друзья продолжают там маячить, я их уничтожу. У тебя шестьдесят секунд.

Он демонстративно вскинул к глазам руку с часами. Раздавшийся голос был практически лишен интонаций.

Женщина не запаниковала, не закричала, она даже не стала возражать. Один из десантников шагнул вперед и протянул какие-то предметы:

– Ее оружие.

Нож. Пятнадцатизарядный пистолет, изрядно потертый, и к нему две обоймы на магнитном ремне. Гладкая осколочная граната. Примитивный хлам. Инглиш уже начал сомневаться, не являются ли эта женщина и два ее спутника простым куском ходячего несчастья, а не его связными, когда она заговорила:

– Хвосты хорьков мягкие, как и здешние жители.

Это был пароль, который с кислым видом сообщила ему Джоанна Мэннинг перед самой отправкой.

– Но не столь мягкие, как женщина, – это был отзыв. Помолчав, Инглиш спросил: – Как насчет твоих друзей?

– Они подойдут следом. Это туземцы – не стоит их посвящать в это дело.

Он отдал приказ не стрелять. Пока.

Женщина оказалась одним из специалистов по оборудованию, заброшенных сюда шесть месяцев назад. У него возникло импульсивное желание снять шлем, но он удержался. Не стоит показывать своим солдатам плохой пример. А она не робкого десятка, если сумела выжить здесь. Но глупой бедняжке не повезло: он не собирается дать ей то, о чем она больше всего мечтает – возможность обратиться отсюда подобру-поздорову.

– Мне нужен ваш рапорт. Быстро. – Он вытащил сканер и включил дешифратор. – Выкладывайте.

– Маршрут Один-Семь слишком опасен, – она выплевывала координаты, завязывая штабная крыса. – Вы можете приблизиться к космопорту со стороны большого корабля. В последний месяц они переместили свои игрушки. Мы здесь слегка засветились.

– Слегка засветились? – Инглиш инстинктивно отодвинулся от нее. Группа по-прежнему двигалась в направлении Один-Семь. Он не отменил приказа. До сих пор Инглиш был уверен, что не стоит это делать. Знание пароля еще не означало, что женщине можно доверять, и даже не доказывало, что именно ее он должен был встретить здесь. Предатели имелись на всех оккупированных мирах, а хорьки отлично умели добывать сведения.

– Да, засветились. Две ячейки уничтожены, возможно, кое-кто из наших людей попал в плен. Разумеется, никто из нас не знает всей системы, но я не представляю, какая информация могла попасть к халианам. Я также не знаю, кого заложили.

– Вы не доверяете своим? Зачем же было брать их с собой?

– Послушайте... Этот шлем затрудняет общение. Я слишком долго ждала. Неплохо было бы взглянуть вам в глаза и увидеть хоть чуточку поддержки. Меня зовут Милиус, и я рада вас видеть, Девяносто Второй.

– Инглиш. Извините, заставил своих людей вырядиться по полной программе.

– Он щелкнул застежками и переключил все системы на сканер. Отключил кислородный компрессор и стянул с головы шлем. Тряхнув головой, спросил:

– Удовлетворены? Такой же человек, как вы. Ну а теперь, как насчет того, что вы не доверяете своим агентам?

– Издержки положения. Я командир и предпочитаю все держать под своим контролем. Они

неплохие ребята. Преданные. Мы можем предложить вам лучшее пристанище, чем лес или кусты. Если вы, конечно, не боитесь.

– Похоже, последнее вам не дает покоя?

– Я имею в виду жилища аборигенов. Сегодня ночью хорьки прочесывают территорию на предмет посторонних. Это происходит каждую третью ночь. Почему-то ваша высадка неудачно совпала...

– Уловил. У меня на задание только двадцать восемь часов, леди. Если вы считаете, что можете упростить мою задачу, – я готов. Но если мы почуем, что игра идет нечисто, – считайте, ваши аборигены уже мертвы.

– Ясно, – ответила Милиус.

Инглишу показалось, что она улыбнулась в темноте. Он повертел в руках шлем, виновато буркнул:

– Придется вам потерпеть. Мне необходима связь. Когда прибудем на место, у нас будет время спокойно поговорить. Или у вас есть что-то срочное?

– Ничего. Разве что сообщить, когда появится патруль халиан.

– Угу, спасибо, – бросил он отсутствующе.

Он передал полученные от нее координаты, потом добавил:

– Тамарак, когда прибудем в эту деревню, можете действовать по своему усмотрению. Если что нечисто, перебейте их всех и установите в домах заряды с замедленными детонаторами и электрозапалом. Если это ловушка, я хочу, чтобы она дорого им обошлась. И еще, сержант, свяжитесь с инструктором и объясните ему, в чем дело. Возможно, он захочет держать палец на кнопке.

– Ясно. Приборы все еще показывают с флангов те две цели.

– Это и есть агенты, как утверждает связной. А уж чьи, увидим позже, должно быть, наши. Передай Сойеру, чтобы все же не упускал их из виду. Теперь ты знаешь все. Если что, бери командование на себя.

– Есть. Я сообщу на скутер, что ситуация не подлежит обсуждению, если вы не против.

– Да, пожалуй. – В сущности, так ведь оно и было, хотя Инглишу меньше всего хотелось оставлять инструктора на его собственное усмотрение.

Отныне либо все должно идти кладке, либо никто не вернется домой.

Что, утешил он себя, обычные издержки его профессии.

Когда они добрались до «деревни», которую Милиус именовала пристанищем, то Инглиш пожалел, что контакт вообще состоялся.

Это оказалась куча жалких, крошечных, вонючих лачуг с наглухо закрытыми ставнями и дверьми. Дальше сквозь щиток шлема была отчетливо видна убогость жилищ. В каждой лачуге находились больные и раненые люди. И ни одна не была достаточно велика, чтобы вместить прибывшую компанию.

Все больше и больше это напоминало Инглишу ловушку, но если ночью халиане действительно станут прочесывать территорию, то выбора у Инглиша не было.

Он разместил по пять человек в лачуге, постаравшись сделать так, чтобы в каждой группе имелись плазменное оружие, заплечный реактивный аппарат, пулемет и специалист по коммуникации. При этом сам Инглиш остался в одиночестве, определившись в лачугу Милиус.

Сержант Тамарак не скрывал своего неодобрения. Десантники держались наготове, и к тому же Инглиш приказал расставить маскированные под камни детекторы движения с фотоопознанием по всему периметру деревни. Так что не все было так уж плохо. Но обстановка была очень тягостной. И лейтенант понимал своего сержанта.

В лачуге, которую Милиус именовала домом, лежала полусумасшедшая старуха. Она что-то непрерывно бормотала, обращаясь к столбу, поддерживавшему крышу, видимо, принимая его за какого-то родственника. Время от времени она начинала стонать и жалобно звать Милиус, не обращавшую на нее внимания. Рядом со старухой на груде разорванных подстилок лежал мальчишка с оторванной взрывом ногой, явно умирающий от гангрены. Запах в лачуге стоял такой, что Инглиш предпочел не снимать шлем.

Милиус приготовила напиток, который условно можно было назвать чаем. Инглиш наблюдал за ее манипуляциями. Из своей чашки он пить не стал, а взял чашку Милиус, да и то только после того, как она отхлебнула из нее. Бдительность терять не стоит. Он прислонился спиной к

хлипкой плетеной стене хижины и замер. Чувство беспокойства увеличивалось.

Ему было жарко, он устал, и его вовсе не-прельщали двадцать часов ожидания.

Конечно, можно вывести из хижин ребят и пробиваться к космопорту среди бела дня. Есть много способов умереть. И этот ничуть не хуже других. Но и не лучше.

Милиус настойчиво пыталась рассказать о местном «сопротивлении», но Инглишу было неинтересно. После чая она уговорила его не надевать шлем. Достала откуда-то длинную, свободную накидку, протянула ее Инглишу и предложила отправиться на встречу с другими.

Подумав, Инглиш согласился. Надо же как-то убить время. К тому же он мог таким образом проверить своих людей. Сказав себе, что должен провести внеплановую инспекцию, Инглиш вслед за Милиус вылез из лачуги. Ну и вид, наверное, у него! Бесформенная фигура с горбом на спине в заплесневелой накидке из старого одеяла.

– Это Энди, – сказала Милиус в первой хижине, где один из солдат Инглиша пытался осмотреть гноящуюся рану у подростка. Мальчик от боли вцепился зубами в плетеную циновку.

– Энди заработал ее, когда пытался высвободить мать из рабства. Он убил трех хорьков, взорвал их грузовик и подсыпал сахар в несколько цистерн с горючим.

Она взъерошила мальчику волосы, а Инглиш кивнул замершему в неуверенности десантнику.

– Продолжай, приятель.

Остальные десантники, находившиеся в этой лачуге, не сводили глаз с раненого паренька и трех женщин неопределенного возраста, по сравнению с которыми Милиус можно было назвать просто красавицей.

Они вышли из хижины и зашли в другую. Там они пробыли лишь несколько секунд.

– Почему так мало мужчин? – поинтересовался Инглиш, с наслаждением вдыхая свежий ночной воздух.

– Многие погибли.

Милиус потянулась и распустила волосы. В тусклом свете лачуги они имели какой-то грязно-коричневый оттенок, а теперь вдруг упали иссиня-черной волной.

– Я действительно рада видеть вас, Инглиш. Я делала здесь все, что могла. Этим людям долго не продержаться. Дальше к северу дела обстоят не лучше. Я дважды разговаривала с теми, кто возглавляет там агентуру. Как вы собираетесь это сделать?

– Сделать что?

– Вытащить нас отсюда. Оставшихся. Я пойду с вами. Я умею обращаться с любым оружием. У вас ведь найдется что-нибудь в запасе? Но как быть с остальными? Их не больше дюжины. Процесс эвакуации никогда...

– Я не получал такого приказа, – оборвал Инглиш ее.

Возможно, его отряд и нуждался в помощи Милиус, но не настолько, чтобы Инглиш был готов бросить своих людей в мясорубку войны с халианами. В его распоряжении всего двадцать часов. Он не сможет вызволить всех этих несчастных за это время. Кроме того, есть и еще задание. Милиус хочет убраться отсюда. Это ее право. Но он не может дать ей тот ответ, которого она ждет.

– Так вы заберете только меня? А потом, когда высадятся ударные силы, выберутся и остальные? Так?

– Я не уверен, что нам самим удастся выбраться, прежде чем подойдут ударные силы, – сказал он. – Вам ведь известно, что им нужны законспирированные агенты. Смотря, как пойдут дела этой ночью...

Она поняла и удовлетворилась его ответом. Она, но не он. Хотя, возможно, слишком горда, чтобы винить его за чуждое решение.

Он от всего сердца хотел бы, чтобы на ее месте оказался кто-то другой. Почему именно женщина должна рисковать жизнью ради обеспечения безопасности его бригады?! Хорьки хуже всего обходились именно с земными женщинами.

Инглиш поймал себя на том, что ему хочется увидеть ее лицо. Милиус, отвернувшись, смотрела в темноту.

Он тихо заговорил:

– У меня плащ из хвостов хорьков до самого пола, если это может вас как-то утешить. Я лично убил их больше двух сотен. А на общем счету моего подразделения их больше трех тысяч.

Может быть, Альянс и не выиграет эту проклятую войну, но Девяносто Вторая в своей победила давно.

– Я здесь, чтобы уничтожить этот космопорт. Больше мне ничего не нужно, – голос ее был так холоден, что он отстранился. – В Галактике полно планет, где людям гораздо хуже, чем здесь. Но это не мое дело. Я хочу вывести из строя этот чертов космопорт, и мне все равно, Инглиш, сколько при этом погибнет ваших бойскаутов. Понятно?

– А я думал, вам хочется попасть домой.

– Мой дом – корабль Альянса, – голос ее немного смягчился. – Но прежде я хочу убедиться, что дело сделано. И вы не уйдете отсюда раньше, чем это произойдет. Если вы не выполните свою работу, отсюда никто не сможет уйти. Так что надо подумать о том, что скоро наступит день.

Последние слова прозвучали странно. Он не мог понять, куда она клонит. Но Милиус, ничего больше не добавив, свернулась калачиком на драной подстилке и тут же заснула, сжимая рукой старое штурмовое ружье.

Он оставил ее в лачуге, а сам отправился на поиски старшего сержанта.

– Знаете, лейтенант, – сказал Тамарак, – я тут переговорил с теми двумя, что сопровождали эту женщину. По их словам, с ней опасно иметь дело. Фанатичка. Убивать хорьков – ее религия. К ней как-то приходил один из командиров ячейки, и они повздорили по поводу совместных действий. Так она, не долго думая, застрелила парня. Как предателя. Мне показалось, что вам следует об этом знать.

– Правильно, – ответил вслух Инглиш и знаком показал, чтобы тот стер разговор и снял шлем.

Остальные десантники были неподвижны, возможно, спали. Каждый из них давно уже научился засыпать при первой же возможности.

Тамарак заметил:

– Она попробует что-то предпринять, если узнает, что дела идут иначе, чем ей хочется.

– Не уверен, что стану винить ее в этом, – задумчиво сказал Инглиш и достал из пояса плитку дневного рациона. Голода он не чувствовал, но выучка брала свое.

На эту выучку он сейчас и уповал.

Было в Милиус и во всех этих несчастных, которых она возглавляла, что-то такое, что заставляло его проникаться все большим отвращением к полученным приказам.

Спроси его кто-нибудь в этот момент, что он думает о Милиус, Инглиш бы не задумываясь ответил, что никого отважнее и решительнее этой женщины в своей жизни не встречал. Она сражалась с этими чертовыми мохнатыми ублюдками, зная, что впереди нет просвета. И даже если Альянс захватит космопорт, даже если сбудутся самые дикие ее мечты, ничего в этой жизни не изменится.

Закат на Вифезде был стремителен, словно на планету вдруг сбросили гигантскую дымовую шашку. Они уже добрались до места, благодаря Милиус, которая разыскала несколько разбитых повозок и заставила Инглиша согласиться с ее дерзким замыслом.

Инглиш и сам никак не мог понять, почему он столь безропотно подчиняется приказам этой безумицы. Это вышло как-то само собой. Милиус лучше всех разбиралась в местной ситуации. Она знала привычки халиан, их распорядок, их настрой. Она знала, где можно разжиться молоком и свежими яйцами, до которых так падки эти чертовы хорьки.

Так они и проникли на территорию космопорта: спрятавшись на повозках между бидонами с молоком и коробками с яйцами. Обошлось без стрельбы.

Фокус состоял в том, чтобы успеть управиться с бомбами и взрывателями до того, как помощники Милиус должны будут отправляться в обратный путь.

Когда Инглиш заикнулся на этот счет, она лишь махнула рукой.

– Не дрейфь, приятель! У меня... – она оскалила зубы в зловещей усмешке. – У меня кое-какие отношения с командиром мохнатых придурков. Обычно я задерживаюсь здесь.

Он не понял.

– То есть...

– Они слишком любят виски, глупец. И еще коллективные игры. Конвой задержится до позднего вечера. Если до этого времени вы не установите свои заряды, то... ведь для чего-то же существуют автоматы, не так ли? Пробыться наружу будет проще.

– Кто спорит, – согласился он.

Милиус выбралась наружу, протопала по двойному днищу грузовика, где прятался Инглиш, прыгнула на землю. Он включил антенный усилитель, чтобы послушать, о чем она будет говорить с охранниками.

И тут случилось нечто невероятное и отвратительное. Очевидно, подошел халианин, так как Милиус что-то кротко пролаяла – наверное, имя. Хорек затявдал в ответ. И Милиус вдруг разразилась продолжительной речью, состоящей из серии лающих звуков. Инглишу и в голову не могло прийти, что она способна говорить на языке халиан. Более того, он не предполагал, что этот язык вообще доступен людям. Разумеется, кое-кто из офицеров разведки способен понимать его, но говорить...

Милиус удалилась вместе с халианином. Сканер не оставлял на этот счет никаких сомнений.

Он почувствовал тошноту, но продолжал твердить себе, что будь она предателем, он и его люди уже были бы мертвы или в плену. У халиан нет причин тянуть резину.

Десантники терпеливо ждали в своих не слишком комфортабельных убежищах, пока опустится вечерний сумрак. Но вот час настал.

Милиус снабдила их всеми необходимыми данными для размещения зарядов на энергосистеме. Сама процедура не должна была стать самым сложным делом сегодняшней ночи. Космопорт со всеми своими причиндалами вскоре взлетит в воздух.

Пока подрывники занимались своим делом, Тамарак и Инглиш выкарабкались из грузовика и короткими перебежками направились к большим кораблям. Милиус проинструктировала их относительно маршрута. К эсминцам надо было подобраться раньше, чем будет выведена из строя система энергоснабжения.

Пока они с Тамараком двигались к эсминцам, остальные десантники, разбившись по трое, должны были заняться штурмовиками. По заряду под фюзеляж или в сопло. И так далее, от машины к машине.

Инглиш мог следить за отметкой каждого из своих солдат на дисплее с планом местности. На незнакомой территории было дьявольски трудно одновременно не выпускать из виду подчиненных, заниматься своим собственным заданием и контролировать отметки хорьков.

Тамарак первым заметил опасность. Инглиш в этот момент был слишком занят, чтобы думать о сохранности собственной задницы.

Он инструктировал десантника, оставшегося у выхода:

– Шесть часов, и, пожалуйста, уберите их без шума. Если вас засекут... – тут ворчание Тамарака заставило его замереть.

Инглиш обернулся как раз вовремя, чтобы полюбоваться, как хорек рухнул на землю со сломанной шеей, а Тамарак открывает свой нож, чтобы отрезать хвост.

– Спасибо, – поблагодарил Инглиш.

– Не стоит, – буркнул Там, затыкая за пояс окровавленный хвост. – Мы будем отключать освещение, или как?

– Только по моей команде, – медленно ответил Инглиш и махнул рукой вперед.

Он был немного смущен, что позволил хорьку застать себя врасплох. Счастье, что халианин не был вооружен и экипирован. Инглиш не разглядел следов электроники. Остается надеяться, что эта тварь не успела поднять тревогу.

Момент, когда нужно будет отдать приказ отключить энергию, приближался. Инглиша разбирал азарт – он должен поймать свой эсминец. У этих кораблей было автономное освещение, и они могли стартовать при первых признаках опасности. Нет, потерять мишень, когда затрачено столько трудов, – это настоящее безумие.

Так что Инглиш продолжал лавировать между ангарами, грузовиками, порталами мастерских и заправок, не отрывая глаз от сканера.

Когда половина штурмовиков халиан была успешно заминирована, команда Бета влипла. Дисплей шлема замерцал сигналом тревоги, в наушниках отчетливо прозвучала просьба о помощи. Кто-то из капралов.

Инглиш в этот момент уже достал из кармана магнитный заряд. Выбора у него не было, и он сделал то, что должен был сделать: отдал приказ вырубить энергосистему. Сам же прыжком достиг эсминца, уцепился за край сопла, и, подтянувшись на руках, прилепнул свою магнитную мину. Несколько секунд он не ориентировался в ситуации Вокруг царил кромешный мрак.

Прокричал по открытому каналу, чтобы группа Сигма помогла Бете. Он отпустил руки и

спрыгнул на землю. Теперь можно воспользоваться услугами сканера.

Он осветил в сторону второго эсминца, включил инфракрасные очки. Тамарака видно не было. Пошарил по каналам аудио – и видеосвязи. На канале сержанта царила тишина. Инглиш пошарил сканером, переключился на частоту Тамарака. Чернота.

По общей связи он проорал:

– Тамарак готов. Запасной! Найти и установить заряд! Соьер – ты теперь за Тамарака.

Соьер плавно скользнул в сектор старшего сержанта, и Инглиш позволил себе немного расслабиться.

Когда Инглиш добрался до второго эсминца, там уже всю хозяйничали хорьки. Разъяренными фуриями мохнатые твари выскакивали из темноты, изредка прорезаемой вспышками выстрелов. Инглиш от души надеялся, что стреляют не его десантники.

– Соьер! – проорал он, падая на землю, перекатываясь и стряхивая хорька, вцепившегося в скафандр. В следующее мгновение он подстрелил еще одного халианина, метнувшегося откуда-то сверху. – Скажи своим парням, чтобы не стреляли в меня. Я на Т – 2. Тамарак, похоже, убит. Где ты, твою мать! Я облеплен этими тварями с ног до головы.

Он нисколько не преувеличивал. Хорьки бешеным роем крутились вокруг. Все в рабочих комбинезонах, вооруженные в основном гаечными ключами и ножами. Он продолжал перекатываться, стрелять и пинать, стараясь уклониться от случайных рикошетов или слишком близких разрывов.

– Я здесь, лейтенант, – ответил Соьер, неожиданно вырисовываясь рядом. – Не шевелитесь, ладно?

– Что значит не шевелиться? Уж не собираешься ли ты...

Соьер, разрядив всю обойму, расстрелял облепивших Инглиша хорьков.

В жизни Инглиша это был самый жуткий момент. Он чувствовал, как заряды ударяют в тела халиан и весело тренькают о скафандр. Соьер стрелял почти в упор.

Внезапно он осознал, что все кончено. Соьер протянул ему руки и рывком извлек из-под трупов халиан.

– Они без оружия, – сказал Соьер, и Инглиш с некоторым трудом сообразил, что сержант имеет в виду хорьков.

Это и впрямь были в основном механики из мастерских. Но где-то имелись и другие халиане. Темноту космопорта разрывали вспышки выстрелов и плазменных разрывов, зависая в небе мириадами светлячков.

Инглиш подбежал к трупам Тамарака и подобрал плоский магнитный заряд.

– Давай поскорей взорвем это чертово место, – проговорил он Союеру через стиснутые зубы, только сейчас ощущая, что проклятые хорьки на славу потрудились над его руками и ногами. В крови кипел адреналин. Забыв о боли, Инглиш подпрыгнул к соплу эсминца. Соьер остался внизу с оружием наготове. За поясом у него болтались хвосты убитых хорьков. Не меньше дюжины. Уж не тех ли хорьков, что осаждали Инглиша?

Впрочем, сейчас было не до споров о том, чьи это трофеи. Надо было позаботиться о людях. Он и так был виноват в том, что стал действовать сам, вместо того, чтобы сидеть в проклятом грузовике с яйцами. Но чтобы насладиться чувством вины, надо как минимум выжить.

Он позволил Союеру довершить дело с последним эсминцем. Десанникам у штурмовиков приходилось несладко: за дело взялся более серьезный противник – появились хорьки на танкетках и с плазменными автоматами.

Единственное преимущество людей состояло в том, что хорьки опасались стрелять по собственным кораблям, запрограммированным горючим под завязку.

– Время для отвлекающего маневра. – Инглиш не сразу сообразил, что произнес эти слова вслух.

– Взорвем один штурмовик и рванем на другой конец площадки, – предложил Соьер. И внезапно добавил по закрытому каналу: – Значит, придется оставить тело Тамарака. Бедняга. Запишем на его счет все хвосты, которые мы с вами сегодня добыли, лейтенант. Ну и идиоты, считают трофеи посреди такой заварухи.

– Все мы хороши. Ладно, придется его оставить. – Инглиш снова перешел на открытый канал: – Ребята, пересчитайтесь на ходу. Если все на месте, взрывайте 13 – Зед. А теперь бегом к пункту Икс!

Все задвигались. На дисплее сканера это напоминало картину космического сражения. Отметки десантников отыскивали путь в обход отметок врагов, ну а те, что не двигались... что ж, они были мертвы.

Приходилось играть именно так – в темноте, вопреки всему. За пять секунд до взрыва штурмовика Инглиш дал предупреждение, и все залегли. Он следил за происходящим по сканеру.

Взрыв был сильнее, чем он рассчитывал. Земля содрогнулась. Дыхательное устройство загнуло дело на тон выше, усиливая фильтрацию забираемого воздуха.

Времени на размышление больше не было. Оставалось лишь молиться, чтобы все живыми добрались в пункт Икс. И вызвать скутер.

Скутер должен был добраться до обозначенной отметки значительно быстрее людей.

– Инструктор, это Инглиш! Предварительно согласованный пункт Икс. Шевелитесь!

Если удастся выбраться до того, как взорвутся остальные штурмовики, то можно считать, что они победили. Но если они еще не доберутся до укрытия до того, как цепная реакция вызовет преждевременный взрыв одного из эсминцев, то считать уже ни чего не придется.

Этого не должно произойти! Не должно! Но проклятые хорьки поставили цистерны с горючим так близко к...

Инглиш чуть не замер как вкопанный. Но ведь... Ведь штурмовики были заправлены! С какой целью? Неужели проклятые хорьки прознали о готовящемся ударе Альянса?! Для кого предназначались ядерные заряды в жерлах эсминцев?! Если его догадка верна, то вскоре здесь будет и впрямь жарко.

Он слышал собственное дыхание. Точки на сканере быстро перемещались. Он набрал в легкие побольше воздуха и устремился следом.

Он уже проделал половину пути через защитное поле, когда снова остановился. Задыхаясь, сжимая в руке плазменное ружье, счетчик которого показывал, что заряды давно иссякли, не помнил, когда успел все расстрелять. Он словно примерз к месту. Как будто в его распоряжении была сама вечность. Он методично пересчитал уцелевших людей.

Кроме Тамарака, они потеряли еще троих. Нельзя сказать, что потрясающе, но совсем плохо.

Он проговорил:

– Соьер, ты отвечаешь за всех. Доставишь на борт скутера. Я постараюсь успеть. Если смогу. Но не ждите меня больше пяти минут, впрочем, и пяти не ждите, если заметите, что-нибудь похожее на термоядерный взрыв.

Он повернулся, пошел, а потом побежал в сторону грузовика с яйцами. Все быстрее и быстрее.

– Сэр? Эй, лейтенант, какого хрена? – Соьер попытался догнать его.

Инглиш, не оборачиваясь и не замедляя шага, крикнул:

– Агент! Я забыл об агенте!

– Черта с два! – крикнул в ответ Соьер и ударил его прикладом по затылку. – Извините, сэр, – добавил сержант, когда оглушенный Инглиш мешком повалился на землю.

Десантники подхватили обмякшее тело своего лейтенанта и устремились к скутеру. Они были уже совсем рядом, когда золотистое пламя взметнулось над штурмовиком.

Счетчик радиации на поясе Инглиша заверещал, предлагая ему убираться, как можно скорее. Захлебнувшись, счетчик пронзительно пискнул и заткнулся. Оружие раскалялось, и десантники ни при каких других обстоятельствах не способные расстаться с автоматами, швыряли их на землю. Еще мгновение, и ударная волна собьет всех с ног. Инглиш пришел в себя, когда его втаскивали в люк. Он хотел вернуться к Милиус, на самом деле хотел. Но в налетевшем вихре ей требовалось нечто большее, чем помощь какого-то там лейтенанта. Ей требовалось чудо.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Адмирал Мейер разглядывал взлетно-посадочную полосу. Корабли самых разных размеров с четким интервалом в одну минуту поднимались и исчезали в багровом небе.

Халиане, отнюдь не побежденные, успели объявиться в соседних секторах Галактики, более того, количество кораблей у них не уменьшилось. Соседи Альянса тоже спешили нарастить свою военную мощь, не желая упускать открывающиеся возможности, пока силы Флота отвлечены на

борьбу с новым противником.

Львиная доля Флота либо защищала границы, либо рыскала в поисках родных миров халиан. Прочие корабли людей можно было отыскать где-то на трассах между планетами Альянса. Число разведывательно-поисковых подразделений удвоилось, а поиски затерянных колоний стали приобретать характер какой-то почти маниакальной одержимости. Первые отчеты на эту тему уже лежали у адмирала на столе. Разведчики успели найти множество крайне странных планет, и многие из них могли внести значительный вклад в общее дело. Скоро Альянсу потребуются все ресурсы, которые только можно собрать.

На глазах у адмирала в небо поднялась очередная эскадрилья разведывательных кораблей. Статистика утверждает, что один из них не вернется, пропадет где-то среди бесчисленного множества неисследованных звезд в пределах контролируемой Альянсом окружности диаметром в три тысячи световых лет.

Адмирал Мейер поднял стакан мичиганского вина и отсалютовал. Ящик этого славного напитка ему вчера прислал Смайт в честь победоносного сражения при Вифезде. Обращаясь к удаляющимся кораблям, адмирал произнес традиционный на его родной планете тост:

– Удачи! И пусть вас направляют боги!

Челси Куин Ярбро. ДУРГСКИЙ ХАДЖИТ

С тех пор, как Небесная Река перенесла нас от Источника в эти места, мы шли тропами, предписанными нашими древними законами, свято почитая Писание, этот дарованный нам кладезь премудрости и залог благоденствия. Мы ступали этими тропами со времен Основания и не уклонялись от них, как и было предписано, ибо делать меньше означает подвергнуть опасности нашу жизнь – жизнь каждого из нас.

Дни нашего прибытия теряются в глубокой древности, но семьи высших каст Дурги, известные на протяжении более ста поколений, ведут свое происхождение от тех самых Основателей, имена которых можно найти в Священном Реестре Пассажиров – части Священного Писания, рассказывающей о годах Основателей. Писание говорит, что года эти были даже старше, чем поход по Небесной Реке, протекающей от Ганга к Дурге и Обителям Богов. Полное число лет, указанное в Тексте на момент начала похода, составляет две тысячи сто сорок четыре. Мы знаем, что прожили здесь, на Дурге, дольше, чем пребывали у Источника, возле Святых живительных вод Ганга. В том Святом месте мы провели очень недолгое время, а затем отправились в путь по Небесной Реке.

Хотя кое-кто на протяжении многих столетий и утверждал, что это только мистическая цифра, не имеющая отношения к реальному времени, люди сведущие говорят, что к ней подобает относиться как к точной дате, ибо точность особо подчеркивается в Священных Руководствах По Эксплуатации. Высказывалось также мнение, что в том благословеннейшем из мест годы исчислялись не так, как теперь. Но как бы то ни было, дату эту никто никогда не подвергал сомнению, ибо она помечена буквами «н.э.» и потому известна как Не Подлежащая Экзаменации.

В Контрактах сказано, что время от времени нас будут посещать Посланцы Источника, дабы направлять и помогать в трудах наших. Эти Воплощения Высших Богов должны руководить нашим совершенствованием в этом мире и рассудить, когда мы станем достойны припасть к Источнику, ибо Древнейший Текст обещает, что все мы к нему вернемся.

Но время шло, и многие впадали в отчаяние и предавались странным культам, ибо сменилось уже множество поколений, а Посланцев все не было. Ни единое Божественное Воплощение не посетило нас, дабы наставить на путь истинный. Представители высших каст-говорили, что это оттого, что для Богов время не имеет значения, а вечная битва, которую Они ведут между собой, продолжается и поныне. Древнейший Текст, Бевед Хаджит, повествует о множестве войн между Богами и Их вечном противостоянии. Сказано, что по Небесной Реке мы отправились в эпоху бедствий, когда Ганга послала в такие же путешествия тысячи своих детей. Но что с ними стало – известно лишь Богам.

Поэтому три года назад, когда Посланцы наконец появились, все касты Дурги охватило ликование и священный ужас. Эти Воплощения сошли на землю возле Кела, одного из трех городов, которые должно перестраивать. Большинство представителей высшей касты утверждало, что это потому, что Кел – их главный город. Но служители храмов не были столь уверены и провели дол-

гие часы в медитации и ученых изысканиях по поводу сего великого события.

Писец храма Аджны начертил на бумаге все слова, услышанные через Шкатулку Духа; Дух этот Знал языки всех стран или, по крайней мере, претендовал на такое знание. Посланцы узнавали через него множество разных вещей, в том числе могли понимать и речь писца.

И вот Посланец, державший Шкатулку Духа, обратился к писцу с такой речью:

– Мы прибыли от имени... – далее следовало имя прежде неизвестного нам Бога, которого звали Флот или как-то похоже, –... в поисках затерянных колоний с Земли.

– Мы не терялись, – ответил писец. – Это Дурга, на которую послала нас Ганга, Мать всего сущего.

– Они выглядят людьми, командир, – сказал один из Посланцев, сопровождавших Его. В руках Он держал два Атрибута, но мы не ведали их прежде.

– Можно ли определить происхождение этого языка? – обратился Посланец, которого называли Командиром, к своему подчиненному.

– Можно попробовать, – ответил подчиненный. – Запишем образцы разговора и посмотрим, что по ним смогут определить специалисты Центрального архива.

Писец Аджны понял, что первый Посланец – очень важная персона, ибо лишь к воплощениям Высших Богов обращаются со словом «Командир». Он также почувствовал, что одна из причин Их появления – войны между Богами, поскольку одеты эти Посланцы были явно в доспехи. Писец знал, что к таким Высшим Существом не допускается обращаться с вопросами, и в почтительном молчании ожидал, пока Они вновь заговорят с ним.

– Что это за место? – пожелало через некоторое время узнать Воплощение, именуемое Командир.

Но писец Аджны, конечно, понимал, что его проверяют, поскольку Божественное Воплощение Командир, разумеется, знал, где находится.

– Это город Кел, заново отстроенный лишь три года назад. Он перестраивался уже двести девять раз.

– Вот это – город? – спросил подчиненный.

– Кел – один из трех великих городов, которые должно перестраивать, – сказал писец.

– Должно перестраивать... – повторил Командир, подчеркивая важность этого повеления Богов. – Как думаешь, каковы тут остальные, а, Спандрил?

– Не хотелось бы гадать, сэр, – ответил тот.

– Думаю, это стоит выяснить, – сказал Командир и вновь обратился к писцу храма Аджны. – Нас прибыло шестеро. Есть ли поблизости кто-нибудь из вашего начальства?

– Здесь, в Келе, проживают представители высших каст, а в храмах – служители Богов. Для каждого из них было бы огромной честью, если бы вы заговорили с ним, Командир. – Писец соединил все семь своих пальцев на уровне четвертого сустава, поднял руки ко лбу и низко поклонился, выказывая величайшее почтение.

– Странно он выглядит, а? – спросил подчиненный Командира.

– Вы Зиви или Вишна? – осмелился спросить писец и тут же низко склонился, касаясь головой колен, от стыда за величайшую ошибку, которую совершил.

– Меня зовут Хордер, и со мною, кроме Спандрила, еще пятеро, – сказал Командир, оглядывая стены Кела. – Ты только вообрази подобную жизнь!

– И впрямь не очень-то веселое местечко, – проговорил подчиненный.

– Лучше оставим свое мнение при себе, Спандрил. Нам может понадобиться помощь этих... людей. – Командир, назвавший себя Хордером, подошел к писцу, которого била крупная дрожь, ибо писец читал о своенравии и непостоянстве Богов.

– Скажи мне, о Командир, о Хордер, что должен я сделать – и я тут же брошусь исполнять Твои приказания, – пролепетал писец, по-прежнему склонившись, в глубочайшем поклоне, лелея надежду, что Воплощение Бога не поразит его на месте за совершенную дерзость. Имени этого Воплощения писец никогда прежде не слышал. А это означало, что либо родился новый Бог, либо у тех Богов, что упоминаются в наших Священных Текстах, есть и другие, неведомые еще лики.

– Мне надо поговорить со здешним руководством, – Шкатулка Духа издавала звуки, напомиравшие птичье карканье, но все же не переставала улавливать и передавать слова. Очевидно, воплощение Божества в Шкатулке Духа не желало утруждать себя принятием более привычной формы, что вводило писца в недоумение, ибо он ни разу не слышал о том, чтобы Боги выбирали

столь необычную внешность.

– Представители наивысшей касты собираются каждый вечер на закате солнца принести жертвы Дурге, дабы Она была благосклонна, пока к нам обращен Ее Мрачный Лик. – Писец вновь склонился в поклоне и стал ожидать Их решений.

– У нас есть еще пара часов, сэр, – сказал Спандрил. – Можно связаться с Флотом и доложить о находке.

– Хорошая мысль, – отозвался Командир. – Ты, – обратился он к писцу, – скажи своему начальству, что мы скоро вернемся. Нам нужно... отправить донесение.

Писец не вполне понял, последние слова, но задать еще один вопрос не решился. Поэтому он разогнулся и, поклонившись вторично, ответил:

– Исполню, о Хордер.

– Чего это он?

– Вы же знаете, каковы все эти дикари, сэр, – откликнулся Спандрил, глядя на колесницу, в которой они спустились с Небесной Реки. – Все шиворот-навыворот понимают.

– Думаешь, нам что-нибудь угрожает? – спросил Командир Хордер, пристально разглядывая писца, продолжавшего под этим взглядом сгибаться все ниже и ниже, демонстрируя свою покорность. Писцу хотелось верить, что Бог не испепелит его в приступе мимолетного каприза.

– Сомневаюсь, сэр, – ответил Спандрил. – Этот тип ведет себя слишком подобострастно, чтобы решиться причинить нам зло. Он навел на писца один из своих невиданных Атрибутов.

– Возможно, – сказал Командир Хордер, отступая на несколько шагов. – Скажи им, что мы вернемся незадолго до заката.

– Самый благоприятный час, – осмелился произнести писец, склоняясь ниже, чем когда-либо прежде.

– Да, – подтвердил Командир Хордер не очень уверенно. – Прикрывай тылы, Спандрил.

Он повернулся к колеснице, помощник последовал за ним. Но прежде чем войти в колесницу, Командир еще раз взглянул на писца:

– Нас будет четверо.

– Собираетесь оставить кого-то на борту? – спросил помощник.

– На всякий случай, – загадочно ответил Бог Хордер. – Неизвестно, что нас ждет в этом странном месте и... – дальнейшее оказалось непонятно, ибо Шкатулку Духа вновь убрали в колесницу, и ее слова оборвались. Писец поспешил прочь от колесницы и, добравшись до своего храма, пал ниц перед самой большой статуей Бога Аджны. Некоторое время он предавался молитвам и медитации, а затем, в соответствии с полученным приказанием, отправился передать весть представителям наивысшей касты. Писца встретил и с большим вниманием выслушал сам Адми.

– Который из Богов прибыл?

Писец поднял голову и обратился к Адми:

– Он назвал себя Хордером, а при обращении его зовут Командиром. Это несомненно один из Высших Богов. Он сказал, что прибыл от имени Флота.

Адми взглянул на своих товарищей – на тридцать одного представителя наивысшей касты, происходивших по прямой линии от Основателей. В Священном Реестре Пассажиров указывается их более двухсот, но жизнь на Дурге нелегка, и за прошедшее время многие роды пресеклись. Теперь высшая каста Кела состояла лишь из тридцати одного человека, которым слишком хорошо известно, как быстро тают их ряды. И хотя все они могли припомнить, что когда-то их было больше, сами представители наивысшей касты более чем кто-либо были озабочены собственной малочисленностью.

– Этот Бог, – сказал Адми, – что он нам предлагает?

– Он этого не сказал, – сообщил писец.

– Разумеется, этого не должно спрашивать, пока мы не узнаем, кто Он такой, – сказал Дерир – столь глубокий старик, что не мог уже сидеть прямо; спина его год за годом все больше и больше сгибалась. – Поступить иначе означает призвать на свою голову неисчислимые бедствия.

– Дерир прав, – сказал Казей, – кем бы ни был этот Бог, Он не окажет нам Своих благодеяний, пока мы не научимся правильно понимать Его сущность.

На груди Дерира перекрещивались четыре шнура, скрепленные древним медальоном, передававшимся в его семье из поколения в поколение со времен Основателей. Предназначение его давно уже было забыто, но благодаря древнему происхождению медальон глубоко почитался.

– Возможно, ты прав, – отозвался Адми, глава высшей касты до конца года, – не следует действовать опрометчиво, а не то придется об этом пожалеть.

– Дело еще и в том, – заговорил Газили, считавшийся самым удачливым из наивысшей касты, поскольку у него родилось семеро детей, – что мы принадлежим Дурге. У Дурги множество Лиц, и будем надеяться, что Она станет обращать к нам лишь самые благосклонные из них, ибо Она не прощает грехов. – Все присутствующие представители наивысшей касты кивнули, а писец храма Аджны склонил голову, зная, что ему не подобает говорить иначе, как отвечая на вопросы.

– Повтори-ка еще раз, что этот Бог, этот Хордер, сказал о своем происхождении, – спросил Мутали, подняв свою седую голову и оглядывая собрание.

– Он сказал, что прибыл от имени Флота, – ответил писец.

– Флот, – задумчиво проговорил Мутали, – если б мы знали это слово, то понимали бы, с чем имеем дело. Он взглянул на остальных, и все неторопливо кивнули в знак согласия.

– Флот означает «быстрый», – осмелился вставить писец.

– Да, значит, этот Бог пришел от Быстроты, – сказал Адми. – Быстрота. Странный Атрибут. И притом весьма выразительный.

Он приблизился к алтарю у двери, простерся ниц и стал творить молитвы, ибо даже представителям наивысшей касты предписаны Бесконечные Молитвы, которые надлежит петь всю жизнь.

– Флот. Быстрота. Скорость, – произнося эти слова, Дерир загнул три из семи своих пальцев. – Какой из Богов выбрал бы эти Атрибуты для своего Воплощения? Это совсем не то, чего мы ожидали.

– Промысел Божий предугадать невозможно, – заметил Мутали, – ожидать от Богов что-то определенное, значит, чтить Их не так, как надлежит чтить Богов.

Все присутствующие выразили согласие.

– Когда Они собирались вернуться? – спросил Газили. – К этому моменту мы должны подготовить встречу.

– Незадолго до захода солнца, – ответил писец. – Они будут говорить с вами.

Представители высшей касты пребывали в куда большей тревоге, чем им хотелось бы признать. Один из присутствующих поднялся, приблизился к алтарю и присоединился к Адми. Заунывный напев Бесконечных Молитв наполнял теперь комнату.

– Заход солнца приближается, – объявил из дальнего конца комнаты самый молодой из собравшихся, юноша хрупкого сложения по имени Тэло. – Что мы должны делать?

– Готовиться, – ответил Безин. – Нам оказывает честь Бог, Который есть Флот, и мы должны выказать свое понимание и свою признательность.

– На сколько это не оскорбит Дургу, – напомнил Газили. – Это место принадлежит Ей, а мы – Ее народ и обязаны чтить Ее прежде всех прочих Богов. Она – Мать всего сущего.

Вся наивысшая каста вновь выразила единодушное согласие, вскинув руки в ритуальном жесте понимания и одобрения. На писца никто не обращал внимания, пока наконец снова не заговорил Безин:

– Надо послать за жрецами. Мы нуждаемся в их руководстве, – он говорил решительно, и вся Дурга будет вечно чтить его память за эту настойчивость. Без того озарения, которое позволяет жрецам вести людей по пути истинному, мы могли бы принять ошибочное решение и навечно лишились бы милости Дурги во всех Ее Проявлениях.

– Ты, писец, – еще раз обратился к писцу Адми. Лицо его выражало безграничную решимость, ибо Адми был уверен, что настал момент, когда люди Дурги получают возможность проявить свою преданность Богине, – ты отправишься и обойдешь все храмы, ты призовешь жрецов говорить с нами, ибо они, конечно, больше знают об этих посланцах, об этом Командире Хордере, чем мы. Мы, представители наивысшей касты, храним знания своего народа, но именно жрецы делают нас ближе к Богам.

Писец поклонился до земли и заспешил в путь – сперва к своему собственному храму, самому большому из посвященных Аджне, затем к храму Зиви, где статуи демонов охраняют пути к алтарям, затем к храму Закти, еще одного воплощения Зиви, построенному на том же древнем фундаменте, что и самый первый из храмов Закти и считающемся храмом величайшего могущества, уступающим лишь монументальному храму Дурги и всех Ее Форм. В каждом храме он обращался к жрецам наивысшего ранга и наибольшей мудрости и рассказывал о том, что ему довелось узнать. И вот за час до захода солнца к представителям наивысшей касты прибыли не меньше

двадцати четырех жрецов.

– У нас мало времени, – сказал Адми, указывая на тени, начинавшие заполнять Кел. Многие улицы уже сделались темны, как ночью. – Посланцы скоро вернуться, а мы все еще не знаем, что Им нужно.

– Сказано, что Боги будут посылать от Ганги к нам свой Воплощения, дабы направлять на путь истинный, – сказал Его Преподобие жрец Янезы, Бога знания. Голова этого Бога даже обезображена переполняющими ее знаниями. – Это подтверждается множеством Писаний.

– Янеза могуч знаниями, – сказал жрец Энгри, ризы которого были расписаны сценами подвигов этого Бога. – Янеза более могуч знаниями, чем все остальные, но Он не способен читать в сердцах людей, подобно Энгри, ибо в Энгри больше человеческого, чем в Янезе. Поэтому нам также надлежит обратиться за руководством к Энгри.

– Но они не люди, – Адми были неприятны пререкания жрецов, хотя ему не раз уже доводилось их слышать. – Эти Посланцы – Воплощения Богов.

– Но мы-то люди, – упрямо произнес жрец Энгри. – Нам нужна Его помощь в общении с этими необычными Существами.

– Надо помнить, – сказал важный жрец Закти, – что Дурга недостижима для человека, и с подобающей серьезностью следует относиться к тем обстоятельствам, которые привели к нам эти Воплощения. Мы так долго оставались в одиночестве. Не может быть, чтобы Их привело к нам что-либо кроме новой великой битвы Богов.

В ответ раздался гул множества голосов. Сбивающие с толку речи жрецов очень раздражали Адми.

– Мой долг – относиться ко всему этому с подозрением, – провозгласил он наконец. – Покуда я являюсь главой высшей касты, я обязан не терять головы, невзирая ни на какие провокации.

– Откровенно говоря, ты даже не понимаешь, что играешь с огнем, Адми, – жрец Еймея одарил его хмурым взглядом. Мы в Келе. Все служители Еймея хорошо знают, что наш Бог служит Дурге во всех Ее Формах, как и подобает каждому Богу. Еймей позаботится, чтобы мы неукоснительно следовали заповедям Дурги, покуда в своих решениях мы полагаемся на Него.

– И что ты всем этим хочешь сказать? – Адми сложил руки на груди.

– Я хочу лишь напомнить, что каждый из нас в ответе не только перед всем народом Дурги, но также и перед Еймеем и Матерью всего сущего. Эти Воплощения, какому бы Богу Они ни принадлежали, второстепенны по сравнению с самой Дургой. – Он опустил глаза. – Дурга создала Закти, как своего Сына и своего Возлюбленного. Она создала Еймея, чтобы судить людей. Все Боги – Ее дети, а мы – дети Богов.

– И что из того? – спросил Адми, видя, что его непонимание разделяют и остальные присутствующие.

Жрец многозначительно пожал плечами:

– Если мы не служим Дурге, то, таким образом, не сможем служить и Другим.

Писец храма Аджны, которому было ведено остаться в комнате, смотрел на улицу сквозь наибольшее из двух ее окон, обернулся и поклонился представителям наивысшей касты и жрецам.

– Закат вот-вот начнется, и Посланцы возвращаются, – сообщил он.

– Надо идти им навстречу, – в голосе Адми прозвучало больше покорности неизбежному нежели радости.

– Слушайте, что Он скажет, – произнес жрец Янезы, – слушайте и учитесь.

Направляясь к выходу, чтобы встретить у ворот города посетителей, прибывших от имени Флота, собравшиеся продолжали высказывать различные предположения по поводу происходящего.

– Помните, что Вишна обошел всю Гангу в три шага, – произнес жрец этого Бога. – Может быть, это именно Вишна пришел к нам теперь, ибо Он всегда выбирал очень необычную внешность для своих Воплощений.

– А если это не Вишна, то кто тогда? – размышлял вслух другой жрец.

Адми поднял руку, призывая к молчанию, и процессия двинулась к воротам.

Со всех концов города Кела раздавались оглушительные звуки гонга. Жители, принадлежавшие ко всем без исключения кастам, вышли на улицы попрощаться с дневным светом, как и полагается делать каждый вечер перед заходом солнца. Закат – время тревожное и небезопасное, и люди обращаются с молитвами к Богам, но сегодня многие из них одновременно краем глаза сле-

дили за процессией представителей наивысшей касты и жрецов.

Командир Хордер нетерпеливо ждал у юго-западных ворот. На этот раз Его сопровождали три Помощника – Спандрил и двое других.

Представители наивысшей касты поклонились и проделали ритуальные приглашающие жесты, а затем свое почтение выказали жрецы. Совершив все это как подобает, они замерли в ожидании волеизъявления Посланцев.

– Мы благодарны за ваше приглашение, – произнес Командир Хордер через Шкатулку Духа, – и надемся, что вы выслушаете то, что мы собираемся сказать, и согласитесь помочь в нашем деле.

– Дела Богов – это обязанность для человека, – ответил за всех Адми.

– Э... а, да, – Командир Хордер бросил взгляд на своих спутников. – Вы уверены, что в архивах нет ошибок? Трудновато поверить, что они происходят с Земли, как бы много времени ни прошло с тех пор, как они сюда прибыли.

– Мы прибыли от Источника, из Ганги, – начал писец храма Аджны, но голос Спандрила перебил его:

– Во времена великого голода с территории Индии отправилось более трехсот кораблей с колонистами. В архивах имеются все данные. У нас достаточно фактов, чтобы утверждать, что это потомки тех самых переселенцев.

– И все-таки... – сказал Командир Хордер и вздохнул. – Похоже, нам понадобится любая помощь, которую только можно получить.

– Так точно, сэр, – подтвердил один из Его Спутников.

Командир Хордер еще раз обратился к представителям наивысшей касты.

– Мы пришли к вам за помощью, – сказал Он.

Все представители наивысшей касты отвесили глубокие поклоны.

– Есть такие... – Он глянул на Спандрила и двоих других. – Черт возьми, ну как объяснить таким людям, кто такие халиане?

– Халиане? – переспросил первосвященник Дурги. Когда-то его звали Лаллин – когда у него еще было имя.

Командир Хордер сделал шаг вперед. На Нем был широкий пояс, с которого свисали три Атрибута, и хотя грудь Его и не была перекрещена двумя портупелями, одежду все же украшали мистические знаки, немедленно пленившие каждого из жрецов.

– Да. Это... это враги. Они несут разрушение.

Жрецы закивали в знак согласия. Представители наивысшей касты внимательно слушали.

– Эти... халиане... – заговорил счастливец Газили. – И каковы ваши намерения?

– Вы должны понять, что это они начали первыми, – объяснял Командир Хордер. – Мы не такие, как они.

Жрецы вновь кивнули. Один распевал бесконечную молитву.

– Он что, без этого жить не может, Командир? – спросил один из Посланцев.

– Прекрати это, Экрилл, – прошипел Хордер. – Надо, чтобы эти люди приняли нашу сторону. Их планета находится очень близко к сфере влияния халиан.

Он снова взглянул на стоявших перед ним семипалых людей:

– Никак не могу привыкнуть к тем сюрпризам, что порою преподносят некоторые колонисты. Понимаете, о чем я?

– Так точно, сэр, – отозвался Экрилл таким казенно-безжизненным голосом, какой только можно вообразить.

Хордер вздохнул и опять перевел взгляд на представителей наивысшей касты.

– Жаль, что архивные данные о ранних колониях столь скудны. Мы не знаем об этих людях самых элементарных вещей.

– Верно, – согласился Спандрил. – Но если здесь чуть-чуть задержаться, – добавил он беззаботно, – и организовать исследовательскую группу, можно выяснить...

– Исследовательскую группу? – повторил Хордер. – Вот здесь, на халианской границе? Это даст им прекрасный долгожданный повод повторить историю Цели. – Он взглянул на Адми. – Вы здесь главный, так?

– Да, я глава наивысшей касты, – отвечал Адми с большим достоинством. – Но каждый из жрецов говорит от имени своего Бога, а не от имени наивысшей касты. – Он соединил кончики

пальцев и отвесил такой низкий поклон, какой вряд ли вообще можно ожидать от представителя наивысшей касты.

– Представители наивысшей касты – это те, у кого на груди перекрещивающиеся шнуры? – Хордер продолжал выяснять ситуацию.

– Это символ нашей касты, соответствующий повелению Богов, данному еще до того, как мы отправились в путешествие по Небесной Реке. – Адми взглянул на писца храма Аджны. – Мы следовали путями, которые предписывают нам Боги, и не уклонялись от них.

– В Писаниях сказано о временах Основания, – сообщил писец.

– Нам бы хотелось на них взглянуть, если не возражаете, – сказал Командир Хордер.

– Мы рады исполнить всякие желания Ваших Божественных Воплощений, – вновь выразил свое почтение Адми. – Вам следует лишь приказать.

Жрец Зиви низко поклонился и заговорил:

– О прибывшие от имени Флота, каковы Ваши Атрибуты? Сообщите нам, дабы мы понимали, как лучше служить Вам.

Прочие члены делегации поразились его дерзости, ибо с древнейших времен известно, что обращаться к Богу, иначе как выказывая свое смирение и покорность – значит, навлечь на себя огромные бедствия. Но практичность и догадливость жреца Зиви все же вызвала восхищение. Затаяв дыхание, все ожидали кары, которой Воплощение Хордер подвергнет жреца за такую непочтительность.

– Флот – это... Видите ли, это довольно трудно объяснить людям вроде вас, так долго жившим в изоляции от всего мира... Мы там создали... группу связанных друг с другом планет. Множество миров теперь находятся под нашим контролем, – он изо всех сил старался найти наилучшие слова для объяснения назначения и принципов действий Флота. – Мы помогаем поддерживать связь между ними, обеспечиваем защиту, и...

– А... – сказал с улыбкой жрец Вишны, – защита. Это помощь, приходящая быстро.

Хордер вслушивался в слова, исходящие из Шкатулки Духа.

– Э... нет, не то. Дело в том...

– Командир, – прервал его Спандрил, – не стоит пичкать их тем, что они все равно не сумеют переварить.

Хордер призадумался.

– Думаю, мы сможем это объяснить попозже, Куда важнее то, что касается халиан. Верно? – Хордер подал ободряющий знак своим спутникам. – Им ведь не нужны подробности?

– Видимо, нет, – сказал Спандрил.

– Эти Боги не все нам откроют, – предупредил Адми старик Дерир. – Множество вещей Боги от людей скрывают. Надо быть терпеливыми и внимательными, дабы не впасть в заблуждение.

– Это в высшей степени справедливо, – согласился Адми. Другие поддержали его.

– Видите ли, – сказал Хордер, делая еще несколько шагов вперед, – нам нужна ваша помощь. Халиане расширяют свое влияние, они становятся наглее день ото дня.

Спандрил кашлянул:

– Расскажите им о Цели. Старайтесь говорить как можно проще, но дайте им знать.

– Да, – поддержал Варинг, последние минуты разглядывавший жрецов со все возрастающим напряжением, – расскажите им.

– Боже, как бы мне хотелось присесть где-нибудь в нормальной обстановке, – пожаловался Командир Хордер своим спутникам, и компьютер-переводчик немедленно передал его слова представителям наивысшей касты и жрецам Кела.

– Мы удостоимся великой чести, если Вы согласитесь пройти с нами в Главный храм, – тут же сказал Адми.

Хордер поколебался и выразил затем свое согласие:

– Разумеется. Это было бы очень кстати. Идите вперед, а мы последуем за вами. – Он обернулся к подчиненным: – Будьте начеку. Мы пока не знаем, с кем имеем дело.

– Я пока не вижу никаких трудностей, с которыми нельзя было бы справиться, – сказал Экрилла явно для того, чтобы загладить свою предыдущую оплошность.

Ворота Кела были изготовлены из ценной породы дерева, благовонной древесины орани, что произрастает только в узком поясе умеренного климата. Во время каждой перестройки Кела требовалось подвозить в него новые запасы дерева орани, на что обычно уходит почти целый год.

– Чем-то воняет, – вполголоса сказал Экрилла.

– Прекрати, – опять повторил Хордер.

– Есть, сэр.

– Боже, вы только посмотрите на все это, – прошептал Спандрил, оглядывая узенькие улочки.

– Он сказал «Боже», – тихо заметил писец храма Аджны Казею. Они проходили по главной улице Кела и знали, что хотя по дороге никого и не встретят, за ними пристально наблюдают те счастливчики, что живут поблизости от Священного пути.

– Да, я слышал, – прошептал Казей.

– Как они могут жить в таком мире? – произнес Варниг, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Судя по архивным записям, во времена великого голода положение сложилось отчаянное.

Им просто некуда было деваться, – сказал Спандрил.

– Не иначе, – согласился Экрилла, – раз уж они предпочли вот это.

– Переводчик включен, – напомнил Командир Хордер. – Думайте, прежде чем говорить.

– Есть, сэр, – ответил за всех Спандрил.

Со времени последней отстройки Кела прошло не более двух поколений. А землетрясения в последнее время были очень слабы и серьезного ущерба не причиняли. Настенные росписи до сих пор оставались яркими и красочными. Каста художников была в Келе очень многочисленна так же, как и в других городах, которые вынуждены перестраиваться. Художники постоянно прилагали все силы, дабы Кел оставался красивейшим из городов во славу Богов. Правда, в маленьком городишке ремесленников Джонрезе деятельность касты художников развернулась еще шире, но все-таки они не создали ничего столь же прекрасного, как росписи, украшающие Священный путь в Келе.

– Видали фрески? – спросил Хордера Спандрил. Они вдвоем шли теперь чуть в стороне от остальных.

– Стараюсь не смотреть, – ответил Командир.

– Он отворачивается от изображений Дурги во всех Ее Лицах, – шепнул писец храма Аджны жрецу Зиви, обратив внимание на высказывание Хордера.

– Я заметил, – ответил жрец.

– Воистину Боги проявляют себя множеством разных способов, – писец остановился у двери Главного храма, ибо ему не подобало входить впереди представителей наивысшей касты, да и жрецы, конечно, рангом выше, а уж что касается посланцев, то Они несомненно, должны войти первыми.

– Какой поступок был бы теперь наиболее мудрым? – спросил Адми первосвященника Дурги, главу Главного храма. – Ведь Посланцы не объявили свою Божественную Волю.

– Мы с тобой войдем первыми и затем пригласим этого Бога и Его Спутников, – ответил первосвященник и, пройдя портал, простерся ниц перед огромным алтарем, возвышающимся посреди храма.

Прежде чем переступить порог, Адми склонил голову:

– Лицо Матери всего сущего обращено к Небесной Реке, берущей начало от Ганга.

Все представители наивысшей касты повторили за ним ритуальный поклон, ожидая, пока Посланцы вступят под своды Главного храма.

Каждый из жрецов перед входом в Главный храм занял в процессии подобающее его рангу место и начал возносить Бесконечные Молитвы. Посланцы наблюдали за всем этим молча, что еще раз подтвердило Божественное Происхождение, ибо кто еще, кроме Богов, может не возносить молитв в столь священном месте.

– Лучше войти. Командир, – предложил Спандрил.

– Пожалуй, – согласился тот и двинулся к дверям.

Остальные, Его эскорт, последовали за Ним. Представители наивысшей касты отстали, как и полагается, на семь шагов от Посланцев и тоже проследовали внутрь самого большого здания города.

– Куда нам сесть? – спросил Варниг, оглядываясь.

– Там в боковых... галереях есть подушки, – сказал Спандрил. – Наверняка они там есть. Нельзя ли нам...

Адми хлопнул в ладоши. Жрецы принесли большие подушки и положили их посреди храма,

так чтобы Посланцы видели перед Собой огромную статую Дурги и могли приветствовать Ее, как Боги приветствуют Друг Друга.

– Если такова Ваша воля, то для нас великая честь ее исполнить, – говорил Адми, пока жрецы прислуживали Посланцам, в чем и состоит обязанность жрецов.

– Я принес бы в жертву кого-нибудь из своих детей, если б мне позволили служить Богам, как это делают они, – сказал Адми, подошедши к Зиви и указывая на жрецов.

– Этот Бог не требовал от тебя никакого служения, – ответил Зиви, вполне разделявший благочестивое рвение своего собеседника. – Я бы тоже так поступил, если б имел хотя бы двоих детей.

– А кто из нас не сделал бы этого? – спросил Казей, положив руку на свой медальон. – Самое большое достижение, какое только возможно человеку – это быть допущенным служить Богам.

– Даже Вишне, хотя Он и не состоит в родстве с Дургой, – вздохнул Мутали.

– С Дургой в родстве все Боги, – напомнил жрец Еймея, – она – Мать всего сущего, все принадлежит Ей, даже Ганга и Вишна.

Все закивали в знак согласия, наблюдая, как Посланцы располагаются на подушках.

– Мы жаждем услышать то, что Вы нам скажете, – произнес первосвященник Дурги.

– Мудрость Ваша поддержит и вдохновит нас.

Командир Хордер с тревогой оглядел представителей высшей касты Дурги и своих подчиненных:

– Мы хотим... хотим рассказать о том, что произошло между нами и халианами.

Он вновь произнес то самое слово, и все представители наивысшей касты придвинулись ближе, внимательно вслушиваясь в слова Шкатулки Духа. Один только Тэло, этот хрупкий болезненный юноша, остался на месте, ибо вынужден был опираться о колонну, чтобы не упасть.

– Вы упоминали о сражении? – спросил первосвященник Дурги. Он находился теперь в своем собственном храме и поэтому осмелился заговорить.

– Да. Одна из наших... одна из наших баз разрушена халианами. Там они впервые показали себя настоящими агрессорами, – Командир Хордер оглядывал жителей Кела. – Поймите, что прежде, до того случая, мы считали, что они не представляют большой опасности, что это просто заурядные пираты.

– Произошли великие разрушения? – спросил первосвященник Дурги.

– Да, – мрачно сказал Хордер, – Кастелонская резня... – он опустил глаза в землю.

– О! – сказал первосвященник Дурги, кланяясь Ее статуе, – нам надо узнать побольше о деяниях этих халиан.

Хордер издал глубокий вздох:

– Скажем так: сражаются они как одержимые, как взбесившиеся звери. Убивают просто ради убийства, из любви к войне, – Хордеру было очень трудно совладать со своими чувствами. – Мы понесли огромные потери.

– Что это за место, эта... база, о которой Вы говорите? – спросил первосвященник Дурги.

– Это... – он остановился и посмотрел на Спандрила. – Как им объяснить?

– Глядя отсюда, можно сказать, что это произошло в небе, – Спандрил старался найти подходящее описание, – очень далеко, гораздо дальше, чем любой из вас мог бы дойти пешком на протяжении дюжины жизней. – Он посмотрел на Хордера, и тот дал ему знак продолжать. – Там были тысячи людей, лучшие люди Флота, и халиане стерли их с лица земли.

– Славное жертвоприношение, – сказал первосвященник Дурги.

– Если так можно-назвать потерю такого множества замечательных людей, – с горечью произнес Командир Хордер.

– Им были оказаны почести, этим людям? – спросил писец Аджны, хотя в этом храме ему и не надлежало говорить.

– Разумеется, – на лице Командира Хордера выразилась досада. – Все они герои.

– Действительно, – вставил Дерир. Глаза старика-сияли. – Это смерть героев.

– Да, она была героической, – сказал командир Хордер. – И из-за этих событий мы теперь стараемся отыскать как можно больше основанных землянами колоний, чтобы защитить вас в случае опасности и воспользоваться вашей помощью в борьбе с халианами. – Ему доводилось произносить эти слова и раньше, но все колонии, которые они прежде посещали, сохраняли хоть какие-то связи с Землей, об этих же отрезанных от всего внешнего мира колонистах он не знал ничего и не

имел представления о том, как с ними общаться.

– Но как мы можем сражаться с халианами? – спросил Адми в ответ на устремленный на него взгляд командира.

– Вот это он верно заметил, – пробормотал Варниг.

– Нам понадобится любое содействие, – продолжал Командир Хордер, проигнорировав высказывание подчиненного. – Эти халиане готовы уничтожить все, что мы создали ценою долгих усилий, уничтожить нас и все наши достижения. – Он оглядел храм. – Я понимаю, что вы можете сомневаться в моих словах. Вы так долго жили в изоляции, что осознать теперь все происшедшие изменения – с тех пор, как вы покинули Землю – нелегко, но...

– Мы прибыли из Ганги, – вежливо поправил Его первосвященник.

– Ладно, из Ганги, – нетерпеливо сказал Командир Хордер. – Как бы вы ее ни называли, все мы приходим оттуда.

– Командир, – осторожно заметил Спандрил, – может быть, лучше взять кого-нибудь из них на борт корабля и показать наши видеозаписи? Это прояснило бы ситуацию для них.

Экрилл и Варниг попытались возразить, но Хордер перебил их:

– Ты прав. Сомневаюсь, что они способны сейчас разобраться в наших словах, и к тому же мне хочется убраться из этого места. Эта статуя просто бросает меня в дрожь.

– Он дрожит в присутствии Дурги, – с удовлетворением сказал Дерир Безину, – обрати на это внимание.

– Это Воплощение пришло не от Дурги, от кого-то другого, а не от одного из Ее Лиц, – согласился Безин.

Командир Хордер взглянул в лицо Адми.

– У нас есть... записи того, что произошло во время сражения. Мы их вам покажем, чтобы вы имели представление об их действиях.

– Покажете сражения? – спросил Адми, поскольку первосвященник Дурги молчал, – как Вы можете это сделать?

– У нас есть записи, – пробормотал Хордер.

– Священные Книги? – с удовлетворением произнес первосвященник Дурги.

– Не совсем, – поправил его Варниг. Ему сделалось на редкость не по себе, – существуют способы... мы можем продемонстрировать вам часть того, что произошло на самом деле.

– Вам подвластны такие вещи? – спросил писец храма Аджны, удивившись собственной храбрости.

– Что-то вроде того, – ответил Хордер, поднимаясь. – Думаю, мы сможем взять с собою десятерых из вас. Если вы выберете десять человек, мы отвезем их на борт корабля и покажем то, что у нас есть.

Жрецы тут же начали оживленную дискуссию; у представителей же высшей касты никаких сомнений не возникало.

– Дерир – старейший из нас; он пойдет со мною, – объявил Адми. – А также Казей, Газили и писец.

Жрецы наконец пришли к согласию, что на просмотр Священных Книг отправятся первосвященник Дурги, первосвященник Эймея, первосвященник Зиви и первосвященник Вишны – чтобы по возвращении рассказать о содержании этих Книг всем остальным.

Выйдя за городские стены Кела, Командир Хордер, Экрилл и Варниг отошли в сторону от собрания представителей наивысшей касты и верховных жрецов. Командир подал сигнал, двери перед ним раскрылись, и все они вошли в великую колесницу, небесный корабль, доставивший Командира Хордера на Дургу.

Никогда еще доньше ни один из жителей Дурги не видел корабля, способного плыть по Небесной Реке. В Священных Книгах есть описание таких вещей, но даже летающие по воздуху колесницы остались лишь частью далекого прошлого, не говоря уже о куда более древних кораблях Небесной Реки. С трепетом представители наивысшей касты и верховные жрецы вступили на борт корабля, разглядывая представшие пред ними чудеса.

– Здесь довольно тесно, – объяснил Командир Хордер. – «Решительный» – наш базовый корабль – сейчас... очень далеко, – он указал в потолок. – Мы – одна из девяти разведывательных групп в этом секторе.

– Да, – сказал Адми, зная, что очень скоро станет ясна важность произнесенных Богом

слов. – Девять разведчиков; значит, девять Воплощений.

– Вопло... чего? – переспросил Варниг.

– Не углубляйтесь сейчас во все это, – сказал товарищам Спандрил, – может, во всем виноват переводчик. Всякое бывает. – Он отошел в угол комнаты, предоставляя место представителям наивысшей касты и верховным жрецам Дурги.

– Мы объясним вам ситуацию, воспользовавшись записями, а потом ответим на вопросы, если не возражаете, – добавил Он, обращаясь к присутствующим. – Большая часть кассеты – длинные записи, но кое-что пришлось в некоторых местах реконструировать.

– Дабы все было видно лишь с определенной точки зрения, – вполголоса прокомментировал Экрилл, обращаясь к Варнигу. – Чистейшей воды агитка – вот что это такое.

– Заткнись, Экрилл, – ответил Варниг.

Корабль оказался полон диковинных чудес, и хотя он не был украшен так, как мы, жители Дурги, ожидали от корабля Богов, никто из взошедших на его борт не остался разочарованным. Повсюду были скульптуры и ювелирные изделия, а также множество таинственно сверкавших удивительных вещей, которые больше всего привлекли внимание писца храма Аджны. Впоследствии он утверждал, что большая часть ювелирных изделий были вовсе не украшениями, а инструментами, вроде тех, что описываются в Священных Руководствах По Эксплуатации. А еще он был уверен, что раздававшиеся там приглушенные голоса исходили из самого корабля, а не от окружающих его Духов-покровителей. Впрочем, его безумным идеям поверила лишь малая часть населения города ремесленников Джанрежа; тамошние касты всегда придерживаются странных взглядов.

– Тут довольно тесно, но вы все-таки сможете присесть. Мы будем передавать изображение вот на этот библиотечный экран, – сказал Командир Хордер, указывая на большую пустую стену.

Представители наивысшей касты и верховные жрецы с готовностью исполнили Его приказание.

Свет в комнате погас; Бог Хордер и Его Помощники не выказали при этом никакой тревоги, поэтому не стали тревожиться и представители наивысшей касты и верховные жрецы Кела. Затем стена начала слегка светиться, и скоро на ней появились яркие очертания Небесной Реки.

– Вы должны понимать, что мы во Флоте поначалу не осознавали той опасности, что несут в себе халиане, поскольку вначале они вели себя, как самые обычные пираты.

Еще один небесный корабль – похожий на тот, на котором они теперь находились, но только размерами не больше чем с кулак – начал двигаться по экрану, пробираясь среди бесконечного множества огней – бакенов Небесной Реки. Этот корабль не был из чего-то сделан и не имел определенной формы, которую можно ощутить, и все присутствующие поняли, что перед ними просто изображение, созданное Богом.

– Халиане живут ради того, чтобы сражаться. Они злобны, жестоки и полностью посвятили себя войнам. – Хордер говорил голосом, ставшим ритуально спокойным, оттого что эти фразы Ему приходилось произносить уже множество раз, а потому все представители наивысшей касты и верховные жрецы Кела старались эти слова запомнить, дабы воспроизвести потом увиденный ритуал в своих храмах.

Из мрака стремительно выплыли еще два небесных корабля, не похожих на тот, что появился в поле зрения раньше, и погнались за ним. Возле кораблей сверкали вспышки света – знаки могущества Богов, Которые на них плыли.

– Сперва мы относились к ним, как к обычным пиратам, – продолжал Хордер. Его помощники наблюдали за ритуалом.

Преобразующий Огонь охватил первый небесный корабль на изображении. На мгновение он завис между двумя другими небесными кораблями, а затем исчез, отправившись в Высшие Миры.

– Халиане проводили небольшие и очень быстрые рейды, выбирая своими жертвами слабоохраняемые отдаленные посты и одиночные корабли.

Теперь в поле зрения появился странного вида небесный город, с огромным дворцом, стены которого уходили в небо, и Бог Хордер огромной силой своей Божественной мысли заставлял его двигаться и поворачиваться, показывая все больше и больше чудес.

– На этой космической станции находилось более двух тысяч человек и пять линейных кораблей, – сказал Командир Хордер гораздо эмоциональнее чем раньше. – Халиане атаковали ее на сорока кораблях, с такой большой огневой мощностью, которой мы еще никогда не встречали. Бой

продолжался почти пять часов, и только восемьдесят шесть человек смогли спастись. Космическая станция и четыре корабля были полностью уничтожены.

Все эти события предстали перед глазами зрителей. Город оказался окружен странными кораблями; каждый корабль выпускал огненные шары, врезавшиеся в громадные стены небесного города, иногда их проламывая. Стали видны самые маленькие слуги Богов – каждый из них ростом не больше, чем в палец – которые старались изо всех сил удержать небесный город от падения на маленькие небесные корабли, которые Командир Хордер назвал халианскими.

– Где это место? – спросил писец Аджны, чрезвычайно взволнованный зрелищем, которое показывал Бог.

– Это... очень далеко отсюда, – сказал Командир Хордер после некоторого колебания. – И произошло много месяцев тому назад.

– Память о сражении! – сказал писец храма Аджны. Это так потрясло писца, что он глянул прямо в лицо верховному жрецу Вишны. – Мы знаем о великих битвах Богов, случавшихся в далеком прошлом. Они описаны в наших Священных Книгах, привезенных по Небесной Реке из Ганга. Это Бевед Хаджит.

Та же самая мысль захватила и всех представителей наивысшей касты и верховных жрецов, прибывших с Богом Хордером на борт корабля. Этот Бог воссоздает битвы Бевед Хаджита, дабы они поняли, что за Воплощение перед ними и для чего Оно прибыло. Не раз приходилось нам убеждаться в том, что человеку не так-то легко познать Богов, и теперь, когда столь много оказалось открыто, мы жаждали узнать, что же нам, детям тех самых Богов, которые и ныне продолжают свои битвы, будет предложено.

– Бевед Хаджит? – переспросил Командир Хордер. Голос Его звучал теперь иначе, ибо в этот момент Он не исполнял ритуала.

– Священные Писания, – сказал писец храма Аджны, который все еще не мог одолеть свое волнение, – великие битвы.

– А, да... – командир откашлялся и посмотрел на Спандрила.

– Я бы продолжил объяснения, сэр. Если уж они хотят воспринимать все это религиозно – пускай.

Командир Хордер кивнул. Изображение, остававшееся до этого неподвижным, вновь начало меняться.

– Да... Так вот, после случая с космической станцией Флот стал соблюдать больше предосторожностей, дабы не происходило ничего из ряда вон выходящего. Мы не хотим будоражить людей. В районах особенной активности халиан подразделения Флота усилены дополнительными кораблями.

Изображение сменилось, и на экране стали быстро появляться другие небесные корабли – больше размерами и ярче. Многие из них озарялись вспышками Небесного Огня во время плавания. Зрелище это заставило всех вскочить в благоговейном трепете, ибо изображения казались так же реальны, как стены Кела. Один раз Казей, видя надвигающийся на него небесный корабль, резко пригнулся, на что все обратили очень серьезное внимание, так как он носит столь важный медальон.

– Халиане становились все наглее и начали уже безнаказанно нападать на корабли Флота и флотские космические станции.

Изображение продолжало меняться; небесные корабли вновь вступили в бой. Небесный Огонь охватывал многие из них, и тут же они мгновенно исчезали, отправляясь в Высшие Миры. Но иногда огонь оказывался недостаточно чист, и какая-то часть небесного корабля оставалась здесь – не более чем обломки, разрушенные и обугленные прикосновением Богов.

– Долг Флота – защитить всех своих людей, земного ли происхождения или с других планет.

Различные миры один за другим появлялись в голове Бога и выдавались Им в виде изображений на экран. В одних из них кипела жизнь, они были полны зданиями, колесницами и небесными кораблями. Другие оказывались просты и скромны, как приют отшельника.

– Это Камилла, – продолжал Командир Хордер.

Показанный мир оказался населен живыми созданиями – капризом Богов, ибо одеты они были в яркие шкуры, как легендарные Вестники Ганга, летавшие и певшие для Нее гимны еще до того, как мы отправились в путешествие по Небесной Реке. Эти создания собирались большими группами и слушали Богов, находившихся среди них.

– Мы не ожидали такого масштаба неприятностей, как произошли на Камилле. А напрасно. Халиане достаточно ясно дали понять о своих намерениях.

Множество небесных кораблей, которые Бог Хордер назвал самыми современными из имеющихся у халиан моделей, подплывали к шару под названием Камилла. Сражение на этот раз было длительным и упорным. Дома и небесные корабли поражал Небесный Огонь.

Видеть живые создания Богов, поглощаемые Преобразующим Огнем – воистину этого достойны одни лишь Боги! Верховный жрец Закти в экстазе пал ниц, молясь о том, чтобы быть удостоенным такого же счастья, как и эти создания на Цели. Вплоть до того дня все мы были уверены, что Боги никогда не будут общаться с нами лично, разве что сообщат о том, что приняли наши жертвы, если жертвы эти Их удовлетворяют. Но даже этого не случилось уже на протяжении почти целого поколения. Многие боялись, что Боги покинули нас, и вот теперь вера наша укрепляется столь ясными свидетельствами их присутствия, превосходящими все, что только можно разыскать в Священном Писании!

Верховный жрец Дурги в благоговейном порыве ударял себя по глазам, уверенный, что никогда уже не увидит ничего столь величественного.

– Давайте-ка немного полегче, Командир, – посоветовал Спандрил.

– И помешайте этому типу себя ослепить, – добавил Варниг.

Изображение опять замерло. Помощники Бога Хордера подошли к первосвященнику Дурги и ухватили его за руки.

– Дозвольте, дозвольте мне! – бормотал жрец.

– Все будет нормально, – проговорил Помощник Экрилла, – не делайте так больше.

– Если так велит Бог, – подчинился первосвященник Дурги, вновь сосредотачиваясь на замершем изображении. – Если мы должны увидеть что-то еще, я буду смотреть до тех пор, пока Бог этого желает.

– Как мне надоело, что они называют меня Богом, – вполголоса проговорил Хордер.

– Лучше воспользуйтесь этим. Командир, – посоветовал Спандрил.

– Отключите-ка пока переводчик, – командир Хордер указал на Шкатулку Духа, и тут слова Его стали непонятными. Хордер взволнованно говорил о чем-то со Своими Помощниками, а представители наивысшей касты и верховные жрецы смиренно ожидали, вознося горячие молитвы о том, чтобы Бог снова дал им дар понимания, сделав ясным смысл Своих речей. Столь многое показать, и столь много утаить! Всем известно, что Боги действуют именно так.

– Надо будет нам совершить жертвоприношение, – объявил первосвященник Эймея, – большее, чем когда-либо нам доводилось делать.

– Детей, – предложил Дерир. – У нас достаточно детей, чтобы половину из них принести в жертву.

– Или женщин, – сказал Адми. – Прошло уже больше поколения с тех пор, как мы приносили в жертву женщин. На костер можно использовать древесину, оставшуюся от Старого леса.

– Этого недостаточно, – сказал верховный жрец Дурги. – Если мы хотим достичь того, чего достигли эти благословенные создания на Цели, надо будет пожертвовать гораздо большим.

Против его слов ничего нельзя было возразить. Старик Дерир схватился рукою за свои старинные перекрещивающиеся портупей:

– Сам город Кел! Мы можем воспроизвести все, что видели, и принести в жертву сам город со всеми его жителями.

– А что, если Боги хотят большего? Даже если мы сожжем себя вместе с Келом, это всего лишь земной огонь. Если Боги не посетят нас со своим Небесным Огнем, жертвоприношение не даст желанного перевоплощения, – писец храма Аджны указал на Бога Хордера. – Послушаем, что Он еще скажет. Он должен указать нам путь. Когда этот Бог закончит Свой ритуал, станет ясно, что делать.

Все представители наивысшей касты и верховные жрецы Кела пали ниц и стали возносить свои Бесконечные Молитвы.

Шкатулка Духа заговорила снова:

– Будьте добры, сделайте это все потом, если можно.

Повинуясь приказу, представители высшей касты и верховные жрецы умолкли.

– Мы должны показать им кое-что еще, – объявил Бог Хордер. – О Цели, я думаю, сказано уже достаточно. Полагаю, вы понимаете, что там произошло.

– Правильно, – сказал Спандрил.

– Эти создания поглотил Огонь, – заявил Адми, давая понять, что он ухватил суть повествования.

– Да.

– Давайте лучше дальше. Командир, – поторопил Спандрил, – неизвестно, сколько времени мы еще сможем контролировать ситуацию.

– Верно, – Хордер подал знак, и изображение возродилось. – То, что произошло на Цели – одна из самых больших неприятностей, доставленных нам халианами. Нетрудно понять, почему мы хотим предупредить о них каждого, дабы все были начеку.

– Да-да, мы понимаем, – заверил Казей.

– Очень хорошо. Дело в том, что халиане действуют все более и более активно.

После событий на Цели они снова напали на нас. Конфликт перерастает во всеобъемлющую войну, – он указал на экран: – Сейчас Флот к ней готов. Если халиане действительно хотят войны, они ее получают. Прятаться в кусты мы не собираемся.

– О да, – усмехнулся Экрилл. – Мы просто стремимся прикрыть тылы, а это, конечно, совсем другое дело.

– Экрилл! – предупреждающе цыкнул Спандрил.

– Мы стремимся защитить всех, кого только можем. Именно поэтому мы и начали поиски таких затерянных колоний, как ваша. Чтобы лучше подготовиться к...

– Удаленные колонии, вроде вашей, могут стать такими же целями, – перебил Командира Спандрил. – Вооруженные силы халиан стремятся расширить зону своих операций, а для этого им нужны такие планеты, как ваша, для сооружения перевалочных станций. Это значит, что на вас могут напасть.

– Сказано довольно грубо, – прокомментировал Командир Хордер, – но более или менее правильно.

– Вы говорите, что халиане могут прийти сюда, на Дургу? – Адми был так поражен, что с трудом подбирает слова. – Что они могут пожелать начать битву здесь?

– Это не исключено, – осторожно проговорил Командир Хордер. – Мы делаем все, чтоб быть готовыми к такому повороту событий. – Он оглядел стены своего небесного корабля. – На первый взгляд может показаться, что мы не очень-то к этому готовы, но...

– Это дела Богов, – ответил верховный жрец Дурги. – Не наше дело обсуждать промысел Божий.

– Означает ли это, что вы готовы сотрудничать с нами? – спросил Спандрил, глядя на Адми. – Надо будет обговорить все условия, пока еще не поздно. Если вы, конечно, согласны.

У Адми не было нужды совещаться со своими товарищами по наивысшей касте.

– Дети Богов всегда полны желания служить Им, – он произнес эти слова так же, как произносил их каждое утро, с тех пор как стал совершеннолетним.

– Хорошо, – с облегчением сказал Хордер. – Потому что мы очень беспокоимся о таких мирах, как ваш. Мы хотим с самого начала откровенно сказать вам, что такие окраинные планеты гораздо уязвимее тех, что расположены в окрестностях штаб-квартиры Флота. Надо разработать план – такой, чтобы вы никогда не теряли с нами связи.

– Но ведь нет никакого сомнения... – начал верховный жрец Дурги. – Ведь Вы – Боги, Вам известно все на свете.

Спандрил выдвинулся вперед:

– Даже Боги могут быть введены в заблуждение. При такой неразберихе, какая сопровождает войны, у Богов не всегда есть возможность прислушиваться к своим детям. Мы пришли для того, чтобы определить, каким образом сделать так, чтобы ваши молитвы были как можно быстрее услышаны, и как наилучшим образом давать вам ответы на них.

– Но почему Вам понадобилось так много времени, чтобы наконец сделать это? – Адми выглядел озадаченным. – Мы оставались в одиночестве на протяжении многих поколений. Мы молились, приносили жертвы, мы преподносили Богам все сокровища Дурги. Но ответом оставалось одно лишь молчание.

– Верно. И мы пришли для того, чтобы это исправить, – сказал Спандрил. – Доныне этот бог не знал, как отчаянно вы в нас нуждаетесь. Но теперь, когда нападения халиан сделали это очевидным, он полон решимости защищать вас, как вы того заслуживаете, – Спандрил бросил быст-

рый взгляд на Хордера и продолжил: – Вы поступали правильно – вы лично и все те, кто живет на Дурге. Если б боги не были вынуждены отвлекаться на борьбу с халианами, то посетили бы вас гораздо раньше.

– А-а, – сказал первосвященник Дурги. – А как насчет халиан? Что они о нас знают?

– Этого нам еще неизвестно, – коротко ответил Хордер.

Писец Аджны подошел к Шкатулке Духа и положил на нее руки:

– Кто из Богов живет здесь? Янеза всегда обладал всеми возможными знаниями. Это Воплощение Янезы?

– Я... Нет, это не Янеза, – отрывисто проговорил Спандрил, – это слуга Бога Хордера.

– Спандрил, кончай это... – запротестовал Командир Хордер.

– Все мы слуги этого бога, – продолжал Спандрил, как будто Хордер ему вообще ничего не сказал. – Мы во Флоте служим множеству высших богов.

Верховный жрец Эймея понимающе кивнул, соединив кончики пальцев:

– Значит, это война Высших Богов.

– Да. Эти халиане стараются разрушить все, что мы, представители Флота, создали. Они убивают и наслаждаются убийствами. Если дать их планам осуществиться, весь ваш мир опустеет и превратится в груды пепла. – Спандрил посмотрел в лицо первосвященнику Дурги. – Вы должны понимать, чем мы все здесь рискуем.

– Мы знаем, – произнес верховный жрец Дурги, – это есть в Священном Писании. Между Богами идет война.

– Если вы будете нам помогать, мы защитим вас от халиан, – продолжал Командир Хордер, бросая сердитые взгляды на своего первого помощника. – Флот готов сражаться с халианами до полного их уничтожения.

– Мы, жители Дурги, давно знали, что между Богами будут происходить разногласия, и настанет день, когда решится судьба их детей, и все верховные жрецы, видевшие живые картины на борту небесного корабля, поняли, что время это пришло и Мать всего сущего призывает их.

– Так что с этими халианами? – спросил писец храма Аджны. – Какой облик они принимают при своем появлении?

– Они смахивают на хорька, ласку или росомаху, – ответил Командир Хордер, хотя и имел весьма смутное представление об этих животных.

– И какова природа этих зверей? – спросил верховный жрец Эймея.

– Это убийцы, – сказал Командир Хордер, – кровожадные хищники. Настоящий позор для всего звериного царства.

На экране опять родилось изображение. Это было некое создание, ростом примерно вдвое меньшее, чем те, кто его теперь рассматривал, покрытое шерстью и с заостренной мордой. За спиной у него висел вещмешок, а в руках он держал какой-то Атрибут.

– Вот это и есть халианин, – произнес Спандрил с таким видом, будто выплевывает каждое слово.

– Они все принимают такую форму? – спросил верховный жрец Дурги, благоговейно разглядывая изображение. – Это и есть их Воплощение?

– Тут не совсем точный масштаб, – признал Командир Хордер, – но выглядят они примерно так. Они различаются по цвету – некоторые, например, полосатые, но общий вид именно таков.

– Странное Воплощение, – проговорил писец Аджны.

– Не наше дело рассуждать о внешности Воплощений, – сделал ему выговор первосвященник Дурги. – А что это свисает с его мешка. Бог Хордер?

– Две головы, – Командир Хордер не мог скрыть отвращения, – вероятно, трофеи.

Первосвященник Эймея взглянул на первосвященника Дурги.

– Головы, – сказал он, понимающе кивая. – Вот что позволяет понять это Воплощение.

– Да, – согласился верховный жрец Дурги, – нам надлежит принести жертвы.

– Пока вы в безопасности, – проговорил командир Хордер. – Некоторые из халиан коллекционируют головы, – продолжал он. – Будьте осторожны, чтобы не стать пополнением такой коллекции. – По его сигналу на стене появилось новое изображение. – А это халианский разведывательный корабль – того типа, который они могут отправить сюда. Как видите, он меньше нашего...

Адми рассмеялся, выражая мнение всех присутствующих, Ну, разумеется, он меньше: изо-

бражение его на стене едва ли больше, чем одна из тех голов, которые собирают халиане. Все собравшиеся пристально рассматривали халианский корабль-разведчик.

– Обычно они появляются на трех кораблях, – продолжал Командир Хордер, – в данном случае, поскольку у вас здесь не один город, они могут разделиться, направившись сразу в несколько. Но если даже вы увидите лишь единственный корабль, будьте уверены, что где-то поблизости и остальные два. Никогда об этом не забывайте, это очень важно. Халиане не отправляют на вражескую территорию одиночных разведывательных кораблей.

Видение вновь исчезло, и его опять сменили изображения огня и разрушений. Стены вспыхивали и рушились, и все новые и новые маленькие человечки гибли. Свидетельство столь пламенного религиозного рвения было так очевидно и неоспоримо, что представители наивысшей касты и верховные жрецы все как один осознали убогое несоответствие своего прежнего служения Богам Истинным требованиям.

– Мать всего сущего помилует нас, если мы исправим ошибки, – благоговейно прошептал первосвященник Дурги.

– Даже целый город – недостаточная жертва, – сказал писец храма Аджны.

– Это Божественное Воплощение, – начал было Адми, но Командир Хордер перебил его.

– Не хотелось бы вас огорчать, – заговорил он, – но дело в том, что, живя в такой изоляции, вы просто не могли узнать обо всех изменениях, происшедших в мире. Крайне жаль, что именно война заставила...

Видение исчезло, и переполненная до отказа комната вновь озарилась светом.

– Можете полностью положиться на Флот. Мы сделаем для вас все, что в наших силах, – сказал Спандрил и добавил: – Эта война потребует полной отдачи от каждого из нас.

– Не слишком ли круто для первого раза? – проговорил Экрилл. – Мы же их только-только разыскали. Надо бы дать им хоть немного времени, чтобы они успели к нам привыкнуть.

– У нас нет времени, – возразил Спандрил.

– Все вы, штабные крысы, одинаковы, – резюмировал Варниг.

– А что, младший офицерский состав кораблей чем-нибудь лучше? – с иронией спросил Спандрил.

– Да прекратите же, – усталым голосом вмешался Командир Хордер. – Нам надо побыстрее разобраться с этим делом и отправляться в следующий город.

– И как только у вас язык поворачивается называть это полуразвалившееся поселение городом, – процедил сквозь зубы Варниг, и Шкатулка Духа услужливо перевела Его комментарий.

– Я сказал – прекратите, – громче повторил Командир Хордер. – Мы здесь для того, чтобы работать.

– А как по-вашему, нельзя ли перенести эту работу в какое-нибудь другое место, пока мы все тут не задохнулись? – саркастически спросил Экрилл.

– Толковая мысль, – признал Хордер и снова повернулся к Адми. – Давайте вернемся к воротам... к воротам Кела.

– Наш долг и счастье, – отозвался Адми, склоняясь до земли перед Командиром Хордером, – наш долг и счастье лишь в одном: повиноваться Божеству. Это величайшая из доступных человеку радостей.

– Мы просим только оказывать посильную помощь Флоту, – проговорил Спандрил.

Командир Хордер обернулся к Варнигу:

– Начните подготовку доклада капитану Бранкеру.

– Нам самим заняться или другим перепоручить? – спросил Экрилл.

– Пускай это сделает Фондо, – сказал Командир, – и чтоб доклад был отправлен еще до утра.

– Полный отчет или только краткий обзор? – переспросил Экрилл.

– Для полного отчета у нас еще маловато данных, – ответил за Командира Спандрил.

Когда делегаты от наивысшей касты и верховных жрецов Кела покинули небесный корабль, ночь уже царствовала над городом. Тучи толстой пеленой закрыли звезды, и в опустившемся таинственном сумраке увиденные только что чудеса казались еще невероятнее.

– С каким же огромным удовольствием я вернусь на настоящий боевой корабль! – произнес Хордер, глядя на городские ворота Кела. – Эти разведывательно-поисковые операции – пустая трата времени.

– Ни в коей мере, – заметил Спандрил, – если они помогут остановить халианскую агрессию.

Хордер скептически пожал плечами:

– А сколько, по-твоему, шансов, что от этого будет хоть какой-то прок? Особенно от вот таких местечек? Эти затерянные колонии обычно предавались забвению не без причины. – Он снова обратился к представителям наивысшей касты и верховным жрецам Кела: – Мы постараемся вернуться как можно скорее.

– Здесь будет сражение? Придут сюда халиане? – спросил первосвященник Дурги.

– Надеюсь, что этого не произойдет, – ответил Командир.

– Значит, мы еще не готовы? – спросил Адми.

– Бесконечно от этого далеки, – Хордер печально усмехнулся.

– К этому не готов никто, – вставил Спандрил, прежде чем Командир успел его остановить.

– А-а, значит, грядущее сражение – в будущем. У нас еще есть время, – Адми перевел взгляд на верховных жрецов. – Нам предстоит множество дел.

– У нас у всех много дел, – сказал Командир Хордер, – и поэтому теперь мы должны расстаться.

– Мы приложим все силы, чтобы быть готовыми, когда Вы вернетесь, – представители наивысшей касты и верховные жрецы Кела почтительно поклонились, прощаясь с Божествами.

– Очень хорошо, – сказал Командир Хордер. – В течение года мы к вам возвратимся.

– Если только халиане не заставят эти планы изменить, – добавил Спандрил.

Шкатулка Духа умолкла. Бог Хордер и Его Спутники отправились на Свой небесный корабль, а верховные жрецы и представители наивысшей касты города Кела, стоя у ворот, наблюдали, как небесный корабль Богов поднялся в воздух и рванулся в небеса.

К утру лишь двое из них – старик Дерир и первосвященник Еймея – были мертвы, а остальные еще сохраняли в себе силы, чтобы добраться до Главного храма, дабы подготовить тела только что умерших к жертвоприношению Богине Дурге.

Вот эти-то события и привели наконец нас, жителей Дурги, к служению Ей как разрушительнице – к служению той стороне ее Божественной Сущности, которая известна под именем Кали, усеивающей землю трупами и украшающей Себя гирляндами из черепов. О да, мы удостоились чести этого служения – мы, так много лет боявшиеся, что наши молитвы и жертвоприношения не угодны, Ей, что нашего рвения недостаточно, дабы вернуть Ее милость.

Под руководством верховных жрецов Кела мы составили четкие планы действий, и когда Бог Хордер возвратился, плоть Его Воплощения и плоть Воплощений его помощников были принесены в жертву на алтаре Дурги при помощи земного огня.

Нет жертвы желаннее для Кали, чем плоть. И разрушение, которому подвергся город Джанреж от рук халиан, несомненно свидетельствует о том, что Богиня вернула нам, наконец. Свою милость. Теперь уж недолго ждать того благословенного момента, когда либо Боги Флота, либо Воплощения халиане окутают нас Небесным Огнем, и мы наконец-то прервем вечное Круговращение Жизней и освободимся, переродившись, как переродились благословенные создания на Цели, и станем существами высшего порядка, переселимся живущими в те прекрасные миры, где даже сами Боги служат желанной жертвой Матери всего сущего.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Адмирал праздновал победу, устав и субординация на время были забыты. Кто-то принес шампанское, и теперь бутылка гуляла по кругу. Военный совет наслаждался.

Высадка на Вифезду обошлась дорого, но она стоила того. Халиане потеряли Тритон и Дибьен. Повсюду славил доблестный Флот, на деле доказавший силу Альянса. В эти дни ни один солдат не заплатил за выпивку из своего кармана. И лишь непосредственно в самом порту воякам приходилось угощать друг друга, поскольку гражданские в порт не допускались.

Даже Смайт был настроен благодушно, хотя старался не афишировать свое отличное настроение. Бокалы с готовностью звенели.

– Предварительный анализ подтверждает сделанные ранее заключения. Большая часть захваченного оборудования не могла быть произведена халианами. Они вряд ли способны на что-то большее чем самый примитивный ремонт. Нам пока не удалось отыскать ни одного аборигена, встречавшего среди халиан инженера или на худой конец техника.

Кое-кто из адмиралов одобрительно ухмыльнулся. Если в распоряжении противника нет

грамотного инженера, тем лучше.

– Есть, однако, и тревожная информация, – в голосе Смайта появилась озабоченность. – Вне всякого сомнения, половина кораблей халиан абсолютно новые.

Бокалы звенели.

– Новые? – изумленно переспросил Мейер.

– Да, новые, – голос Смайта был абсолютно спокоен.

Мейер встал и повернулся к своим друзьям-адмиралам.

– Сегодня мы празднуем одну победу. Но выясняется, что война не окончится, пока мы не сможем найти источник кораблей Халии и не уничтожим его.

Несколько человек тут и там закивали.

Смайт заговорил снова, стараясь закончить на оптимистической ноте.

– На Вифезде мы только что освободили тысячи граждан Альянса. После тяжелых времен оккупации они должны быть едины в желании помочь нам. Возможно, они отыщут разгадку нашей тайны.

Дэвид Дрейк. ПОКА БОГ СПИТ

– Капитан Миклош Ковач? – спросил некто, просунувший руку через брезентовую занавесь, чтобы хлопнуть Ковача по плечу, пока он принимал душ со своими людьми. – Можете уделить мне минутку?

– О-оп! Я уронил мыло, любимый, – позвал один из десантников тоненьким голоском. – Вот сейчас нагнусь и подберу его!

Ковач подставил лицо под струю душа, делая вид, что ничего не слышит и не видит. Подначки его парней – 121 – й Роты Противодействия Морской Пехоты – помогали ему расслабиться не хуже барабанищих по коже горячих струй. Ему не хотелось сейчас ни с кем разговаривать.

– Будь я в самом деле Ковач, – ответил он, – мне пришлось бы провести последние шесть часов в скафандре, продираясь через то, что принято называть главным космопортом на этом комке грязи. Отвалил бы ты, дружок.

Он чуть повернул голову.

– Как раз в этом я и хотел удостовериться, – невозмутимо продолжал голос. – Я – Инглиш, командир Девяносто Второй, и мы...

– Дьявол! – в замешательстве пробормотал Ковач, выскальзывая из-за занавески. Душевые для обеззараживания имели пластиковый настил, но земля снаружи была перепахана бульдозером, дождь давно уже превратил ее в грязь. Мерзкая жижа хлюпала между пальцев ног.

– Извините, капитан, – обратился Ковач к прибывшему, – я думал, это какая-нибудь насадка из тыловиков интересуется, почему я не составил опись белья для прачечной.

– Все в порядке, – сказал Инглиш. – «Хейг» должен скоро стартовать вместе с нами, и я хотел бы уточнить одну деталь по поводу Порты.

Командир Девяносто Второй весил меньше Ковача, но был на ширину ладони его выше. Из-под курчавой шевелюры дружелюбно глядели темные глаза. Из-за этого мягкого взгляда незнакомый с репутацией Инглиша человек мог счесть его излишне покладистым.

Ковачу репутация Инглиша была отлично известна. К тому же ему прежде случалось видеть подобные глаза. Такие глаза бывают у людей, успевших много повидать на своем веку.

Такие же глаза были у самого Ковача.

Сержант Бредли, младший полевой командир Охотников за Головами, вылез из душа вслед за своим командиром.

– Могу я чем-нибудь помочь, сэр? – поинтересовался он.

Унтер выглядел таким же тощий, как ободранный хорек. У него не доставало одного пальца на ноге, плазменный ожог десять лет назад постарался на славу над его скальпом, теперь сиявшим розовой лысиной. А большая часть тела между двумя этими, точками была щедро покрыта всевозможными шрамами.

– Все нормально, – сказал Ковач, так оно и было, однако приятно сознавать, что всегда найдется кто-то, кто прикроет тебя с тыла. В их профессии это позволяло сохранить жизнь и что еще важнее – обеспечивало здравый рассудок в нужный момент.

– Капитан Инглиш возглавляет Девяносто Вторую. Это, – взгляд Ковача переметнулся к сво-

ему подчиненному, – старший сержант Бредли.

– Тоби, – произнес Инглиш, здороваясь с Бредли – руки обоих были мокрыми. – Не совсем еще капитан, хотя, вероятно, последнее дело...

– Ого! – воскликнул Бредли с достаточным энтузиазмом, чтобы не принимать в расчет тот факт, что Инглиш явно отвлекся. – Вы, ребята, проделали в Порту неслабую работенку! Не осталось ничего, кроме камней и пепла. Болтают, что вас отправляют заняться диверсионной группой хорьков, расстрелявших две ночи назад Пост Бессемер?

– А... – протянул Инглиш. – Нет, мы скоро улетаем. Фактически...

Бредли не нуждался в дополнительном взгляде Ковача.

– Извините, сэр, – сказал он, ныряя обратно в душевую. – Чертовски рад был встретить вас!

После того, как Бредли оставил офицеров наедине (если, конечно, это слово уместно в ситуации, когда вокруг снуют десятки людей), Инглиш какое-то время собирался с мыслями.

База Форберри, названная так в память о сотнях тысяч погибших от рук халиан мирных жителей, еще месяц назад представляла собой лесистую местность с заброшенными фермами. Но после того, как здесь высадился Флот, мирный ландшафт превратился в пустыню, утыканную бункерами и дозорными вышками. Соседний космопорт и ангар для кораблей в десять раз превосходили размеры порта, существовавшего на планете до вторжения халиан. Строения могли вместить гораздо больше чем все коренное население на той части планеты, что находилась под контролем Военного Правительства Четвертого Района.

И семь с половиной тысяч гектаров грязи – неизбежный результат любого военного строительства, если объект находится не в пустыне, будь то песчаная или ледяная, и не в безвоздушном пространстве.

Ковач деликатно кашлянул. Он хотел бы помочь Инглишу, но не имел ни малейшего представления, о чем тот собирается с ним поговорить.

– Бредли верно сказал. Я не думаю, – он помолчал, – что кто-нибудь смог бы справиться с этой работенкой в Порту лучше ваших ребят. Вы наверняка получите вторую звезду.

– Туземцы здорово нас выручили, – сказал Инглиш, изучая линию горизонта, – вы слышали, что они провели нас через периметр?

– Серьезно? – удивился Ковач. Об этом он ничего не знал.

Едва ли он соображал, что стоит в самом центре Базы совершенно голый. Некоторые типы из администрации, которые высадились, как только утихла стрельба, могли бы отнестись к этому весьма прохладно, но стеснительность не считалась достоинством в войсках, проводивших большую часть времени в полевых условиях или в гуще высадившихся хорьков.

– Как видно... – проговорил Тоби Инглиш с нерешительностью так же несвойственной ему, как и человеку, к которому он обращался, – словам вашего сержанта можно верить? В Порту ничего не осталось?

– О приятель, я сожалею, – отозвался Ковач, решив наконец, что догадался, о чем хочет поговорить Инглиш. – Слушайте, мы смогли вытащить двоих ваших. Но третий... скафандр не работал, но расплавившийся хвост эсминца... Мы пытались, но ничего не смогли сделать.

– Спасибо, – Инглиш улыбнулся, но улыбка тут же исчезла с его лица. – Мертвые мертвы. Не будем об этом.

– Ага, – сказал Ковач, соглашаясь не столько со словами, сколько со смыслом. – Мы уже послали домой восемьдесят килограммов песка, с предупреждением не открывать гроб.

– А, – отрешенно протянул Инглиш, вновь глядя в сторону. – Полагаю, вы проверили, нет ли бункеров под зданием терминала? Я думаю, такое вполне возможно.

– Никаких бункеров, – ответил Ковач.

– Тепловая волна от одного из эсминцев пошла вниз, – осторожно продолжал он. – Реакция инициировала боеголовки торпед, но они просто горели, вместо того, чтобы взорваться. Было достаточно жарко, но наши скафандры выдержали, – он кивнул в сторону пластикового купола комплекса обеззараживания, – и они считают, что нам следует получше отмыться.

Инглиш натянуто улыбнулся.

– Да, – проговорил он. – Слушайте, посадка началась уже двадцать минут назад, и...

Ковач вскинул руку, останавливая его. Мягко, насколько мог, он произнес:

– Внутри было много тел, но только туземцы и хорьки. Никакого флотского снаряжения. Что там случилось?

Инглиш пожал плечами:

– Точно не знаю. Я говорил, что местные провели нас через периметр. Думаю, большинство из них выбрались обратно, прежде чем все взлетело на воздух, но законспирированный агент, командовавшая группой, Милиус... Она отвлекала хорьков внутри здания терминала.

Он в упор взглянул на Ковача.

– У нее хватило смелости.

– Знаешь, когда рискуешь головой, – негромко произнес Ковач, глядя в пространство, – есть вероятность того, что рано или поздно кто-нибудь ее отрубит.

– Думается, знаю, – с горечью согласился Инглиш. Голос и выражение его лица чуть смягчились. – Все мы это знаем. Слушайте, мне пора бежать.

Он помедлил и добавил:

– Если разделаться с этими опорными пунктами хорьков выпадет не Девяносто Второй, то пусть это будут ваши ребята.

– Надеюсь, завтра вылетим именно мы, – откликнулся Ковач, но Инглиш уже разговаривал с водителем грузовика, не желавшим везти в космопорт старшего офицера-штабника, явно успевшего надеть штаны.

Девяносто Вторая была одной из рот, втиснутых в состав боевых единиц Флота, при этом она, правда, не имела своих наземных средств передвижения в отличие, скажем, от Охотников за Головами. Люди, связанные с космическими кораблями, обычно не представляли интереса для тех, кто служил на земле... Но, по крайней мере, эсминец «Хейг» не стартовал, пока командир Девяносто Второй решал свои личные дела.

Большинство десантников Ковача уже вышли из душа и направились в раздевалку. Им предстояло облачиться в ту же пропитанную потом форму, в которой они шесть часов провели под скафандрами, пока проверяли развороченный Порт. Но душ немного поднял настроение десанникам.

Бредли все еще дожидался за брезентом. Как и капрал Сенкевич, она и без одежды столь же крутая, как и в одежде.

Два десятка кранов за брезентовым пологом все так же радостно ревели, изрыгая воду, которая доставлялась за двадцать километров по огромным пластиковым акведукам. Дренаж, призванный отводить использованную воду, работал, к сожалению, не столь эффективно. По меньшей мере половина воды растекалась по земле, отыскивая собственные пути к наиболее низкому месту на базе Форберри.

По странной прихоти судьбы таким местом являлся парадный плац, окруженный штабными строениями и зданиями резиденции военного правительства, укрывавшимися в долине от прицельного огня немногих оставшихся в живых на Вифезде халиан.

– Все путем, сэр? – спросил Бредли с улыбкой, призванной продемонстрировать, что он и не думал подслушивать разговор офицеров.

– Нет проблем, – проворчал Ковач.

Их и не было, по крайней мере таких, которые он мог решить. Мертвые мертвы, как сказал Инглиш.

– Пошли в бараки. Надо поискать свежую форму.

– Ага... нам тут вот что подумалось, сэр, – сказал старший сержант. – Грузовики еще чертовски горячие, даже после того, как на них вылили не один галлон воды.

Ковач пожал плечами и направился в раздевалку.

– Или на грузовиках или пешком, – заметил он. – Я загоню машины в сухой док на флотской базе, как только смогу, но наземная техника там мало кого волнует.

– А тут, – он махнул рукой в сторону закрытой камеры, где роботы-манипуляторы старательно скребли скафандры, – не хватит места для грузовиков.

Сенкевич рассмеялась. Смех ее оказался на редкость глубоким и мелодичным.

– В чем дело, сержант? – спросила она Бредли. – Боишься, что эти крохи радиации убьют нас?

Теперь рассмеялись все трое, но смех получился безрадостным.

Внезапно заверещал звонок и замигал сигнал тревоги. Первая Категория! Десантники во всех бараках побросали дела и схватились за оружие еще до того, как услышали суть сообщения.

На Вифезде мог существовать один-единственный повод для столь срочного вызова Охотни-

ков за Головами. Одиночное диверсионное подразделение халиан не погибло при бессмысленном героическом сопротивлении вместе с сотнями тысяч своих сородичей. Внезапные наскоки этой выжившей горстки хорьков сильно допекали оккупантов.

Проблема оказалась не по зубам не имевшим технологического оснащения регулярным войскам Альянса, которые составляли основу наземных сил на Вифезде.

И Сто Двадцать Первой Роте Противодействия был отдан соответствующий приказ.

Ковач надел шлем.

– Слушаю, – сказал он, пока руки шарили в поисках рукавов рубашки. Информация должна была поступать в банк данных подразделения, но он любил получать приказы напрямую. Это давало ощущение, что он участвует в реальном процессе, а не какой-то электронной игре.

Разумеется, именно компьютер решал, совершат ли они бросок на грузовиках или загрузятся на «Бонни Паркер», чтобы свалиться; хорькам прямо на головы, пойдя на долгие приготовления ради быстрой транспортировки в намеченный район. Компьютеры великолепно справлялись с такого рода расчетами, но люди...

– Капитан Ковач, – произнес синтезированный голос. – Вам предписано явиться к Губернатору округа, адмиралу Достопочтимому Сабуро Таками.

– Ну?

– За вами отправлена машина. Прибудет через полторы минуты. Это все.

– Есть, – ошарашенно проговорил Ковач, хотя для электронного секретаря его ответ был совершенно безразличен. Ох уж эта Первая категория?

Он переключился в режим трансляции вызовов по Срочности номер один через установленные в бараче динамики. Все провожали Ковача. На возню не оставалось времени.

– Даниэло, – крикнул он своему старшему лейтенанту. – Держи людей наготове!

Никто и не подумал поинтересоваться, к чему им надлежит быть готовыми.

Капрал Сенкевич уже дожидалась снаружи с полным патронташем и двумя незаряженными штурмовыми ружьями. Один комплект она вручила командиру.

Из-за рейдов хорьков военное правительство по-прежнему считало Четвертый район зоной боевых действий. Личному составу, покидавшему контрольные зоны – базы и опорные пункты – было приказано все время иметь при себе оружие, правда, незаряженное, за исключением согласованных боевых операций.

Конечно, Сенкевич права: невозможно предсказать, что Ковач услышит от адмирала Таками и как скоро потребуется Губернатору округа его ответ.

Только вот Ковач не любил иметь при себе оружие, когда разговаривал с типами из администрации. Оно наводило на нехорошие мысли.

За ним прислали легкий джип на реактивной тяге, что особенно удобно на пластиковом покрытии базы. Машина прибыла через несколько секунд после назначенного времени; водитель, унтер-офицер – с голосом почти столь же бесцветным, что и у электронного командира, заметил:

– У меня приказ доставить в штаб только одного.

– Значит, приказ неправильный, – хладнокровно ответил Ковач и сделал знак Сенкевич забираться в джип.

Он не собирался брать ее с собой, поскольку не нуждался в телохранителе в штабе округа – во всяком случае, в охране такого рода, которую могла обеспечивать могучая капралша.

Но он не собирался подчиняться словам какого-то там лакея.

Джип просел под тяжестью Ковача и здоровенной капралши. Ругнувшись про себя, водитель опустил ограничители габаритного зазора и влился в поток машин.

На базе Форберри стоял гул. Шумели машины, грохотали механизмы, ревели приземляющиеся или стартующие космические корабли. В редкие паузы затишья доносились глухие удары плазменной пушки со стороны границы. Дежурные подразделения «очищали передовые позиции от зон потенциального укрытия».

Взрывая ни в чем не виноватые деревья в пределах Границы, нельзя было предотвратить диверсионные вылазки уцелевших халиан, но удавалось немного скрасить скуку дежурства на спокойном участке.

Граница для гражданских лиц проходила по одной стороне дороги. Десятки болезненного вида туземцев глазели на суету машин, опасаясь подходить слишком близко к находящейся под напряжением тонкой ленте, окружавшей лагерь с пленными. Военное правительство уже начало

облавы на аборигенов, уличенных в сотрудничестве с халианами. Им предстояло владеть своей жизнью в лагерях вплоть до искупления вины, степень которой установит Гражданский суд, когда Флот соберется установить режим гражданского управления.

– Бедные ублюдки, – пробормотал Ковач, отворачиваясь от аборигенов, являвших собой воплощение безнадежности, пока джип гроыхал мимо пленных, гроыхая, как грузовики на главном проспекте базы.

Сенкевич пожала плечами.

– Они живут в таких же бараках, что и мы, – сказала она.

– Едят ту же пищу. Все время сидят и ни черта не делают так же, как мы.

Ковач взглянул на нее.

– Итак, где же корень проблем этих бедолаг? – заключила она.

– Там же, где и наших, – согласился Ковач, не заботясь о том, слышит ли их водитель. – Туда мы теперь и едем.

Парадный плац в центре Базы Форберри покрывали пластиком сразу, как только построили трехэтажную штаб-квартиру базы и здание Правительства Округа – но прежде, чем завершили остальное строительство, гусеничная техника уже успела сжевать половину настила, а остаток заляпала ядовито-фиолетовой грязью. Того же оттенка, что и песок, проникавший в офис адмирала Таками, когда штормовые ветра раздирали швы блочного строения.

Ковач отдал честь так аккуратно, как только мог, но он никогда не отличался ловкостью в этой микки-маусовской ерунде. Губернатор округа повел бровями и нахмурился, точно грозовая туча, заметив что десантник обзирает фиолетовое пятно, тянущееся по краю противоположной стены.

Другой офицер, находившийся в комнате, симпатичный, начинающий полнеть старший командор, широко улыбнулся Ковачу.

– Ну, Ковач, – начал адмирал Таками, – вот Ситтерсон говорит мне, что мы в вас здесь нуждаемся. Я не собираюсь спорить с шефом моей службы безопасности. Для чего нужно правительство, если не для обеспечения безопасности, а?

– А? – а унисон откликнулся Ковач. Он не мог понять, что имел в виду губернатор.

Точнее, он уговаривал себя, что не понял, о чем говорит губернатор. Можно сказать, молился.

– Губернатор подразумевает, – сказал командир Ситтерсон голосом столь же приятным, как и его внешность, – что наземный контингент вполне пригоден для масштабных операции, но нам необходима настоящая ударная единица. Губернатор перевел 121 – ю из-под команды Флота в распоряжение правительства Четвертого Округа.

Что ж. Ковач никогда не верил, что до Бога доходят молитвы простых десантников.

– Так что оставляю это на вас, – подвел итог Таками. – У меня еще масса других дел.

Когда Ковач вслед за шефом службы безопасности выходил из офиса, он услышал, как губернатор рычит во встроенный микрофон, требуя уборщиков со швабрами и щетками.

– Я полагал, вам лучше услышать о своем переводе от губернатора, чем прямо от меня, – сказал Ситтерсон в приемной. – Таками стреляный воробей. Он станет совать нос в наши дела. Вы придержали машину?

– Нет, сэр, – сказал Ковач. Он пытался осмыслить, что произошло с ним и его подразделением. И не мог.

– Неважно, – произнес Ситтерсон, но нахмуренные брови говорили об обратном. – Прогуляемся. Это прямо через площадь.

Он вновь нахмурился, заметив Сенкевич с двумя ружьями в руках.

– Мой секретарь, – сухо проронил Ковач.

– Да, кстати, – отозвался Ситтерсон, – мне нужен один из ваших людей для постоянного дежурства в приемной. В здании находятся мои жилые апартаменты, так что лишняя предосторожность не помешает.

Лицо Ковача вспыхнуло гневом.

– О, сэр, – сказал он как можно спокойнее. – Мы ведь подразделение реагирования.

– Ну, мне и нужны люди, способные реагировать, не так ли? – усмехнулся Ситтерсон.

Ковач предпочел промолчать.

Штаб сил безопасности располагался в сотне метров, наискосок от здания правительства.

Однако Ковач и не предполагал, что машина понадобилась Ситтерсону исключительно из пижонства. Одноэтажное строение, лишенное окон, представляло собой вытянутый пенал. Дверь располагалась в одном Из торцов. Ситтерсон предпочел позвонить, а не возиться с замком.

Дверь распахнулась. Глазам Ковача предстал узкий и длинный коридор. По левую сторону имелись четыре закрытых двери, справа – вытянулись восемь крошечных зарешеченных комнат. В пяти из них маялись какие-то личности. Бедолаги могли лишь стоять, вытянувшись во весь рост.

Такая поза была очень болезненной. Открывший дверь старшина держал в руке длинный электрошоковый прут, которым тыкал пленников, когда те начинали оседать на пол или прислонялись к стене.

– Комнаты для допросов, – весело пояснил Ситтерсон, ткнув пальцем на закрытые двери. Он усмехнулся и добавил, кивнув в сторону камер: – Люблю показать моим посетителям, что здесь серьезное заведение. Это единственный вход в здание.

– В чем их вина? – спросил Ковач безразличным тоном.

– Вот это нам как раз и предстоит выяснить, не правда ли? – лучезарно улыбаясь, ответил Ситтерсон.

Женщина в одной из камер жалобно плакала, и едва уже держалась на ногах. Ковач прибавил шагу, увлекая шефа безопасности к двери в дальнем конце коридора.

Но двигались они недостаточно быстро. Когда Сенкевич закрывала дверь, Ковач услышал-таки змеиное шипение электрошока, выпускающего свое жало. Женщина отчаянно вскрикнула.

Старший сержант за громадным столом приветствовал Ситтерсона четким салютом, не вставая с места. Впрочем, он и не смог бы встать из-за свисавших с потолка многочисленных кабелей.

Ситтерсон явно старался продемонстрировать, что не лыком шит, но его штаб-квартира являла собой лишь слабый отголосок слеполенной наспех роскоши здания Правительства Округа.

Офицеры Флота, служившие на Земле, как правило, не входили в число лучших. Твердая Земля для них была чем-то вроде ссылки.

Ковачу следовало об этом помнить, хотя он вряд ли представлял, какую можно извлечь из этого пользу.

– К вам полковник Хезик, сэр, – отрапортовал старший сержант, кивнув в сторону высокого поджарого человека, который-при их появлении поднялся с узкой кушетки напротив двери.

– Подождите здесь, Хезик, – сказал Ситтерсон, проходя между столом и кушеткой во внутреннюю дверь.

По пути в соседнюю комнату Ковач искоса взглянул на полковника, поймав такой же ответный взгляд.

На Хезике была форма незнакомого покроя. Пошитая вручную, с желтым кантом взамен галунов на карманах, эполетах и петлицах. Пистолет в его плечевой кобуре был флотского образца и далеко не новый.

Глаза Хезика бегали по сторонам. Ковач и под угрозой смерти не взял бы такого в свое подразделение.

Личный офис Ситтерсона занимал почти такую же площадь, как кабинет Губернатора, но потолок здесь был низок и мебель из пластика, а не из дерева.

Но зато пол сиял чистотой.

– Присаживайтесь, капитан, – сказал Ситтерсон, широким жестом указывая на одно из кресел. Другая дверь, вероятно, ведущая в жилую часть, столь же тесную, как и приемная, была частично скрыта за топографическими экранами демонстрировавшими, что происходит в комнате для допросов; Перед развалившимся в креслах сержантами стояли совершенно голые люди. Одежда бедолаг валялась рядом на полу.

– Нам предстоит работать в тесном контакте, капитан, – начал беседу шеф службы безопасности. – Не стану скрывать, я смотрю на это назначение как на шанс проявить себя. В это дело надо как следует запустить зубы. Если мы справимся с ситуацией, чины и награды посыпятся на нас со всех сторон.

Бородатый человек на ближнем к Ковачу экране бормотал, заикаясь от страха:

– Только яйца, клянусь. И, может быть, масло, когда они просили масла, может быть, масло. Они забрали бы мою дочь, если бы я не давал им продукты.

– Эй, командор, – проговорил десантник, подыскивая подходящее продолжение. – Я не понимаю, почему мое подразделение, а не...

«А не кто-либо еще во вселенной». Вот что следовало добавить.

– Так твоя дочь тоже в этом замешана? – осведомился следователь. – Где она сейчас?

– Ей всего восемь! Ради Бога...

Ситтерсон раздраженно отключил звук.

Шеф службы безопасности наклонился вперед и многозначительно улыбнулся Ковачу.

– Я знаю, как обходиться с пособниками врага, – сказал он. – И вы, похоже, тоже. Я слышал, что произошло на Цели. Вот почему я запросил к себе именно Сто Двадцать Первую.

На мгновение Ковач перестал чувствовать под собой стул. Его трясло. Перед глазами мелькали картины на Цели. Халианские плантации. Рабы. Надзиратели из числа людей, с чудовищным пыточным арсеналом. Скотобойня. Гастрономические пристрастия халиан и их прислужников-людей. И каждый надзиратель в его воспоминаниях обладал чертами Ситтерсона.

Ковач не решался заговорить, но он не мог безмолвствовать и потому произнес:

– Сэр, на Цели пленные изготавливали электронику, приборы, которые хорькам не под силу сделать самостоятельно.

Он поднялся с кресла, поскольку не мог сидеть без движения, и, пройдясь до стены, получил возможность отвести взгляд от шефа службы безопасности.

– Все эти люди, снабжавшие хорьков продуктами, чтобы самим не попасть к ним на стол. Это не пособничество, сэр, а примитивное выживание. Совсем не то, что...

Но слова вернули воспоминания, а от воспоминаний у Ковача перехватило дыхание и ладони покрылись потом.

– Вот что, капитан, – проговорил Ситтерсон, выпрямившись на стуле. – Если бы я не отвечал за безопасность ста сорока тысяч личного состава Флота оставленных в этом районе, я, наверное, был бы таким же великодушным, как вы.

Раздражение командора плавно перетекло в улыбку.

– Однако, – продолжал он, – думаю, главная ваша проблема состоит в том, что вы боитесь остаться не у дел, работая со мной. Но я покажу вам, как сильно вы ошибаетесь.

– Пригласите полковника Хезика, – обратился он к поверхности своего стола. Не успел он договорить, как дверь открылась.

Ковач начал было вставать, но Ситтерсон не двинулся с места. Величественным жестом он указал вновь прибывшему на стул.

– Хезик, – сказал он, обращаясь к Ковачу, – возглавлял силы сопротивления до нашей высадки. Он работал в непосредственном контакте со мной, и, – он заговорщицки подмигнул Хезику, – не побоюсь сказать, капитан, что он претендует на очень высокий пост на планете, когда здесь установится гражданское правительство.

Хезик в ответ широко осклабился. Шрам на его правой щеке, наполовину скрытый холеной бородкой, придавал его лицу, когда он пытался улыбаться, фальшиво-сардоническое выражение.

– Расскажите капитану Ковачу, что три месяца назад случилось с вашим подразделением, Хезик, – приказал Ситтерсон.

– Есть, сэр, – ответил тот, у которого хватало ума не кичиться своим декоративным «званием», которое номинально сделало бы его старшим офицером в этой комнате. Он охотно играл роль болванчика Ситтерсона, в расчете получить свое, когда Флот уберется восвояси.

– Нас собрал лейтенант Банди, – сказал Хезик. Он не отрывал взгляда от угла комнаты, как будто отвечал наизусть заученный урок.

– Технический персонал забросили шесть месяцев назад, чтобы сплотить местное сопротивление, – пояснил Ситтерсон. – Банди был за главного. Я лично его знал.

– Мы лупили хорьков, им здорово доставалось, – заключил Хезик. В его голосе были слышны нотки, хорошо знакомые Ковачу, – переживания человека, оживлявшего былые страхи, которые он теперь маскировал за невинными словами. – В нашем районе действовали и другие команды повстанцев – им было далеко до нас, но все хорошие ребята, храбрые... Кроме одной.

Он сглотнул слюну. Его адамово яблоко подпрыгнуло, точно кто-то щелкнул переключателем, голова дернулась вниз, и он с вызовом уставился на Ковача.

– Это другое подразделение, – сказал он, – было тесно связано с нами, но они похоже никогда не нападали на халиан. Избегали ответных жертв среди гражданского населения, как они объявляли.

Один из подследственных повалился на пол. Следователь взмахнул электронным кнутом.

– Ладно бы так, – продолжал Хезик, – но мы получали крайне тревожные донесения о том, что члены этого подразделения зачастили в космопорт, где располагался штаб халиан. Мы пытались предостеречь лейтенанта Банди, но он не хотел верить, что люди способны стать предателями своей расы.

– Вот Ковач мог бы вам об этом порассказать, – встрял Ситтерсон. – Не правда ли, капитан?

Ковач поднял руку, показывая, что слышал шефа СБ. Взгляд его оставался прикованным к Хезику.

– Они позвали нас на встречу, – проговорил вифездианин. – Мы умоляли лейтенанта не ходить, но он лишь посмеялся над нашими опасениями.

Хезик подался к Ковачу.

– Мы попали в засаду, – сказал он. – Единственная причина, по которой мы уцелели, – это то, что лейтенант Банди пожертвовал своей жизнью, чтобы предупредить остальных.

– Это несколько отличается от невинной торговли маслом, – довольно заметил Ситтерсон.

– Это они? – спросил Ковач, указывая на голограмму.

– Пока нет, – сказал шеф СБ.

– Но, – произнес Хезик со сдержанным ликованием, – мои люди выяснили, где прячутся предатели.

– Вперед к настоящему делу, капитан? – любопытно спросил Ситтерсон. – Говорите, вы подразделение реагирования? Поглядим, как быстро вы можете реагировать.

– Доложите координаты, – сказал Ковач, слишком сосредоточенный на своих мыслях, чтобы заметить, что приказывает старшему по званию. При входе в здание он снял шлем. Теперь он снова нахлобучил его и добавил:

– Как насчет транспорта?

Ситтерсон что-то бормотал в свой селектор.

– Вы уже получили грузовики, разве нет? – спросил он, удивленно поднимая голову.

– Верно, – сухо согласился Ковач. – Первая категория, – сказал он в шлем. – Тревога, Охотники за Головами.

Экран шлема нарисовал в воздухе расположение цели, затем маршрут, выбранный компьютером. Маршрут определяли топографические данные, характер поверхности и интенсивность движения на участках с дорожным покрытием.

– Сколько бандитов? – потребовал Ковач, ткнув пальцем в Хезика, чтобы не было неясности.

– Сэр, – произнес голос Даниэло в его шлеме, – мы еще не получили скафандры после дезактивации.

– Примерно двадцать, – ответил Хезик, пожав плечами. – А может, и меньше.

– На хрена скафандры, – буркнул Ковач командиру своего первого взвода. – У нас всего двадцать прячущихся людей. Подберите меня и Сенкевич у входа в штаб службы безопасности, когда будете проезжать через плац.

– Выезжаем, – ответил Даниэло.

– Мы тоже едем, – сказал командир Ситтерсон, шустро вскакивая из-за стола, с изумлением заметив, что десантник уже направился к двери.

– Как угодно, – безразлично бросил Ковач.

Ему пришло в голову, что диверсионная группа хорьков вполне может получить поддержку от людей. А компания таких переметчиков могла бы об этом порассказать – если допросить их должным образом.

На картинке, подученной со спутника. Ковач насчитал в зоне Цели семнадцать лачуг и пришел к выводу, что Хезик недооценил силы противника. К моменту, когда четыре грузовика заняли рубежи в лесу в полукилометре от деревни. Ковач располагал более подробными данными после длительного ионного и инфракрасного сканирования.

Хезик оказался прав. В районе не могло быть столько же людей, сколько жилищ.

Последние пять километров до точки десантирования грузовики летели над самыми верхушками деревьев, работая на реактивной тяге. Это было быстро и в то же время крайне рискованно: ты в два счета мог стать покойником, если на каком-нибудь дереве устроился парень с противозвушной ракетой.

– Держитесь, – предупредил водитель, Бикман из третьего взвода.

Ковач не доверял никому из резервных мотоподразделений настолько, чтобы предвидеть,

что он сделает или захочет сделать под огнем неприятеля, когда жизнь людей зависит исключительно от маневра транспортного средства.

Грузовик протаранил полог леса с ужасающим треском, сучья хлестали людей, сидевших в открытом кузове. Ветка, щедро увешанная шишками, больно хлестнула Ковача, но щиток шлема, к счастью, был опущен, а садины были ему не в новинку. Одной рукой он держался за поручень сиденья, в другой сжимал ружье, и едва днище их транспортера врезалось в вязкую глину. Ковач вместе с остальными соскочил на землю.

Суэта третьего взвода, занимавшего укрытие и разворачивавшегося в направлении деревни, только на мгновение отвлекла внимание Ковача. Он должен был следить за всей ротой.

Бредли и Сенкевич прикрывали командира, пока он сосредоточился на донесениях трех других взводов. Высадка закончилась без инцидентов, а голографический дисплей в метре перед ним был более важен, чем деревья, которые он мог различать в узорах света.

– Продвигаться к желтому, – скомандовал Ковач. Синяя бусинка, коротко вспыхивающая в верхней части дисплея, топографически проецируемого его шлемом, равно как и шлемами остальных в подразделении, указывала, что приказ передан по командному каналу.

Они быстро продвигались через лес. Охотники за Головами были привычны к лесам, точно так же, как и к джунглям, пустыням или любой другой чертовой местности, которую хорьки могли избрать полем для своего рейда, и где скорость значила больше, чем угроза нарваться на засаду.

Ковач не очень хорошо видел третий взвод. Подлесок был не таким уж густым, но между каждыми двумя десанниками по цепочке было не менее двух метров.

– Гамма, Желтый, – продолжал командир третьего взвода откуда-то слева. Ковач стоял на одном колене, направив вперед оружие, как и остальные десантники, ожидая пока оставшиеся взводы займут позицию.

– Бета, Желтый; Альфа, Желтый, – почти одновременно доложили второй и первый взводы. Оставалось дожидаться, когда доложится Дельта, но это был взвод тяжелого вооружения, и им приходилось волочить через подлесок плазменные пушки на треногах.

Так или иначе Дельта отрапортовала еще через минуту, показавшуюся Ковачу чуть ли не в полжизни, пока его пальцы сжимали приклад ружья, а глаза следили за зелеными точками, ползущими по призрачной голограмме карты рельефа.

Единственная разница между Желтым пунктом и любым другим лесным массивом состояла в том, что каждый взвод находился в сотне метров от деревни. Лачуги все еще оставались вне поля зрения, хотя второй взвод и взвод тяжелого вооружения должны были войти на прямую видимость для стрельбы, продвинувшись всего на несколько метров.

– Альфа, заряд установлен, – доложил Даниэло, чей взвод получил задачу заложить небольшой взрывной заряд на глубине в один метр.

– Бета, сенсоры готовы, – ответил командир второго взвода, установившего эхолокационные датчики с другой стороны деревни.

– Взрывайте заряд, – скомандовал Ковач.

Не успел он договорить, как справа донесся едва различимый глухой удар, и кто-то схватил его за руку, чтобы привлечь внимание.

– Что происходит? – потребовал командор Ситтерсон, он слышал все переговоры, но не понимал их сути.

У него даже не хватило ума не путаться под ногами. Ковач был очень рад, что благодаря оружию он не развернулся и не отшвырнул Ситтерсона, прежде чем сознание возьмет верх над рефлексом.

– Не теперь, сэр! – огрызнулся он, слегка поворачиваясь, чтобы голова Ситтерсона не закрывала рисунок линий, танцующих по его дисплею, пока компьютер подразделения проводил эхолокационную разведку бункеров и тоннелей под деревней.

Никаких тоннелей или бункеров не оказалось. Мишень была открыта, точно рот шлюхи.

– Это был выстрел? – настаивал шеф службы безопасности. Хезик лежал точно позади Ситтерсона, выставив голову и зажав в поднятой правой руке чудовищно огромный пистолет.

– Штурмовые подразделения, вперед! – скомандовал Ковач, вскакивая на ноги. Сейчас он был настолько отрешен, что возможность получить случайную пулю в спину от полковника-туземца с бешеными глазами волновала его чисто абстрактно.

Первый и третий взводы ворвались в просветы между домами деревни с двух смежных сто-

рон, образовывая букву «L», которая выростала с внезапной смертоносностью смыкающихся челюстей акулы.

– Всем оставаться на местах! – прогремел Ковач через вмонтированный в верхней части шлема динамик. Динамик имел демпфер и направленный фокус, но все равно у Ковача ныли зубы, когда приходилось применять проклятую штуковину. Однако здесь командовал он, и укрывавшимся в деревне предстояло это уяснить.

Даже если для этого придется разрядить ружье в безумцев, что отважатся сопротивляться.

Но бедняги в пределах прямой видимости похоже, едва могли пошевелиться.

Две женщины – обе немолодые, хотя одной было лет на двадцать меньше, чем показалось Ковачу с первого взгляда – очищали сырые корешки за столом, одиноко стоявшим среди лачуг. Позади них на соломенной подстилке лежала фигура неопределенного пола, которая могла легко сойти за кучу тряпья, если бы не трепетание век над блестящими глазами – единственная заметная реакция при виде приближающихся ружей.

– Не двигаться, черт возьми! – гаркнул Ковач, когда человек прямо перед ним нырнул в свою лачугу.

Последовал хлопок, стремительная дымовая дуга вылетела из левой руки Бредли. Дымный шлейф метнулся через дверной проем также внезапно, как и местный житель, взорвавшись ослепительно-белой вспышкой. Зажигательная ракета, а не граната, как в первый миг предположил Ковач.

Взвыв от ужаса, человек выскочил обратно и закружился в безумном танце, срывая с себя вспыхнувшее тряпье. За его спиной весело пылала лачуга. Десантник сшиб его прикладом и ногой швырнул песок на загоревшиеся волосы.

Оба взвода в несколько секунд рассредоточились по лачугам.

– Пусто! – выкрикнул голос.

– Пусто!

Затем:

– Наружу! Наружу! Наружу!

Трое попытались улизнуть через заднюю дверь, как и ожидалось. Прекрасно, всегда нужно дать им шанс думать, что существует путь для бегства. Ослепительная вспышка плазменной молнии с треском разорвала небо, чуть не до орбиты ближайшей луны, выхватив из темноты троицу беглецов как на ладони.

Они не бросились на землю, не подняли руки, просто застыли в ожидании перекрестного залпа, который испарил бы их на месте. Десантники из второго взвода сбили их наземь и крепко связали.

– Он не может шевельнуться, он ранен! – отчаянно кричала женщина в лачуге позади Ковача. Вряд ли это требовало немедленного вмешательства, так что он огляделся, чтобы оценить ситуацию.

Все шло как положено. Одна лачуга горела, несколько десантников сторожили изъятое оружие. Женщине не стоило объяснять, что приятель, которого волокли двое людей Ковача, был ранен. Ковач даже со своего места чувствовал смрад гангрены, разъедавшей его ногу.

Единственный предупредительный залп был произведен из плазменных пушек. Очень гладко. Настолько гладко, что, вероятно, выглядело просто для Ситтерсона и Хезика, как ни в чем не бывало появившихся из кустов, где они пережидали атаку.

Старшая из женщин, готовивших еду, визгливо прокричала Ковачу:

– Зачем вы с ружьями?! Нам нужна была помощь, а не...

Тут она заметила Хезика. Ковач ухватил ее за одну руку, а Сенкевич за другую, когда они поняли, что должно произойти, но это не помешало ей плюнуть Хезику в лицо.

Полковник раскроил ей лоб рукояткой пистолета.

Та, что помоложе, вырвалась из рук десантника, которого больше занимало происходящее вокруг, чем его пленница, и метнулась в темную дверь лачуги. Трое ближайших десантников осветили проем вспышками выстрелов автоматических ружей.

Пленница рухнула, так что внутри оказалась лишь верхняя половина тела. Ноги ее дергались до тех пор, пока один из моряков, более нервный или менее опытный, не разрядил остаток магазина, положив конец ее судорогам.

Воздух пропитался масляным запахом пороховых газов. Хезик выглядел ошеломленным.

Правой рукой он беспорядочно тыкал туда-сюда, пытаясь засунуть в кобуру свой пистолет. И все время промахивался.

– Хорошо, – сказал Ковач, обозленный звоном в ушах и тем, что нелепое недоразумение изгладило безупречно проведенную операцию. – Подгоните грузовики и грузите пленных, пока мы обыщем...

– Погодите, – приказал Ситтерсон.

Все остановились.

– Подержи его, – обратился Ситтерсон к десантнику, захватившему мужчину, точнее мальчика лет семнадцати, с опаленными волосами. – Ты тоже, – он указал на Сенкевич. – Так, чтобы он не вырвался.

Здоровенная капралша подчинилась с таким же каменным лицом, как и у молча наблюдавших за происходящим Ковача и Бредли. Она сжала рукой локоть мальчика, выставив ружье перед грудью. Конец ствола упирался пленнику в ухо.

Ситтерсон вытащил из кармана миниатюрный электрошоковый прут и сказал мальчику вкрадчивым голосом:

– Ну, кто из этого сброда Милиус?

– Пошел на... – начал мальчик.

Ситтерсон легко хлестнул прутом по его животу. Прут издал змеиное шипение и рассыпал голубые искры. Мальчик вскрикнул и заколотил ногами. Сенкевич поставила между ними свою ступню в тяжелой ботинке, а шеф службы безопасности ткнул электрошоком в промежность мальчика.

– Сэр! – крикнул Ковач, хватая Ситтерсона за плечо и дергая его назад. – Сэр! Люди смотрят! – Он постучал стволом ружья по боковой поверхности шлема, где микропроцессор фиксировал каждый аспект операции для обзора тех, кто находился в заднем эшелоне.

Ситтерсон дышал тяжелее, чем того требовало затраченное усилие. На мгновение Ковач подумал, что командор собирается ударить его – случись это, боль от удара была бы сущей ерундой по сравнению с желанием врезать мерзавцу в ответ.

Шеф службы безопасности расслабился и пожал плечами.

– Не о чем беспокоиться, – проронил он. – Нет ни малейшего повода. Какой код опознания вашего подразделения?

Сенкевич прыскала анальгетик на пленного, пока другие десантники закрывали мальчика от возможного повторного нападения Ситтерсона. Вероятно, их беспокоила перспектива разбирательства в военном суде.

А может статья, Ситтерсон нравился им ничуть не больше, чем их командиру.

Ситтерсон отступил Ковачу за спину. Тот повернулся, пытаясь не упустить шефа СБ из поля зрения. Но Ситтерсон остановил его, положив руку ему на затылок. Ковач замер. Пальцы Ситтерсона провели по серийному номеру сзади на ободке шлема.

– Так, – заключил шеф СБ, позволяя Ковачу повернуться. – Я займусь этим по возвращении. Раздобуду номера файлов всех записывающих устройств, информация о которых потом поступает в архивы на Землю.

Ковач выглядел озадаченным.

– Это наилучший способ, – досадливо морщась, объяснил Ситтерсон. – Не пытаться стереть данные, а просто переместить файл так, чтобы никто не смог его отыскать.

– Где эти грузовики? – поинтересовался Бредли, чтобы сменить тему. Грузовики были на подходе с раскрытыми воздухозаборниками, завывая, словно демоны, и вполне слышимые даже для заложенных выстрелами ушей.

Двое десантников вышли из лачуги, на пороге которой распростерлась женщина. Один нес найденный внутри автомат. Другой держал всего-навсего младенца, чей плач терялся за шумом и суматохой рейда.

– Проверьте, нет ли царапин, – хмуро произнес Ковач, уверенный, что при прямом попадании ребенок давно изошел бы кровью.

– Надо только переменить пеленки, сэр, – неожиданно сказала Сенкевич.

– Так сделайте это! – рявкнул Ковач.

– Ладно, – сказал Ситтерсон. – Думаю, вы правы. Захватим в штаб.

Моряки повернули к лесу, держа оружие наготове, на всякий случай. Грузовики с ревом ло-

мали днищами верхние сучья.

Переключившись на общий режим, поскольку не был уверен, что его услышат в реве двигателей, Ковач поинтересовался:

– Бредли, сколько всего мы взяли?

– Тринадцать с ребенком, – ответил сержант, дважды растопырив пятерню и добавив три пальца, дублируя свое сообщение.

– Вроде бы так?

Потом он нахмурился и уточнил:

– Четырнадцать с матерью.

– Да, нужно прихватить для идентификации, – сказал Ковач таким же лишенным всякого выражения голосом, как статическое шипение его радио. – Но положим в грузовой отсек, ладно?

Вихрь от работающих двигателей грузовика превратил горящую лачугу в огненный гриб, потом в сноп искр, которые, кружась, полетели на крыши соседних домов.

– Бета, Дельта, – приказал Ковач по командному каналу. – Грузитесь и давайте сваливать, прежде чем выяснится, что есть тайные склады взрывчатки, которые датчики пропустили, но огонь наверняка найдет.

– Давай, давай! – торопил Бредли. – По трое пленных в грузовик. И не забудьте их пристегнуть. Им еще есть, что нам порассказать.

Командир Ситтерсон чихнул раз, другой. Выхлопы двигателя гнали к нему дым, пыль и запах мертвечины.

Ковач и в самом деле хотел поскорее убраться отсюда, хотя не было никаких объективных причин для возникшего вдруг напряжения. Единственная проблема состояла в том, что когда они вернутся в Форберри, допросы должны возобновиться.

И если Милиус, за которой охотится шеф службы безопасности, окажется той самой женщиной из рассказа Тоби Инглиша, это тоже совсем не обрадовало бы Ковача.

Пока длилось прохождение через автоматические системы защиты, и грузовики парили над периметром базы в ожидании команды офицера охраны, командор Ситтерсон сказал:

– Итак, Ковач. Раз вы теперь под моей командой, я хочу, чтобы вы не испытывали неудобств. Что я могу для вас сделать? Ваши бараки достаточно удобны?

– Что? – рассеянно переспросил Ковач. Он разглядывал пленных, привязанных к передней переборке – обожженный мальчишка в середине, две старухи по бокам от него. – Бараки? Все вроде нормально. Протекают немного.

Как и резиденция губернатора.

– Но, знаете, наверное, вы действительно можете кое-что сделать...

– Говорите, – подался к нему Ситтерсон.

Колонна получила разрешение продвигаться, и, накренившись, устремилась к базе. Одна из женщин, назвав мальчика Энди, спросила, как он себя чувствует.

Энди посоветовал ей закрыть рот и больше не открывать его.

– Да, вот эти грузовики, – пояснил Ковач. – Мы не могли провести надлежащую дезактивацию, после того, как утром обследовали космопорт, просто промыли их из шлангов. Если у вас есть блат в парке обслуживания, может, пробьете для нас время в сухом доке, чтобы...

– Грузовики? – задохнулся шеф. Он полупривстал со скамьи, прежде чем сообразил, как высоко они над дорогой, отчего замер на полпути. – Этот грузовик не был дезактивирован?

– Сэр, – сержант Бредли вмешался в разговор с интонациями Папы, объявляющего о пришествии Христа. – Они прошли все полевые процедуры и абсолютно безопасны. Но вполне возможно, что нам в следующем месяце придется проводить в них по двенадцать часов в день, так что хотелось бы иметь двойную гарантию.

– Да, хорошо, – промямлил Ситтерсон, опускаясь на скамейку с выражением крайней неуверенности на лице. – Я все понял. Разумеется, я позабочусь.

Ситтерсон хотел разместить пленных в своем штабе, а не в лагере. Грузовики с их вооруженными до зубов пассажирами с трудом продвигались в потоке транспорта к парадному плацу, встречая взгляды, полные отвращения или любопытства ребят из тылового эшелона.

Средства передвижения Охотников за Головами были достаточно мощными, чтобы нести полную нагрузку без контакта с Землей. Они могли бы пролететь над потоком, если бы надземный полет не был запрещен уставом Базы, и сама База Томаса Форберри не находилась под контролем

Военно-Морских сил, а не правительства округа. Береговая полиция была бы безмерно счастлива приземлить командора Ситтерсона вместе с Ковачом и всеми четырьмя его водителями.

Когда грузовики остановились перед штабом службы безопасности, сминая пластиковое покрытие, люди Ковача принялись отвязывать пленных, а Ситтерсон тем временем громовым голосом отдал приказ:

– Глиэр, откройте камеры содержания. Пока разместим там всех пленных.

Ковач не слышал ответа, но когда дверь строения открылась, Ситтерсон спохватился:

– А, у нас ведь еще есть тело. Попросите кого-нибудь из санитарной службы провести идентификацию, а потом позаботьтесь о нем!

– Это неправильно! – прокричал мальчик Энди, пока два десантника волочили его быстрее, чем хотели ступать его обожженные ноги. – Вы должны были нам помогать! Вы должны были нам помогать!

– Пройдемте со мной, – приказал Ковачу Ситтерсон. – Я хочу, чтобы вы присутствовали на допросах. Они знают, что с вами шутки плохи.

– Хорошо, – сказал Ковач в командный канал. – Даниэло, ты за главного, пока меня не будет. Пусть все остаются в бараках.

Он направился следом за Ситтерсоном и Хезиком. Капрал, похоже, немного оправился, но не произнес ни слова с тех пор, как неблагоразумно кинулась за оружием.

Или за ребенком. Так или иначе, то была не слишком удачная мысль. Ковач обернулся через плечо – взглянул вверх и сказал:

– Разве я просил сопровождать меня, капрал?

– Так точно, – ответила Сенкевич. Увешанная патронташами и гранатами, с тяжелым метровым плазменным ружьем, болтавшимся сзади она выглядела, как ходячий бронепоезд.

Черт побери, действительно, она не помешает.

Открытые камеры были пусты. Охранник и трое следователей-сержантов отдали честь своему, когда тот прошествовал мимо, затем грубо забрали пленных и распихали их по камерам – мужчин поодиночке, женщин по двое. Одна из женщин взяла ребенка. Когда камеры наполнились, двери с клацаньем закрылись.

В приемной Ситтерсон сказал:

– Можете подождать здесь. – Не грубо, но достаточно веско. Его свита. Ковач, громадная Сенкевич и тощий, казавшийся загнанным, Хезик, посмотрели друг на друга и на сержанта за столом. На кушетке имелось место только для двоих.

– Глиэр, – сказал шеф службы безопасности, словно бы спохватившись в последний момент, – возьмите номер со шлема Ковача и проследите, чтобы все соответствующие записи перекинули в файл тринадцать. Со всей роты. Вы знаете, как это сделать.

– Слушаюсь, сэр, – ответил Глиэр. – Один момент, я только позабочусь о камерах.

Унтер-офицер не отрывал глаз от небольшого контрольного экрана. Он коснулся переключателя на столе. Еще одна камера захлопнулась с громким лязгом.

Ситтерсон вернулся через пять минут. Он переоделся во все светлое, кожа лица и рук была красной от старания, с которым он себя оттирал.

Ковач надеялся, что шеф службы безопасности никогда не узнает, насколько горячими в действительности были грузовики. Без всякого сомнения, он потребовал бы тогда военного суда. Легко запомнить, насколько переживают о своем здоровье тыловые крысы.

– Хорошо, – коротко бросил шеф СБ. – Приступим к делу, не так ли? Глиэр, мы возьмем парня из крайней камеры. Энди.

– Думает, он крутой, – добавил Ситтерсон со смешком.

Хезик засмеялся в ответ.

Ковач промолчал. Он протянул свое ружье Сенкевич, жестом приказав ей оставаться на месте. Гримаса на лице капрала могла означать все что угодно.

Энди пытался идти, пока его тащили по коридору в комнату допросов, но едва мог стоять на ногах. Одежды на нем не было. Анальгетик, взятый Сенкевич из ее аптечки первой помощи, засох на коже, напоминая узор на шкуре дикого зверя.

Когда за ним захлопнулась дверь, мальчик пошатнулся и вынужден был ухватиться за маленький столик, стоявший в комнате.

– Внимание, будь ты проклят! – приказал Ситтерсон, вытаскивая электрошоковый прут.

– Зачем вы делаете это со мной? – выкрикнул мальчик. Горячка, лекарства и токсины от гниющих ран превратили его голос в горестный вой.

– Почему вы не объявились сами? – заорал Ситтерсон. – Зачем прятались со своим оружием?

– Мы как раз объявились! – сказал Энди. – А ваша жаба Хезик сказал нам дожидаться, когда за нами пришлют транспорт.

– Лжец! – сказал Хезик и нанес резкий удар рукояткой пистолета мальчику в лоб.

От мертвых пленников ни черта не узнаешь, а удар оказался бы смертельным, достигни он цели.

Но этого не произошло, поскольку Ковач перехватил запястье полковника одной рукой, а другой забрал пистолет с такой легкостью, будто Хезик был ребенком.

– Сэр, – обратился Ковач к шефу службы безопасности. – Думаю, дела пойдут лучше, если какое-то время мы станем вести допрос вместе.

– Он будет лгать! – сказал Хезик. Десантник не смотрел на него, но хватку не ослабил.

Ковач пожал плечами, адресуясь к Ситтерсону.

– Он заговорит, – просто произнес он. – Но живой, а не мертвый.

Лицо Ситтерсона было непроницаемо. Наконец он сказал:

– Хорошо. Вы и я. Хезик, подождите снаружи. Не беспокойтесь.

– Он будет лгать! – повторил тот, но его мускулы обмякли, и Ковач выпустил его.

И вернул пистолет. Он не спускал глаз с Хезика, пока за полковником не закрылась дверь.

– Мы в любой момент можем его вернуть, – заметил Ковач пленнику безразличным тоном. – Можем оставить вас вдвоем, а то и поможем ему. Не хочешь этого, начинай говорить сейчас.

– Думаете, это меня трогает? – пробормотал мальчик.

Но его это трогало. Он был нагим и израненным, сильно израненным. Ковач был огромен в своем шлеме и ремне со снаряжением, все еще черный от копоти рейда; к тому же десантник словно являл собой живое напоминание доскональности и безжалостности налета.

– Расскажи о лейтенанте Милиус, – сказал Ситтерсон. Он стал было помахивать прутом, пока не догадался, что присутствие Ковача куда действеннее, чем временная боль. – Где она?

– Слава Богу, мертва! – выпалил мальчик. – Она была в здании терминала, когда все началось. Спросите солдат, которых мы туда провели. Они вам расскажут!

Ситтерсон дал ему пощечину.

– Ты лжешь! Ты укрываешь предателя, убийцу офицера!

Удар не «был особенно сильным, но отбросил Энди к стене. Он свалился бы на пол, если бы Ковач не поймал его и рывком не поставил на ноги.

– Хезик вам сказал? – проговорил мальчик. Губа у него была разбита. – Ладно, так и есть – она застрелила этого ублюдка Банди. Они заявили и приказали нам отступить – мы слишком сильно всполошили хорьков.

Ковач отпустил мальчика, почувствовав, что тот собрался с силами и выпрямился.

– Милиус сказала им самим уносить задницы, – продолжил Энди язвительно. – А ваш драгоценный Банди и говорит – если она не послушает его, то этим займутся хорьки. Вот за что она прикончила мерзавца. Я хочу только, чтобы в этой камере оказался Хезик и оставшиеся матери.

– Лживая маленькая свинья! – заорал Ситтерсон. Одной рукой он схватил мальчика за волосы, прижимая его к стене, и ткнул хлыстом в глаз. Опаленные волосы не выдержали. Рука Ситтерсона отскочила с липким клочком засохшего гноя.

– Сэр, – сказал Ковач, протискиваясь между упавшим мальчиком и шефом службы безопасности, который уставился на свою руку с выражением испуганного отвращения. – Мы допустили ошибку; Если это те самые ребята, что провели Девяносто Вторую в порт, то они чисты. Даже если пристрелили вашего агента.

– Если! – повторил шеф. – Он грязный маленький лжец и укрывает предателя!

– Нет, сэр, – сказал Ковач. Он стоял вплотную к Ситтерсону, так что пришлось наклонить голову, чтобы поймать взгляд старшего офицера. – Милиус точно вела их. И обеспечила успех атаки.

Ситтерсон отшатнулся, тяжело дыша.

– Кто, черт побери, говорит это? – потребовал он. Пальцы левой руки сжимались и разжимались, но правая, в которой был зажат прут, замерла неподвижно.

– Тоби Инглиш, – сказал Ковач. – Лейтенант Инглиш, командир Девяносто Второй.

Ситтерсон впился глазами в десантника.

– Вы... – начал он, но голос упал, вместо того, чтобы окрепнуть. Он сглотнул.

– О Господи, – неожиданно спокойно произнес шеф СБ. – Господи, помоги мне, если это правда.

– Разумеется, можете справиться у Тоби, – сказал Ковач. – «Хейг» стартовал утром, но можно послать вслед торпеду с сообщением, раз уж такое дело.

– Так он не на планете? – спросил шеф. Его лицо вновь обрело цвет, утерянный мгновение назад.

– Да, но...

– Все в порядке, – прервал его Ситтерсон, обретая уверенность. Он отворил дверь. – Прервемся, капитан.

Сделав знак ожидавшим распоряжений сержантам, он добавил:

– Вы двое заберите этого, – потерявший сознание Энди лежал на полу, – отнесите его в камеру и держите там. И всех остальных тоже, до моего распоряжения.

– Сэр, я... – начал Ковач.

– Возвращайтесь в свое подразделение и ждите приказа, капитан, – отрезал Ситтерсон. – До сих пор операция шла успешно, и я не хочу ее провалить.

Ковачу совсем не хотелось думать о подтексте последних слов, пока он с Сенкевич добирался до барака на попутном заправщике. И не больше хотелось ему думать об улыбке Хезика.

Но он не мог забыть ни то ни другое.

Ковач печатал рапорт, ненавидя самую процедуру и еще больше содержание своего донесения, когда Бредли и Сенкевич ввалились за звуконепроницаемые шторы его офиса.

– Отвалите, – сказал Ковач, таращась на зеленые букочки, блекло проступившие на белом фоне экрана. – Мне нужно подготовить рапорт о сегодняшних событиях.

– А я думал, вы поручите это Хуферу, – сказал Бредли. – Как всегда.

Ковач откинулся на стуле и протер глаза. Хуфер, младший сержант Первого взвода, ловко обращался со словами. Обычно это было его дело, но...

– Нет, – устало сказал Ковач. – Нужно знать все обстоятельства, чтобы изложить факты и избежать их превратного толкования на Тау-Кита или где-нибудь еще. И не дать повода раздуть новую историю из-за убитой в спину женщины.

– Не стоило ей пытаться бежать, – сказала Сенкевич.

– Верно, – ответил Ковач. – Многие вещи в этом чертовом мире не должны случаться. Но беда в том, что они происходят.

Он выжидательно смотрел на двух унтер-офицеров, надеясь услышать причины их визита. Им было лучше других известно, что в такие моменты он не любил компании.

Бредли продвинулся вперед, чтобы плотнее закрыть шторы вокруг маленького уголка.

– Сегодня мы пошли выпить в сержантский клуб с Глиэром, технарем из штаба Ситтерсона. В барах правительства хватаем бухла, хотя в других местах не так просто хорошенько оттянуться. Он провел нас с собой.

– Замечательно, – проговорил Ковач без особого энтузиазма. – Принеси вы мне бутылку, я был бы рад вас видеть. Но раз уж вы...

– Дело в том, – продолжал сержант, словно не услышав своего командира, – что босс Глиэра вызвал его, когда штаб уже должен был закрыться.

Ковач поднял бровь.

– Глиэр обделался, – сказал Бредли. – Похоже, Ситтерсон хочет, чтобы он стер все данные о компании, которую мы сегодня захватили. Хочет сделать так, будто этих людей никогда и не существовало – а файл переписать, чтобы не было никаких белых пятен.

Ковач медленно поднялся. Стол мешал, и Ковач с силой оттолкнул и стол и компьютер. Прочь с его дороги и плевать на все!

Он начал ругаться, вполголоса и нечленораздельно, без цветистых оборотов – просто молитва ненависти и гнева, выплескивающаяся кипящей струей изо рта человека, мозг которого – озеро раскаленной добела ярости.

– Кем же он нас считает? – уныло спросила Сенкевич. – Они ведь были на нашей стороне.

– Правильно, – вновь спокойно проговорил Ковач.

Он какое-то время смотрел на упавший компьютер, потом отключил блок питания, отправ-

ляя с таким трудом набранный файл на электронные небеса.

– Вот потому задница Ситтерсона пропала, если станет известно, что он сделал. – Ковач пожал плечами. – Что мы все сделали, если на то пошло.

– Они до сих пор находятся в камерах, – сказал Бредли. – Пленные. Не удивлюсь, если Ситтерсон намерен попросить нас избавиться от этой части улики. Ведь мы, бессовестные убийцы, как известно.

– Думаю, ублюдок не станет просить, – с горечью заметила Сенкевич. – Он приказывает.

– Верно, – сказал Ковач. – Верно. Ладно, нам предстоит решить проблему Ситтерсона.

Он поднял компьютер, аккуратно поправил стол.

– Сержант, – сказал он, – занесите в журнал, что мы воспользуемся сегодня ночью сухим доком – с полуночи до четырех, примерно так.

– Э, сэр? – сказал Бредли. – Сегодня вечером сломался главный водопровод. Я не уверен, что на базе достаточно воды.

Ковач пожал плечами.

– Ситтерсон обещал нам приоритет, – напомнил он. – Будем действовать исходя из этого.

– Есть, сэр, – сказал Бредли.

– Кто сегодня ночью дежурит в офисе Ситтерсона? – продолжал Ковач.

– Я еще не составил окончательный список, – спокойно ответил Бредли. – Все зависит от возложенных обязанностей.

– Двери в камеры открываются с пульта в кабинете Глиэра, – проговорил Ковач.

– Есть, сэр, – повторил Бредли. На лице Сенкевич проступила улыбка. – У меня полно недоделанной бумажной работы. С полуночи до четырех я там сам посижу.

– Держи кнопки наготове, – приказал Ковач. – Он вновь включил компьютер.

– Ситтерсону это не понравится, – сказала Сенкевич, сияя до ушей.

Ковач немного помолчал, глядя на своих десантников, которым доверял свою жизнь сотни раз.

– Да, – согласился он. – Но, знаешь, когда-нибудь Тоби Инглиш и я соберемся выпить вместе... А когда это случится, я не хочу глядя ему в глаза, рассказывать историю, которую сам никогда не хотел бы услышать.

Когда Бредли и Сенкевич ушли, Ник Ковач принялся набирать оперативный приказ, который будет загружен в шлемы его бойцов. Зеленые букочки мерцали на голограмме, но вместо них он видел то, что должно произойти ночью.

И он улыбался.

Джип, борта которого были раскрашены красно-белыми цветами Береговой Полиции, проехал мимо здания Правительства округа. Никто из патрульных не задержал взгляда на грузовиках, которые застыли над землей на пустынной площади.

Ковач перевел дыхание.

– Сокольничий шесть, – прошептал в наушниках шлема голос Бредли. – Они не хотят идти.

– Вытащи их! – огрызнулся Ковач, не заботясь о соблюдении приличий.

По главному проспекту базы Томаса Форберри продолжалось движение. Любое промедление со стороны Охотников за Головами, и кто-либо мог заинтересоваться, почему грузовики припаркованы в такой час перед штабом службы безопасности.

И кто-нибудь непременно получил бы правильный ответ.

– Готово, Сокольничий шесть, – ответил Бредли.

Они заранее подняли борта грузовиков, так чтобы нельзя было предположить, что внутри находится Сто Двадцать Первая рота противодействия в полном боевом снаряжении.

Также нельзя было предположить наличия в собственном грузовике Ковача тринадцати интернированных, которые вновь превратятся в жителей Вифезды, как только грузовики минуют Границу базы Форберри.

Если только все сработает.

– Альфа шесть Сокольничему шесть, – доложил Даниэло, чей взвод напряженно ожидал в своем грузовике на южной стороне площади. – Приближаются штабная машина и фургон.

– Сигнал принят, Альфа шесть, – ответил Ковач.

Офицеры постепенно разъезжаются после вечеринки в клубе. Возможно, дружелюбная, а возможно, и напротив, озлобленная пьяная братия, которой только и дай повод пристать к кому-

нибудь. Например, к тому, кто осмелится припарковать грузовик на парадной площади.

– Сокольничий пять, – произнес Ковач, собираясь сказать Бредли, чтобы тот на время придержал пленников.

Но было слишком поздно. Первый из них уже появился поддерживаемый двумя моряками. Энди, парень, пытавшийся показать, что готов умереть и выглядевший так, будто уже умер.

– Что... – начал Энди.

Сенкевич приблизилась, готовая вырубить парня раньше, чем его крики поднимут тревогу. Ковач резко покачал головой и приложил палец к губам.

Машина и фургон пролетели мимо, разрезая яркими лучами фар бледное сияние двух лун Вифезды. Легкий крен фургона и некоторая нетвердость в управлении позволяли предположить, что водитель веселится вместе с пассажирами.

– Слушай, пареньек, – сказал Ковач, наклоняясь так, что его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от лица Энди. – Мы собираемся вывезти вас за Границу. Дальше поступайте, как знаете. Не думаю, что Ситтерсон станет поднимать переполох, пускаясь на поиски, но вот Хезик и ваши соплеменники – это ваше дело. Понятно?

– Что?.. – выдавил Энди. Остальных пленников выводили под руки или выносили. Энди отступил, чтобы дать возможность разместить их в грузовике. – Почему вы это делаете?

– Потому что я кретин! – пояснил Ковач.

На юге сверкнула оранжевая вспышка. Подошвы Ковача ощутили сотрясение мгновением раньше, чем грохот взрыва долетел до его ушей. Для тех, кто, подобно Ковачу, не находился в паре километров, получилось чертовски громко.

– Парк резервной техники, – высказала Сенкевич разумную догадку. – Поздняя ночь, кто-то по небрежности въехал в цистерну с горючим. – Пожав плечами, она добавила: – Может быть, все кинутся туда.

– Скорее всего, вся охрана спала. Как всегда, – ответил Ковач с гримасой.

– Сокольничий шесть, – вызвал Бредли. – Некоторые здесь не в лучшей форме. Им станет хуже, если их начать переносить.

– Им станет еще хуже, если их оставить Ситтерсону, Сокольничий пять, – ответил Ковач. – Выносите.

– Альфа шесть Сокольничему шесть, – доложил Даниэло. – Два фургона направляются к северу. Жмут вовсю.

– Принято, Альфа шесть, – сказал Ковач. – Нет проблем.

Что могло стать проблемой, так это свет, загоревшийся в окнах офицерских казарм, стоявших на площади. Взрыв разбудил множество людей. Выглядывающие из окон офицеры не могли ничего различить в резервном парке, теперь окрасившем небо над южным горизонтом заревом, напоминавшим восход.

Но они могли увидеть грузовики Ковача и заинтересоваться. Двое десантников вывели старика, который висел обмякшим кулем. Бредли вышел следом, пинком захлопнув дверь. В правой руке сержант держит автомат, левой шестилетнего ребенка, слишком слабого от лихорадки, чтобы своим плачем угрожать ходу операции.

– Это последние, сэр, – доложил Бредли, передавая ребенка одному из десантников в грузовике.

Энди посмотрел на сержанта, на Ковача – и сам вскарабкался в грузовик.

– Берегись! – предупредил Даниэло, не успев подать соответствующий сигнал.

Два фургона, быстро направлявшиеся к северу, резко затормозили посреди парадной площади. Один развернулся так, что его кабина теперь смотрела на здание окружного правительства.

– Какого черта? – пробормотал Ковач, опуская лицевой щиток и включая голограмму от датчиков шлема. Его люди предстали группой зеленых точек, повисших в воздухе перед ним.

Фургон, набирая скорость, двинулся в сторону здания правительства. Водитель выпрыгнул на ходу, для Ковача – черное пятно на белом пластиковом покрытии...

И красная точка на дисплее его шлема.

– Хорьки! – завопил Ковач, выпуская в водителя длинную очередь. Пули ударили в землю рядом с перекатывающейся целью, некоторые рикошетом взвились в воздух.

Большинство его людей были внутри закрытых грузовиков. Прогремел автомат Бредли, но его поверхностные заряды были «предназначены для расчистки пространства на один метр, а не

для дистанционного боя.

Хорек сжался перед прыжком. Пуля, дожидавшаяся, когда палец Ковача еще чуть дождет спусковой крючок, с треском поразила цель.

– Сенкевич?!

Площадь на мгновение осветилась шипящей вспышкой, искусственным светом от плазменной пушки, которую пустила в ход капрал вместо того, чтобы колупаться с автоматическим ружьем. Заряд ударил в фургон, которому оставалось двадцать метров до дверей здания правительства округа.

Уложенная на дне фургона взрывчатка рванула, осыпав осколками кабины фасад здания и высадив все окна на километр вокруг.

Ковач опирался на заднее крыло грузовика. Взрывная волна сбила его с ног и расшвыряла остальных Охотников за Головами, которые выпрыгивали, чтобы принять участие в схватке.

Но взрыв к тому же опрокинул хорьков во втором фургоне, выпускающем голубые трассирующие очереди в направлении, откуда вели по ним стрельбу.

Клаксоны и сирены надрывались с такой силой, что могли ошеломить любого, кто еще мог адекватно реагировать.

Ковач бросился на землю и навел автомат на фургон. Со стороны фургона мелькнула красная вспышка. Что-то пролетело мимо с завыванием, оставляя позади множество расходящихся дымных шлейфов. Двадцать или тридцать комнат взорвались, когда веер миниатюрных самонаводящихся на свет ракет обрушился на высунувшихся из окон обитателей барачков.

Идеальное оружие для того, чтобы сеять панику и разрушение. А хорьки бы потихоньку скрылись в ночи на своем стандартном флотском фургоне, вероятно, захваченном в резервном парке, где предыдущий взрыв уже не казался случайностью.

Но ракетный залп не оказался столь же эффектен против скрытых в темноте Охотников за Головами.

Лишь часть десантников успела выбраться из мешавших теперь грузовиков, но огонь Охотников скрестился на халианском фургоне с четырех сторон. Очереди и искры сделали мишень похожей на праздничную елку...

Пока второй залп Сенкевича не превратил ее в огненный гриб, который растаял в воздухе.

Один из хорьков все еще оставался жив. Возможно, он сидел в кабине и был защищен задней частью фургона. Как бы там ни было, хорек по-прежнему рвался к штабу службы безопасности, вовсю паля из автоматического пистолета.

Спору нет, все маленькие бестии не подарок, но этот был похлеще остальных. Ковач самолично вlepил четыре заряда в грудь халианина, но только шквальный огонь двенадцати ружей свалил наземь то, что осталось от разнесенного в клочья тела.

Ковач рывком поднялся на ноги. Вся левая сторона тела превратилась в сплошной синяк, но он не мог вспомнить, как это случилось. Сдвинув вверх лицевой щиток, он выкрикнул в командный канал:

– Прекратить огонь!

Вторая мишень Сенкевич все еще догорала. На пластике и останках хорьков весело плясало оранжевое пламя. От первого фургона осталась лишь воронка, горящие куски разлетелись по площади, образовав десятки маленьких праздничных костров.

Ковач переключился на общий канал базы Форберри и вклинился в многоголовый шум сигналом Срочности номер один.

– Всему личному составу Флота. Охотники за Головами контролируют окрестности комплекса зданий военного правительства. Не стреляйте. И не высовывайтесь, пока мы не обезопасим район.

Ковач огляделся.

– Ублюдки проникли через акведук, – проворчал Бредли у него за спиной. – И гадать нечего.

Свет из отворившейся двери в штаб службы безопасности ослепил Ковача.

– Ковач! – завопил командор Ситтерсон, темный силуэт с мощным ручным фонарем, за спиной которого маячила тень полковника Хезика. – Что вы делаете? И где...

Энди выставил свою обожженную физиономию из фургона позади Ковача.

– Предатель! – завизжал Ситтерсон на капитана. – Я пристрелю тебя, пусть даже это будет последнее, что я... – тут он задохнулся, увидев, как Ковач поднял к плечу ружье – такова уж была

выучка, никогда не стрелять с бедра, даже если цель всего на расстоянии ствола.

И Ковач не мог нажать курок.

Даже, чтобы спасти свою шкуру. Даже из трезвого расчета.

Даже Ситтерсона.

Услышав первый выстрел. Ковач решил, что кто-то из десантников сделал то, чего не смог он. Когда Ситтерсон повалился вперед, полковник Хезик еще дважды выстрелил в спину командора и прокричал:

– Я на вашей стороне! Не стреляйте! Я не...

Вспышка из автомата Бредли оборвала фразу Хезика так же безоговорочно, как рассеянный заряд разнес грудную клетку полковника.

– Я ошибался по поводу того, как сюда пробирались хорьки, – произнес Бредли в гулкой тишине. – Хезик был предателем, который впустил их, прежде чем прикончить своего босса.

Командир третьего взвода Лисл пробился через своих людей и теперь стоял перед Ковачом.

– Гамма шесть, – сказал Ковач, кивнув, пока вставлял новый магазин в ружье, – грузите и доставьте этот грузовик в док для обработки, как мы планировали.

– Есть, есть, сэр, – ответил Лисл. Бикльмен вновь сидел за рулем. Он завел двигатель, как только услышал приказ. Грузовик. Грузовик вместе с поклажей тронулся, пока десантники продолжали на ходу прыгать через борт.

– Альфа шесть, – скомандовал Ковач на командной частоте, – проверьте бульвар к югу. Возможно, больше бандитов нет, но я не люблю сюрпризов, Бета шесть, распределите людей и проверьте грузовики, которые мы накрыли. И смотрите в оба!

Прогремела длинная автоматная очередь, но она была выпущена из барачков просто в воздух. В пустоту, кто-то, в чью комнату попала халианская ракета, остался жив и теперь добавлял суматохи.

– Охотники за Головами, всему составу Флота! – проревел Ковач. – Прекратите пальбу или мы сами ее прекратим.

Все серьезные проблемы были уже позади. Ковач сомневался, что он когда-нибудь сможет рассказать, как все было на самом деле. Разве что Тоби Инглишу за кружкой пива.

Но это не имеет значения.

Имело значение то, что ему не нужно было признаваться, даже самому себе в серые предрасветные часы, что он убил тринадцать гражданских, дабы скрыть просчет какого-то там чинуши.